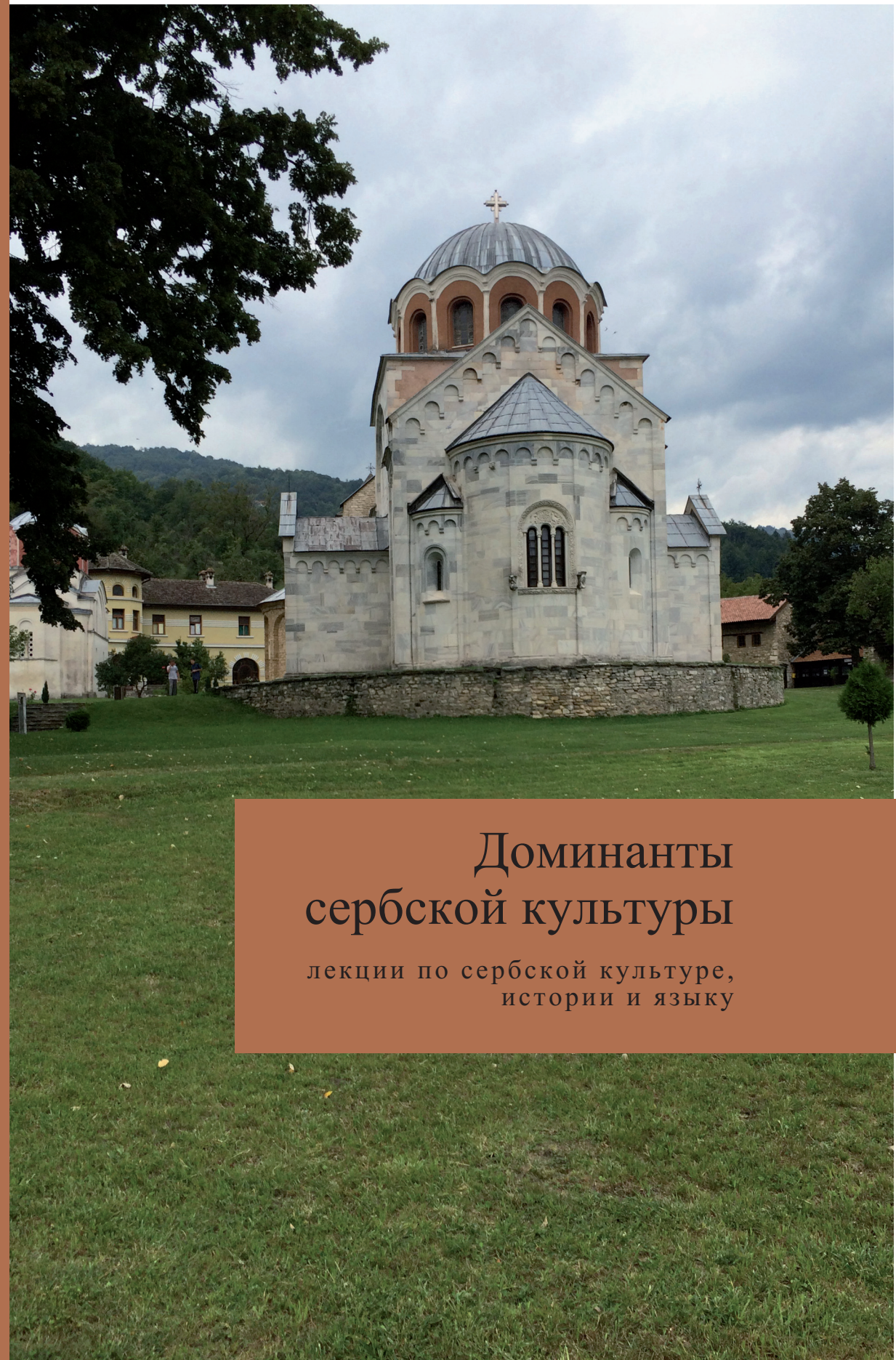

Доминанты сербской культуры ● лекции по сербской культуре, истории и языку

Доминанты сербской культуры

лекции по сербской культуре,
истории и языку

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. ЛОМОНОСОВА

Филологический факультет

Доминанты сербской культуры

*лекции по сербской культуре,
истории и языку*

Москва – 2023

УДК 811.163.4
ББК 81.2Сер-3
Я49

<https://elibrary.ru/vphcqf>

*Публикуется по постановлению редакционно-издательского отдела
филологического факультета Московского государственного
университета имени М.В. Ломоносова*

Рецензенты:

Г.П. Тыртова – кандидат филологических наук, доцент,
кандидат филологических наук, доцент (МГУ имени М.В. Ломоносова);

Г.П. Пилипенко – кандидат филологических наук
(Институт славяноведения РАН)

Издание осуществлено при поддержке
Фонда Святого Монастыря Хиландар

Я49 **Доминанты сербской культуры: лекции по сербской
культуре, истории и языку / под редакцией Е.И. Якуш-
киной.** – Москва : МАКС Пресс, 2023. – 320 с.

ISBN 978-5-317-07022-9

<https://doi.org/10.29003/m3464.978-5-317-07022-9>

Сборник включает лекции российских и сербских ученых, прочитанные в рамках научно-практического семинара «Школа сербистики» (2019–2021 гг.). В лекциях рассматриваются доминанты сербской культуры, то есть ее существенные особенности и пути исторического развития. Большое место в книге уделено взаимоотношениям Сербии и России.

Книга предназначена для филологов, историков, культурологов и для всех, интересующихся сербским языком и культурой.

Ключевые слова: Сербия, сербская культура, сербский язык, сербская история, русско-сербские связи.

УДК 811.163.4

ББК 81.2Сер-3

ISBN 978-5-317-07022-9

© Авторский коллектив, 2023

© Оформление. ООО «МАКС Пресс», 2023

Содержание

О доминантах сербской культуры.....	4
I. Средневековая сербская культура	
<i>В. Савич.</i> Монастырь Хиландар и собрание сербских грамот.....	9
II. Сербско-русские связи	
<i>А.А. Турилов.</i> Сербско-русские культурные связи в XII–XIII вв.	41
<i>А.А. Турилов.</i> Сербско-русские культурные связи XV–XVI вв.	57
<i>А.А. Турилов.</i> Культурные связи Сербии с Московской и Литовской Русью в XV–XVI вв.	71
<i>Д. Грбич.</i> Культурные связи сербского народа и Российской империи в XVIII в.	85
<i>К.В. Мельчакова.</i> Политика России в османских провинциях Боснии и Герцеговине.....	111
<i>Л.В. Кузьмичева.</i> Сербия между Востоком и Западом. Проблемы выбора пути в период становления независимого государства в XIX — начале XX в.	142
III. Сербь в Австрии	
<i>А.М. Дронов.</i> Военная граница: жизнь сербов под властью Габсбургов (XVI–XIX вв.).....	163
<i>Р. Драгичевич.</i> Исторические словари сербского языка как источник для исследования национальной картины мира сербского народа.....	180
IV. Сербская народная культура	
<i>Д. Црняк.</i> Календарные обычаи боснийских сербов	219
V. Сербская культура в зеркале языка	
<i>Р. Драгичевич.</i> Лексика сербского языка в прошлом и настоящем.....	255
<i>Р. Драгичевич.</i> Лингвокультурологическое исследование русской и сербской картин мира.....	274
<i>С. Милорадович.</i> Лингвистическая география в Сербии.....	296

О доминантах сербской культуры

В 2019 г. при поддержке Небойши Янковича был начат международный проект «Научно-практическая школа сербистики “Доминанты сербской культуры”» (<https://serb.philol.msu.ru>). Его организаторами выступили филологический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Институт лингвистических исследований РАН, Институт славяноведения РАН и филологический факультет Белградского университета. По замыслу организаторов школа должна была объединить исследователей разных поколений в области сербского языка, литературы, истории и искусствоведения и способствовать выявлению и обобщающему описанию главных мотивов сербской культуры. В соответствии с этой целью школе было дано название «Доминанты сербской культуры». Термин «доминанта» по отношению к культуре был заимствован из книги «Основы лингвокультурной антропогеографии Балканского полуострова» А.Н. Соболева (СПб., München, 2013).

Настоящий сборник включает лекции (к сожалению, не все) российских и сербских ученых, прочитанные на трех школах сербистики, состоявшихся на момент начала подготовки издания (8–13 ноября 2019 г., Красновидово; 6–10 ноября 2020 г., онлайн; 6–7 ноября 2021 г., онлайн). Часть текстов представляет собой транскрипты выступлений лекторов, а часть — статьи, написанные лекторами по итогам лекций. Лекции объединены в несколько тематических и проблемных блоков, согласно тем мотивам и характеристикам сербской культуры, которые в этих блоках раскрываются, — «Средневековая сербская культура», «Русско-сербские связи», «Сербы в Австрии», «Сербская народная культура» и «Сербская культура в зеркале языке». Каждому из этих блоков соответствует определенная культурная доминанта.

Сборник открывается разделом, посвященным культурному наследию сербского средневековья. **Историческая** составляющая и исключительно высокая аксиологическая оценка средневекового

прошлого играют очень важную роль в сербской культуре. Это связано с тем, что в Средние века Сербия пережила небывалый расцвет культуры, который начался с деятельности Стефана Немани (преп. Симеона Мироточивого) и архиепископа Саввы (св. Саввы Сербского) и закончился Косовской битвой. На смену этому периоду пришел период порабощения сербов османами, в котором сербская культура и идентичность сохранялись, во многом, благодаря историческим преданиям. Этому периоду истории сербской культуры посвящены лекции Виктора Савича и Анатолия Аркадьевича Турилова (хотя лекция А.А. Турилова и помещена в другой раздел). В лекции В. Савича рассказывается о возникновении важнейшего объекта сербской культуры — монастыря Хиландара и традиции составления грамот в средневековой Сербии.

Второму разделу сборника соответствует вторая доминанта сербской культуры — **связь с Россией**. Не случайно этой теме в рамках школы было посвящено несколько лекций, которые позволяют проследить, как развивались и менялись отношения Сербии и России на протяжении истории, начиная со Средневековья и до конца XIX в. Большинство лекций в этом разделе носят исторический характер и были прочитаны российскими историками Анатолием Аркадьевичем Туриловым, Людмилой Васильевной Кузьмичевой, Ксенией Валерьевной Мельчаковой и сербским литературоведом Драганой Грбич.

Следующей важной характеристикой сербской культуры является ее комплексность, обусловленная принадлежностью Сербии двум империям — Австрийской и Османской, **западу и востоку**. Вследствие разделения сербского народа между двумя государствами в сербской культуре оформилось два направления: западно-европейское, связанное с сильным немецким влиянием, и традиционное, в формировании которого большую роль сыграла турецкая культура. Жизни сербов в империи Габсбургов посвящены историческая лекция Александра Михайловича Дронова «Военная граница: жизнь сербов под властью Габсбургов в XVI–XIX вв.», освещающая организацию и быт сербов, находившихся на австрийской службе, и лингвистическая лекция Райны Драгичевич «Исторические словари сербского языка как источник для исследования развития национальной картины мира сербского народа», в которой на материале словарей XVIII в. жизнь сербов

на венгерских территориях ярко сопоставляется с жизнью сербов в турецких землях.

Среди доминант сербской культуры нужно отметить ее преобладающий **традиционный** характер, связанный с долгим отсутствием в сербском обществе элиты. Традиции, как и историческое предание и родной язык, выполняли роль консолидирующего элемента, сплавивавшего сербский народ в эпоху иноземных завоеваний и давления чужих культур и жизни на поле практически постоянной битвы за свою независимость. С этим связаны следующие мысли деятелей сербской культуры: «Каждый честный человек не расстается со своим языком и со своими обычаями» (Исидора Секулич «Госпожа Нола»); «Это была память о прекрасных традициях моего народа; чувство, что я эти традиции глубоко уважаю, восхищаюсь ими, люблю всем сердцем. Что мою душу наполняют позитивные моральные ценности преданий моего народа, его моральная философия» (Михайло Пупин «От пастуха до ученого»). Верность традициям как важнейшая черта сербского национально-го сознания проявляется и в том, что до сих пор в народной жизни большую роль играют **календарные обычаи**, которым посвящена лекция Дияны Црняк.

В продолжение мысли И. Секулич о том, что **язык** — это одна из основ сербской национальной идентичности, заключительный раздел сборника был озаглавлен «Сербская культура в зеркале языка». В него вошли лингвистические лекции Райны Драгичевич и Софии Милорадович. Лекции Р. Драгичевич посвящены описанию того, какие особенности сербской культуры отражает язык и как мы можем извлечь из языка информацию об этих особенностях. В лекции С. Милорадович рассматриваются достижения сербской лингвистической географии — дисциплины, изучающей диалектный язык в его территориальном варьировании.

Надеемся, что этот сборник найдет своего читателя не только среди специалистов, но и среди всех интересующихся сербской культурой, и сердечно благодарим всех авторов, предоставивших лекции для настоящего сборника, переводчиков, осуществивших их перевод с сербского языка, и расшифровщиков лекций.

Е.И. Якушкина

I. Средневековая сербская культура

В. Савич
Белградский университет,
Институт сербского языка САНИ

Монастырь Хиландар и собрание сербских грамот

Остановимся вначале на том, что деятельность св. Саввы, основателя особой сербской христоцентричной культуры во многом связана с русскими монахами, представителями славянской духовности на Афоне — монашеском микрокосмосе в центре Восточной Римской империи, которая чаще называется Византией¹. Агиографы св. Саввы сходным образом изображают встречу сем-

¹ Литература о Святой горе Афон и монастыре Хиландаре на данный момент очень обширна, и число книг на данную тему постоянно растет. Поскольку Хиландару посвящено много работ, существует и библиография, в которой эта литература описана (*Мелцер Б.* Манастир Хиландар. Библиографија. Ниш; Косовска Митровица; Колумбус (Охајо); Београд, 2003). Читателям я бы особенно порекомендовал следующие работы сербских авторов: *Живојиновић М.* Историја Хиландара. Књ. I. Од оснивања манастира 1198. до 1335. године. Београд: Просвета, 1998; *Папахрисанту Д.* Атонско монаштво. Почети и организација. [Второе издание] (с грчког превео Станимир Јакшић). Београд: Друштво пријатеља Свете Горе Атонске, 2003 [1992]; *Панајотис Х.* Света Гора Атонска. Историја, живот, блага. [Второе издание] (с енглеског превео Владета Јанковић). Београд: Друштво пријатеља Свете Горе Атонске, Задужбина Светог манастира Хиландара, 2009 [1994]; *Спик Г.* Света Гора. Обнова у рају. [Третье издание] (с енглеског превео Владета Јанковић). Београд: Друштво пријатеља Свете Горе Атонске, Задужбина Светог манастира Хиландара, 2016 [2002]; *Јанковић В.* Увођење у Хиландар. Београд: Друштво пријатеља Свете Горе Атонске, Задужбина Светог манастира Хиландара, 2019; Хиландарски зборник, бр. 1–15, Београд: Хиландарски одбор САНУ, 1966–2021; Казивања о Светој Гори, бр. 1–10, Београд: Просвета, Друштво пријатеља Свете Горе Атонске, Византолошки институт САНУ, 1995–2007 (бр. 1–5), Друштво пријатеља Свете Горе Атонске, Задужбина Светог манастира Хиландара, 2010–2023 (бр. 6–11).

надцатилетнего Растко, младшего сына великого жупана Стефана Немани, с неизвестным святогорским черноризцем, монахом, который пробудил в нем желание поселиться среди отшельников на Святой горе Афон, одной из святых гор восточной вселенной². Сказав родителям, что отправляется на охоту, Растко бежал в упомянутую монашескую обитель, восклицая: «Господи! возлюбих благолепие дома Твоего и место селения славы Твоея» (Пс 25:8). Позже об этих словах, ставших девизом св. Саввы, напишет Доментиан в житии святого³. Над порталом перед наосом Богородичной церкви в Студенице написаны почти аналогичные слова, которые являются переработанной цитатой из того же псалма. Эта надпись находится там с тех времен, когда монастырь был распisan (1208–1209) под руководством монаха Саввы, который позже стал известен как св. Савва Сербский. Стоит отметить, что свой первый важный духовный опыт Растко приобрел в двух местах: в монастыре Стари-Рас в Петровой церкви (самая древняя сербская церковь IX в.; после окончания строительства во второй половине X в. в ней разместили епископскую кафедру) и в монастыре Святого Георгия (Джурджеви-Ступови), основанном в 1171 г. (роспись и строительство монастыря были завершены приблизительно в то время, когда св. Савва появился на свет, в 1175 г.). Однако отправной точкой приобретения духовного опыта может считаться начало строительства Стефаном Неманей монастыря Студеница в 1186 г. Юный Растко, без сомнения, был свидетелем строительных работ в этом монастыре (кафоликон был завершен после его отъезда из Сербии, в 1194–1195 гг., окончательно же монастырь был построен еще до начала 1196 г.).

Растко принял первый постриг в русском монастыре Старый Русик, в старинной монастырской башне (*велики тург*), сохранившейся

² *Доментијан. Живот Светога Саве // Живот Светога Саве и Живот Светога Симеона. Превод Лазар Мирковић. Стара српска књижевност у 24 књиге. Књ. 4. Београд: Просвета, Српска књижевна задруга, 1988. С. 58. Феодосий уточняет, что один из святогорцев, пришедших просить [материальной] помощи у сербского правителя, «был родом русский» (*Теодосије. Живот Светога Саве // Житија. Данашња језичка верзија. Лазар Мирковић, Димитрије Богдановић. Стара српска књижевност у 24 књиге. Књ. 5/1. Београд: Просвета, Српска књижевна задруга, 1988. С. 105*).*

³ *Доментијан. Живот Светога Саве. С. 59.*

до сих пор; позже русская обитель переместилась на побережье. В литературе это событие датируется осенью 1191 г. О прибытии преследователей Растко и последовавших драматических событиях пишут Доментиан и немного подробнее Феодосий⁴. С первым постригом Растко стал иноком, а во время второго по-

*Башня Старого Русика,
отреставрированная в 2014 г.*

стрига, после перехода в монастырь Ватопед, игумен Феостирикт дал ему имя Савва в память о подвижнике V–VI вв., одном из самых известных древних монахов, основателе великой лавры (Мар-Саба) в каменистой пустыне недалеко от Иерусалима. Осенью 1197 г., вскоре после принятия монашеского пострига в Сербии, в Ватопеде к Савве присоединился монах Симеон (Стефан Неманя). В Ватопеде как вторые ктиторы монастыря они вместе занимались крупными восстановительными и строительными работами, представляя, что останутся там на жительство до смерти. Симеон и Савва одарили золотом и множеством других драгоценностей и прочие афонские монастыри и стали их вторыми ктиторами. Вокруг них собралось большое число афонских монахов разных национальностей. Все были удивлены тем, что правитель государства и его младший сын отказались от мирской жизни и отправились на чужбину ради собственного спасения и спасения своего рода. Во время путешествия по Святой Горе они обратили внимание на разрушенный монастырь Хиландар и немедленно предприняли действия, чтобы получить разрешение от византийского царя Алексия III, приходившегося им родственником, а именно тестем Стефана Немани, на то, чтобы этот монастырский комплекс, находившийся под императорской защитой, после восстановления перешел бы к Ватопеду и чтобы там разместились сербские монахи и приближенные Симеона. Поскольку на Афоне были монастыри и других

⁴ *Доментијан. Живот Светога Саве. С. 60–61; Теодосије. Живот Светога Саве. С. 108–115.*

народов, из которых в документах упоминаются только грузины и амальфийцы, появилась идея, что и сербам было бы душевно и полезно основать свой собственный монастырь. Вероятно, главная причина заключалась в том, что святогорский прот Герасим и игумены небольших монастырей были против слияния маленьких монастырей с большими, поскольку они видели в этом постоянную угрозу их выживанию, а также нарушение установленного равновесия. Савва и Симеон снова должны были совершить путешествие по Святой Горе. На этот раз Симеон уже совсем обессилел, поэтому его переносили на носилках, растянутых между двумя лошадьми, — последние жизненные силы Симеон отдал на строительство монастыря для своего народа. В июне 1198 г. император подготавливает второй официальный указ, скрепленный золотой печатью, в котором отменяет предыдущий (сохранился оригинал этой грамоты на хорошей и тонкой бомбицине) со словами: «Мое царство (*βασίλεια μου*) вручает преподобным монахам, бывшему великому жупану господину Симеону и его сыну господину Савве, эту запечатанную золотом грамоту, которая полностью отменяет ранее изданную царскую грамоту с золотой печатью [...], и те же самые монастыри, то есть Хиландар и те, что находятся в окрестностях Милеи, удастаиваются полной свободы и передаются во власть и управление неоднократно упомянутым монахам, бывшему великому жупану господину Симеону и его сыну господину Савве, и это дает им свободу в том, чтобы устроить там все так, как они хотят, и превратить эти монастыри в один, который будет служить местом жительства тем представителям сербского народа, которые решат принять монашеский постриг, а также этот монастырь никому не будет подчиняться, ни афонскому проту, ни игумену Ватопеда, он будет самостоятельный, своевластный и самоуправляемый, подобно афонским монастырям — Иверскому и Амальфийскому, которые сами собой управляют»⁵. Весной 1199 г. Савва снова отправился к императору, подтвердившему и увеличившему привилегии сербского монастыря, добавив к нему по инициативе Саввы еще один заброшенный монастырь (Зигу), принадлежавший императору (сигиллион с золотой печатью от июня

⁵ *Баришић Ф.* Преводи грчких повеља о оснивању српског Хиландара // Књижевност. Бр. 8–9. 1986. С. 1221–1222.

1199 г., оригинал сохранился), и, таким образом, император Алексей III стал ктитором Хиландара. Сербский Хиландар, в конечном счете, был создан как императорский монастырь, что принесло ему исключительный статус, прежде всего независимость от прота или от кого-либо еще, а также свободу в выборе и утверждении игумена. Основание монастыря завершено Хиландарским типиконом, в двенадцатой главе которого монах Савва подтвердил и расширил эти свободы, на что он имел право как ктитор, и, таким образом, освободил монастырь даже от юрисдикции императора, оставив его только под властью Пресвятой Богородицы Наставницы и игумена (итог автономии). Только хиландарский игумен из всех игуменов императорских монастырей был освобожден от обязательства идти к императору для личной интронизации, все завершилось в монастыре пред Богородицей, где скипетр, подаренный императором, символизировал самого василевса. Когда Симеон и Савва убедились, что строительство сербского монастыря идет благополучно, они немедленно призвали Стефана Неманича, великого жупана, принять участие в строительстве и всех материальных потребностях, чтобы обеспечить его ктиторство и ктиторство всех его потомков: чтобы он был «твой, и детей твоих и внуков, и вашего рода во веки веков». Таким образом, Неманичи в течение следующих двух столетий особенно заботились о монастыре, это попечение продолжали и их потомки от побочных линий. Основание монастыря сопровождалось написанием целого ряда документов инвентарного характера. Но со времен Средневековья, кроме двух императорских грамот в нескольких списках, сохранилась учредительная грамота Симеона и вторая учредительная грамота Стефана, а также монастырский типикон монаха Саввы. Вполне вероятно, что была также учредительная грамота Саввы, так как на нее ссылается сам Савва в типиконе, но она не сохранилась.

Следует отметить, что сразу же по завершении основных работ по возведению монастыря Савва построил на купленной земле в центре Карееи келью в честь святого Саввы Иерусалимского, в которой он поселился для подвижнической жизни. Келья была завершена и приспособлена для жизни уже в 1199 г. Она навсегда останется в духовном единстве с монастырем, хотя эти два места будут независимы друг от друга. Эта связь основывалась на обязательстве монастыря выбирать насельников кельи (*испостници*),

Хиландар, вид с севера

которые при этом остаются членами хиландарского братства, занимающая высокое место в иерархии монастыря.

Во время строительства сербского Хиландара в его владение вошли многочисленные старые монастыри и кельи, опустевшие в течение XII и предшествовавшего столетия. Савва построил новую церковь на руинах старой и пожертвовал ей книги, священные сосуды, иконы, облачения и церковные завесы. Затем вокруг церкви возвели стены или, как раньше говорили, *град* (крепость), также были построены и другие объекты. Окончательно строительство закончилось в 1198–1199 гг., а к середине 1198 г. Симеон перешел сюда из Ватопеда. Первым игуменом стал Мефодий. Симеон прожил в Хиландаре около восьми месяцев и умер 13 февраля 1199 г. На его похоронах присутствовали монахи со всей Святой Горы: греки, иверы, русские, болгары и сербы. В литературе особенно выделяется торжественность первого поминовения Симеона, 13 февраля 1200 г., когда его тело стало источать миро и подтвердилась его святость в присутствии прота и многочисленных афонских монахов, приглашенных Саввой. Симеон был провозглашен Симеоном Мироточивым (*Нови Мироточац*), а Савве было поручено написать житие и службу святому. Так

было положено начало духовной и художественной оригинальной сербской литературе. После того как во время латинской оккупации Святой Горы Савва отправился в Сербию с мощами своего отца, при первом поминании в Студенице перед новой гробницей 13 февраля 1208 г. (или годом или несколькими годами позже) новое чудо еще более укрепило почитание преподобного Симеона Мироточивого⁶. Таким образом, еще до провозглашения королевства и учреждения архиепископии сербское государство встало в один ряд вместе с другими христианскими государствами, у которых были свои небесные покровители. И без непосредственного присутствия Восточной империи, тогда побежденной, разделенной на части и оттесненной в Малую Азию, сербское государство оказалось прочно связано с восточнохристианской духовной сферой. Долгий процесс, символически начатый вторым крещением молодого Немани в Расе, закончился здесь, именно так, как говорит о нем святой Савва в житии. Сербский монастырь приобрел на Афоне исключительную репутацию, поэтому его представитель со временем оказался среди постоянных членов Протата, т. е. органа управления монашеской республики. Начиная с типикона Антония 1394 г., Хиландар занимает четвертое место, а это означает, что каждый пятый год серб становится протом Святой Горы и по сей день⁷. В турецкий период хиландарский представитель даже подписывался третьим после представителей Лавры и Ватопеда. После двух великих переселений (1690, 1739) и перенесенных сербским народом бед, как под османским игом, так и во время постоянных австро-турецких войн число сербских монахов сократилось, поэтому в XVIII в. болгары, несмотря на положения учредительных документов, временно заняли монастырь, который был возвращен сербам только в конце

⁶ Это произошло после перенесения мощей преп. Симеона в Сербию, в 1207 г. (*Максимовић Љ.* О години преноса Немањиних моштију у Србију // Зборник радова Византолошког института. 24–25. 1986. С. 437–442; *Трифуновић Ђ.* О настанку списка светог Саве у светлости неких агиолошких појединости // Богословље. XXXI (XLV). 1987. № 1. С. 66–69).

⁷ Большинство исторических данных, представленных здесь, неоднократно сообщались в литературе, но также их можно найти в книге: *Живојиновић М.* Историја Хиландара. Књ. I. Од оснивања манастира 1198. до 1335. године. Београд: Просвета, 1998. С. 47–84.

XIX в.⁸. Сегодня Хиландар по земельным владениям на полуострове следует сразу же после самого древнего монастыря — Великой Лавры, и ему принадлежит более 20% всех афонских территорий, преимущественно обеспеченных в Средние века стараниями сербских правителей династии Неманичей и их преемников.

Древняя связь между Хиландаром и Ватопедом проявляется в монастырских престольных праздниках: Хиландар празднует Введение Пресвятой Богородицы, а Ватопед — Благовещение. В эти праздники игумен одного монастыря берет на себя обязанности главного служителя в другом монастыре и наоборот. Это символический остаток единства, о котором говорят источники: когда ватопедские монахи увидели, как продвигается строительство Хиландара, то испугались, что они потеряют Симеона и Савву навсегда, и предложили, чтобы Ватопед и Хиландар были одним учреждением, а также чтобы «святой господин Савва был обоим одним отцом».

Грамота монаха Симеона второй половины 1198 г. (до начала 1199 г.), без сомнения, является одним из важнейших документов в культурной истории сербского народа⁹. Вводная часть этой грамоты очень важна. Сначала Симеон рисует идеализированную картину распределения власти в XII в.: «Тем же, братия, премилостивый Бог устанавливает греков императорами, а венгров — королями, и каждого наделив языком, и закон дав, и нравы установив, владык над ними по нраву и по закону расставил своею премудростию». Затем он рассказывает о месте своей династии во главе сербского государства, о своем титуле великого жупана, о двойном имени при крещении и о возрождении своего отечества: «И я восстановил свое наследство (*дедину*) и укрепил его, с Божией помощью и своей мудростью, данной мне от Бога, и возродил погибшее свое

⁸ О ситуации и образе жизни в монастыре в начале XX в. говорится в книге: *Игуман Методије (Миловановић)*. Живот у манастиру Хиландару. Т. I. Шабац, 1908; *Игуман Методије (Миловановић)*. Живот у српској царској лаври Хиландару на Светој Гори. Т. II и III. Београд, 1908, 1909.

⁹ Издание: *Трифунковић Ђ., Бјелогрић В., Брајовић И.* Хиландарска оснивачка повеља светог Симеона и светог Саве // Осам векова Студенице. Зборник радова. Београд, 1986. С. 49–60.

наследство». Все дальнейшее повествование имеет автобиографический характер: соответственно перечисляются все государственные успехи, отречение от престола и передача власти сыну Стефану благословением Исаака, монашеский постриг, оставление родины и отъезд на Святую Гору, строительство Хиландара, богатые дары монастырю, среди прочего и девять деревень в окрестностях Призрена. Оригинал этой грамоты был передан вместе с Мировославовым Евангелием королю Александру Обреновичу во время его визита в монастырь в 1896 г. Документ, к сожалению, исчез осенью 1915 г. вместе с десятками других рукописей, которые поместили в два металлических ящика и приготовили для эвакуации в числе государственных ценностей с железнодорожного вокзала в начале австро-венгерской оккупации Сербии; много лет спустя некоторые рукописи были найдены и выкуплены, но эту грамоту так и не удалось найти. Сохранился ее достоверный рисунок, сделанный Димитрием Аврамовичем, а также несколько выцветших фотографий.

Грамота избранного преемника, великого жупана и севастократора Стефана, была издана 29 сентября 1200/1201 г.¹⁰ В ней в значительной степени повторяется содержание грамоты Симеона, т. е. самые важные моменты его жизни, а затем подчеркивается, что Стефан также был удостоен того, чтобы быть хиландарским ктитором. Эта грамота, после грамоты Симеона, занимает второе место по общей значимости среди сербских грамот. Сегодня же она отмечена первым номером в архиве монастыря (АХС 1, А 1/1).

Мы кратко представим результаты одного из наших исследований, посвященных сравнительному анализу этих двух старейших грамот, написанных преимущественно на церковнославянском языке сербской редакции. Принципиальное значение имеет факт (установленный Йосипом Враной (1955), подтвержденный Петром Джорджичем (1971)), что сербский писец Первой учредительной грамоты монастыря Хиландара — это тот же самый писец, который подписал латинский договор с Дубровником 1186 г. именем великого жупана [Стефана Немани] и князя Мирослава. Из этого следует вывод, что у Немани был личный писец, которого он взял с со-

¹⁰ Издание: *Соловьев А.* Хиландарска повеља великог жупана Стефана (Првовенчаног) из године 1200–1202 // Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор. Бр. V. Београд, 1925. С. 62–89.

бой на Святую Гору, чтобы тот продолжил вести его канцелярию. Отправляясь в монашескую пустынь, он не переставал быть государственным деятелем или, лучше сказать, духовным попечителем своей отчины. Грамоты Симеона и Стефана значительно различаются по орфографии и языку достаточно заметными чертами. В этих текстах можно выделить отдельные хронологические слои, так что и на лексическом уровне, который является самым ярким, можно говорить о противопоставленных лексических системах, присущих двум разным личностям. Если учесть более широкий корпус Стефана, его авторство Второй хиландарской учредительной грамоты не вызывает сомнений, что доказывается сравнением ее с другими текстами Стефана и текстами Саввы. В качестве основной проблемы встает вопрос об авторстве грамоты Симеона, так как у нас нет других сочинений Симеона для того, чтобы провести сравнительный анализ. Если мы признаем авторство текстов Стефана и Саввы, то нет причин отрицать авторство текста их отца, Немани, хотя он, скорее, мог бы быть автором в более молодом возрасте. В период издания Первой учредительной грамоты Симеон был уже очень стар. Он сохранил стойкость духа, но не мог уже сидеть и писать самостоятельно первую редакцию текста, так называемый авторский черновик. Вспомним, как его переносили на носилках, растянутых между лошадьми в первые месяцы 1198 г., в то время как грамота была написана во второй половине того же года или в самом начале 1199 г., в год смерти. Хотя априорно считается, что Савва также участвовал в работе над грамотой, в самом документе это нигде не упомянуто, а тонкий анализ микроконтекстов и лексико-семантических вариаций доказывает, что основную работу над текстом провел человек, принадлежавший к более старшему языковому поколению, чем Стефан и Савва. Этим человеком, прежде всего, должен быть упомянутый писец, письмоводитель, имя которого неизвестно, хотя его языковой стиль нельзя отличить от стиля самого Симеона [Немани], с которым он работал на протяжении многих лет, и в тесном сотрудничестве с Неманей формировал вербально-языковой образ правителя. Если бы даже и сохранился еще какой-нибудь документ Немани, в общественной, официальной коммуникации, между текстом Немани и его письмоводителя нельзя было бы ожидать больших стилистических различий, точнее, их трудно было бы обнаружить.

С точки зрения произношения, есть некоторые элементы, которые позволяют отнести Неманю и его сыновей к более старому хронологическому периоду, в чем-то отличающемуся от того, который будет присутствовать в эпоху зрелого государства Неманичей при главенствовании в письменности и, в целом, во всей культуре так называемой рашской школы. В обеих грамотах апеллатив *кръстиѣнинъ* дан в старой фонетической адаптации, как в старославянский период: изначально *к-* указывало на корреляцию с латинским, а не с греческим произношением¹¹. Это связано с тем, что значительная часть первичного старославянского лексического фонда была сформирована в латинской языковой и культурной традиции, которую Кирилл и Мефодий восприняли в начале своей миссии в Центральной Европе, а что-то возникло в ходе их дальнейшей работы, поскольку она проходила под юрисдикцией Западной Церкви¹². У Симеона и Стефана форма была засвидетельствована в прилагательном в словосочетании *миръ крѣстиѣнскы*. С другой стороны, Савва в греческом договоре о покупке виноградника для Карейской кельи подписывается словами: *всѣхъ правокръннихъ крѣстьянъ мол(ь)бникъ*. Только в период грецизации литературного языка при Милутине (1282–1321), когда сербский язык становится восприимчивым к греческим влияниям и когда, помимо постоянных контактов на Афоне, сербско-греческие культурные контакты укрепляются присоединением больших ромейских территорий к сербскому государству (в основном, это современная Северная Македония), мы получаем форму *христиѣнинъ*, из которой при пересмотре народного произношения в корневой части слова развивается современное слово *хришћанин*. *Крстјани* в средневековой Боснии, т. е. позднее *крићани*-католики не являются чем-то исключительным с точки зрения истории языка. Так, в перечне топонимов в одной дарственной грамоте из ризницы монастыря Хиландар, сохранившейся в списке времен Милутина, засвидетельствовано название *Пећ архипискупова* (с выпадением начального безударного гласного звука в слове в основной апел-

¹¹ Лома А. Ковиље, Кобиље, Арханђео Михаило и Свети Никола // Глас САНУ. Бр. 429. Одељење језика и књижевности, бр. 31. Београд, 2019. С. 54–55.

¹² См. Etymologický slovník jazyka staroslovenského. Sv. 6. Praha, 1996. s. v. *krъstijanjъ*.

лятивной форме, *пискуп* вместо *епискуп*). Это не ошибка (некоторые ранние издатели исправляли ее), а реальная форма, характерная для эпохи Стефана Немани и его первых преемников. Та же форма засвидетельствована во Второй Жичской грамоте, изданной немного позднее основания Жичской архиепископии в 1221–1224 гг.: и пискѡпнѣ {и} нгѡмненіе, {Ѧ ннѣ}мь пискоупниамь ке сѡ доше жѡпе, {нѣ вьсе то пискѡпъ да ѡземле, или гдѣ нидь сѡ села подь конци пискѡпниамн, да не нидаютъ} надь ниди ник(о)ере области пискѡпнѣ; присутствует она даже в очень позднем списке Студеницкого типикона св. Саввы: и с(в)е(т)оу ю набедрьницю · сам[ь] п(и)с(ко)упъ съ бл(а)го(с)ло(в)леніемъ · да навѣшаетъ слоу на лѣвѡу бѣдрѡ, и на крышке реликвария с подписью св. Саввы. Таким образом, Савва сперва подписывался как *крстјан(ом) молабник*, а потом как *архипискуп српски*.

При составлении своего документа Стефан Неманич позаимствовал из отцовского документа целые мысли и предложения (транспозиция текста), но действовал так же, как все продолжатели и наследники. То же самое мы увидим, например, в грамоте Милутина монастырю Святого Георгия в Скопье, которая составлена на основании болгарских грамот, из которых хорошо известна грамота царя Константина Тиха. Там, где Стефану нужно было дополнить или изменить исходный текст, он действовал самостоятельно, т. е. делал иной лексический выбор. В грамоте Симеона написано: Искони створи б(о)гъ н(е)бо и землю · и чл(о)в(ѣ)кы на нем. Стефан расширяет утверждение с помощью союза «когда», которого вообще нет у Симеона: Иѡлмаже искони створи б(о)гъ н(е)бо и землю и чл(о)в(ѣ)кѣ на нѣи. Дополнительное доказательство того, что эта черта принадлежит именно Стефану, мы видим ниже в тексте: Иѡлмаже вѣщавають писаниѣ, во фрагменте, который полностью отсутствует в грамоте Симеона. Проанализировав и систематизировав эти различия, можно увидеть, что некоторые из них вызваны только словообразовательной вариацией, в то время как другие продиктованы настоящей лексической дублетностью, в функциональном же смысле все эти примеры являются текстологическими дублетами. Есть и другие примеры — тихость : тишина ‘внешний мир’; по(о)щравати ‘подталкивать, советовать’ : ноудити ‘принуждать, заставлять’; вькытень ‘засчитанный, включенный’ : причтень ‘причтенный’ и т. д.

Кроме примеров, которые определяют отношения между Симеоном и Стефаном, существуют также такие, которые распро-

страняются и на молодого Савву. Лексические инновации, неизвестные Симеону и общие для Стефана и Саввы, свидетельствуют о том, что они принадлежат одному поколению, точнее, близким поколениям, поскольку Стефан намного старше Саввы (Стефан родился около 1166 г., таким образом, он старше Саввы почти на десять лет). Эта связь может быть подкреплена тем, что Стефан и Савва получили одинаковое образование в семье, которым, конечно, не занимался непосредственно Неманя, а кто-то другой, которому оно было доверено как серьезное государственное задание¹³.

Большая часть сербского средневекового архива Хиландара представляет собой монастырские дарственные грамоты. Это четко определенный жанр из области партикулярного права, в котором однородная диглоссия проявляется уже в первом документе в виде дополнительной дистрибуции церковнославянского и древнесербского языков. Церковнославянский язык сербской редакции является обязательным в большей части документа, особенно в богословском введении, а древнесербский, т. е. древний сербский народный язык, может появиться в центральной, правовой, части грамоты. При рассмотрении хиландарского фонда мы все время должны помнить о существовании дипломатического формуляра, представлявшего собой шаблон, который варьировался в зависимости от эпохи и канцелярии составителя текста. С XIII в., без сомнения, можно говорить об относительно сформированном дискурсе, и поэтому определенная лексика в четко ограниченных частях текстовой структуры появляется с высокой степенью предсказуемости.

В так называемом протоколе привлекает внимание интитуляция, которая со временем становилась все более развитой. В ней следуют друг за другом титулы и названия государственного устройства, официальные названия государственных единиц или всего государства, а также с меньшей степенью разнообразия и терминология родственных связей.

¹³ Более подробно о сравнительном анализе первых двух хиландарских грамот смотрите в работе: *Савић В.* Из лексике Стефана Првовенчаног // Стефан Првовенчани и његово доба. Београд: Историјски институт, 2020. С. 447–464.

Пример: Стефанъ оурош(ь) в'торын. ѡт[ь] племєне же крал(ь) и самодр'жьць все срьб(ь)скинїе и помор(ь)скинїе зем'лкє. прав'ноукъ с(вє)т(а)го симєона неманїє. и в'ноукъ пр'вовѣн'чанаго крал(а) стефан(а) симона монах(а). с(ы)нь же стефана крал(а) оуроша сїмона монах(а). *Грамота пиргу Хрусия короля Милутина, 1313–1316 г., АХС 139/141 (свиток 2).*

У значительной части таких грамот есть аренга (преамбула). Существует большое разнообразие аренг, однако можно выделить несколько основных тематических направлений: это Бог, Христос и Богородица, с возможной похвалой и отдельным святым, но обычно это происходит в грамотах, которые были выданы не Хиландару, хотя они и хранятся в хиландарском собрании. Высокий гимнографический тон способствует щедрому использованию абстрактной и разнообразной христианской лексики. Аренги нередко являются оригинальными произведениями, некоторые из них приписываются правителям-литераторам. Встречаются аренги, являющиеся «настоящими шедеврами духовной риторики и поэзии»¹⁴. В них отражается высокая литературная культура составителя, о чем свидетельствуют многочисленные и хорошо подобранные цитаты из Священного Писания. Особенно выделяется аренга из последней грамоты в хиландарском архиве, выданной сербскими правителями, а именно грамоты деспотиссы Елены 1504 г. Эта аренга по своей структуре является сложным литературно-литургическим целым. Она начинается с непосредственного обращения к Богу из седьмой светильничной молитвы¹⁵.

Б(о)же великын и вьшнын. иже въ с(вє)т'ѣн тронци поклоняемїи. иже въ свѣтє живїи неприкосновеннє. єдинь идєиє бездєсьдрьство. *Грамота монастырю Хиландару деспотиссы Елены Бранкович, 1504 г., АХС 86 (А 6/19).*

Эти слова опираются на Литургию свт. Василия Великого. Бог сотворил всю тварь Своей премудростью, отделив свет от тьмы, поэтому Он — Всемогущий Вседержитель неба и земли, всех види-

¹⁴ Солов'єв А. Манастирске повеле старих српских владара // Хришћанско дело. 1938. № 3. С.10.

¹⁵ Светильничные молитвы — это вечерние молитвы, читающиеся священником «тайно», про себя, с непокрытой головой, перед Царскими вратами во время пения предначинательного 103-го псалма на вечерне.

мых и невидимых тварей. Примечательно, что Литургия Василия Великого служится только десять дней в году, среди прочего — в Великий Четверг перед крестной смертью Спасителя и в Великую субботу — преддверие Христова Воскресения. В Великую субботу вечерня переходит в литургию Василия Великого, в этот момент в алтаре священники и диаконы снимают с себя черное облачение и облачаются в белое и от самого скорбного богослужения переходят к самому торжественному. В аренге этой последней сербской правительственной грамоты излагается молитва Евхаристического Канона, как и в служебнике. Вот эти слова:

вл[а]д[ы]ко всьацьскых[ь]. г(оспод)и н(е)б(е)се и землѣ, и всьакоє твари выднѣ и невыднѣ. сѣден на прѣстоле славы. и призирає къ безд[ь]ны. безначалне. невыднѣ. непостижнѣ. неописанне. неизменне, ω(ть)г(оспод)а н(а)шего і(со)у(са) х(рист)а. великааго б(о)га и сп(а)са оупоканїа н(а)шего, иже кс(ть) ωбразъ твоєє бл(а)гости. печать равноωбразна. къ себѣ показзе тебѣ ω(ть)ца. Слово живо. б(о)гъ истин'нын. прѣвѣ'тнаа прѣмудрость. живωть. ωс(ве)щенїє. сила. свѣтъ истин'нын. и м'же д(оу)хъ с(ве)тын гави се. истин'нын д(оу)хъ. с(ы)ноположенїа дарованїє. ωбръченїє боудшааго достоанїа. и начетькъ вѣ'тныих(ь) бл(а)гъ. *Грамота монастырю Хиландару деспотиссы Елены Бранкович, 1504 г., АХС 86 (А 6/19)*¹⁶.

Этот богословский пролегомен символически выражает надежду на Воскресение, но не только деспотиссы после смерти, но также и целого сербского государства, придавленного турецким игом. Такие аренги являются богатым источником церковно-богословской лексики, при этом в конкретном документе мы встречаем и отдельные интересные употребления, например, *прилѣвкъь*, — чаша за здоровье и долгую жизнь правителя и его семьи, которая выпивается с соответствующей молитвой (в Горажданском молитвеннике: *Възглашенїа прилѣвкомь* 1523), затем *коливо* (грч. τὰ κολύβα), под которым подразумевается вареная пшеница с медом (так называемая *пана(х)ија*), приготовленная после чьей-либо смерти,

¹⁶ Подробнее о грамоте деспотиссы Елены Бранкович и ее литургической структуре с лексическим анализом см. *Савић В.* Литургијски елементи у Повељи деспотице Јелене манастиру Хиландару из 1504. године // Теолингвистичка проучавања словенских језика. Београд: САНУ, 2013. С. 476–477.

в данном случае — после смерти ктитора. Поскольку поминовение усопшего христианина совершается над коливом, вошел в употребление термин пѣти коливо ‘петь коливо’. В дарственной грамоте деспота Стефана Лазаревича Хиландару, изданной в 1411 г., т. е. на столетие раньше, находятся аналогичные правила, предусмотренные для поминовения души после смерти деспота:

По слоу҃гаю же, егда придетъ ми обѣща сьмрѣтъ[ь]. да имамъ оуд[ь] монастира, за овази адрѣфата сицеки помень. по Ѹставоу с(вє)тѣх(ь) от(ь)ць, годищни помень. на вѣсакы помен(ь) да се вари пшеница. и да се от[ь]пѣва по дес(є)ть антоу҃ргѣи. и да се дава вѣсон брати прилѣвѣкъ. и освєнь помѣннѣх[ь] антоу҃ргѣи. да ми се от[ь]поу до четирѣдєсетъ, сто антоу҃ргѣи. и съврѣшившоу се годишоу, да се поминамъ како то хѣтиторне, и братниа монастирѣска, *Грамота монастырю Хиландару деспота Стефана Лазаревича*, 1411 г., АХС 78 (А 9/4).

В Хиландрском собрании зафиксирована и излюбленная аренга сербского средневековья, используемая в большом количестве документов. Она была создана в канцелярии царя Душана и в точности воспроизводилась в грамотах боснийских сербских королей того времени после принятия ими рашского стиля оформления, включая и аренгу, что произошло после коронования боснийского бана как сербского короля в церкви Вознесения Господня, усыпальнице св. Саввы в ставропигиальном монастыре Милешева, на Димитриев день 1377 г.¹⁷ Вот эта аренга:

† По незрѣт(є)ннѣмоу м(н)л(о)срдню и чл(овѣ)кѣлюбно вл[а]д[ь]ки моего сладкаго ми х(р)и(с)т(а). по изволенню и м(н)л(о)сти. и всем(н)л(о)стивнѣмоу его призрѣнню еже на ц(а)р(ь)ство ми. такоже и на прѣвнѣх с(вє)т(н)хъ православнѣх(ь) ц(а)рнѣхъ. такоже и вл[а]г[о]д[ѣ]ть прѣс(вє)т(а)го своего доу҃ха и на ц(а)р(ь)ствѣ ми показа. такоже излннѣ на с(вє)тнє свое оученики и ап(о)с(то)ли. рекъ ндѣ вѣ вѣсоу вѣселєннѣоу и проповѣдите славоу моего в(о)ж(ь)ства. по всехвалнѣи его м(н)л(о)сти, таковнє дари и ц(а)р(ь)ствоу ми дарова. и постави ме г[оспо]д[н]на вѣсемоу стежанню от(ь)чѣствн моего. рекоу же землн срьбѣскон. и грѣком(ь). и странами западнми. *Грамота монастырю Хиландару царя Душана*, 1347 г., АХС 44 (А 4/17).

¹⁷ Ср. Станојевић С. Студије о српској дипломатици, V. Аренга (Проемиум) // Глас СКА. Бр. 94. 1914. С. 192–229.

Хотя корректировки по отношению к дипломатическому образцу в грамотах просты, в них встречается интересная лексика: упоминаются просители, представители монастыря, церковные сановники и гражданские лица: чьстьнын, всечьстьнын игоумень, всечьстьнын старьць, чьстьнѣишни въ иноцѣхъ, благоговѣини чрьньци, чьстьнын и блаженныи и прѣподобьнын старьць, игоумень и доуховьникъ краљевства мн баща и т. д.¹⁸.

Пример: приш[ь]д[ь]шоу къ мнѣ неромонахоу кѣрїакоу, съ чрьнѣци хиландарьскыи; и въспоменуше мн бѣды свое на мори слоучающе се нмь от[ь] безбожных(ь) хоурьсарь. нхже не можед исповѣд[ѣ]ти, г(лаго)лющемь нмь къ мнѣ съ оумилениемь и м(о)льбою, створи намь прѣпоконше, въсь животь намь на мори и от[ь] моря ны кс(ть). *Грамота пиргу Хрусия короля Милутина, 1300 г., Университет Колумбия (США).*

В экспозиции правитель говорит о том, как он получил власть, дает краткую историю своего правления, нередко с конкретными данными, что предполагает использование разговорной лексики, а следовательно, и сниженный стиль литературного языка или чистый народный язык. Это касается диспозиции, средней части документа, в которой излагается юридическая информация.

Для лингвистических исследований грамот на настоящий момент наиболее релевантен анализ специфической лексики. С одной стороны, это лексика, связанная с миром реалий из области материальной культуры, феодальных обязательств и правовых предписаний, ее больше в документах на народном языке, чем в тех, которые написаны преимущественно церковным языком. Вот некоторые из названий феодальных повинностей из хиландрских грамот: дань, данькъ и поданькъ ‘дань, налог’; десетькъ ‘налог в размере десятой части сельскохозяйственных продуктов’; позокъ ‘предоставление овса и сена проезжающим высокопоставленным лицам’; трав’нина ‘компенсация за использование пастбища’; дим’нина ‘налог, разделенный по хозяйствам — «дыму»’; жирок’нина ‘налог на использование леса для прокорма свиней’; намет’къ жит’нын, вин’нын, меснын и сир’нын ‘натуральный налог в виде пшеницы, вина, мяса и сыра’; бирь ‘натуральный или денежный налог церкви’; работа ‘трудовое обязательство зависимых людей’; поработание ‘исполнение службы’; понось ‘переноска багажа’; повозь ‘перевозка багажа

¹⁸ Ср. Станојевућ С. Студије о српској дипломатици, VII. Интервенција (Петиција) // Глас СКА. Бр. 96. 1920. С. 105–107.

или любого груза (в упряжках)»; воловерщина ‘предоставление волов на военные нужды’; сокк ‘налог в пользу правителя, денежный или натуральный (главный налог в сербском государстве)’; врьховина ‘налог, взывавшийся со священников в пользу епископов’ и т. д. Особенно интересный источник — Дарственная грамота монастырю св. Георгия под Скопье короля Милутина, выданная около 1299 г. (А: АХС 137/139 (А11/6) и АХС 5 (А 4/1); Б: АХС 136/138 (А 10/6)) и опирающаяся на более старые акты 13 правителей (византийских, болгарских и сербских), начиная с основателя, византийского императора Романа III Агира (1028–1034) и «царя Петра», в действительности сербского диоклийского князя Константина Бодина (1081–1099), которого повстанцы в Скопье провозгласили царем (1072), Стефана Немани (1166–1196) и кончая императором Андроником II Палеологом (1282–1328). Обратим внимание только на заимствованную греческую лексику, например: гареп’сати ‘принуждать к трудовой повинности, принуждать к работе’ (грч. ἀγγαρεύειν); ливада ‘луг’ (грч. λιβάδιον); зев’тарь перен. ‘площадь земли, которую может обработать пара волов’ (грч. ζευγάριον); еждь ‘расход, издержки’ (грч. ἔξοδος); дроумь ‘дорога’ (грч. δρόμος); панагирь ‘торговый день в честь большого праздника, ярмарка’ (грч. πανηγυρίς); синорь ‘граница, рубеж’ (грч. σύνορον); хора ‘область’ (грч. χώρα), пронна ‘имущество, данное правителю вместе с несением военной повинности’ (грч. πρόνοια); ежоприкь ‘передача имущества в приданое’ (грч. ἐξωπρόικα); ежалниць ‘брошенная земля’ (грч. ἐξαλείψα) и т. д.¹⁹

В описях границ подаренного или вновь подтвержденного имущества встречается общеупотребительная лексика, слабо засвидетельствованная в других местах, например: борь ‘сосна’, брѣза ‘береза’, бѣлѣгь ‘знак’, бокьва ‘бук’, вить ‘водоворот’, врьбьць ‘воробей’, гоцыла и догыла ‘куча’, гоубавьць ‘прокаженный’, *дѣвица²⁰ (*Дѣвич поток*), златарь ‘золотых дел мастер’, *нгра (*Игриште*), каточунь ‘пастушья стоянка’, крастабьць ‘огурец’, *лисница (*Лисич’ју дол*), *ловьць ‘охотник’ (*Ловьч поток*), лѣска ‘орешник’, мость ‘мост’,

¹⁹ О лексическом анализе дипломатического формуляра в сербских средневековых источниках см. *Савић В.* Манастирске даровнице у српскословенском лексичком корпусу // *Filologija*. 2017 (2018). № 68. S. 171–191.

²⁰ Под звездочкой дается реконструированная форма существительного (*прим. ред.*).

*плоть ‘забор’ (*Гргурев плот*), поток ‘ручей’, слась ‘водопад’, стрѣльць ‘стрелок’, тополл ‘тополь’, шо҃ма ‘лес’ и т. д. Иногда присутствуют и более старые и недостаточно задокументированные апеллятивы, например: блат’це ‘грязь’, вышеградъ ‘крепость на возвышенном месте’, *вртъпъ ‘вертеп’ (*Вртъпски дѣл*), вьсь ‘село’ (*Горажда вьс, Глуха вьс*), гвоздь ‘лес’, го҃мыньце ‘небольшое гумно’, до҃убрава ‘роща’, забѣль ‘заповедный лес’, *каль ‘грязь’ (*Кални поток*), мѣль ‘песок’ (*Модри мѣл*), пѣь ‘пещера’, псарьк ‘псарь’ (*Псарска земля*), *трѣбъць ‘дровосек’ (*Трѣбъчка планина* и *Трѣпча*) и т. д. Здесь присутствуют и географические термины, например: вило ‘горный хребет’, врьдо ‘холм’ (*Срѣдње брдо*), вртъча ‘горная пещера’, врьхь ‘вершина’ (*Вел’ју врх*), вѣньць ‘горный хребет’, главница ‘вершина горы’, дольць ‘углубление’, лысьць ‘голая горная вершина’, раз’падъ ‘обрыв’ (*Велика разпад*), рьть ‘вершина холма’ (*Камени рт*), *тѣмь ‘вершина’ (*Тѣменача*), о҃урьгъ ‘осыпающийся обрыв’ (*Срѣдњи утрѣ*), хрндъ ‘скала’ (*Братослав хрид*) и т. д.²¹. Помимо всего сказанного, существует и большое число интересных топонимов, в которых нас могут привлечь разные проблемы, часто фонетической природы. Например, хотя в сербской историографии последовательно сообщается о монастыре Зигу, переданном Хиландару в 1199 г., уже Даничич в своем «Словаре сербских книжных древностей» заглавное слово статьи дал с буквой «гервь» (зиль) с комментарием: «Пишу согласно дательному падежу Зигю. М. 130 и прилагательному зигьскын, которое бы звучало зижьскын, если бы г не было ѡ»²². Макс Фасмер своей латинской транскрипцией прояснил чтение еще одного грецизма, на этот раз апеллятивного, в значении ‘огород, сад’: это **perivolj*, а не *perivol*, как и сейчас читают сербские медиевисты. Фасмер указывает на среднегреческое περιβόλι(ο)ν, упоминая, что у Вука Караджича употребляется форма *пеливој*. Однако парадигму, а следственно и форму именительного падежа, прояснил пример Дж. Даничича —

²¹ Савић В., Милановић А. Идентификација и формирање одредница у српском историјском речнику // Историјска лексикографија српског језика, Нови Сад: Огранак САНУ у Новом Саду, Матица српска, 2021. С. 299–300.

²² Даничић Ђ. Рјечник из књижевних старина српских. Књ. I / Приредио Ђ. Трифуновић. Београд: Вук Караџић, 1975 [У Биограду, 1863–1864], s. v.

сь *перивоельмь*, очевидно с чтением мягкой основы перед окончанием, следовательно с *перивоельм*, хотя из именительного падежа у Даничича нельзя установить, как он читался²³. Эти проблемы привлекли внимание Александра Лома, и он уже полтора десятка лет пишет критические рецензии на издания памятников дипломатической серии Старого сербского архива, обращая внимание на проблемы чтения, толкуя происхождение отдельных топонимов, т. е. соотнося современные топонимы с историческими фиксациями. Профессор Лома, например, указывает, что современная *Шипачина* в окрестностях Рашки в 1388 г. была *Шипьчно* — прилагательное на *-ьно*, которое давало и другие топонимы, ср. *Шипачно* возле Никшича и Невесиня. Позднее же [аналогичные топонимы стали образовываться] с вторичным суффиксом *-ина*, как в слове *Јагодина* < *Јагодьна*. В той же грамоте Обраду Драгосаличу спорно прочтение формы *Кукань* — *Квкань* с /h/ или без него (*Кућан* или *Кукањ*), но Александр Лома показывает, что в этом случае Даничич делает ошибку, выбирая первый вариант, верное прочтение — *Кукањ*, так как существует латинское упоминание города с таким же названием в окрестностях города Плевля в 1448 г. Происхождение этого топонима и далее неясно, но А. Лома приводит в качестве параллели русскую географическую терминологию, например, диалектное *куќан* 'холмистое возвышение'. Симпатично заблуждение о «покойных еретиках» (богумилах — *прим. пер.*): переводчики древних документов так понимали «катары» в описании границ; пример звучит так: «нис подѣлїе кѣде катарн леже», т. е. «до глѣда, кѣде катарн леже». Профессор Лома объясняет, что здесь речь идет о различной дистрибуции фонетических вариантов инициального *к/х* — о *хатаре*, т. е. «сельском земельном владении»²⁴. Самая известная среди этих рецензий — рецензия под заглавием «Создание ложных имен», где А. Лома разоблачает фальсификацию языковых данных, которым занимается Лора Тасева в книге «Българска топонимия от гръцки и сръбски средновековни документи» (София, 1998). Л. Тасева, к примеру, в топониме *Горажде*

²³ *Vasmer M.* Die griechischen Lehnwörter im Serbo-kroatischen. Berlin: Akademie der Wissenschaften, 1944. S. 115.

²⁴ *Лома А.* На именословним врелима. Осврт на нова издања средњовековних дипломатичких извора // Ономатолошки прилози. Књ. XVII. Београд, 2004. С. 465, 467, 473.

видит болгарский рефлекс *žd* праславянского **dj*, хотя легко заметить, что это существительное — *j*-посесив имени собственного *Гораздъ*; автоматически автору показалось, что болгарское происхождение имеет метохийский топоним *Гораждевац*, восходящий к более старому *Горажда Ђьсь*. То же касается и топонима *Живогоште* под Макаарской (побережье Адриатического моря), также из хиландарского архива с выведением *шт* из праславянского **stj* (*Живогост* + *-je*), как и в других словах в сербском, например, ср. *праштати* от (*о*)*простити*, и не ясно, почему этот пример встраивается в болгарский корпус. Интересна будет и орфографическая «нормализация» имени Велбужд в *Вельб(л)ждь*, хотя связь со старославянским *вельблждь* ‘верблюд’ в некоторых источниках обусловлена только параэтимологией писца, так как самая древняя греческая запись *Βελεβοῦσδιον* 1019 г. доказывает, что речь идет о *j*-посессиве от славянского имени собственного **Velbudъ*²⁵.

В завершающем фрагменте формальной структуры текста — в эсхатоколе наиболее развита «санкция», часть, в которой гарантируется исполнение правовых положений. Она состоит из клятвенного обещания издающего грамоту правителя о выполнении приказа (в ней доминируют перформативные глаголы типа *закъзати*, *запрещати*, *заклети* и т. д.), а затем из требования к наследникам престола и прочим придерживаться изданного приказа. Требование провозглашается повелительным тоном, глаголом *повелѣвати* и подобными, а позже, в документах XIV в., и как просьба формами *молати* и *милъ се дѣвати*. Нарушения в содержании (в правовых требованиях) и самих документах выражаются глаголами *покрѣдити*, *потворити*, *разорити*, *отънести*, *отъети*, *прѣтворити*, *раздрѣшити*, *попрѣти*, *врѣждати*, *откълати*, *поколѣвати*, *потькнути* и т. д. Присяга завершается анафемой в адрес преступника, автор требует его отлучения, уничтожения и т. д. Исполнителем именуется Бог или какой-либо святой, называемый словами *соупър’никъ*, *соупър’ница*, *мьст’никъ*, *мьст’ница*, *отъмьстителъ*.

Пример: и вса еинко дахъ мнастыреви· оу с(ве)тоу гороу· да нѣ трѣбѣ ни моемоу дѣтетеви· ни моемоу· оуноу’тетеви· ни мо(е)моу} ро(д)нмоу· ни иномоу· никомоуре· ако ли кѣто снѣ прѣтвор(и) да} моу б(о)гъ соуди· и да

²⁵ Лома А. Коване лажних имена // Ономатолошки прилози. Књ. XVII. Београд, 2004. С. 474–478.

моу е соупърница с(ве)та б(огороди)ца· на страшьномь соудниши сономь· и ъзь грѣшьникь· сидомьнъ, *Первая грамота об основании монастыря Хиландра монаха Симеона [Немани]*, 1198 г. (1199 г.).

Грамота заканчивается подписями и печатями. Подписи в Раше с течением времени становились все содержательнее и богаче, но все же короче интитуляции. Если в интитуляции перечисляются несколько человек, то в подписи значится только один.

† ст(е)ф(а)нь оурушь по м(н)л(о)сти б[о]жииен краль и съ б(о)г(о)мь самодр(в)жьщъ всѣхъ срьб(ь)ск(ы)хъ земль и поморскихъ, *Грамота Хумской епископии короля Уроша I*, около 1254 г., АХС 135/137 (свиток 1).

Несмотря на краткую легенду, печати все же дают полезные сведения; помимо фонетических и морфологических, еще и лексические, в духе развитой интитуляции государственных канцелярий.

+ ст(е)фанъ краль в христа б(ог)а верни краль с[р]бск(н)хъ з(е)мль и морски || + свети степагнь пръв[о]мучѣникъ агръхидиѣкнъ и постол(ь), *Грамота Хумской епископии короля Уроша I*, около 1254 г.. АХС 135/137 (свиток 1).

С учетом темы призренско-тимокской зоны, которой уделяется много внимания в иностранной сербистике, обратим особое внимание на значение так называемого Мрачского комплекса. Его образует ряд грамот, выданных уважаемому, хотя и небольшому монастырю святого Николая в местечке Орехово, которое сегодня находится на юго-западе Болгарии. Хронологически первая грамота этому монастырю — это грамота короля Милутина, изданная во второй половине его правления, между 1300 и 1321 г.; затем следует несохранившаяся грамота короля Стефана Дечанского, изданная во время Битвы под Велбуждом в 1330 г.; потом две грамоты короля Стефана Душана: первая о дарении церкви святого Николая Мрачского монастырю Хиландар в 1338–1339 гг., вторая — о передаче церкви святого Николая хочанскому эконому Йовану в пожизненное пользование в 1342 г. Назовем и грамоту болгарского царя Йована Александра 1348 г., которая своим содержанием подтверждает аутентичность содержания первой упомянутой грамоты. Когда ставится вопрос о происхождении призренско-тимокского

диалектного типа, нельзя упускать из внимания целый ряд исторических обстоятельств, которые касаются этого процесса. Следует постоянно сравнивать конкретные языковые данные и основные предположения с историческими и географическими фактами. Во время отделения призренско-тимокских говоров от остальных сербских говоров вся географическая территория, на которой это происходило, принадлежала сербскому, а не болгарскому государству. Соответственно, там были представлены важные сербские институты, обладавшие значительной интегрирующей силой. В этот период болгарское государство не обладало значительной силой или было дезинтегрировано, т. е. разваливалось. Первыми на путь крупнейшей средневековой сербской экспансии встали именно носители будущего призренско-тимокского диалектного типа, которые, перемещаясь, тем самым расширяли территорию распространения древнесербского языка. Первым Стефан Неманя захватил Велбужд, а также Софию, Земен, Перник и другие города в 1189 г. Под болгарской властью Велбужд находился лишь в отдельные периоды XIII в.: с 1203 по 1246 г., потом он был в руках Ромейского царства, а Болгарии был возвращен в 1256 г. Точно известно, что король Милутин на продолжительное время захватил Велбужд, включив его в состав сербского государства, это произошло в 1291 г., когда, мстя видинскому князю Шишману, Милутин в рамках контрнаступления занял и город Видин. Документы из Мрачского комплекса доказывают принадлежность области Велбужда, будущего Кюстендила, сербскому государству еще при короле Милутине. С этими документами связаны сербские и византийские источники, свидетельствующие о поведении болгарских войск накануне битвы под Велбуждом, когда болгары разграбили Земен и окрестности, на протяжении десятилетий принадлежавшие Сербии, как настоящую вражескую территорию. С конца XIII столетия и практически до нового времени эта область тяготела к сербским землям в самом узком смысле слова. Хорошо известен сербский вельможа Константин Деянович Драгаш, правивший Велбуждом, в честь которого город приобрел свое новое название, Кюстендил (*Константинова Бања*, тур. *Köstendil*). Константин погиб вместе с королем Марком (Мрнявчевичем) в битве на Ровинах в 1395 г. Особенно нужно принять во внимание, что эта часть современной Болгарии столетиями находилась в юрисдикции обновленной Печской патриархии (1557–1776). Очень интересна вставка

на подчищенном тексте в первой из перечисленных грамот, без сомнения, написанная на сербском языке на этой территории, в монастыре святого Николая Мрачского (1300–1321): и м(а)т(е)рь в(о)жню перивольскѣ с местомъ и с винноградомъ [ъ] · и воденица ѡ градѣ [ѣ] (АХС 11 (А 4/5)). Села Периволь сейчас уже нет, из него и из Ямборана в 1956 г. образовалось село Драговиштица под Земеном²⁶.

Особенно значимы для юго-западной сербской территории грамоты из Хумской епископии. Это грамоты короля Уроша I Богородичной церкви в Стоне (побережье Адриатического моря) и его грамота о восстановлении церкви святых апостолов Петра и Павла в Лиме, грамота короля Милутина о восстановлении владений Хумской епископии, грамота Стефана Уроша III Дечанского о передаче церкви святого Николая в Сиротине и церкви Богородицы Быстрицкой резиденции хумского епископа, грамота короля Стефана Душана монастырю святых Петра и Павла в Лиме 1343 г.

Что вообще сохранилось в Хиландарском архиве? В нем существует пять групп документов с конца XII до конца XVIII в.: 155 документов на сербской кириллице с присвоенным шифром, среди которых два документа на турецком, записанные кириллицей, и один на латинском (а именно австрийского царя Леопольда)²⁷, приблизительно 100 документов на греческом²⁸; девять русских докумен-

²⁶ В целом о проблеме в исторической динамике и хронологических рамках см.: Српске повеље манастира Хиландара. Књ. I / Живојиновић М. (гл. ур.). Манастир Хиландар — Београд (рукопись).

²⁷ Владимир Алексеевич Мошин насчитал 157 документов, а Душан И. Синдик в аннотации своего каталога подчеркивал, что в сборнике 156 документов. Однако если пересчитать документы, которые он описывает, учитывая удвоение некоторых номеров, получается, что имеется 155 документов с отдельным шифром, 131 с одночастным шифром и 24 — с двучастным, начиная с номера 132/134. В ряде случаев речь идет не об отдельных документах, а о частях документа (например, когда свиток разделен на листы, чья связь с предыдущими частями не может быть полностью доказана) или о списках различного времени. Данное число увеличивается на несколько десятков, если учитывать каждый отдельный экземпляр (всего около двухсот).

²⁸ В современном издании см.: *Živojinović M., Kravari V., Giros Ch. Actes de Chilandar. I. Des origines à 1319. Archives de l'Аthos XX. Paris, 1998; ср.: Соловьев А., Мошин В.* Грчке повеље српских владара. Издање текстова, превод и коментар. Београд: Српска краљевска академија, 1936.

тов²⁹; 31 влахо-молдавский документ, два болгарских документа; более 1700 турецких документов³⁰. В собрании находятся грамоты практически всех правителей-Неманичей (нет только короля Драгутина, хотя касательно грамоты АХС 4 (А 3/1) предполагали, что это грамота Драгутина): наряду с грамотой Стефана Неманича об основании Хиландара, есть два документа короля Вла-

*Рукописные книги
в Хиландарской библиотеке*

дислава, два документа короля Стефана Уроша I, 14 грамот короля Стефана II Милутина, четыре грамоты короля Стефана Уроша III Дечанского, около 40 грамот Стефана Уроша IV Душана — 17 как короля, 22 как царя, восемь грамот царя Стефана Уроша V, по одной или несколько грамот архиепископа Никодима, короля Вукашина, Вука Бранковича, князя Лазара, деспота Стефана, патриарха Саввы, патриарха Спиридона, патриарха Никодима, Джурджа Бранковича, нескольких хиландарских игуменов, Ивана Кастриота с сыновьями (1425), султанши Мары Бранкович, перевод соглашения святого Саввы о покупке земли под виноградник (1228), две грамоты царя Андроника II Палеолога, три практика (Тетовский, Кочанский, Хиландарский), опись Хиландарского архива в двух экземплярах (1299), описание границ, договоры купли-продажи, решения споров, просьбы о милостыне, среди последних и письмо русскому царю Ивану IV Васильевичу с благодарностью за принятие ктиторства (1583). Здесь даже и Карейский типикон 1199 г., переписанный в 20-х–30-х годах XIII в. (№ 132/134) и Хиландарский типикон 1199–1200 г., в списке начала XIII в. (№ 156/158)³¹. Среди

²⁹ Описание и критическое издание русских царских документов: *Kämpfer F.* Die russischen Urkunden in Archiv des Klosters Hilandar // Хиландарски зборник. Бр. 6. Београд, 1986. С. 271–296.

³⁰ Обзор см.: *Синдик Д. И.* Српска средњовековна акта у манастиру Хиландару // Хиландарски зборник. Бр. 10. Београд, 1998. С. 12.

³¹ Описание в каталогах сохранившихся до наших дней сербских средневековых документов в Хиландарском монастыре: *Синдик Д. И.* Ук. соч. С. 16–132.

известных грамот есть и девять грамот Душана, которые в 1931 г. были изъяты из монастыря для проведения судебных процессов в греческих судах и так и не были возвращены в монастырь. Их судьба до сегодняшнего дня остается неизвестной, но к счастью, они были сфотографированы³². Грамота об основании башни (*nirga*) в Хрусии короля Милутина 1300 г. появилась в продаже в Белграде в 1940 г., и ее выкупил князь Павле Карагеоргиевич, который увез ее с собой, когда покидал Королевство Югославия. После смерти Павла грамота оказалась в Университете Колумбии в Нью-Йорке. Чтобы можно было представить величину корпуса хиландарской ризницы, скажем, что на всей Святой Горе сохранилось еще около 60 сербских дарственных грамот: в монастыре Святого Павла — 18, Святого Пантелеймона — 15, в Великой лавре — 12, в Ватопеде — девять и т. д. Самая известная из этих грамот — иллюстрированная Есфигменская грамота деспота Джурджа Бранковича с портретами членов его семьи³³. В отличие от сербского средневекового наследия, из которого в целом сохранилось относительно большое число документов, из корпуса болгарских документов осталось только девять, из них две в хиландарском архиве³⁴.

О существовании сербских документов на Афоне первым писал русский путешественник Василий Григорьевич Барский в первой половине XVIII в.³⁵. Сербские святогорские документы в архиве бывшего некогда сербским монастыря святого Павла привлекли внимание и Павла Юлинаца во второй половине XVIII в.

³² Эти грамоты обработаны в каталоге Синдика, с постоянным напоминанием о том, что их больше нет в монастыре; ср.: *Бубало Ђ*. Писана реч у српском средњем веку. Београд: Стубови културе, 2009. С. 55–56 и прим. 55.

³³ См.: *Ивић П., Ђурић В. Ј., Ђирковић С.* Есфигменска повеља деспота Ђурђа. Београд: Југословенска ревија, 1988.

³⁴ *Даскалова А., Райкова М.* Грамоти на българските царе. Увод. Текстове. Речник. Библиография. София: Институт за български език БАН, 2005.

³⁵ Барский дважды посетил Святую Гору, в 1726 и в 1744 г. (во время второго приезда его особенно интересовали грамоты): Пъшеходца Василия Григоровича-Барскаго — Плаки-Албова, Уроженца Кіевскаго, Монаха Антіохійскаго, Путешествіе къ Святымъ мѣстамъ, въ Европѣ, Азіи и Африкѣ находимся, и т. д. Въ Санкт-Петербурѣ, 1778.

Архимандрит Йован Раич воспользовался несколькими сербскими грамотами, которые были привезены ему в Сремские Карловцы (около 1760 г.), для написания «Истории разных славянских народов»³⁶. Поворот в сербской науке и культуре наступил где-то в середине XIX в., когда художник Димитрие Аврамович (знаменитый живописец, оставивший портрет Вука Караджича 1840 г.) пребывал на Афоне в 1847 и 1848 г. и опубликовал двадцать сербских документов. Большую ценность имеет и его литография грамоты преподобного Симеона 1847 г. Хиландарские документы в свой корпус сербских памятников включил и Франц Миклошич, создав в 1858 г. замечательную книгу, по которой можно познакомиться с сербскими документами различных эпох со всей сербской этнической территории. Знакомству с хиландарскими документами способствовали Павле Йосиф Шафарик (1851), архимандрит Леонид (1867), особенно Петр Иванович Севастьянов, руководитель экспедиции, которая фотографировала афонские реликвии, в том числе и документы (1859–1860). Значительное число сербских источников, помимо прочего и хиландарских грамот, представили и издали на основе сборника П.И. Севастьянова Тимофей Дмитриевич Флоринский (1880) и Любомир Стоянович (1890). Накануне Первой мировой войны подготовлено к печати собрание хиландарских документов — плод многолетнего труда историка Любомира Ковачевича (в монастыре он непосредственно работал в 1894 г.). Однако основная часть издания «Памятников Сербской королевской академии № XLIV», в которой предполагалась публикация этого корпуса, пропала во время войны и так никогда и не была издана. Меньшая его часть сохранилась в архиве Стояна Новаковича и Константина Йиречека. Почти в то же время Василий Николаевич Кораблев в Петрограде опубликовал свое прочтение сербских хиландарских грамот. Огромное значение имело издание в 1912 г. сводов законов Стояна Новаковича, в котором опубликованы фрагменты из всех хиландарских документов, но не сами документы целиком. В межвоенный период Александр Васильевич Соловьев издал «Избранные памятники сербского права»,

³⁶ *Раичъ I. Историја разныхъ славенскихъ народовъ, наипаче Болгаръ, Хорватовъ, Сербовъ. Къ. I–IV. Въ Виеннѣ, 1794–1795. Тодић Б. О хиландарским повељама у Сремским Карловцима // Хиландарски зборник. Бр. 15. Београд, 2021. С. 191–204.*

в которых впервые были опубликованы некоторые документы. Также отметим и работу над различными документами Владимира Алексеевича Мошина и Радослава Груича, особенно систематическое изучение документов, осуществленное Мошиным в 1939 г. Протоиерей Стеван Димитриевич подготовил сборник сербских документов более позднего периода (XVI–XVIII вв.). После Второй мировой войны сербские хиландарские и другие святогорские документы долгое время издавались по одному. После переезда В.А. Мошина в Скопье под его руководством в Архиве Македонии в 1970-х годах была подготовлена серия со спорным названием «Памятники средневековой и новой истории Македонии». Вскоре после смерти Мошина (1987) в рамках того же проекта в 1988 г. была опубликована книга Лидии Славевой и ее учителя В.А. Мошина «Српски грамоти од Душаново време» («Сербские грамоты времени Душана») с обширными комментариями о предмете исследования³⁷. Только накануне 2000 г. начато систематическое издание всех сербских, а также хиландрских средневековых документов, хотя работа над подготовкой Сербского сборника дипломатических документов была начата за несколько десятилетий до этого, и в ее центре стоял также Мошин вместе с Симой Чирковичем³⁸.

³⁷ Похожим образом в Вене было подготовлено издание Святостефановской дарственной грамоты под руководством Ватрослава Ягича вопреки тому, что тот же самый памятник в Белграде готовился к печати Стояном Новаковичем и Любомиром Ковачевичем, одновременно в 1889 — начале 1890 г., что Ягичу было хорошо известно. См.: *Трифуновић Ђ. Повеле краља Милутина манастиру Бањска. Светостефанска хрисовуља // Повеле краља Милутина манастиру Бањска. Светостефанска хрисовуља, II. Фототипије издања и пратеће студије / Приредио Ђ. Трифуновић. Београд: Музеј у Приштини, Мнемосуне, Центар за очување наслеђа Косова и Метохије, Службени гласник, 2011. С. 131–137.*

³⁸ Исторический обзор исследований и изданий хиландарских документов см.: *Синдик Д.И.* Указ. соч. С. 10–12; ср.: *Флоринский Т.* Афонские акты и фотографические снимки с них в собраниях П.И. Севастьянова. СПб., 1880. С. 5–21. Об исследованиях хиландарского рукописного фонда см.: *Богдановић Д.* Каталог ћирилских рукописа манастира Хиландара. Београд: Српска академија наука и уметности, Народна библиотека Србије, 1978. С. 8–18; ср.: *Живојиновић М.* Историја Хиландара. Т. I. С. 33–39. Самые важные издания наибольшего числа документов см.:

У нас есть доказательства, что уже в XIII в. существовал хиландарский архив в средневековом смысле слова, т. е. архивные материалы особым образом сохранялись. Это мы видим из записей на оборотной стороне документов и из описей. С конца этого столетия до нас дошла греческая и сербско-церковнославянская описи³⁹. Современная обработка архивов начинается в четвертом и пятом десятилетиях XIX в., когда монах Никандар на оборотной стороне документа писал регесту, указывая имя издателя и краткое содержание. Также Никандар полностью переписал некоторые документы, а какие-то дописывал в тех местах, где текст был подпорчен. Настоящая опись архива предпринята чехом Саввой Хиландарцем (урожденный Славибор Броер (Slavibor Breüer)). Савва на каждый документ приклеивал ярлык, на котором записывал

Авраамовић Д. Описаніе древностей србски у Светой (Атонской) Гори съ XIII. литографираны таблица. У Београду, 1847; *Miklosich Fr.* Monumenta Serbica, spectantia historiam Serbiae, Bosnae, Ragusii. Viennae, 1858; *Šafařík P.J.* Okázky občanského písemnictví // Pamatky dřevního písemnictví Juhoslovanův / Upravil Josef Jireček. V Praze, 1870 (1873²). S. 1–28, 93–118 [1851]; *Архимандритъ Леонидъ.* Историческое описаніе Сербской царской лавры Хиландаря и ея отношенія къ царствамъ Сербскому и Русскому. М., 1868; *Флоринскій Т.* Аѳонскіе акты и фотографическіе снимки съ нихъ въ собраніяхъ П.И. Севастьянова. СПб., 1880. С. 22–32, 63–76; *Стојановић Љ.* Стари српски хрисовуљи, акти, биографије, летописи, типичи, поменици, записи и др. // Споменик СКА. III. У Београду, 1890; *Новаковић С.* Законски споменици српских држава средњега века. У Београду: Српска краљевска академија, 1912; *Korablev B.* Actes de Chilandar, Deuxième partie. Actes slaves, Actes de l'Athos V // Византійскій временникъ, Приложеніе къ XIX тому, № 1. Пг., 1915; *Соловјев А.* Одабрани споменици српског права (од XII до краја XV века). Београд: Издавачка књижарница Геце Кона, 1926; *Мошин В.* Акти братског сабора из Хиландара // Годишњак Скопског Филозофског факултета. Бр. IV, св. 4. Скопље, 1939–1940. С. 173–203; Споменници за средновековната и поновата историја на Македонија. I–III / Уредник В. Мошин, Скопје: Архив на Македонија, 1975–1980; Стари српски архив. 1–5. Лакташи; Београд: Филозофски факултет у Београду, Филозофски факултет у Бањој Луци и т. д., 2002–2006. С. 6–20. Зборник средњовековних ћириличких повеља и писама Србије, Босне и Дубровника. Књ. I. 1186–1321 / Приредили В. Мошин, С. Ћирковић, Д. Синдик, редиговао Д. Синдик. Београд: Историјски институт, 2011.

³⁹ *Баршић Ф.* Први попис грчких аката на старосрпском с краја XIII века у Хиландару // Хиландарски зборник. Бр. 7. Београд, 1989. С. 27–57.

порядковый номер, эти номера вошли в научную литературу. Профессиональные сотрудники Архива Сербии в конце 1970-х — начале 1980-х годов распределили документы согласно типу письма, языку и размеру в специальные альбомы для хранения, которые клались в особые металлические шкафы. Тогда была проведена новая нумерация, так называемое топографическое шифрование (т. е. отмечалось, где какой документ точно находится) и составлен список средневековых документов для внутрислужебного использования⁴⁰.

Сегодня при описании документов приводятся оба шифра: порядковый номер Саввы Хиландарца и топографический шифр, например 70 (А 9/1). Для полного цитирования необходимы оба вида данных, название документа и время его издания. В филологии важно и обозначение времени, к которому восходит документ. Важно также различать время составления документа и написание сохранившегося экземпляра (оригинала или копии)⁴¹.

Перевод *Е. Снасской и В. Каприеловой*

⁴⁰ Попис средњовековних повеља и хрисовуља са топографским показивачем // Архив манастира Хиландара. Света Гора, 1983.

⁴¹ В лекции, прочитанной на Второй научно-практической школе сербистики 10. 11. 2020, здесь отчасти сокращенной и переработанной, излагаются в синтетическом виде результаты более ранних исследований о монастыре Хиландар и его собрании сербских грамот.

II. Сербско-русские связи

Сербско-русские культурные связи в XII–XIII вв.

Излишне говорить, что Сербия и Россия принадлежат к кругу стран и народов, которые являются наследниками кирилло-мефодиевской традиции, с одной стороны, а с другой стороны, входят в то, что Дмитрий Дмитриевич Оболенский называл византийским содружеством наций. Оно может быть разным в отношении Византии и со стороны Сербии, и со стороны Руси, но, тем не менее, тут важна принадлежность к единому церковному кругу, которая четко осознавалась, создавала особые условия для общения. В целом для этого круга стран и народов, для их общения характерно то, что народы могли многими десятилетиями, до полутора столетий вообще не иметь никаких связей, а затем приниматься общаться снова. Каждый из таких этапов общения характеризуется тем, что в нем абсолютно преобладает одна сторона, т. е. у нас есть только короткий период, где-то чуть более полувека (с конца XV в. до середины XVI в.), когда общение носит двусторонний характер, а в остальное время одна сторона везде преобладает. Это породило в научной литературе термин «влияние». Термин, разумеется, несколько обидный для воспринимающей стороны, хотя он и ставится обычно в кавычки. Породил его Алексей Иванович Соболевский на рубеже XIX–XX вв. в связи со своей работой «Южнославянское влияние на русскую литературу и письменность». Я вас тоже прошу воспринимать здесь слово «влияние» все-таки в кавычках, потому что более удачного термина не придумано.

Те страны, на которые оказывалось влияние, даже не обижаются, они стараются максимально игнорировать его результаты, но причины в разных случаях разные. Например, для болгар это почти национальное оскорбление, там все время оспаривается русское

происхождение целого ряда переводов, а для сербов причина другая: в XIII в. в Сербии развитая литература, и здесь на первое место выступает принцип самодостаточности. Он подтверждается еще и таким фактором: в сербской традиции сохранилось огромное количество кирилло-мефодиевских переводов и сочинений учеников Кирилла и учеников Мефодия. Но, к сожалению, сербское литературоведение до сих пор очень мало занимается этой проблемой. Мне трудно назвать фамилии, кроме покойного академика Димитрия Богдановича и ныне здравствующего Джордже Трифуновича, которые уделяли бы этому хоть какое-то внимание. И это, на самом деле, немалые потери. Поэтому хочу еще раз подчеркнуть, что, при том что термин «влияние» существует, в каждом таком «влиянии» активной стороной является та, которая воспринимает, она отбирает те тексты, которые ей нужны. Это следует все время иметь в виду.

Сами факты взаимодействия русской и сербской культуры были зафиксированы очень давно. Еще в 1842 г. Александр Христофорович Востоков отмечал, что в пергаменном сербском прологе XIV в. из Румянцевского собрания, который ныне хранится в РГБ, есть жития русских святых. Однако к исследованию феномена как некоего единого целого наука пришла только к 1920-м годам. В общем, причина ясна: в этот длительный промежуток времени происходило накопление знаний, накопление фондов. Оно продолжается и до сих пор, потому что, к сожалению, очень многие рукописные книги у нас не описаны, и каждое описание часто добавляет хотя бы несколько капель и крошек в общую сумму.

Надо сказать, что около 70 лет назад выдающийся, даже великий, югославский ученый русского происхождения Владимир Алексеевич Мошин пытался нарисовать картину этих связей, начиная с XII в. и кончая XV–XVI вв. Эту картину трудно признать вполне убедительной, потому что, может быть, в силу своего двуединого положения В.А. Мошин (русский ученый, получивший образование в России, живший и занимавшийся наукой в Югославии, не только в Сербии, но и в Хорватии, как известно) немного страдал романтическим славянофильством (и даже панславизмом). Ему хотелось, чтобы это непременно выглядело как непосредственные контакты между двумя странами. А этого в действительности не получается, потому что реальные факты, такие как появление на Руси перевода Кормчей, выполненной святым Саввой и его

окружением, или упоминаемая архиепископом Даниилом в житии краля Драгутина дружба этого правителя с неким русским князем Василием — это все события второй половины XIII в., т. е. того времени, когда памятники уже укоренились в сербской традиции и не требовалось их добавочного появления. А вот о том, что было раньше, в конце XII — первой трети XIII в., мы ничего не знаем. Тем более у нас нет примеров обмена грамотами между русскими великими князьями и сербскими великими жупанами и кралями. Хотя Владимир Алексеевич пытался на основании того, что писец Мирославова Евангелия Григорий называет себя дяком, полагать, что он являлся служителем жупанской канцелярии.

Причина связей и круг контактов кроются в другом — именно в том, что английский ученый русского происхождения Дмитрий Дмитриевич Оболенский называл «Византийским содружеством наций», и в том, что очень убедительно показал болгарский академик Иван Дуйчев в своей статье «О центрах византийско-славянских и межславянских культурных связей». Он четко описывал эту картину, показав, что места, где происходили контакты, это либо столица империи, т. е. Константинополь, который воспринимался как несомненный центр православного мира, либо своеобразные монастырские филиалы, т. е. прежде всего Святая гора Афон и места активного паломничества — Палестина и Синай. Размах паломничества того времени нам сейчас становится все более ясным, хотя бы потому, что около пяти лет назад граффити русских паломников были обнаружены во Франции. Они ходили даже в Испанию, в Кампостеллу, к мощам апостола Иакова, что уж тогда и говорить про Палестину.

К немногим известным нам фактам относится и то, что будущего святого Савву, юного Растко Неманича, увлек монашеской жизнью монах из русского монастыря на Афоне. Позже святой Савва, путешествуя, останавливался в русском монастыре в Палестине. Это в реальности был большой квартал в составе Лавры святого Саввы Освященного сравнительно недалеко от Иерусалима. И вспомним (это опять связано со святым Саввой Сербским), что русский паломник в Константинополе в начале XIII в. Добрыня Ядрейкович (будущий новгородский архиепископ Антоний), перечисляя все подробности, упоминает монастырь Евергетиссы и говорит: «А там жил Савва, сербский князь, который принял монашество».

Естественно, кроме святого Саввы можно привести еще некоторые свидетельства. В том же Константинополе, видимо, одним из главных центров, где жили русские монахи, был легендарный Студийский монастырь. Но в последнее время появилась еще одна точка, на которую следует обратить внимание. Дело в том, что со времен хождения Добрыни Ядрейковича известно, что в Константинополе был русский храм святых Бориса и Глеба. Но только недавно выяснилось, где он находился и когда был построен. Находился он в северной части Константинополя за Золотым Рогом в квартале Пига, где были и русские торговые представительства, а основан он, как выясняется, весьма задолго до этого, в 1110-е годы, когда началось новое активное почитание Бориса и Глеба, связанное с переложением их мощей, и строились борисоглебские храмы на Руси, отсюда же и постройка в Константинополе.

Можно, конечно, говорить и о том, что, когда отец святого Саввы великий жупан Стефан Неманя находился в византийском плену, он мог посещать славянское богослужение в этом соборе Бориса и Глеба. Тем не менее, основным источником известий о культурных связях были и остаются сами памятники этих связей, т. е. южнославянские списки трех категорий памятников, пришедших из Руси. В первую очередь, это собственно русские сочинения, они выделяются относительно просто. Вторая и третья категории выделяются сложнее. Вторая категория — это переводы, выполненные на Руси или для Руси с участием русских переводчиков. Это определяется на основании употребления в них специфической восточнославянской лексики. В ряде случаев лексика этих переводов соединяет в себе и восточнославянизмы, и явные южнославянизмы, и тогда, по-видимому, речь идет о переводах, выполненных в том же Константинополе или на Афоне совместно русскими и болгарскими переводчиками.

Третья категория вообще немного экзотична, потому что это памятники древнейших славянских литератур, древнейшие переводы, выполненные еще учениками Кирилла и Мефодия, но которые не сохранились до конца XII в. на Балканах, а вернулись с Руси, куда были принесены в эпоху ее крещения. Такие памятники есть, о них тоже поговорим.

Само четкое деление южнославянских рукописей на болгарские, сербские и македонские все-таки местами несколько условно,

потому что мы знаем достаточно примеров, когда аккуратный писец, который не хотел задумываться или же был слишком внимательным, мог копировать рукопись иного извода, сохраняя практически все особенности оригинала.

Сербская традиция гораздо репрезентативнее болгарской по ряду причин, уже потому, что от XIV в., а это золотой век сербской письменности, до нас дошло больше сербских рукописей, чем русских и болгарских вместе взятых. И сразу понятно, что при таком круге поисков более вероятны новые находки именно сербских списков.

Разумеется, у нас почти нет примеров, когда памятники, пришедшие из Руси в Сербию через Константинополь, через Афон, через Болгарию, дошли бы в современных списках. Понятно, чем раньше по времени, тем меньше сохранилось рукописей. А вот где верхняя граница, которая позволяет отделить памятники, пришедшие в XII–XIII вв., от памятников, которые стали приходить с начала XVI или самого конца XV в.? По-видимому, это рубеж XV–XVI вв., потому что в XIV–XV вв. у нас совершенно незаметно движение русских текстов на славянский юг. Видимо, был длительный разрыв отношений и связей, поэтому то, что мы обнаруживаем в рукописях XIII–XV вв., может восходить к связям XII–XIII вв.

Что касается верхней границы самих сведений, то она, конечно, четко определяется 1237–1240 гг. (временем нашествия монголо-татар на Русь), после чего сами путешествия, даже с целью паломничества, практически прекращаются на десятилетия. По-видимому, в реальности пик связей пришелся даже на последнюю четверть XII — самое начало XIII в., потому что среди выявленных к настоящему времени текстов нет ни одного, который можно было бы датировать позднее конца XII в., это сочинения Кирилла, епископа Туровского. Как показывают более поздние примеры, памятники перемещаются хронологически достаточно кучно, а не так, чтобы их передвижение растягивалось на десятилетия.

В каких формах проявлялось культурное взаимодействие? Возможно, название лекции следовало даже поправить, потому что нас интересуют не культурные, а литературные и книжные связи. Все замыкается на книгах, но не все на литературе. Вряд ли можно назвать литературой Кормчую или исповедное поучение в Требнике. За этими пределами, например, в области художественной

культуры у нас есть только один пример, но и он тоже связан с литературой и книжностью, а именно изображение русских святых Бориса и Глеба в стенописях собора монастыря Милешева. Единственный дошедший пример, хотя, может быть, не единственный существовавший, но он тоже сугубо книжный. Два этих князя изображены здесь совершенно не похожими на то, как их писали на русских иконах. Ведь это исполнено сербскими либо византийскими художниками, которые знали, что существовали Борис и Глеб, что они были молодыми и что они были князьями. Так что есть три книжно-литературные сферы и еще две тоже относящиеся к рукописным книгам.

К большим достоинствам построений В.А. Мошина следует отнести то, что он попытался расширить сам круг культурных контактов за пределами собственно литературной книжности. Он, конечно, опирался на модель, предложенную Алексеем Ивановичем Соболевским для южнославянского влияния на русскую культуру XIV–XV вв., но надо сказать, что он проявил в этом отношении, действительно, большую смелость, в итоге вполне оправданную. Он обратил внимание на то, что с рубежа XII–XIII вв. меняется начертание целого ряда букв в южнославянских рукописях, и эти перемены происходят, несомненно, под влиянием русских книжных каллиграфических почерков. А южнославянских почерков того времени сохранилось очень мало. От XII в. дошли считанные единицы и обрывки рукописей, причем требуется еще объяснить, почему произошло так. А вот с рубежа XII–XIII в. появляются четкие красивые каллиграфические почерки, явно ориентированные на русские.

И еще один пример, который все-таки выходит за рамки литературы и письменности. Дело в том, что с XIII в. в южнославянских рукописях появляется так называемый тератологический, или чудовищный стиль, это переплетение тел фантастических животных, выполненное на очень высоком уровне. Для русской традиции это характерно с XII в. (примерно с середины века), а в южнославянской появляется в раннем XIII в. У нас есть фантастический пример — это Евангелие Ватиканской библиотеки, написанное «грешником» Будилом замечательным русским книжным почерком и иллюминированное хорошим тератологическим орнаментом (кстати, запись с именем писца в кодексе была обнаружена мной

в 1991 г., когда я работал с ним в библиотеке Ватикана *de visu*, до этого он считался безымянным). Это настолько бросается в глаза, что в XIX — начале XX в. несколько крупных исследователей выражали сомнение в сербском происхождении кодекса. Например, Игнатий Викентьевич (или Ватрослав) Ягич сомневался в рецензии на альбом Стасова, где кодекс назван сербским: «Похоже, что это русская рукопись», — писал он. А позже, в 1913 г. замечательный русский искусствовед Алексей Иванович Некрасов писал то же самое. И действительно, когда открываешь эту рукопись в оригинале или на снимке и не смотришь на орфографию, кажется, что это нормальная русская рукопись. Больше того, нам, в действительности, примерно известно, у кого учился Будило. То есть имени его мы не знаем, но учился он у кого-то из писцов Ростовского скриптория первой трети XIII в. Либо сам писец ростовского скриптория в молодости работал на Афоне, либо у них был общий учитель, относящийся к этой школе.

Теперь же перейдем все-таки к литературному и книжному корпусу. Надо сказать, что он весьма внушительен. В смысле объема собственно сербское литературное творчество XIII в., конечно, гораздо обширнее русского, но в отношении названий и репертуара в сербской литературе и книжности XIII столетия преобладали памятники, написанные или переведенные на Руси. Это, кстати, дает основание внимательно заниматься их изучением.

Открывает список, конечно, знаменитое «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона, один из древнейших памятников русской литературы. Он не дошел целиком в сербских списках, но пространная цитата из него использована в житии святого Симеона Сербского (Стефана Немани) учеником святого Саввы Доментианом (хотя есть мнение, что, на самом деле, эта часть похвалы написана еще самим Саввой).

Дело в том, что «Слово» митрополита Илариона содержит похвалу княжескому достоинству крестителя Руси князю Владимиру, и кто-то из сербских книжников (в данном случае не важно кто именно) счел возможным, необходимым использовать этот текст для похвалы Стефана Немани. Это было обнаружено еще во второй половине XIX века казанским славистом Мемноном Петровичем Петровским, и затем породило целый ряд исследований, связанных с этим памятником и с его отнесением к сербской традиции.

Помимо этого сочинения митрополита Илариона, у нас есть, по меньшей мере, три сербских списка его так называемого «Послания к брату-столпнику», где в заглавии он именуется митрополитом Киевским. Причем это известно только по сербским спискам, в русских он так не именуется. И сербские старше, они датируются примерно с середины XIV в., а русские известны лишь с XIV–XV вв. И это ценное свидетельство в пользу изучения неместной традиции, потому что мы можем наткнуться на сведения, которые на месте утрачены, а в изолированной традиции они сохранились.

В научной литературе велись большие споры о том, кто является автором этого сочинения. Авторство неоднократно оспаривалось, приводились доказательства того, что это какое-то переводное сочинение, ошибочно приписываемое митрополиту Илариону в сербской традиции. Но в последнее время, около 30 лет назад, Дмитрий Михайлович Буланин доказал, что цитата «Аз в Афинах не учился», которая присутствует в тексте, абсолютно чужда византийской традиции, т. е. автор является славянином, а если славянином, то единственный заметный Иларион-славянин — это Иларион, митрополит Киевский.

Это, действительно, очень интересный памятник с точки зрения ранней русской и сербской аскетики, поскольку его переписывали многократно, а он переписывался еще и в другой редакции, значительно переделанной, т. е. памятник был скопирован сербами несколько раз.

Дальше, разумеется, идут жития русских святых. Общая черта для них — то, что все эти жития краткие, входившие в состав так называемого Пролога, сборника кратких житий, расположенных по церковному месяцеслову с сентября по август. Они читались, соответственно, на церковной службе в день празднования того или иного святого. Набор их внушает уважение, потому что в Пролог вошли памяти первым русским мученикам Борису и Глебу и памятное перенесение их мощей, память русской княгине Ольге, первой принявшей личное крещение, память Феодосию Печерскому, одному из основателей русского монашества. Что интересно, текст, посвященный Феодосию, не совпадает с текстом, помещенным в русских прологах. Это специально делалось для какой-то особой редакции сборника, которая получила известность у южных славян.

Также большую редкость для русских Прологов, где сохранилось всего два списка (а у южных славян, преимущественно сербов, не менее шести) представляет еще один текст. Это Житие князя Мстислава Владимировича, сына Владимира Мономаха. На Руси оно сохранилось, очевидно, благодаря тому, что сын Мстислава был псковским князем, и дошло в псковских рукописях Пролога, а для южных славян (главным образом сербов) это означает, что Пролог такого состава, вероятно, пришел из Киева и, возможно, из Федоровского монастыря, построенного Мстиславом.

Что еще из оригинальных памятников заслуживает внимания? Конечно же, замечательное поучение «Не пускает небо дождь», произнесенное по случаю затяжного «вёдра», т. е. нестандартной летней погоды, когда не было дождя в Новгороде. Новгород — такое дождливое место, почти как Петербург сейчас, а вот было такое событие, кажется, в 1169 г. Это поучение архиепископа, хотя в заглавии его имени нет. Вероятно, это архиепископ Илья или Иоанн. Текст очень интересный, он осуждает прегрешения мирян и, что особенно важно, феодальную усобицу. Бездожье — это наказание за грехи разного уровня, к которым, прежде всего, относятся феодальная усобица, убийство своих братьев.

И этот случай тоже очень интересный, потому что сербский список данного памятника XIV в. — практически идеальный, при том что текст в принципе очень распространен на Руси в XIV–XVI вв. Дело в том, что в составе единственного сербского списка середины — третьей четверти XIV в. содержится несомненно русский пассаж, который исключен из всех русских списков, видимо, за неактуальностью в позднейшее время. «Русскость» и даже «новгородскость» этого текста в том, что там употреблен новгородизм «намы». «Намы» — это проценты на даваемые в долг деньги. Термин «намы» известен еще только по берестяным грамотам, находимым при археологических раскопках, а не по рукописным книгам. Там осуждается взятие денег за «изгойство». Изгой — это раб (в данном случае, очевидно, попавший в неволю за долги), освобожденный за денежный выкуп.

Можно представить, когда именно памятник мог быть актуален в Сербии. Разумеется, в связи с большой усобицей 1200-х годов между Стефаном, будущим первовенчанным кралем, и его старшим братом Вуканом.

Что еще стоит упомянуть из важных памятников, стоящих на перепутье литературы и книжности и на перепутье оригинальной и переводной литературы? В первые десятилетия после принятия христианства был распространен такой жанр, как вопрошание. Священнослужители, монахи или игумены монастырей обращались к церковным иерархам, которые были византийцами и расспрашивали их о некоторых вещах, связанных с соблюдением церковного обычая. Это очень интересно, потому что из этих текстов мы получаем представление о повседневной жизни новокрещенного общества.

Из таких вопрошаний у нас наиболее известны так называемые «Вопрошания Кирика» второй половины XII в., адресованные новгородскому архиепископу. Есть два вопрошания XI в. — это «Вопрошание к киевскому митрополиту Иоанну» (неясно к I-му или II-му, это зависит от датировки: либо 1040-е годы, либо 1070–80-е годы) и опубликованное мной совсем недавно «Вопрошание к митрополиту Георгию», это 1080-е годы. В сербскую традицию памятники перешли не целиком, а выборкой в составе так называемых «Правил», т. е. из ответов на вопросы они превращены в правила.

Здесь мы тоже сталкиваемся с тем случаем, когда сербская традиция сильно превосходит русскую по сохранности. Нужно оговорить, что вообще русская рукописная традиция репрезентативна только с XV в. Очень многие важные литературные памятники XI–XIV вв. не дошли в современных списках. Так, «Вопрошание Георгия» дошло в списке первой четверти XV в., причем из него удалена вся вопросная часть, оставлены только ответы, т. е. создана база для включения в Правила. А старший сербский список сохранился в составе так называемого «Берлинского сборника», очень известного, который получил наименование по месту хранения. Это сербская рукопись раннего XIV в., списанная с болгарского оригинала, значительная часть — примерно восемь вопросов из «Вопрошаний Иоанна» и свыше 20 вопросов из «Вопрошания Георгия» включены в текст. Понятно, что раз это входило в состав вопрошаний, то могло использоваться на исповеди и получать достаточно широкое распространение.

Я забыл упомянуть, что в «Сборнике попа Драголя» (или Сборнике Сречковича) XIII в. содержится одно из сочинений Кирилла

Туровского, а именно «Притча о белоризце» (Послание к Василию, игумену Киево-Печерского монастыря). У нас тоже нет таких старых русских списков памятника. Как сейчас ясно, несомненно переводной является древнейшая служба Борису и Глебу. Когда-то ее считали написанной на славянском языке, теперь ясно, что она была написана по-гречески, скорее всего, митрополитом Иоанном I и сразу же переведена на славянский язык, поэтому греческих списков мы не имеем, а вот сербских достаточно с первой половины XIV в.

Кроме того, существует такой экзотический памятник, как чин исповеди, сохранившийся в Требнике раннего XIV в. из Соборания Дечанского монастыря № 67. Первоначально он был обнаружен в так называемом Зайковском требнике, который, по-видимому, написан сербом, но прекрасно копирует в орфографическом отношении болгарский оригинал. Что касается Дечанского требника, он чисто сербский. При том что круг вопросов исповедующихся достаточно обычный, интересна лексика, которая явно выдает русское происхождение оригинала текста. Там, например, есть слово *лошадь* и есть слово *гоготать*. Болгарские филологи вроде бы нашли пример *гоготать* в болгарских памятниках, хотя и не самый убедительный, но *лошадь* не смогли найти даже они, поэтому это еще один памятник безусловно заслуживающий внимания.

Если же мы перейдем к явным переводам, то здесь, разумеется, на первом месте следует назвать «Житие Андрея Юродивого». Это очень популярный памятник, многожанровый в своем составе и неоднократно переводившийся. У нас сохранился сербский список середины — третьей четверти XIV в. (в том же сборнике, что и новгородское поучение о бездождии), где взяты только вопросы ученика Андрея Епифания о Страшном суде и будущей жизни. Памятник послужил основой такого популярного жанра, как апокалиптика.

Следующий памятник, очень популярный во всех православных славянских традициях — «Повесть о Варлааме и Иоасафе». То, что перевод был первоначально сделан на Руси, и к нему восходят два позднейших перевода, сербский и болгарский, это убедительно показала в своей монографии о данном тексте Ирина Николаевна Лебедева. В Сербии он, несомненно, пришелся по душе уже святому Савве, поскольку сам Савва, как я буду говорить

в следующей лекции, воспринимался многими как сербский аналог царевича Иоасафа. Поэтому мы находим изображения Варлаама и Иоасафа уже в Студенице. Перевод сохранился в целом ряде сербских списков. Конечно, в сербской традиции есть и болгарский перевод, но в данном случае это не имеет слишком большого значения. Отдельные повести из этого огромного «романа» дошли в составе пролога и отразились в сербском корпусе.

Как очень убедительно показал австрийский исследователь проф. Хайнц Миклас, в составе того же Берлинского сборника содержится и древнерусский перевод одного из самых популярных апокалиптических византийских средневековых сочинений — это «Откровение Мефодия Патарского». Оно широко распространено в русской традиции, но затрудняюсь сказать, есть ли списки старше, чем Берлинский сборник.

Я уже говорил о русских житиях в составе Пролога, но необходимо упомянуть и сам Пролог. Он в южнославянской традиции, и прежде всего сербской, не менее репрезентативен, чем в русской, и в целом он более древний, поскольку эта редакция Пролога (так называемый Пролог Константина епископа Мокисийского) вышла из обращения у южных славян около середины XIV в. К южным славянам попала древнейшая версия его перевода, дополненная русскими житиями, но не дополненная поучениями. А как попал на славянский юг целый ряд проложных поучений, это особый вопрос, — по-видимому, через какие-то русские сборники, включавшие их.

Пролог имел еще одно последствие на южнославянской почве: в южнославянской практике, в соответствии с греческой, проложные жития включались в состав служб и служебных книг, что многократно увеличивает южнославянскую рукописную традицию этого сборника. Потому что если взять любую сербскую служебную или праздничную Минею, написанную до середины XIV в., то это непременно будет еще один след знакомства сербских книжников с русской традицией. Они расписали Пролог по месяцам, включили все жития в состав служб на соответствующие дни (в рукописях, предназначенных для соборного богослужения), потом стали сокращать их для монастырских и приходских нужд, оставляя только памяти тех святых, которым положена служба на этот день.

Уже переходя к сюжетам отчасти маргинальным, надо упомянуть случаи помещения в месяцесловах сербских Евангелий и Апостолов памятней русских святых. Их набор даже меньше, чем в Прологах — это Борис и Глеб, перенесение их мощей и память Феодосия Печерского. И такой возникший на Руси в конце XI в. праздник, как перенесение мощей Николая Чудотворца из Мир в Бар, в Италию.

Причем интересно, что само помещение этих памятней (а рукописей, содержащих их не меньше 12–15) не связано напрямую с копированием восточнославянских оригиналов. Это явное отражение проникновения почитания русских святых. Они также были канонизированы греческой церковью — это был централизованный процесс.

Я забыл упомянуть еще одну вещь: в отличие от русских прологов, в сербских прологах Борис и Глеб именуются «сыновьями царя русского», чего ни в одной русской рукописи нет. Но это, безусловно, отражает древнейший уровень почитания и Бориса и Глеба, и князя Владимира.

Наконец, пожалуй, самый скромный элемент «первого восточнославянского влияния», это отражение восточнославянской орфографии в сербских рукописях. Сразу стоит указать, что это гораздо менее масштабное явление, чем отражение южнославянской орфографии в русской книжной культуре XV в. Но все же у нас есть примеры целого ряда таких памятников. Конечно, прежде всего это Евангелия и Апостолы, но наличествует и так называемая Браткова Минея праздничная, памятник, датируемый 1230-ми — началом 1240-х годов.

Стоит упомянуть и факты, уникальные по характеру. Например, когда святой Савва Сербский переводил свой Номоканон, то он использовал отчасти и перевод номоканона без толкований (его номоканон был с толкованиями), который был создан на Руси в XI в. И, по-видимому, ему в этом способствовали русские монахи, неважно, жили они в Пантелеймоновом монастыре или в каком-то другом. В переводе отразилась восточнославянская лексика, потому что восточнославянская орфография в древнейшем списке Святосаввского номоканона и Иловицкой кормчей имеет другое происхождение. Как в свое время установила замечательная сербская исследовательница Луция Цернич, первым писцом Иловицкой кормчей 1262 г. (а их было двое, второй — серб Богдан)

был новгородец. Это, вероятно, последний русский паломник и монах, который добрался до Сербии в XIII в. Случай, конечно, сам по себе замечательный.

Этим, пожалуй, и ограничивается на данный момент круг проблем и памятников, связанных с русско-сербскими связями XII — XIII вв.

Еще одно дополнение. Тогда же, на рубеже XII–XIII вв., в сербскую письменность пришел такой замечательный памятник, как «Пчела», сборник изречений из Священного Писания и из античных философов. Он был переведен не позднее конца XII в. и представлен в интереснейшей сербской рукописи XIV в. О ней стоит сказать отдельно.

Кодекс разделен на части, три из них хранятся в Петербурге, основная часть — в Публичной библиотеке, два отрывка — в Библиотеке Академии наук, еще один лист — в Народной библиотеке Сербии в Белграде. Они отождествлены между собой Луцией Цернич. Белградский отрывок отождествлен с петербургскими несколькими исследователями, в том числе и мной.

Чем же замечателен этот кодекс? Это почти целиком сохранившийся список со сборника, который был составлен не позднее конца 1230-х гг. в Студенице тамошним игуменом Спиридоном, учеником и адресатом святого Саввы. Об этом свидетельствует послание этому игумену от «старца Святой Горы» Иоакима, в заглавии которого сказано, что оно включено в книгу самим составителем. В ней помещены уже упоминавшееся «Поучение о бездождии», «Пчела» и выписки из нее, Пандекты Никона Черногорца. Это показывает, какой круг памятников интересовал сербское монашество раннего периода его существования, раннего периода сербской автокефалии.

У нас есть еще один, более ранний (второй половины XIII в.) список этого сборника, но он жестоко пострадал от времени. В нем утрачено больше половины состава, а все остальное представляет собой просто кашу из листов. Когда-то мне пришлось его описывать. По счастью, я выписал одновременно и этот сборник, и список XIV в., и с его помощью удалось восстановить состав древнего.

Еще на целый ряд вопросов вы найдете ответы в списке литературы, только хочу добавить (для сербских коллег), что есть сборник моих работ, вышедших в Сербии, где все эти статьи тоже имеются.

* * *

Вопрос: Когда мы говорим о влиянии, например, в области лексики, мы различаем источник влияния, посредника влияния и, собственно, реципиента. Так вот, когда мы, например, обсуждаем турцизмы в балканских языках, в сербском, мы не разграничиваем иранизмы или арабизмы, мы считаем их второстепенными, поскольку через турецкое посредничество это проникло в наши языки, и вся эта лексика считается результатом влияния турецкого. Это просто параллель из нашего сугубо лингвистического мира. Вопрос мой следующий: во многих случаях Вы упоминали о существовании болгарских списков тех же памятников, какова роль болгарской традиции? Это самостоятельное звено рецепции русской традиции или это передаточное, посредническое звено, через которое памятники попадают в традицию сербскую?

А.А. Турилов: Большое спасибо за вопрос, он очень хороший, и, конечно, можно на момент вернуться к тому, где и как происходил обмен. Конечно, он осуществлялся через монастыри. И этим отчасти определяется (и даже дважды) состав корпуса текстов. С одной стороны, он формировался русскими монахами, и, кстати, было бы чудом, если бы вдруг мы имели даже не то что сербские списки русских летописей, но даже пространные жития русских святых. И второй фильтр, конечно, при переходе из традиции в традицию.

Что касается болгарской традиции, то ее функция двоякая. С одной стороны, у нас есть памятники, которые, несомненно, прошли через болгарское посредство. С другой стороны, есть памятники, для которых это попросту не изучено. Скажем, с Берлинским сборником все ясно, он скопирован с болгарской рукописи. Уже в том, что касается этого сербского сборника XIV в., о котором шла речь выше, то там все неоднозначно. В отношении лексики мне следовало бы упомянуть последнее исследование по этой теме — монографию Анны Абрамовны Пичхадзе, защищенную как докторская диссертация. Там максимум восточнославянской лексики, но при этом мы не должны забывать о том, что представления о лексике тоже колеблются. Например, страшно подумать, что до сих пор у нас нет словоуказателя к Житиям кралей и архиепископов сербских, где такая богатая лексика. Просто один пример: до самого последнего времени считалось, что грецизм «фарь»

(конь-иноходец) это особенность русских текстов, но в производной форме «фарьство» (т. е. «иноходчество») содержится в «Житии краля Милутина», значит его следует исключить из восточнославянских примеров.

Где, насколько я знаю, никаких примеров болгаризмов нет, это перевод Пандектов Никона Черногорца, который представлен только сербскими списками, начиная с конца XIII в. И «Поучение о бездожде» тоже «чистое», там русизмы (новгородизмы) в сочетании с чисто сербской орфографией. Так что, по-видимому, существовали разные пути, и целый ряд текстов проникал в сербскую книжность через Хиландар, минуя болгарское посредство, тем более что русский монастырь был недалеко от Хиландара (конечно, чуть дальше, чем до болгарского Зографа, но не настолько, чтобы создавать какие-то проблемы).

Конечно, со временем происходила «чистка» апокрифических рукописей. Но это обычная судьба традиции, мы не раз сталкиваемся с исключением архаизмов в одной и той же традиции, обновлением лексики. Причем можно еще сказать, что далеко не все памятники, которые дошли до мест контактов или до южнославянских монастырей, потом получили распространение в собственно южнославянской традиции. Например, у нас есть замечательный сборник, который разделен на части, он хранится в Публичной библиотеке и на Синае в монастыре святой Екатерины. Там самый полный набор житий древнерусских святых, там есть жития и Владимира и Ольги, и даже варягов-мучеников, чего нет ни в одной южнославянской рукописи, тем более на территории Болгарии и Сербии. Интересно, что в XIII в. эту рукопись читал сербский паломник, который оставил на чистой странице молитву святым Палестины и Синае, которую он сам составил и записал. Это очень интересный факт, и тоже факт контактов, но он не принес с собой список в Сербию. Правда, этот сборник был написан русскими и болгарями, сербы его только читатели.

Сербско-русские культурные связи XV–XVI вв.

Данный период довольно четко разделяется на две половины: первая половина восходит к 80-м годам XIV в., а вторая начинается в самом конце XV в. Первая половина периода является частью того процесса, который именуется в литературе «вторым южнославянским влиянием». Это время, когда на Балканах уже завершился процесс перевода новых богослужебных книг, ориентированных на Иерусалимский устав, и многочисленной аскетической литературы. А на Руси в это время началось и сформировалось новое монастырское движение, у истоков которого принято ставить Сергия Радонежского. Новым общежительным монастырям была необходима аскетическая литература, причем, естественно, ориентировались на новые богослужебные образцы, идущие из Византии. На самой Руси переводов делалось довольно мало, и монастыри пользовались готовыми южнославянскими. Это стало прекрасным поводом для связей.

На первый взгляд, кажется, и это постоянно подчеркивается в литературе, что основными связями были русско-болгарские, потому что копировались, в основном, болгарские переводы. Тем не менее уже для этого периода, для конца XIV — первой половины XV в., у нас достаточно много свидетельств русско-сербских связей, во всяком случае, их куда больше, чем в предыдущие эпохи. Например, где-то в 90-е годы XIV в. монах северного Спасо-Каменного монастыря около Вологды, Касьян Румянцев по абсолютно неизвестным причинам совершил путешествие в «сербскую землю», откуда он вывез сборник слов Григория Богослова. Этот сборник сохранился в копии 1479 г. О пути рукописи сообщается в послесловии, и правописание списка не оставляет ни малейшего

сомнения, что, конечно, это была хорошая, причем еще рашская по правописанию, рукопись.

Очень показательно, что когда в описях русских библиотек больших монастырей упоминаются книги «сербские», это всегда безошибочно книги, написанные по рашской орфографии и обычно XIV в. Таков, например, «сборник Сербский» в Кирилло-Белозерском монастыре. Этот сборник аскетических сочинений гораздо старше самого монастыря, но при этом он имеет русскую разметку, по-видимому, рубежа XIV–XV вв. Затем это «Лествица старая сербская» в Иосифо-Волоколамском монастыре. Она до сих пор цела, в том же собрании, и это действительно сербская рукопись последней трети XIV в. И, наконец, одна экзотическая вещь, которая в свое время не добралась до Руси: ее привез с Афона только в XIX в. Андрей Николаевич Муравьев. Это бумажный кодекс первой трети XIV в., написанный, по всей видимости, в Хиландаре, и содержащий слова Исаака Сирина, первую редакцию перевода, которая значительно короче второй. Примерно в 20-е годы XV в. известный книгописец Евсевий-Ефрем (от которого дошло немало рукописей, переписанных с южнославянских) аккуратно, на широчайших полях (которые явно предназначались для глосс) дописал из второй редакции все, чего не хватало в первой. Сейчас эта рукопись находится в собрании Троице-Сергиевой Лавры. Кроме того, к началу XV в. (1404 г.) относится факт исключительный, зафиксированный в летописании. В этом году в Москве сербский монах Лазарь сделал башенные часы для Московского Кремля. Причем всех поразило, что часы отбивали каждый час дневной и ночной, и эта работа и механизм обошлись больше чем в 150 рублей. Чтобы оценить эту сумму, надо вспомнить, что в это время московский «выход» в Орду, т. е. деньги, которые платились туда московскими князьями, составлял 1280 рублей. То есть стоимость часов составила 15% от «выхода» — цена просто огромная. Интересно, что это единственные сербские часы, которые упоминаются в столь ранней истории, потому что в самой Сербии источники не упоминают часовых мастеров и больших часов. Они, конечно, были, но не сохранились. Московские часы не дошли до нашего времени. В Лицевом летописном своде XVI в. есть изображение изготовления этих часов, но, конечно, к реальным часам это не имеет отношения. Там показаны кремлевские башни конца XV в.,

построенные итальянскими мастерами, и часы, сооруженные, очевидно, в то же время. Часы Лазаря не прожили, таким образом, и 70–75 лет. Но тем не менее факт очень показательный.

Для этого времени, несмотря на то что на Русь приходили в большинстве своем болгарские переводы, можно все-таки отметить несколько несомненно сербских. В частности, например, это переводы сербского монаха-аристократа Антония Багаша, работавшего в монастыре святого Павла на Афоне в конце XIV в. Он перевел большое агиографическое (и одновременно полемическое) сочинение — Житие Григория Омиритского. Памятник состоит из двух неразрывных частей: из собственно жития и «прения» Григория, т. е. его полемики с еретиком Ерваном. И второй перевод Антония тоже чрезвычайно важен — это так называемые «Адрианты», сборник поучений Иоанна Златоуста.

Еще один сербский перевод загадочен по своей судьбе. Это перевод ключевого сочинения для аскетики и религиозной философии, сделанный в 1371 г. сербским монахом Исайей, будущим игуменом в Хиландаре, — сборника сочинений Дионисия Ареопажита (т. е. Псевдодионисия, конечно) с толкованиями Максима Исповедника. Он почти «сто процентно» был привезен на Русь митрополитом Киприаном, болгаринном по происхождению. У нас есть список с рукописи Киприана, он датируется примерно 30-ми годами XV в. Несомненно, что это список с сербской рукописи, но загадка заключается в том, что болгарских списков Дионисия Ареопажита попросту нет. Объяснение может быть только одно. В 1376 г. Киприан находился в Константинополе, где ожидал патриаршего поставления на русскую кафедру, на кафедру Киевскую и Всея Руси. В этом же году из Сербии прибыло посольство для примирения с Константинопольским патриархом, потому что византийско-сербские церковные отношения были практически разорваны после венчания Стефана Душана на царство и объявления в Сербии патриархата в 1346 г. (за 30 лет до описываемого события). И поскольку в составе посольства находился выше упомянутый Исайя, игумен Хиландарского монастыря и переводчик, то можно предположить, что он привез с собой этот перевод. И он его вручил человеку, которого он, вероятно, знал еще по Афону, а именно Киприану, который тогда еще не был митрополитом. А Киприан, в свою очередь, возможно, подарил Исае славянский

перевод жития Виленских (т. е. вильнюсских) мучеников, которые только в это время были канонизированы. И так в сербской письменности появилось житие Виленских мучеников, которое дошло в более ранних сербских списках, чем русские.

Еще один памятник тоже весьма интересен своей судьбой. В связи с переводом богослужебных книг был переведен и так называемый Стишной Пролог. Пролог бытовал, как говорилось в предыдущей лекции, и у восточных, и у южных славян. А здесь был сделан новый перевод, где каждому житию предшествовало короткое стихотворение, но без рифм, основанное только на ритмике. Но, естественно, переведено это было прозой, иногда ритмической, иногда нет. И переводов было несколько: перевод болгарский, перевод сербский, менее распространенный, чем болгарский. На Русь, несомненно, пришел болгарский перевод, но одна деталь заставляет думать, что он попал через сербское посредство, потому что когда мы обратимся к житию прославленного болгарского святого, почитаемого и в Сербии, Иоанна Рыльского, то там читается буквально дикая фраза: «единородные же ти болгары истребляй» (!). Обращаться с такой просьбой к небесному покровителю по меньшей мере странно. И это читается абсолютно во всех русских списках (не говоря уже о житиях сербских святых, прежде всего Симеона и Саввы, они в болгарских списках столь же устойчиво отсутствуют). Стишной Пролог приходил на Русь по крайней мере два раза, а может и три (отдельно в Москву, отдельно в Новгород и, вероятно, отдельно в западнорусские земли). Объяснение фразе может быть только одно. Первоначально здесь стояло: «единородные же ти болгары и сербы» («срѣбле» с лигатурой -РЬ- (Ь с высокой мачтой), которая была прочитана как -ТР-), ну и дальше, соответственно, благословение на оба народа. Естественно, что такое добавление могло быть сделано только сербами (тем более, что в дошедших болгарских списках оно не зафиксировано), и соответственно списки, которые попали на Русь, были сербские. Так через мелкие, зачастую «каверзные» детали иногда удается установить пути распространения текстов со славянского Юга на Русь.

Где-то в 30-е годы XV в., раньше 1438, но едва ли раньше 1430 г., на Руси появляется человек, который составил целую эпоху в истории русской литературы, а именно Пахомий Серб, или Пахомий Логофет, афонский монах. Его предыдущая судьба совершенно

неизвестна: что он делал, что писал на Афоне и в Сербии, мы не знаем и, вероятнее всего, никогда не узнаем. Как он прибыл на Русь, трудно сказать. Можно предполагать, что он приехал в Смоленск с новопоставленным митрополитом Герасимом (1433). Потому что к 1438 г. он уже был в Новгороде и работал там.

Это был первый профессиональный писатель на Руси, который написал около двадцати житий и служб русским святым, ввел в употребление распространенный на славянском Юге стиль «плетения словес», т. е. сложный цветистый стиль, который очень здесь понравился. Последователей у Пахомия было очень много (в старой, давно ставшей классической, монографии Василия Осиповича Ключевского «Древнерусские жития святых как исторический источник» (М., 1871, переиздание — М., 1988) одна глава так и называется «Русские подражания (подразумевается, что Пахомию — А.Т.) домакаръевского времени»). Больше того, под конец жизни он принимал участие и в русском летописании. Он работал в Москве, в Новгороде и в Кирилло-Белозерском монастыре, возможно, где-то еще. Он был очень добросовестный человек — если ему нужно было писать житие какого-то святого, например Кирилла Белозерского, он ехал на Север в Кирилло-Белозерский монастырь и опрашивал людей, которые были свидетелями или слышали о жизни святого. То же было с Сергием Радонежским и с новгородскими святыми. Много я о нем говорить не буду, поскольку о Пахомии написано и без того более чем достаточно, ему посвящена буквально целая литература, хотя монографии о нем и издания собрания его сочинений до сих пор нет. Что он еще ввел в употребление на Руси? Это службы сопровождавшиеся акростихами, когда по начальным словам песнопений, из букв, которыми начинаются отдельные песнопения (а иногда из их начальных слов целиком), составлялись фразы, которые в большинстве случаев упоминали и героя, и автора. Кажется, уже этого достаточно, чтобы оценить вклад сербской культуры в русскую культуру в конце XIV–XV в. Но есть опять-таки казусный случай, объяснить которой мы совершенно не можем. Есть одна русская рукопись XIV в. (точнее, 1388 г. — ГИМ, Чудовское собр., № 17), которая содержит «Беседу души с плотью», так называемую Диоптру Филиппа Философа (Монотропа), на которой сохранилась сербская запись раннего XV в. (после битвы при Ангоре турок-османов с войском

Тимура). Ее не ранее 1402 г. (дата битвы) оставил афонский монах Евсевий, который до этого был приближенным турецкого султана Баязида. Он подробно описывает, кто он по происхождению, кто его родители с одной и с другой стороны. Это был бы роскошный сюжет для сербской истории, если бы мы знали хоть одного из этих людей по сербским источникам. После Ангоры, сражения, где турки были разбиты, Евсевий бежал из Малой Азии на Святую Гору, постригся и стал монахом.

Как осуществлялись русско-сербские связи в это время, сказать очень трудно. Можно исключить почти полностью только одно место, которое вроде бы само напрашивается. А именно, русский Пантелеймонов монастырь, он так и назывался — русский монастырь, «Русик» или «Русь», но только, скорее всего, там тогда не было ни одного русского монаха. Уже, видимо, с раннего XIV в. он был сербским, поэтому когда исследователи пишут, что известен договор, важный для истории русско-южнославянских связей, что где-то в 70-х годах XV в. русский монастырь заключил договор с болгарским Рыльским (Рильским), то это просто слова, так как это имеет отношение лишь к болгаро-сербским связям. Потому что «Русский» монастырь в то время был сербским по населению и оба они (и Рыльский, и Пантелеймонов монастырь) находились под покровительством вдовы османского султана, дочери деспота Джурджа (Георгия) Бранковича, Мары. Так что названия нередко бывают обманчивы. А русские монахи жили там, где делались переводы, в основном в греческих монастырях, Великой Лавре, Ватопеде и отчасти в сербском монастыре святого Павла. Этой территорией преимущественно и ограничивался круг контактов. Потому что Константинополь тогда был уже не самым благополучным местом, а в афонских монастырях осуществлялись контакты, переписывались рукописи, которые потом отправлялись на Русь. При этом с конца XV в. о связях с Сербией и Афоном для Московской и Западной Руси уместно говорить отдельно, теме связей с Сербией и со Святой Горой будущих украинских и белорусских земель в это время вполне может быть посвящена самостоятельная лекция.

Необходимо упомянуть еще один памятник, потому что он очень важен. Переводы богослужебных книг, служебных Миней со службами на каждый день месяца в русской традиции восходят тоже к сербскому оригиналу, хотя, может быть, пришедшему через

болгарское посредство. Это устанавливается на основании того, что во всех этих минеях под 28 октября читается служба второму сербскому архиепископу Арсению, причем с характерной монастырской пометой: «Служим, аще повелит настоятель». В конце XV в., когда уже пали последние остатки независимости Сербии, прекратили существование сербские патриархия и деспотство, и, кстати, уже умерла и дочка Джурджа Бранковича Мара, в Москве появляется посольство Пантелеймонова монастыря, которое просит московские власти стать его покровителями. Они неплохо ориентируются в истории — говорят, что монастырь основан при Ярославе Мудром и Ярослав был его ктиторм. Разумеется, возвышающееся Московское княжество в лице великого князя Ивана III покровительство приняло. Так завязываются длительные связи с Афоном, которые осуществляются через приезды монастырских посольств в Москву. Афонским монастырям выделяется подворье, которое находилось на месте будущей Синодальной типографии (ныне там Историко-архивный институт, т. е. часть РГГУ), а позднее при церкви Кира и Иоанна на Солянке. В начале XVI в. происходит редчайший контакт между умирающей сербской династией Бранковичей и возвышающимся Великим княжеством Московским. В 1509 г. в Москву прибывает посольство с Афона и вместе с ним посланцы от деспотицы Ангелины Бранкович, вдовы одного из Бранковичей. К этому времени умер ее младший сын, которого признали деспотом венгры (Бранковичи жили на территории современной Воеводины и Срема), и второй сын Максим, довольно рано отказавшийся от титула (он стал монахом, был даже некоторое время епископом Валахии). Ангелина просила Великого князя (тогда уже «вся Русь») принять оружие и доспехи («зброй») ее умершего младшего сына и помочь со строительством монастыря. До нас дошло письмо Ангелины, хотя и в копии, включенное в посольскую книгу, и из этого письма мы можем заключить, что у нее при дворе жил выходец из Литовской Руси, потому что термин, который применен к присланному оружию ее сына — «зброй», это типичный полонизм, известный и в Западной Руси. Тут надо немножко вернуться в более раннее время. Я забыл сказать в отношении болгарского посредства, что в среднеболгарской Псалтыри с воследованием, послужившей оригиналом так называемой «Псалтыри митрополита Киприана» (которая, в свою очередь, дала начало многочисленным спискам)

имеются три памяти с песнопениями в честь сербских святых (в календарном порядке, это Арсений, Симеон и Савва Сербские). Так что, очевидно, с конца XIV в. (русские списки дошли от раннего XV в.) сербские святые получили известность на Руси.

А с посольством деспотицы Ангелины, возможно, связан опыт распространения почитания русских святых в Сербии. Потому что в библиотеке монастыря Крушедол, который был связан с последними Бранковичами, хранятся две рукописи, которые в целом составляют комплект. Это так называемые «Минеи новым чудотворцам», содержащие службы и жития. Рукописи русские, датируются по филиграням около 1500 г. Ну поскольку филигрань — вещь не самая надежная, они могли быть написаны и несколько позже, около 1509 г. (т. е. времени приезда посольства в Москву). И там читаются пространные жития русских святых со службами, в том числе и написанные Пахомием Логофетом. Вполне допустимо предположить, что это книжные подарки, которые (наряду с денежными) были посланы от Москвы Ангелине либо из великокняжеского двора, либо от митрополита.

Первая половина XVI в. — это время очень активных русско-сербских связей, особенно по сравнению с предыдущими периодами. В 1517 г. в Москву пришел старец Исайя (неизвестно, из какого афонского монастыря) и принес с собой пространное житие святого Саввы Сербского, написанное Феодосием Хиландарцем. Можно сказать, что такой популярностью пользовалось потом мало даже русских житий, потому что до нас дошло порядка 80 русских списков этого памятника XVI и XVII вв. (сербских, к слову, несравненно меньше). Но, очевидно, сам привоз не был случаен. Дело в том, что где-то в 1516–1517 гг. в Иосифо-Волоколамском монастыре, возможно, по заказу великого князя Василия III, приступают к созданию монументального всемирного исторического свода, так называемого Русского Хронографа. Он включал известия не только по русской истории и не только по всемирной истории, начиная с Библии, но и первый раз по южнославянской, т. е. там использован был большой пласт сербских житий. Почему именно сербских, вполне объяснимо. Болгарские жития (кроме проложных) почти не содержат исторических известий, которые годились бы для такого повествования. А сербские — жития святого Саввы, краля Стефана Дечанского, деспота Стефана Лазаревича

насыщены историческими сведениями не только о Сербии, но и о Византии и Болгарии. По-видимому, именно с этим связан привоз жития святого Саввы в Москву в 1517 г., т. е. уже в процессе работы над Хронографом, поскольку южнославянские источники использовались во второй части свода и даже ближе к его концу. И здесь у нас вновь встает резонный вопрос: кто же надоумил московских книжников воспользоваться именно этими житиями? С конца XV в. на Афон путешествовали русские монахи. Например, там жил прославленный преподобный Нил Сорский, были и другие. Но были ли они настолько начитаны в сербской литературе, чтобы сделать такой выбор? Помимо житий, еще было привезено сокращение хроники Иоанна Зонары («Паралипомен») с большим историческим послесловием. Когда-то проблема решалась очень просто: поскольку хронограф доведен до 1452 г., до падения Константинополя, то считалось, это написал Пахомий Логофет. Проблема ли для Пахомия, который знал и русский язык, и сербский, написать Хронограф? Но уже в начале XX в. возникают сомнения, хотя окончательно они оформились к 70-м годам прошлого столетия. Дело в том, что русский источник Хронографа — это сокращенный Свод 90-х годов XV в. К этому времени Пахомия уже явно не было в живых. Кто же мог выступить в качестве человека, который, может быть, не сам писал Хронограф, но указал источники и, возможно, сам их доставил? Разумеется, можно выбирать из тех сербов или афонитов, которые упоминаются в русских летописях. Достаточно вспомнить, что в 1525 г. свидетелями на суде над Максимом Греком выступали два афонских серба. Персоной первого ряда выступает замечательный сербский книжник Аникита Лев Филолог. Ситуация с ним во многом напоминает Пахомия Логофета, он практически ничего не написал для Сербии (во всяком случае, такие памятники неизвестны). Пахомий хотя бы вспомнил старую легенду, которая бытовала, очевидно, в сербских поселениях за Дунаем, уже на венгерской территории, а именно «Повесть о убиении Батыя», которая прочно вошла в русскую традицию, а к сербам попала довольно быстро, так как уже в сборниках, присланных в начале XVI в. в Деспотовину из Москвы, имеется и это сказание о Батые как составная часть жития Михаила Черниговского. Но в Сербии оно почему-то не получило никакого распространения, хотя это сербская история — венгерский

король Владислав, которого благословляет на битву с татарами святой Савва, убивает Батыя (это чистая легенда). Аникита Лев Филолог, о котором ничего не известно на сербской почве, пользовался на Руси очень большим уважением, как можно судить по приказам, потому что ему было заказано новое житие Зосимы и Савватия Соловецких и, видимо, он же написал так называемое Анонимное житие Иосифа Волоцкого, т. е. очень авторитетных и прославленных святых. И знаем мы о нем в основном из письма человека, который ездил к нему в Сербию (или, скорее, на Афон) с тем, чтобы сделать заказ на житие Зосимы и Савватия. Лев Филолог к тому времени был уже, конечно, весьма стар, потому что это было между 1534 и 1538 г., но в любом случае Русский хронограф был создан при его жизни, позднее возникло несколько его редакций. Этот свод уже в 1520-е годы послужил основой так называемой Никоновской летописи, которая включает большое количество общеисторических известий. Далее этот Хронограф служил источником прославленного Лицевого летописного свода, написанного в конце правления царя Ивана Грозного. Больше того: примерно в конце XVI в. этот памятник добрался наконец и до Сербии через хиландарское посредство. Сербские книжники поступили не так, как русские: из этого буквально огромного текста они решили исключить все лишнее. Что же лишнее? Разумеется, русская история. Она и была тщательно исключена, в результате возник «очищенный» сербский хронограф, который задал задачу исследователям XIX века. Первоначально полагали, что если у нас есть всемирная история с повествованием о Византии и южных славянах и нет русской, то это и есть первичный Хронограф. Так полагал известнейший исследователь хронографов Андрей Николаевич Попов. К обратному выводу, т. е. что сербский хронограф вторичен по отношению к русскому, пришли уже только к самому концу XIX века почти одновременно Ватрослав (в России — Игнатий Викентьевич) Ягич и Михаил Несторович Сперанский.

Далее в русско-сербских связях наступает перерыв. Он наступает в силу того, что в 1533 г. умер великий князь Василий III, его вдова, Елена Ивановна Глинская, которая была по матери (Анне Якшич) сербкой, правила недолго (умерла в 1538 г.), возможно, ее отравили. Дальше началась «смута», боярское правление, ездить было не то, чтобы опасно, но бесперспективно. Кстати, сам факт

того, что Елена Ивановна была женой великого князя московского нашел отражение в средневековой сербской историографии, в родословах. Так называемый Родослов Илариона Руварца, названный так в честь первооткрывателя (к слову, текст был известен и на Руси), доводит повествование до рождения великого князя Ивана Васильевича, т. е. Ивана Грозного. Надо сказать, что, судя по свидетельствам иностранцев и по археологическим данным, Елена Ивановна была очень красива. Когда в ее гробнице при открытии в XX в. найдены были ее волосы, они поразили археологов своей красотой, реконструкция лица по черепу вполне подтвердила сведения письменных источников. Так что можно понять немолодого Василия III, что он выбрал именно такую невесту. Конечно, в этом браке не сразу появились дети, на что рассчитывал великий князь, бывший в первом браке бездетным, но все-таки они появились.

А когда Иван Грозный вззошел на трон, начинается новая эпоха в русско-сербских связях. Возрождается практика хиландарских посольств, Хиландар получает свое отдельное подворье, которое находилось на месте церкви Кира и Иоанна на нынешней Солянке, право получать в определенное количество лет деньги, подарки и от царя, и от царицы (Анастасии Романовны).

В 1559 г. в Хиландар была послана совершенно замечательной красоты и роскоши шитая плащаница, над которой работала сама царица. Она воспроизведена в юбилейном сборнике Хиландарской конференции 1999 г. в статье Энгелины Сергеевны Смирновой. Правда, снимки черно-белые, но хорошие. Да, конечно, и до этого в Хиландар делались вклады из Московской Руси, к примеру, в ризнице имеется достаточно большое (до двух десятков) собрание русских икон с конца XV до середины XVI в. Сейчас и плащаницу, и иконы могут посмотреть даже и женщины, для которых въезд на Святую Гору запрещен. Они оцифрованы, копии имеются в Хиландарской фондации в Белграде.

Надо сказать, что это посольство имело еще одну особенность. Почти все святогорские посольства расспрашивались об Афоне — сколько там монастырей, сколько в них живет человек, какую они платят дань туркам. Таких перечней сохранилось несколько с конца XV и до второй половины XVII в. Но в 1559 г. случилось неожиданное. Поскольку посольство задержалось достаточно долго, то священники кремлевских храмов обратились к хиландарским

монахам с просьбой рассказать про Хиландар — какие там реликвии, крестные ходы, то, что ценится в первую очередь. И они рассказали, а московские слушатели записали, и этот текст сохранился. Называется он «Повесть чудная и страха исполненная». Она содержит целый ряд преданий, которые нигде больше не зафиксированы. Вот такое русско-сербское соавторство. Я ее опубликовал несколько раз, в частности, в тех сборниках, которые рекомендованы в перечне литературы, так что этот текст можно прочесть. Самая замечательная его часть — это история так называемой Серрской (или Евхайтской) иконы Богоматери, потому что это редчайший случай: большое повествование об иконе, которое восходит к сербской литературе, где такие сюжеты, в отличие от русской, почти не встречаются. Там рассказывается о том, что, когда царь (в то время еще краль) Душан отправился брать город Серес (Серры) в Македонии, он взял с собой икону Богоматери Млекопитательницы и с ней он пришел к воротам Сереса, который, конечно, оборонялся. Когда горожане увидели, какие силы осаждают их крепость, то на стены вышла процессия с иконами. Царь Душан приказал отправить встречный крестный ход во главе с иконой Млекопитательницы, но тут коварный итальянец («фруг») из числа защитников города по прозвищу «Каволарь» (т. е. кавалер) взял лук и выстрелил. Стрела попала в икону, из нее потекла кровь. Царь тут же приказал крестному ходу уходить прочь, но икона не далась, она потащила людей, которые ее несли, ударила в ворота и вышибла их. Город был взят и все мужчины казнены. В живых остался только Каволарь, потому что он тут же покаялся, принял иноческий сан и отправился в Хиландар. Икона была привезена в Хиландар Душаном, который прибыл туда со всем семейством во время очередной эпидемии чумы (к слову, той, которая была описана Бокаччо в «Декамероне»), и поставлена в монастыре. Долгое время считалось, что никаких особых преданий в монастыре об этом не было, но в 1990-е годы выяснилось, что икона, слава Богу, цела, правда, сильно повреждена лицевая сторона, и, в общем, догадаться о том, что это та самая икона можно было скорее по обороту, где изображен (очень редкий случай) пророк Илья. По-видимому, Душан вложил не подлинную копию, а список с нее, потому что по стилю это середина века, т. е. не время вклада, а время бытования иконы. В повести содержится целый ряд рассказов о чудесах этой иконы,

которые более нигде не зафиксированы. Далее следуют короткие рассказы о других иконах Богоматери в монастыре (Троеручице и «Евнуговской») и о чудотворных образах Спаса и Архангела Михаила. Затем перечислены самые главные вклады, главные реликвии монастыря, причем все они отнесены ко времени святых Симеона и Саввы вопреки историческим реалиям, но вполне в соответствии со средневековой традицией. Что еще важно, поскольку нигде больше не зафиксировано, перечислены все крестные ходы, которые совершались в Хиландаре, с какими именно святынями (не только с иконами) и по каким местам. Все это богатейший источник сведений о Хиландаре, который долгое время не был известен исследователям. Лишний раз стоит подчеркнуть, как важно читать описания рукописей, потому что я наткнулся на этот текст совершенно случайно, читая публикацию об одном из текстов этого сборника. Я проверил: действительно, такого сказания никто не знал, оказалось, оно просто не было введено в научный оборот.

Во второй половине XVI в. мы выходим и на художественные связи, хотя художественные связи тоже замкнуты на литературу, потому что к чему бы мы не обратились, за этим стоит, конечно, литературный текст. Если мы возьмем росписи Архангельского собора в Московском Кремле, которые датируются XVII в., но повторяют фрески грозненского времени, то мы увидим, что на одном из столпов есть изображение сербского святого князя Лазаря, а на другом — святых Симеона и Саввы. Понятно, что за этим стоит почитание на Руси этих святых как создателей сербской державы и сербской церкви.

С этим связан огромный сербский цикл в составе так называемого Лицевого летописного свода (многотомная летопись, основанная прежде всего на Никоновской летописи и включающая большую часть Хронографа). Раз она включает Хронограф, она включает и сербские известия, о которых говорилось выше. Там есть два значительных цикла. Проиллюстрированы эпизоды из жизни Саввы Сербского (более двадцати миниатюр) и частично из жизни деспота Стефана Лазаревича, включая битву на Косовом поле. Житие Стефана Дечанского проиллюстрировано в другом месте, а именно в созданном при Иване Грозном огромном Житии святого Николая, поскольку в него на Руси были включены чудеса Николы о Стефане Дечанском. В частности, самая поразительная сцена —

та, где Душан своими руками душил отца, распростертого на столе. Где-то до 80-х годов прошлого столетия высказывались предположения, что миниатюры Лицевого летописного свода, иллюстрирующие Житие святого Саввы, как-то могут быть связаны с фресками старой трапезной церкви Хиландарского монастыря, которые датируются позднее, 1620-ми годами, но у них мог быть общий источник. Когда я первый раз был в Хиландаре в 1983 г., то, конечно же, почти сразу пошел в трапезную и убедился, что ничего общего они не имеют, поскольку над Лицевым сводом работали русские мастера, они применяли русские стереотипы: представлены русские облачения правителей (они в таких же одеждах, как русские князья и цари), церкви имеют шарообразные купола и т. д. Но тем не менее очень важно, что это считали необходимым проиллюстрировать. Потом была еще одна попытка в самом конце XVI в., но там только разметили подписями места для миниатюр. Это список Хронографа 90-х годов XVI в. в двух томах, где миниатюры в большинстве остались не нарисованными, хотя часть первого тома Хронографа успели проиллюстрировать. Еще раз скажу, что Лицевой летописный свод — это самый крупный цикл иллюстраций по сербской истории. Посмотреть их легко можно в Интернете, потому что там выложен весь свод и все это можно посмотреть. Но XVI век, в отличие от предыдущих столетий, примечателен еще тем, что в Москве появляется посольство не только с Афона, но из самой Сербии. Разумеется, в то время не было посольств от сербского патриарха, и это можно понять, поскольку было известно, что первый сербский патриарх — близкий родственник великого визиря Махмуд паши Соколовича, а при нем турецкие янычары ходили походом на Астрахань. Но из целого ряда монастырей сербские посольства в Москву были, и, как минимум, с подарками. Было посольство из монастыря Папрача, и оно получило в дар замечательную чашу, подаренную Иваном Грозным, она там сохранилась. А царю, в свою очередь, подарили очень красивую маленькую каменную иконку (литик), которая сейчас хранится в Оружейной палате Московского Кремля, а это лишний раз свидетельствует, что она из царской казны. На ней есть надпись «Папрача» (в форме «Папракя»).

Культурные связи Сербии с Московской и Литовской Русью в XV–XVI вв.

Известно, что в 1453 г. пал Константинополь, поэтому как центр связей он надолго утратил свое значение. Остался Афон. Из православных стран, где был православный правитель и господствовала православная Церковь, осталось только Великое княжество Московское, в XVI в. ставшее царством. Таким образом, центры контактов переместились в Москву, сюда приезжали посольства с Афона и сюда стали приезжать посольства из монастырей на территории Сербии и в землях, населенных сербами в составе Венгерского королевства. Эта картина сохранялась долго.

Иначе складывалась ситуация на православных землях под властью Великого княжества Литовского и Польского королевства. Здесь церковная организация не была господствовавшей и в качестве центров контактов могли выступать только отдельные монастыри и отдельные люди. Уже это наделяло большим значением именно Москву как центр контактов. Польское королевство, как известно, имело границы с Венгерским королевством, существовавшим до 1526 г., до битвы при Мохаче. И аристократия, и население обоих государств имели возможности для контактов. В этом заключается основная разница между Москвой и польско-литовскими владениями.

Наверное, уместно начать с Москвы. После того как был завоеван Константинополь, окончательно оформилась автокефалия московской церкви. Первым автокефальным митрополитом стал Иона. Его власть до какого-то времени признавалась и в Великом княжестве Литовском, но с 1458 г. митрополитом здесь был признан преемник митрополита-униата Исидора Григорий, вошед-

ший в историю под прозвищем Болгарин. Этому предшествовала долгая история, тянувшаяся еще с XIV в., когда светские власти Москвы и Литовского государства пытались подчинить себе всю церковную организацию, что в итоге привело к разделению митрополии на две части. В самом конце правления Ионы, умершего в 1461 г., была предпринята попытка обоснования законности автокефалии на литературно-документальном уровне. Было составлено «Сказание о болгарской и сербской церквях», которое практически сразу было включено в состав Кормчей книги. Оно замечательно двумя фактами. Во-первых, в нем обосновывается право на автокефалию и верховную церковную власть в независимых государствах, причем использованы аргументы одного из основных борцов за разделение митрополии Киевской и всея Руси — митрополита Григория Цамблака, но теперь они были использованы его противниками. Пожалуй, еще интереснее то, что здесь нам представлена совершенно неизвестная до того «биография» святого Саввы Сербского, основателя сербской независимой церкви. К тому времени краткое житие Саввы было хорошо известно на Руси, но это житие не имеет с рассматриваемым ничего общего. Здесь взят за образец «индийский» царевич Варлаам, который по легенде был обращен в христианство пустынником Иосафом и ушел от «мира». Именно так обрисован Савва, который из якобы языческой Сербии отправляется на Афон под влиянием проповеди святогорского монаха и там становится иноком и обращает в христианство своего отца и всю страну. Это очень интересный поворот темы, тем более что напрямую игнорируются исторические свидетельства. Но интересен, конечно, и сам факт обращения московских книжников к сербской церковной истории. При этом нужно напомнить, что ситуация на Афоне во время создания сказания была непростой и монастырь святого Пантелеймона был русским только по названию. Русские монахи жили в самых разных монастырях, где они считали нужным. Собственно русификация Пантелеймонова монастыря произошла только в XVI в., причем эта русификация была не за счет московской Руси, а за счет Руси Литовской и Польской. Но с конца XV в. в Москву начинают регулярно приезжать посольства с Афона, в том числе и из славянских монастырей, сначала из Пантелеймонова, а потом и из других.

Мы не можем учесть все приезды с Афона в Москву, но их было довольно много, т. е. даже в источниках учтены приезды начиная с 1492 г. и чуть позже, и потом — в 1530-е, 1550-е, 1560-е годы и так до конца XVI в. Причем большинство приезжающих привозили сведения о монастырях Афона и в том числе о славянских: перечисляли количество населения, деньги которые они платят султану. Все это фиксировалось русскими книжниками. Это заметная история контактов. Но мы не знаем, как двигались монахи, т. е. проходили они в это время через территорию Польского королевства и Великого княжества Литовского или двигались через Константинополь и дальше на Крым, на Азов и вверх по Дону. К сожалению, никаких указаний, что такое-то посольство шло через такие-то западнорусские центры, у нас нет, они засвидетельствованы лишь в XVII в.

В конце XV в. заметно меняется ситуация и в Великом княжестве Литовском. Дело в том, что долгое время в западной Руси не было того монастырского движения, которое мы знаем по северо-восточной Руси и отчасти по северной, которое обычно ассоциируется с Сергием Радонежским, т. е. общежительного движения. И вот в конце XV в. на крайнем западе Литовского государства (сейчас это территория Польши) был основан Супрасльский монастырь, которому суждена была особая роль в истории сербско-восточнославянских связей. Здесь с самого начала поселилась группа сербских монахов, вышедших с Афона. И в Супрасле сохранилось наибольшее количество памятников сербской литературы, гораздо больше, чем в любом другом центре западной Руси.

Но вернемся все-таки к Московскому государству. Здесь интерес к южнославянской истории, к южнославянским памятникам существует практически на протяжении всего XVI в., но особенно ярким, конечно, было время Василия III (1505–1533). Тогда в Иосифо-Волоколамском монастыре создается крупнейший исторический свод, посвященный всемирной истории, а именно «Русский хронограф». В нем очень значительное место занимают именно сербские памятники, которые послужили источником и для собственно сербской, и для болгарской, и для поздневизантийской истории. Это жития сербских святых: Саввы, короля мучника Стефана Дечанского, деспота Стефана Лазаревича и другие, менее крупные, тексты. При этом, что казалось бы очень уместным, при

составлении «Хронографа» не были использованы «Жития королей и архиепископов сербских» пера архиепископа Даниила и его продолжателей. Этого не произошло, возможно, потому что этого сборника не было в то время и на Афоне, а остальные памятники были принесены почти наверняка с Афона. Относительно жития святого Саввы достоверно известно, что оно было принесено уже в процессе написания «Хронографа» в 1517 г. А «Хронограф» был составлен между 1516 и 1522 г., вероятнее всего племянником Иосифа Волоцкого Досифеем Топорковым. Это был очень удачный опыт, поскольку на основании житий был составлен связный исторический текст, который надолго определил картину южнославянской истории, а отчасти и византийской в славянской рукописной традиции, в том числе и в сербской. Этот текст по южнославянской истории долго бытовал в русской рукописной традиции, несколько изменяясь. В 1520–1530 гг., точнее во второй половине 1520-х, текст был внесен в состав огромного Никоновского летописного свода, который был очень популярен и авторитетен. В итоге этот текст, что не так уже часто случается, был проиллюстрирован в так называемом Лицевом летописном своде времени окончания правления Ивана Грозного. Там сербской истории было посвящено гораздо больше миниатюр, чем мы находим в собственно сербской традиции. Например, миниатюр посвященных святому Савве Сербскому и его отцу Святому Симеону там больше, чем фресок в Хиландаре на эту же тему, об остальных просто не стоит и говорить. Создание «Хронографа» не ограничило интерес русских книжников к сербской литературной традиции. Это замечательно еще и потому, что это время действительно двусторонних литературных контактов, когда уже погибшая сербская держава оказывала сильное культурное воздействие на возвышавшуюся Москву. Жития святого Саввы, Стефана Дечанского и деспота Стефана Лазаревича, который хотя и не был канонизирован, был весьма популярен, получили широкое распространение в русской книжности в целом. Число русских списков Жития святого Саввы плохо поддаются учету, русские списки XVII в. есть даже в Сербии, в целом их гораздо больше, чем собственно сербских списков, причем тоже самое (хотя и в более скромных масштабах) можно сказать и относительно житий Стефана Дечанского и Стефана Лазаревича. При этом житие Стефана Лазаревича было переработано, сокращено

и в этом виде тоже получило широкое распространение. Существует сборник Волоколамского монастыря 1510-х годов, т. е. времени составления «Хронографа», куда входит житие деспота Стефана в первоначальной редакции, житие Стефана Дечанского и еще ряд текстов. Этот список жития деспота Стефана — самый старший во всей традиции, старше, чем сербские списки и значительно более сохранный. Также делаются попытки создания проложных житий сербских святых. Почему их не удовлетворяло традиционное житие святого Саввы, трудно сказать, но было написано новое житие, на основании пространного, было составлено и краткое житие Стефана Дечанского, они получили распространение в одной определенной редакции Пролога.

Теперь, наверное, стоит вернуться к относительно синхронным событиям в Великом княжестве Литовском. Здесь, уже в силу большей близости к сербским землям хотя бы в составе Венгрии, наблюдаются попытки контактов и на личном уровне. Их пытались предпринимать и в Москве, потому что когда стоял вопрос о браке великого князя Василия III после смерти отца в 1503 г., то пытались найти невесту и среди сербских правителей. Но, как выяснили московские дипломаты, у последнего Бранковича дочерей брачного возраста не было, брак (второй) в итоге был заключен с одной из наследниц Бранковичей по женской линии, но это произошло при совершенно особых обстоятельствах. А на западнорусских территориях были браки между местными и сербскими аристократами. Василий, один из представителей княжеского рода Глинских татарского происхождения, женился на дочери Стефана Якшича, сербского воеводы на службе венгерского короля. У Анны Якшич родилась дочь Елена, которой суждено было стать великой княгиней Московской. Этому предшествовали события, казалось бы, не связанные с Сербией, но тем не менее имевшие последствия для восточнославянско-сербских связей. А именно, старший брат Василия, Михаил Львович, человек, который, как говорится, «служил в семи ордах семи царям», служил и за пределами Литовского государства и играл очень большую роль при дворе великого князя и короля Александра. После смерти этого короля у Михаила возник конфликт с наследником, польским королем Сигизмундом, и Глинские восстали в надежде на то, что им с помощью других православных князей удастся свергнуть католического правителя.

Попытка не увенчалась успехом, восстание было подавлено, и Глинские уехали в Москву почти всем семейством. Здесь по прошествии лет дочь Василия и Анны Якшич, племянница Михаила Глинского, вышла замуж за великого князя Василия III, став его второй женой и матерью Ивана Грозного — это Елена Васильевна Глинская. Так возникла связь между московским правящим домом и опосредовано последними деспотами сербскими. Но связи выражались и в другом — известно, что именно украинско-белорусские книжники в конце XV — раннем XVI в. и позже работали на территории сербского деспотата в составе Венгерского королевства. По крайней мере две рукописи были написаны в Сланкамене — это Евангелие (священником, выходцем из Каменца-Подольского), и Апостол толковый, который сейчас хранится в Хиландаре под № 604, написанный Андреем Русином тоже в Сланкамене. Вот такие связи существовали на низовом уровне, что для московско-сербских связей было практически исключено.

Появление в Супральском монастыре сербских монахов имело неожиданные косвенные последствия. Там был монах Антоний, ученик основателя монастыря. Он принял постриг после того, как убил человека, и это наложило на него очень сильный отпечаток. Он мечтал пострадать за веру и с этой целью поехал на Афон. Там он поселился в келье святого Саввы, и долгое время его уговаривали не мучиться. Но он узнал о мучении некоего юноши Иоанна в Серрах (как теперь известно, Иоанна Нового Серрского), отправился в Салоники и откровенно стал оскорблять мусульман. Он вошел в мечеть (бывшую до того храмом Богородицы Ахийропиитиссы) и начал там молиться. В результате его, конечно же, тоже предали смерти, и было написано его краткое житие со стихом, которое дошло до нас в единственном списке из Супрасльского монастыря. Причем ни о каком почитании этого святого за пределами самого монастыря мы ничего не знаем.

Супрасль действительно продолжал оставаться центром русско-сербских связей на протяжении долгого времени, поскольку здесь мы находим житие святого Саввы Сербского, отличное от тех, которые были известны в Москве. Это, несомненно, две отдельные традиции. Главное отличие состоит в том, что в заголовке Супрасльского списка сохранилось имя Феодосия как переработчика версии Доментиана, тогда как все великорусские списки

несут в заглавии только имя Доментиана, и это надолго запутало всю ситуацию с изучением жития и с изучением «Хронографа».

Стоит еще раз вернуться к восстанию Михаила Глинского и его братьев. До нас дошел очень интересный текст, а именно текст послания некоего Василия прозв. Никольского Стефану Якшичу о исхождении святого Духа, соответственно в защиту православного исповедания и православных обрядов и с обвинением католиков. В этом тексте любопытно то, что в нем содержится рассказ о палестине Иоанне, единственная фиксация в православной традиции. Долгое время было непонятно, кем был этот Василий. Естественно, что «прозв.» было расшифровано еще книжниками как прозвитер, т. е. священник, а в отношении «дольней Руси» полагали, что это Закарпатье. Только сравнительно недавно украинская исследовательница Елена Владимировна Русина установила, что на самом деле речь идет об участнике восстания Глинского — Василии Никольском, Василии, «прозванном» Никольским, писаре (т. е. одном из крупнейших чиновников) Великого княжества Литовского, который после подавления восстания уехал не в Москву, а в Сербию.

Связи двора последних Бранковичей прослеживаются также с великорусскими книжниками. Когда в 1509 г. в Москву прибыло посольство от белградского митрополита и от Ангелины Бранкович, деспотицы, то оно принесло великому князю доспехи умершего ее младшего сына, деспота Иоанна, причем эти доспехи в послании названы «зброй», типичный западнорусизм (полонизм). Это значит, что письмо писал восточный славянин из Великого княжества Литовского или польских земель, который работал или временно находился при дворе Бранковичей. Это посольство имело, вероятно, несколько неожиданные последствия, потому что в документах отмечена выплата денег на строительство храма по просьбе Ангелины (естественно, мехами — белками и соболями), но вероятным был и культурный компонент. Потому что среди рукописей сербского монастыря Крушедол, связанного с Бранковичами, сохранилось два сборника начала XVI в., несомненно, московского происхождения (так называемые Минеи новым чудотворцам, собрание житий и служб русским святым). Поскольку практика их распространения шла из Москвы по всей Руси, сборники были отправлены и в Сербию. А для сербской культуры очень интересно, что там было житие Михаила и Федора Черниговских,

к которым приложена повесть о убиении Батыя — едва ли не старший список текста в этой редакции, сохранившийся именно в житийном варианте. Таким образом, текст придунайского предания, записанный, по всей вероятности, Пахомием Логофетом, где-то через 60 лет после создания, вернулся в Сербию, где, правда, популярности не получил.

Необходимо отметить, что связи не ограничивались только обменом книг и текстов. Здесь явно присутствует и художественный компонент. Известно, что в 1557 г. все в том же Супрасле работали сербские мастера, которые расписали собор. Фрески очень пострадали, многие погибли во время последней войны, но частично все-таки сохранились и смонтированы сейчас на стенах и столпах собора. По всей видимости, известно и имя мастера, потому что в супрасльских актах XVI в. зафиксировано имя Нектария Сербина. Правда, в них говорится не о фресках, а об иконах, но по времени это совпадает. К сожалению, нам не с чем сравнивать, потому что иконы не сохранились. Это один из ранних памятников второго сербского патриаршества, он как раз совпадает по времени с учреждением патриархии. А о фресках много написано в литературе — и сербской, и русской, и в польской.

В Москву, естественно, неоднократно привозились иконы сербских святых, но ни одна из них, кажется, не дошла до нашего времени. Из документов известно, что привозили иконы короля Милутина, но они до нас не дошли, нет и русских копий с них. И сербская тема в русском искусстве продолжается до самого конца XVI в., потому что житие Стефана Дечанского было проиллюстрировано в знаменитом лицевом житии Николы из собрания Большакова в РГБ, которое литографически издавалось и в XIX в., куда в качестве чудес была включена большая часть жития Стефана Дечанского, поскольку культ этого короля связан с культом Николы. Никола, как известно, вернул Стефану зрение, и это отдельное чудо, которое включено в чудеса святого. А потом, конечно, тема ослепления Стефана Дечанского, которая была вполне созвучна русскому читателю XVI в., поскольку напоминала о великом князе Василии Темном, ослепленном двоюродным братом, Дмитрием Шемякой в середине XV в. И вот на русской почве житие получило богатую иллюминацию (порядка 30 миниатюр), а в сербской традиции мы ничего подобного не имеем.

Последний раз попытка иллюстрировать сербскую историю была предпринята в Москве, вероятно, в конце правления царя Федора Иоановича. До нас дошел список «Хронографа» в редакции 1512 г. в двух томах, который начали иллюстрировать, но не закончили. А сербская история была во втором томе, поэтому она не проиллюстрирована. Но мы, по крайней мере, знаем, что именно должно было быть проиллюстрировано, поскольку сохранились киноарные надписи в тех местах, где должны были быть помещены миниатюры. И из этого мы знаем, сколько именно миниатюр должно быть. Это практически сопоставимо с Лицевым летописным сводом. Конечно, таким подъемом интереса к Сербии, именно в связи с автокефалией сербской церкви и с сербским царством, было ознаменовано правление Ивана Грозного. Сам потомок сербских вельмож, о чем, правда, он никогда не писал, но вероятно помнил, он активно покровительствовал не только афонским монастырям, в первую очередь Хиландару, но при нем были приезды из собственно сербских обителей. Например, несколько загадочная история посольств из монастыря Папрача. Монастырь не древний и не самый выдающийся, а посольства приезжали, и в московском Кремле хранится маленькая икона — венецианский литик с изображением Богородицы и надписью «монастырь Папракя». Мне еще пришлось объяснять хранителям, что это значит. Такой обмен был где-то даже обоюдным. Потому что в Папраче сохранилась чаша, вложенная туда Иваном Грозным, серебряная чаша для питья. Хиландар при Иване Грозном получил в пожалование подворье, которое находилось на Солянке, где была церковь Кира и Иоанна. В Хиландар была вложена замечательная плащаница, вышитая собственноручно царицей Анастасией Романовной, женой Ивана Грозного, в ее мастерской. О ней написано немало.

Гораздо меньше до последнего времени было известно о том, что во время одного из посольств, которое задержалось в Москве довольно долго, в 1558–1559 гг., со слов посольства была записана совершенно замечательная «Повесть страшна и ужаса исполненная», которая повествует о главных святынях Хиландара и о его обычаях и реликвиях. Она сохранилась в единственном списке, практически современном посольству, и была открыта еще в XIX в. замечательным русским византинистом Хрисанфом Мефодьевичем Лопаревым. Но он только упомянул ее, занимался он другими текстами

в этом сборнике. И опубликовал ее в 1990-е годы уже я, она, по счастью, несколько раз переиздана, в том числе и с сопроводительными текстами. И в Сербии даже дважды, второй раз это произошло в этом году, в сборнике моих работ «Источники сербской истории», который вышел в Нише. Это счастливое совпадение, когда тексты, которые десятилетиями и даже столетиями бытовали только как устные предания, были зафиксированы, и из них мы узнаем, какие святыни существовали в Хиландаре и как они там почитались. Это, кстати, единственное столь старое описание крестных ходов, которые совершались в монастыре, с какими святынями и по какому маршруту. Совершенно особое значение здесь приобретает сербская икона Богоматери Млекопитательницы (Евхитская или Серрская), которая в то время, оказывается, была наиболее чтимой святыней монастыря. Там перечислены и другие святыни и содержится много удивительных фактов. Например, выясняется, что та башня, которую сейчас принято именовать Милутинов Пирг, в то время считалась связанной с монахом, который перешел на службу к Стефану Душану после взятия Серра. Вообще, это текст во многих отношениях уникальный и удивительный, хотя, конечно, не во всем правдоподобный. Хотя бы потому, что в собственно сербской традиции отсутствует до начала XIX в. практика создания текстов о чудотворных иконах. Здесь же большая часть сказаний — это именно чудеса от святынь Хиландаря.

Я позволил себе подробно остановиться на этом сюжете, потому что он показывает, как много мы еще не знаем об истории связей. И, видимо, немало узнать нам еще предстоит при детальном изучении рукописной традиции, причем как сербской, так и русской. Стоит немного вернуться также к западнорусской традиции. После отъезда Глинских у нас долго нет свидетельств о связях западнорусской аристократии с сербскими монастырями и в первую очередь с монастырями Афона, а в последней четверти XVI в. они появляются вновь. Великий защитник православия, князь Василий Острожский, покровительствовавший Ивану Федорову, который благодаря ему занимался книгопечатанием, находился в связях с Хиландаром, и, несомненно, при помощи его связей, Иван Федоров получил с Афона сербские списки ветхозаветных библейских книг, которые он использовал при издании Острожской Библии в 1581 г. Кроме того, в одном из сербских письмовников XVII в.

до нас дошло послание братии Хиландара Василию Острожскому. Это обычное послание, сопровождавшее монастырское посольство. Значит, двор Василия Острожского был местом, куда приходили за милостыней из Хиландарского монастыря. Есть относительно более поздние, чем я упоминал, свидетельства и о связях Супрасльского монастыря с Афоном. Так, в 1546 г. оттуда в Супрасль был принесен и переписан сборник полемических сочинений, получивший распространение именно в западнорусской книжности. Он попал и в Великороссию, но только позже, в основном со старообрядцами в XVIII в.

Что же входило в состав сборника? Туда входило уже упоминавшееся послание Василия Никольского Стефану Якшичу о православном вероисповедании. Только тогда, через тридцать с лишним лет, текст стал известен в восточнославянской традиции. Надо сказать, что текст рано оказал воздействие на сербскую литературу, потому что часть его совершенно однозначно (это установил еще Джордже Сп. Радоич) использована в послесловии к Венецианскому служебнику 1519 г. Еще один очень важный текст — это послание прота Гавриила к венгерскому королю Яношу Запольяи, где впервые упоминается ересь Лютера, т. е. его учение — впервые в сербской традиции и очень рано для православной традиции вообще. Причем это послание написано уже во времена, когда территория Венгрии резко сократилась после османского завоевания, примерно между 1530 и 1534 г. Это второе послание Гавриила, о чем сказано в заглавии. Первое никто из нас не видел, если оно будет найдено, то это будет чудо. Еще об одной рукописи трудно сказать (надо внимательно изучать следы орфографии оригинала в ней), была ли она принесена в Хиландар из Москвы, или же из Литовской Руси. Речь идет о замечательном домонгольском переводе «Иудейской войны» Иосифа Флавия, список которой был принесен на Афон около 1585 г. монахом Григорием (в схиме Василием).

Я надеюсь, что смог показать и черты сходства, и черты различия в связях с Сербией и сербским монашеством на Афоне Москвы и Западной Руси. Для Западной Руси характерно наличие индивидуального момента, хотя порой и вынужденного, а для Московской Руси, конечно же, важно то, что Москва стала на многие десятилетия, и даже на столетия, центром межславянских культурных

связей, связей Руси с православными славянами, заменив собою Константинополь. Можно много говорить еще о разных отдельных аспектах. Например, о привозе восточнославянских книг, в особенности с текстами, не известными на славянском юге, и просто о вкладах роскошных книг. Например, известен книгописец-каллиграф Андрейчина, работавший, видимо, где-то на Волыни. Он всегда сотрудничал с хорошими художниками, миниатюристами и иллюминаторами. Одна его книга — Апостол (это моя атрибуция), хранится в собрании Печской патриархии, которое сейчас находится в Патриаршей библиотеке в Белграде. Рукопись, к сожалению, сильно пострадала. Она была с миниатюрами, но почти все миниатюры вырезаны и это затрудняет нам изучение сербско-восточнославянских связей. Долгое время она считалась молдавской. Это было связано с тем, что молдавские рукописи сильно влияли на рукописи Украины и Белоруссии и их графика и орфография зачастую была среднеболгарской. Но это, тем не менее, не молдавская, а украинско-белорусская (волынская?) рукопись. Это вселяет надежду, что подобные памятники художественных связей будут со временем найдены и это расширит нам картину и позволит восполнить лакуны в той отрывочности, которая присуща связям Сербии и Афона с православным населением и монастырями Украины и Белоруссии.

Список рекомендуемой литературы к лекциям А.А. Турилова

- Бошков М.* О символици дара деспотице Ангелине великом кнезу Василију Ивановичу // Мили Стојановић у част. Београд, 1999. С. 69–86.
- Бошков М.* О односима Светог Пантелејмона са Русијом (до средине XVI в.) // Зборник Матице Српске за славистику. Нови Сад, 2000. Св. 58–59. С. 35–56.
- Бошков М.* Стројеније атоског манастира Светог Пантелејмона у руским летописима // Зборник Матице Српске за славистику. Нови Сад, 2002. Св. 62. С. 25–62.
- Бошков М.* Теме и вести руских летописа у старој српској књижевности (на фону рукописне историје српских хронографа) // Зборник Матице Српске за славистику. Нови Сад, 2010. Св. 78. С. 7–49.

- Бошков М.* Прилог проучавању српске рецепције култа кијевског кнеза Владимира Свјатославића // Српска теологија данас. Београд, 2012. Књ. 3. С. 699–717.
- Бошков М.* О односима манастира Светог Пантелејмона са светом (известна питања и недоумице поводом српско-руских веза) // Афон и славјански мир. Афон, 2014. Сб. 1. С. 35–46.
- Јелесијевић С.* «Слово на Вазнесење Господње» светог Кирила Туровског у српској рукописној традицији // Научни састанак слависта у Вукове дане. Београд, 2021. Бр. 50/2 (Српски језик и књижевност — теоријско-методолошки аспекти проучавања, рецепције и превођења). С. 5–14.
- Москва–Србија. Београд–Русија / Москва–Србија. Белград–Россија: Сборник докумената и материјала. Белград; М., 2009. Т. 1. С. 9–19, 47–52, 79–115, 143–178, 181–183, 191–195.
- Мошин В.А.* Из историје руско-јужнославјанских литературних веза Х–ХV вв. // Труды Отдела древнерусской литературы. М., Л., 1963. Т. 19. С. 28–106 (неоднократно переиздавалась).
- Павлова Р.* Восточнославјанские святые в јужнославјанској писменности XIII–XIV вв. Halle (Saale), 2008.
- Петковић С.* Српски светитељи у сликарству православних народа. Нови Сад, 2007. С. 7–31, 81–105, 131–180.
- Радојичић Ђ.С.* Јужнословенско-руске културне везе до почетка XVIII в. // Зборник Матице српске за књижевност и језик. Нови Сад, 1965. Књ. 13. Бр. 2. С. 261–309.
- Смирнова Э.С.* Катапетасма 1555 г. К иконографическој програми оформленија // Осам векова Хиландара. Историја, духовни живот, књижевност, уметност и архитектура. Међународни научни скуп. Октобар 1998. Београд, 2000. С. 495–503.
- Сперанский М.Н.* Из историје руско-славјанских литературних веза. М., 1960. С. 3–103.
- Тихомиров М.Н.* Историческе везе Русије со славјанским странама и Византијом. М., 1969. С. 78–134, 142–164.
- Турилов А.А.* Древнерусские (восточнославјанские) влияния на книжность южных славян // Православная энциклопедия. М., 2007. Т. 16 (Дор — Евангелическая Церковь союза). С. 162–167, 170–171.
- Турилов А.А.* Межславјанские културне везе епохи Средневековья и источниковедение историје и културе славян. М., 2012. С. 239–306 (Турилов А.А. Исследования по славјанској и српској средневековью // Студије из словенског и српског средњег века. Београд, 2014. С. 139–194).

- Турилов А.А.* К истории «двухполовинного» южнославянского влияния — культурные связи восточных и южных славян в конце XV — середине XVI в. и их региональные особенности // Десятые Римские Кирилло-Мефодиевские чтения (Рим–Пиза, 2–8 февраля 2020): Материалы конференции. М., 2020. С. 127–132.
- Темчин С.Ю.* Сербское рукописное и печатное богослужбное наследие XII–XIX вв.: источниковедение и культурные связи. Белград; Подгорица; Вильнюс, 2021. С. 9–41, 227–295.
- Boškovič M.* Ruski letopisi o dolasku staraca iz atoskog Svetog Pantelejmona u Moskvu krajem XV v. // Godišnjak Filozofskog fakulteta u Novom Sadu. 1999. Knj. XXVII. S. 125–134.
- Kämpfer F.* Ivan Groznyj und Hilandar // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1971. Bd. 19. H. 14. S. 496–507.
- Miklas H.* Kyrillomethodianisches und nachkyrillomethodianisches Erbe in ersten ostslavischn Einfluss auf südslavische Literatur // Symposium Methodianum: Beiträge der Internationalen Tagung in Regensburg (17 bis 24. April 1985) zum Gedenken an den 1100. Todestag des hl. Method. Neurid, 1988. S. 437–472.

Культурные связи сербского народа и Российской империи в XVIII в.¹

При анализе доминант сербской культуры в литературе часто и не без основания пишут о связях с русской культурой, причем особенно интенсивное развитие этих лингвокультурных отношений приходится на XVIII в. При рассмотрении русско-сербских связей в XVIII в. прежде всего необходимо очертить их рамки и уточнить, что подразумевается под этим термином, поскольку геополитическая и культурологическая ситуация того времени отличалась от нынешней, которая сегодня определяет данное исследовательское пространство. Понятие русско-сербских культурных связей XVIII в. охватывает лингвокультурные, литературные, религиозные и научные связи, которые устанавливались и развивались в среде сербов, живших в тот период на географическом пространстве четырех государств — Османской империи, Габсбургской монархии, Венецианской республики и Российской империи, с одной стороны, а с другой — в рамках Российской империи как геополитического целого, охватывавшей в то время, помимо сегодняшней России, и территории таких ныне независимых государств, как Украина, Белоруссия и Польша. Таким образом, в терминологическом определении «русско-сербские культурные связи» прилагательное «русский» указывает на политико-географические границы Российской империи и подразумевает не только русский, но и другие народы, проживавшие на данной территории. С учетом

¹ Данный текст также издан на немецком языке: *Grbić D. Zur Mappingung der serbisch-russischen kulturellen Verbindungen im 18. Jahrhundert // Verbunden mit den Slaven. Festschrift für Swetlana Mengel / Chelbaeva T., Lehmann-Carli G. (Hg.). Berlin: Frank&Timme Verlag, 2022. S. 461–486.*

того, что данные связи формировались и развивались в том числе через контакты с Киево-Могилянской академией, основным используемый термин «русско-сербские культурные связи» мог бы быть дополнительно расширен и переформулирован как «сербско-(мало)российские культурные связи».

Сербско-русские культурные связи в течение XVIII в. устанавливались и развивались на нескольких уровнях: 1) на индивидуальном, т. е. личном, между определенными представителями сербского народа и Российской империи; 2) на коллективном, как в случае с переселениями сербов и других южных славян в Российскую империю в середине XVIII в.; 3) на институциональном — между Карловацкой митрополией, Троице-Сергиевой лаврой и Киево-Могилянской академией или, например, между российскими университетами и преподававшими в них сербскими учеными. Данные три уровня показывают, что компоненты этих связей формировались главным образом в образовательной, религиозной, культурной и военной областях.

В период после Великого переселения сербов из областей, подвластных Османской империи, на территорию южной Венгрии и Габсбургской монархии, которое состоялось в 1690 г. под предводительством патриарха Арсения III Чарноевича, а также нескольких менее масштабных переселений, последовавших в течение XVIII в., начинается постепенное присоединение сербской культуры к западноевропейским культурным течениям. На этот процесс повлияли и сербско-русские культурные связи, которые развивались не только на территории Российской империи и Габсбургской монархии, но и в Западной Европе. Поэтому в поле нашего исследования входит и географическое пространство Западной Европы и среда, в которой доминировала протестантская культура, как, например, в Королевстве Пруссия и прежде всего в университете Галле, так как протестанты имели в Габсбургской монархии тот же религиозный статус, что и православные, вплоть до Эдикта о терпимости 1781 г., и нередко во время своей миссионерской деятельности проживали на территориях южной Венгрии и Карловацкой митрополии, где и русские учителя, отправленные Петром I на помощь православным сербам, руководили школами.

Следовательно, когда речь идет о сербско-русских культурных, литературных, языковых, религиозно-политических связях XVIII в., кроме многоуровневости их содержания, необходимо учитывать и географическую разобщенность контекста, в котором они устанавливались и развивались и который простирался от Королевства Пруссия на западе через Балканы и Кавказ вплоть до границы Российской империи и Китая на юго-востоке. Это географическое пространство может показаться весьма обширным, но его размеры совершенно реальны. Пространство, в котором обитали носители сербско-русских связей, включало такие города, как Галле, Лейпциг, Геттинген, Кенигсберг, Братислава, Вроцлав, Шклов, Шопрон, а также Братислава, Карловцы, Киев, Москва, Петербург, Харьков, в которых находились важные учреждения, нормировавшие содержание сербско-русских связей.

Помимо географического аспекта, в формулировке нашей темы важен и религиозный аспект, включающий взаимоотношения христианства и ислама (ср. тот факт, что рассматриваемые нами связи развивались как последствия русско-турецких войн) и религиозные отношения между православием и католицизмом (ср. развитие и укрепление связей сербского народа с Россией после Великого переселения как следствие униатских тенденций в Габсбургской монархии). К этому аспекту относятся и связи православных русских и сербов с протестантами из интеллигентских кругов Галле, Геттингена и Лейпцига, возникшие по причине сопротивления попыткам католизации сербского народа, проживавшего на территории Габсбургской монархии после Великого переселения.

Развитие сербско-русских связей может быть разделено на четыре ключевых этапа, в рамках которых отношения сербов и Российской империи трансформировались в течение XVIII в.

I. Первый этап относится к периоду между 1690 и 1740 г., т. е. между Великим переселением сербов под предводительством патриарха Арсения III Чарноевича и Вторым переселением сербов, которое возглавил Арсений IV Йованович Шакабента. Данный этап подразумевал институциональные контакты между Карловацкой митрополией, Петром Великим, Феофаном Прокоповичем и Синодом, Киево-Могилянской академией и учителями, которые

приехали из России в среду сербов, населявших территории Габсбургской монархии и помогли им с основанием школ, а с помощью русской церковной литературы, азбук, риторик и основных учебников способствовали сопротивлению католизации, проводившейся венским двором².

II. Второй этап включает те связи, которые устанавливались за пределами населенных сербами территорий и России, т. е. в Западной Европе, и начался около 1740 г. вместе с отъездом сербских студентов-богословов в протестантские университеты Галле³, Лейпцига и Геттингена, о чем свидетельствуют их переписка, дневники и автобиографическая проза.

III. Третий и самый важный этап приходится на период с 1752 по 1764 г. и ознаменован переселениями сербов, в основном с территорий Габсбургской монархии и Османской империи, в Российскую империю и формированием колоний — Новой Сербии и Славяносербии. После упразднения Новой Сербии в 1764 г. начался новый этап развития данных связей, главным образом характеризовавшийся интерграцией и полной ассимиляцией сербов в Российской империи и задокументированный в литературных произведениях, а именно в мемуарах Симеона Пишчевича «Известие о походе Симеона Степановича Пишчевича (1731–1785)» и автобиографии его сына, Александра Пишчевича «Жизнь А.С. Пишчевича, им самим описанная». Отметим попутно, что вблизи Новой Сербии, в Сарепте, находилась и колония протестантских миссионеров-гернгутеров, которые переселились туда как раз из тех немецкоязычных областей, в которых обучались сербы и русские, что также важно в аспекте сербско-русских связей. Эпизод, свидетельствующий о контактах сербов и гернгутеров на территории

² Детально о данной проблеме см.: *Ђоровић В.* Руски утицај међу Србима // *Ђоровић В.* Историја Срба. Београд, 1999; *Костић М.* Руско-словенска културна оријентација Срба у 18. в. // *Костић М.* Гроф Колер као културно-просветни реформатор Срба у 18. веку. САНУ. Св. 88. Београд, 1932. С. 14–30.

³ См.: *Грбич Д.* Університет в Галле як місце зустрічі українських і сербських студентів теологів у XVIII ст. // Українсько-сербський збірник УКРАС, Історія — культура — мистецтво. Випуск 1 (8). Рік 2013. Київ: Темпора, (2014), 2017. С. 28–35.

Российской империи, записал в своей автобиографии Александар Пишчевич⁴.

IV. В конце XVIII в., в особенности после Французской революции и с началом усиления влияния Наполеона в Европе, сербско-русские связи частично меняют свой характер. В начале XIX в. в сербской литературе впервые можно обнаружить новую политическую позицию, подразумевающую отдаление сербского народа от Российской империи и разворот в сторону Запада. Ср. письмо, отправленное Саввой Текелией Наполеону во время Первого сербского восстания 1804 г. Хотя в данный период французы и препятствовали связям между сербами и русскими, тем не менее вождь сербского восстания Карагеоргий пытался получить от Российской империи поддержку для повстанческой Сербии с целью обретения ею независимости. Об этом лучше всего свидетельствует тот факт, что в 1811 г. он послал Доситея Обрадовича вместе с воеводой Миленком Стойковичем на переговоры с Каменским, главнокомандующим российскими силами в Молдавии. Каменский обещал посланным оказать поддержку сербским повстанцам.

Другим важным поворотом в сербско-русских отношениях является тот факт, что в конце XVIII в. сербы перебираются в Российскую империю не только в роли студентов или военнослужащих, но и часто как университетские преподаватели, чтобы вместе со своими коллегами из протестантских университетов помочь в основании и открытии новых образовательных учреждений, как, например, случилось с Харьковским университетом. Почти в то же время, когда Текелия писал письмо Наполеону, приглашение помочь недавно основанному Харьковскому университету получили и два сербских интеллектуала — Григорий Трлаич и Афанасий Стойкович.

После получения докторской степени в Геттингенском университете в 1803 г. Стойкович занял должность преподавателя физики

⁴ См.: *Grbić D. The channels of transmissions of Pietistic ideas among Christian Orthodox Serbs in the Balkans in the 18th century // «Schrift soll lesendlich seyn». Der Pietismus und die Medien, Beiträge zum IV. Internationalen Kongress für Pietismusforschung 2013, Vol. 1–2 / Hrsg. Christian Soboth, Pia Schmid. Halle: Verlag der Franckeschen Stiftungen, Harrassowitz Verlag in Kommission, 2016. P. 753–766.*

в Харьковском университете и открыл новую кафедру. В течение двух сроков он также выполнял обязанности ректора, а при первом избрании на должность в качестве вводной прочел лекцию «О воздушных камнях и их происхождении» — о метеоритах и кометах. Эта работа вошла в историю мировой науки как начало метеоритики в славянском мире, а значение научных заслуг Стойковича отражает тот факт, что после падения метеорита в Сибири в 1910 г. самая высокая гора, возникшая на месте взрыва, названа в его честь — горой Стойковича. Коллегой Стойковича в Харьковском университете был Людвиг Генрих фон Якоб, студент, а затем и преподаватель университета Галле. В Харькове они вдвоем выступили с инициативой основания «Харьковских патриотических листов».

I этап: русское влияние в Карловацкой митрополии

В литературе одним из первых носителей сербско-русских связей этого периода считается Савва Лукич Рагузинский-Владиславич⁵ (1668–1738), который за свои заслуги в 1725 г. получил от императрицы Екатерины графский титул. Владиславичи принадлежали к знатному роду, происходившему из Герцеговины. Савва вместе со своим отцом переехал в Дубровник по торговым делам, где в международной корреспонденции стал известен по прозвищу «Рагузинский», указывающему на место его пребывания — Рагузу (город Дубровник). В Дубровнике он сотрудничал с Венецианской Республикой, часто посещал итальянские города и отлично выучил язык, который сильно помог ему при переезде в Россию. Некоторое время он торговал в Стамбуле, а в Россию прибыл также по торговым делам в начале XVIII в. Он быстро привлек внимание в том числе и царя Петра Великого, с которым познакомился лично в 1702 г. в Азове, а впоследствии стал его надворным советником. Благодаря тому что Владиславич-Рагузинский был хорошо знаком с ситуацией в Венецианской Республике, он исключительно успешно представлял российскую сторону в Риме

⁵ См.: *Косановић Б.* Сава Владиславић Рагузински у свом и нашем времену. Београд, 2009.

с 1716 по 1722 г. на конкордате с Ватиканом. Его самым важным политическим успехом был договор между Китаем и Российской империей об утверждении границы. Свою дипломатическую миссию в Пекине и других китайских городах, длившуюся с 1726 по 1728 г., он описал в сочинении на русском языке «Секретная информация о силе и состоянии Китайского государства». Так называемого Кяхтинского договора Савва Владиславич-Рагузинский добился на переговорах с китайской стороной и подписал его в 1728 г. За эти политические заслуги он был награжден орденом Александра Невского⁶.

Под влиянием С. Владиславича-Рагузинского Петр Великий откликнулся на просьбу сербского митрополита Моисея Петровича и послал в качестве помощи сербам, проживавшим на территории Габсбургской монархии, первые книги — грамматику и букварь, а вскоре после этого также отправил в просветительскую миссию учителей из Российской империи под предводительством Максима Терентьевича Суворова. В 1726 г. М.Т. Суворов основал школу в Сремских Карловцах, а уже в 1727 г. — в Белграде, затем в Араде, Валево, Майданпекке, Пожареваце, Нови-Саде и Сегеде. Суворов привез для сербского народа «70 экземпляров грамматики Мелетия Смотрицкого, 10 экземпляров триязычного лексикона Поликарпова и 400 букварей»⁷. Вторую волну русских учителей из Российской империи, прибывших в 1733 г. по приглашению нового сербского митрополита Викентия Йовановича, обратившегося за помощью к киевскому архиепископу, возглавил Мануил Козачинский из Киево-Могилянской академии, который уже в 1736 г. был назначен ректором всех школ Белградско-Карловацкой митрополии и главным церковным проповедником.

Значение сербско-русских связей в XVIII в., сила (мало)росийского влияния и его религиозно-политическая и культурная роль нагляднее всего подтверждаются тем фактом, что вследствие получения образования и обучения грамоте на основе русских

⁶ См.: *Дучић Ј.* Гроф Сава Владиславић: један Србин дипломат на двору Петра Великог и Катарине I. Ваљево: Глас цркве, 2004; *Евертовски Т.* Слика Кине у «Тајној информацији о снази и стању Кинеског царства» Саве Владиславића // Доситејев врт, 2014. С. 71–93.

⁷ *Младеновић А.* Славеносрпски језик. Нови Сад, 1989. С. 13.

учебников сербы отказались от существовавшего до того момента официального употребления сербскославянского языка и *в качестве официального языка церкви* приняли *русский церковнославянский*. Русский церковнославянский оставался в употреблении почти до конца XVIII в. Что касается природы этого языка, с чисто лингвистической точки зрения существует парадокс, который отлично описал Александар Младенович:

«Хотя русский церковнославянский язык у русских действительно считался *старым церковным* языком, как и у нас [сербов] до середины XVIII в. таковым был сербский церковнославянский, на нашей территории этот русский церковный язык — язык *новый церковный*. Изначально на этом языке были написаны и напечатаны не только произведения духовного и церковного содержания, но и тексты литературной, исторической и научной тематики»⁸.

Формированию такой языковой ситуации способствовало и то, что вследствие строгой цензуры венского двора сербский народ не имел возможности печатать свои церковные книги, и их отсутствие было восполнено приобретением церковных книг из Российской империи. Зафиксированы следующие данные: «В 1732 г. в Среме в 104 храмах и у священников имелось всего 1146 церковных книг, 465 из которых были написаны сербским изводом церковнославянского языка, а 681 была русской»⁹. Этот пример, отражающий положение в одной из населенных сербами частей Габсбургской монархии, показывает, что более половины книжного фонда составляли книги на русскославянском языке.

Одним из наиболее важных представителей сербского религиозного просвещения был Йован Раич (1726–1801) — ученик русской школы в Сремских Карловцах, написавший свое крупнейшее произведение на русском церковнославянском языке. Вероятно, он был одним из самых выдающихся поклонников Российской

⁸ Младеновић А. Типови књижевног језика код Срба у другој половини 18. и почетком 19. века // Реферати за 7. међународни конгрес слависта у Варшави. Нови Сад: Филозофски факултет, 1973. С. 46.

⁹ Ђоровић В. Руски утицај међу Србима // Ђоровић В. Историја Срба. Београд, 1999. С. 395.

империи среди южнославянских просветителей XVIII в. В своем произведении автобиографического характера «Точное изображение катихизма» Раич, описывая зачатки школьной системы у сербов на территории Габсбургской монархии, начало своего школьного образования и обучение по букварю Феофана Прокоповича, оставил интереснейшие свидетельства о религиозной, просветительской и политической жизни того периода. «Ее Величеством Императрицей Всероссийской Анной Иоанновной из самой Москвы отправлен урожденный великоросс Максим Суворов. По приезде он принес с собой многочисленные буквари и грамматики (и мне тогда, по молодости, посчастливилось получить в дар восьмилистный букварик)»¹⁰.

Считается, что Раич, находясь на учебе в Сремских Карловцах, также слушал лекции Мануила Козачинского, и возможно, что в 1736–1737 гг. он участвовал в постановке школьной барочной драмы «Трагедокомедия», которую Козачинский в качестве нового учителя написал для нужд сербских детей, а Раич, ради развлечения, ее переписал и в конце жизни, в 1798 г., переделал драму Козачинского в свое единственное драматическое произведение — «Трагедия». Данный факт важен не только потому, что в основе зарождения драматического жанра в истории сербской литературы лежит имя автора из Российской империи, но и поскольку он ярко демонстрирует, в какой степени были интенсивны культурные и литературные влияния в начале и даже в конце XVIII в. С большой вероятностью можно предположить, что именно школу Козачинского вместе с другими русскими школами на территории Карловацкой митрополии посетил его соотечественник — Симеон Теодорский, проезжавший через Балканы по возвращении в Киев после учебы в Галле и перевезивший свои переводы трудов Иоганна Арндта и Августа Германа Франке на русский язык.

Вдохновение для своего стихотворения об этически верном пути, посвященном христианской жизни, ведущей к спасению души, — «Кант о воспоминании смерти» Йован Раич, вероятнее всего, почерпнул именно в одной из глав перевода Теодорского

¹⁰ *Рајић Ј.* Историја катихизма православних Србаља у цесарским државама. Панчево: Штампарија браће Јовановић, 1884. С. 21.

«Четыре книги об истинном христианстве»¹¹. Свои самые важные произведения, помимо богословских трудов, поэзии и четырехтомного сочинения «История разных славенских народов, наипаче Болгар, Хорватов и Сербов», он написал именно на русском церковнославянском языке, поскольку, по его мнению, язык являлся ключевым элементом для определения *родства народов*. В одной из глав своей впечатляющей «Историей» он подчеркнул, что родство между народами доказывается не соседством, не общностью жизни, не одинаковыми обычаями или правителем, а единственно лишь *соответствиями в речи*. «Зане сей есть главный и неложный довод исторический, когда они сродство Народовъ показати хотять, то смотрять наипаче поне нѣкое согласіе въ діалектѣ»¹². Несмотря на то что Раич прекрасно сознавал существование различий в языке сербов и болгар или сербов и хорватов-кайкавцев, «Историю» он написал на русском церковнославянском языке¹³. Более того, Раич ни в коем случае не считал необходимым «доказывать родство сербского языка с русским. Для него это было настолько очевидное и непоколебимое утверждение, что его не нужно ни подчеркивать, ни тем более доказывать»¹⁴.

С этим языком Раич познакомился еще в детстве, когда посещал одну из на тот момент недавно основанных русских школ в Сремских Карловцах, при этом его желание обучаться в Российской империи было настолько сильным, что ни скудное материальное положение, ни беспокойная политическая обстановка на

¹¹ См.: *Грбич Д.* Культурно-исторический контекст сербской рецепции перевода Симеона Тодорского «Чтири книги ѡ истинномъ Христианствѣ», Галле 1735 г. // *Мендель С. (и др.)*. Альтернативные пути формирования русского литературного языка в конце XVII — первой трети XVIII века. Вклад иностранных ученых и переводчиков. М.: Языки славянской культуры, 2021. С. 288–299.

¹² *Рајић Ј.* Историја разних словенских народа. Том 1. Нови Сад: Матица српска, 2002. С. 326.

¹³ См.: *Грбић Д.* ПреКретања. Хале — Лайпциг, прекретница у животу Доситеја Обрадовића (*Grbic D., VorEntscheidungen. Halle — Leipzig, Wendepunkt im Leben von Dositej Obradović*). Halle–Београд: Институт за књижевност и уметност, Interdisziplinäres Zentrum für die Erforschung der Europäischen Aufklärung, 2012. S. 215–226.

¹⁴ *Радојчић Н.* Српски историк Јован Рајић. Београд, 1952. С. 80.

Балканах не могли этому воспрепятствовать. После получения начального образования он продолжил обучение в католическом лицее Комарно в Венгрии, откуда из-за страха перед униатской агитацией перешел в протестантский лицей Шопрона. Там занятия вели преподаватели, обучавшиеся ранее в университете Галле. Как было записано в его дневнике, после окончания протестантского лицея в Шопроне в 1753 г., намереваясь осуществить свою давнюю мечту, он прошел пешком 50 миль до Вроцлава, откуда продолжил путь в Киев, чтобы поступить в Киево-Могилянскую академию.

Документы Киево-Могилянской академии свидетельствуют о том, что в течение трех лет получения образования Раич считался одним из лучших студентов, а наряду с обычными студенческими обязанностями в Киеве, как и ранее в лицее Шопрона, он переписывал труды, важные для его будущей литературной и богословской работы. Им переписывались «Сатиры» А.Д. Кантемира, оказавшие сильное влияние на юмористический тон и комическое изображение политических отношений Габсбургской монархии, Российской и Османской империй в поэме «Битва змея с орлами» («Бој змаја са орлови»). После трех лет обучения он получил аттестат об образовании в Киево-Могилянской академии и уехал в Москву, где переписал «Образец отрицания» Феофана Прокоповича¹⁵ и прочитал его другие произведения, значительно повлиявшие на богословскую деятельность самого Раича. В рукописи осталось пятитомное произведение «Теологическое тело», которое во многом возникло на основе опыта его пребывания на учебе в Киеве и Москве.

II этап: сербско-российские культурные связи на территории Западной Европы

В описании предыдущего этапа мы упомянули, что сербско-российские связи подразумевали не только двусторонние контакты, но и зачастую контакты с представителями протестантского вероисповедания. Наряду с тем, что эти связи развивались

¹⁵ См.: *Грбич Д.* Йован Раїч и Феофан Прокопович // Українсько-сербський збірник Украс. Вип. 1 (5). Київ, 2010, (2011). С. 26–42.

на территории Карловацкой митрополии и Южной Венгрии, они также возникали и в Западной Европе, прежде всего в протестантских лицеях Венгрии в Шопроне и Братиславе, а также в протестантских лицеях и университетах Галле, Лейпцига и Геттингена. В некотором смысле эти связи явились продолжением контактов, установленных еще в русских школах, которые в Карловацкой митрополии основали учителя из Российской империи. Лучших сербских учеников по окончании обучения, доступного для них в русских школах Карловацкой митрополии, митрополит направлял на обучение богословию в протестантских лицеях, чаще всего в Шопроне и Дьёре или в Модре и Братиславе, откуда по рекомендациям преподавателей протестантских лицеев, они ехали дальше на обучение в Галле¹⁶. Преподаватели этих лицеев, которые и сами ранее обучались в университетах Галле и Лейпцига, побуждали сербских митрополитов отправлять своих воспитанников в университеты Пруссии после окончания обучения в лицеях, так как православные сербы разделяли с протестантами судьбу представителей некаатолической веры касательно запрета на университетское образование и ограниченной религиозной практики на территории Габсбургской монархии вплоть до вынесения Эдикта о терпимости в 1781 г.

Одним из таких примеров, явно отражающим сложность не только культурных, но и религиозно-политических обстоятельств, выступает переписка ректора Иоанна Томки Саски, бывшего студента университета Галле, с сербским митрополитом Моисеем Петровичем. Желая убедить митрополита в том, что ему необходимо поддержать своего воспитанника Йована Чарноевича и других студентов богословия в том, чтобы они продолжили обучение в лютеранском университете Галле, Томка Саски прибегнул к проверенному аргументу, подчеркнув, что даже лучшие сыны Российской империи, в первую очередь сын Петра Великого, в то

¹⁶ См.: *Grbić D.* The channels of transmissions of Pietistic ideas among Christian Orthodox Serbs in the Balkans in the 18th century // «Schrift soll leserlich seyn». Der Pietismus und die Medien. Beiträge zum IV. Internationalen Kongress für Pietismusforschung 2013, Vol. 1–2 / Hrsg. Christian Soboth, Pia Schmid. Halle: Verlag der Franckeschen Stiftungen, Harrassowitz Verlag in Kommission, 2016. S. 753–766.

время обучались в Галле. Из этого следует, что иностранцы тоже признавали самоопределение сербского народа в вопросах веры как важный не только религиозный, но и культурно-политический вопрос.

«За кого [т. е. за Чарноевича] я взятся думаю, чтобы он еще остался до октября года 1729 или до месяца апреля года будущего, 1730, в Дьёре на обучении там и латинскому языку, и немецкому, и основам философии, и Богословию, и чтобы его отправить в немецкую землю к академиям лютеранским, в которых свободно, чему угодно пожелает, научиться сможет, и учение будет иметь истинное, а славный народ сербский — мужа знаменитого, который плодотворно проводить учение будет, потому что он самому себе по положению школ в Сербии пообещал. И не удивляйтесь, В. П. Г., что его к немцам послать совету, истинно в академии галленской лютеранской все принцы и графы московские учатся, даже и светлейшего Императора Петра сын в Лейпциге у лютеран учился»¹⁷.

Решение Томки Саски сформулировать свое предложение именно таким образом, подчеркивая отношение русского правителя к протестантским образовательным институтам, мотивировано тем, что православные сербы оказывали сопротивление иноверному окружению и имели доверие только к Российской империи, что лишь несколькими годами ранее демонстрировал и митрополит Моисей Петрович своей просьбой о помощи напрямую у Петра Великого. Поэтому он направил послание, приводя именно данный пример: если достойнейшие сыны Российской империи могут обучаться в протестантском университете Галле без страха угрозы вероисповеданию, почему бы сербы не могли делать то же самое. Руководствуясь той же логикой и зная обстановку намного лучше, чем Иоанн Томка Саски, Доситей Обрадович в «Письме Харалампью», известном манифесте сербского просвещения, где он рассматривал точку зрения обучавшего его профессора из Галле

¹⁷ Письмо Й. Томки Саски М. Петровичу, 29 июля 1729 // *Ruvarac D. Korespodencija Jovana Saskog, rektora protestantske škole u Đuru s Mojsijem Petrovićem, mitropolitom beogradskim*. Цит. по: *Godišnjica Nikole Čupića*, 1923. No. XXXV. S. 104.

Иоганна Августа Эберхарда об употреблении народного языка в просветительских целях, выдвинул тот же довод в качестве мотивации перехода с русского церковнославянского языка как официального языка сербского народа на народный язык¹⁸.

Йован Чарноевич, по словам Э. Винтера¹⁹, вероятнее всего, в университете Галле вступил в контакт с Симеоном Теодорским, и также предполагается, что именно он стал для Чарноевича спутником в его путешествии по Южной Венгрии и Балканам, когда Теодорский возвращался с учебы из Галле в Российскую империю²⁰. Теодорский провел некоторое время в Карловацкой митрополии и Белграде, поскольку работал там преподавателем греческого языка, а контакты с сербами он поддерживал и после отъезда в Киев и начала работы в Киево-Могилянской академии, где, после того как покинул Белград, работал в качестве преподавателя греческого, древнерусского и немецкого. В Киеве он также контактировал с сербами, так как в академии обучались богословию в том числе и воспитанники Карловацкой митрополии.

Самый показательный пример широкого распространения идей, лучшим образом представляющий переплетение институциональных и личных связей, — книга Иоганна Арндта «Об истинном христианстве» («Von wahren Christentum»). Лоббирование перевода этой книги, ее перевод на русский язык Симеоном

¹⁸ См.: *Грбуић Д.* ПреКретања. Хале — Лајпциг, прекретница у животу Доситеја Обрадовића. S. 86–102.

¹⁹ *Winter E.* Die Pflege der West- und Südslavischen Sprachen in Halle im 18. Jahrhundert. Berlin: Akademie Verlag, 1954. S. 165–166.

²⁰ С другой стороны, Мита Костич утверждает, что Й. Чарноевич, как воспитанник митрополита Моисея Петровича, никогда не был в Галле, хотя «29 июля 1729 года ректор Саски написал письмо карловацкому митрополиту, в котором сообщил, что его воспитанник хотел бы продолжить обучение в лицее и он эту просьбу поддерживает, [...] поэтому его нужно отправить в лютеранские академии в Германии. [...] Тем не менее, этот план не был осуществлен. Митрополит умер 27 июня 1730 года, поэтому Чарноевич поступил на военную службу, на которой уже в 1749 году заслужил звание подполковника Морской военной границы». *Костич М.* Српски студенти на универзитетима у Халеу, Лајпцигу и Гетингену у XVIII столећу // Зборник Матице српске за историју. Св. 44. Нови Сад, 1991. С. 19–38, 22–23.

Теодорским²¹, печать в типографии Августа Германа Франке, распространение в Российской империи и среди православных народов Балкан, работа Теодорского учителем в Польше, Венгрии и у сербов по возвращении с учебы в Галле, преподавание до этого в Киево-Могилянской академии, восприятие рассматриваемой книги представителями Карловацкой митрополии и другие факторы представляют собой отдельную историю, в миниатюре отражающую сербско-русские отношения в середине XVIII в.

III этап: переселения сербов в Российскую империю

Вскоре после возвращения Симеона Теодорского в Киев около 1738 г. начался следующий, самый важный этап развития сербско-(мало)русских связей в XVIII в. Этот этап заключался в переселении сербов и других православных южных славян с Балканского полуострова в Российскую империю, где ими были основаны колонии Славяносербия и Новая Сербия. Всего лишь в нескольких часах верховой езды от Славяносербии находилась и протестантская колония Сарепта, основанная миссионерами из Пруссии — гернгутерами, известными как опытные ремесленники, у которых снабжались всем необходимым сербские генералы и солдаты.

«[...] полковникъ Буткевичъ со многими офицерами захалъ изъ любопытства посмотрѣть Гернгутерскую колонию Сарепту, толико извѣстную разными изящными своими рукодѣльями. И подлинно странно, выйдя изъ почти непроходимой и дикой степи, повстрѣчаться у конца оной съ столь хорошо выстроеннымъ мѣстечкомъ какова Сарепта, гдѣ не токмо російскіе товары, но и иныхъ земель сыскать можно; сіе общество имѣтъ во всѣхъ главныхъ Россійскихъ городахъ свои конторы, а сношенія и съ заграничными мѣстами. Здѣсь

²¹ Подробнее см.: Менгель С. (и др.). Альтернативные пути формирования русского литературного языка в конце XVII — первой трети XVIII века. Вклад иностранных ученых и переводчиков. М.: Языки славянской культуры, 2021.

надобности нѣтъ, покупая разныя вещи, переходить изъ одной лавки въ другую; одинъ огромный покой вмѣщаетъ всѣ, для дамъ, мужчинъ, хлѣбопашцевъ, солдатъ и проч. Нельзя не сказать, что ежели бы Петръ I могъ встать, то онъ бы столько Россіи въ теперешнемъ ея положеніи удивлялся, сколько онъ то дѣлалъ ѣздючи въ чужихъ краяхъ!»²².

Поводы для переселений сербов в Российскую империю можно очень кратко описать следующим образом. Наряду с неуважением к Привилегиям, полученным сербским народом от венского двора в качестве награды за участие в австро-турецкой войне и после Великого переселения 1690 г. и прежде всего относившимся к религиозной практике, языку, сфере образования и печати, последней каплей оказался Декрет об упразднении ландмилиции, в которой сербские военные служили как пограничники Габсбургской монархии и защищали главным образом южную границу от Османской империи. Данный Декрет нарушил Привилегии, обещанные сербам при переселении из Османской империи в Габсбургскую монархию в 1690 и 1740 гг.

Как и в конце XVII — начале XVIII в., мечтая о лучшей жизни среди христианских братьев и веруя в миф об обетованной земле, сербы оставили территории своего средневекового государства, находившегося в тот момент под многовековой оккупацией османской власти, и отправились на север. Спустя полвека после переселения сербов на территорию Габсбургской монархии и Южной Венгрии переселение сербов в Россию мотивировал тот же миф. Сербь надеялись, что попытка обосноваться среди христиан, но уже *единоверных* православных, которые к тому же и говорили на *почти том же* языке, что и они, была бы более удачной, чем полвека назад.

Идеализацию новой родины прекрасно отражает цитата из мемуаров Симеона Пишчевича (1731–1797), выдающегося молодого офицера ландмилиции, сражавшегося на стороне Габсбургской

²² *Пишчевич А.* Жизнь А. С. Пишчевича, имъ самимъ описанная 1764–1805. Въ трехъ частяхъ съ предисловіемъ и примѣчаніями Д.Чл. Нила Попова. М., 1885. С. 155–156.

Здесь и далее в цитатах по желанию автора лекции сохранена оригинальная орфография и пунктуация (*прим. ред.*).

монархии в войне за австрийское наследство и находившегося на пороге блестящей военной карьеры. Под влиянием мифа о лучшем будущем, вслед за самыми выдающимися сербскими генералами из габсбургской армии, переехавшими в Российскую империю и начавшими в ней новую военную карьеру, Пишчевич направил просьбу своему вышестоящему начальнику генералу Элфенрайху и был уволен из габсбургской армии венским двором. Конфликт между реальностью и воображаемой действительностью и миф о земле обетованной лучше всего описывает диалог из «Мемуаров», когда после нескольких лет Пишчевич вновь приехал в Габсбургскую монархию и встретился с генералом Элфенрайхом. Они остались в дружеских отношениях, однако Пишчевич все же не желал признаваться, что тот был прав, когда советовал ему не оставлять свое положение и перспективную службу, которой он добился своими заслугами в Габсбургской монархии.

«Потомъ [командир и генерал-майор барон фон Элфенрайх] зачалъ меня спрашивать обо всемъ одно и другое и каково намъ въ Россіи и не каемсяялы мы что оставили свое отечество и пашлы въ чужие государство. Я ему на тотъ спрость отвечаю, что намъ всѣмъ вышедшимъ очень хорошо въ Россіи и пресказываю, что отъведены намъ подь поселенные земли обширніе и плодніе и въ тепломъ краю (Старикъ былъ очень шутивль въ свое время то и при сихъ разговорахъ въздумаль шутивтъ): говорить какъ въ тепломъ краю земли вамъ даны ты говоришь, не ужелы Россия Италиену претворилась, что тамъ теплой край есть, а я де думаю что у васъ и о Петрову дню на саняхъ и на оленяхъ ездять»²³.

Об идеализации и (само)обмане знает и сам Пишчевич: когда он останется наедине с собой, то все же поймет, где ему было лучше. Особенно хорошо это прослеживается в описаниях того, насколько поначалу была тяжелой жизнь сербских переселенцев

²³ *Пишчевич С.* Известіе о походе Симеона Степанова сына Пишчевича. Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей Россіискихъ при Московскомъ Университетѣ. 1881 октябрь–декабрь. Книга четвертая, М., 1882. С. 244.

в Российской империи. Первые шаги при переселении и формировании Славяносербии выглядели следующим образом:

«У всѣхъ насъ поселенцовъ вообще на той пустинѣ была тогда въ первое лѣто жизньъ точно такая, какъ у тѣхъ инзулановъ [потерпевших кораблекрушение], кои понесчастыямъ разбитиемъ кораблей занесены морскими волнами на пустыя острова и пытались зелиемъ, кореннымъ, ловлею рыбьей, птицѣй и зверей, такто и мы тогда что вышли на пустую степь и землю такую, гдѣ отъ созданиия света никакихъ жильщъ не было, и достать нигде ни за какие денги ничего не можно, а кто чего имѣтъ хотѣлъ тотъ долженъ былъ за несколько дней послат далеко и изыскивать и покупать дорогою ценою»²⁴.

Тем не менее, основание для того, чтобы не менять свое решение и таким образом определить не только свою жизнь, но и жизнь своей семьи, будущего поколения и даже части своего народа, переехавшего вместе с ним из Габсбургской монархии в Российскую империю, Симеон Пищевич сформулировал достаточно отчетливо:

«Меня къ сему предприятію ничто болше не побудыло какъ толко одна ревность и усердіе къ моей присяге, и тѣмъ оказать услугу Россіи (кою уже я своимъ отечествомъ называю и потомковъ своихъ во ономъ въ ползу оставить намерень), то для того приложилъ я свой трудъ и страные чтобы сей случай учинить полезнымъ и вывести людей въ Россию»²⁵.

Как после переселения сербов в Габсбургскую монархию были сформированы ландмилиция и приграничная армия, так и после переселения в Российскую империю и создания Новой Сербии и Славяносербии началось формирование сербских полков в рамках русской армии. Статистика переселения сербов в Российскую империю по данным Павла Рудякова²⁶ показывает, что в первую волну, с 1750 по 1754 г., переехали несколько групп под предводительством различных военных, в основном это были генералы

²⁴ Там же. С. 189.

²⁵ Там же. С. 258.

²⁶ *Rudakov P.* Seoba Srba u Rusiju u 18. veku. Beograd: Službeni list, 1995.

и генерал-майоры, наиболее известные из них — Петр Текели, Йован Хорват, Милан Шевич и Симеон Пишчевич. В эту волну вместе с прибывшим осенью (в октябре 1751 г.) Хорватом всего приехали 218 человек. Из них 77 были военными, приехавшими со своими семьями (82 члена их семей с прислугой). Их сопровождали 59 человек. Всего месяцем позже в отчете (от 12 ноября) сообщается, что было 115 офицеров (во второй группе) и 116 семей, с прислугой в 68 человек, а всего 299 человек и 445 лошадей. Если сложить данные отчетов за все годы, получается показательная картина, отражающая массовость переселения сербов в Российскую империю, а итоговое число сербов-переселенцев за период в одно десятилетие варьировалось в районе 50 тысяч человек. Если к этой волне миграции прибавить статистику первой и второй волн переселений сербов из Османской империи в Габсбургскую монархию, то будет видно, в какой степени сербский народ оказался территориально разбросан в XVIII в.

В своих мемуарах Симеон Пишчевич детально описал причины и обстоятельства переселений сербов в Российскую империю, а его сын, Александар Пишчевич (1764–1820), в автобиографии обрисовал жизнь первого поколения сербских переселенцев, которое, как он указал на первой странице, уже могло считаться русским.

«Я былъ первое ихъ дитя родившееся 1764-го года мая 31-го дня въ городѣ Поречъѣ, Смоленской губерніи, гдѣ тогда полкъ въ которомъ отецъ мой служилъ былъ расположенъ. И такъ я есть первый изъ семейства Пишчевичей, который можетъ назваться уже Россіяниномъ»²⁷

Если известно, что переселения активнее всего происходили с 1750 по 1754 г., а уже десять лет спустя Александар Пишчевич, родившийся в 1764 г., считает себя русским, встает ключевой вопрос о колебании между национальным и культурным самоопределением в результате ассимиляции, на которую пристальное внимание Симеона Пишчевича ранее обратил генерал Элфенрайх. Около 1752 г., до того как Симеон Пишчевич отправился

²⁷ *Пишчевич А.С.* Жизнь Александра С. Пишчевича, им самим описанная. 1764–1805. В 3-х частях. М.: Общество истории и древностей Российских при Московском университете, 1885. С. 8.

в Российскую империю, генерал предупредил его об опасности потери идентичности, угрожавшей сербам и, как указывает Александар Пишчевич в своей автобиографии и как показало время, в действительности оправданной.

«Я не спору, продолжалъ генераль [Элфенрайх] непрестано свои слова, чтобы оны не были тамо хорошо приняты, въ томъ наблюдаетца полытика, но со временемъ всюю то исчезнуть и обратытца иначе, а внукамъ и правнукамъ ихъ не будетъ известно настоящего происщедствия [происхождения] и тѣмъ потѣряють волность своего природнаго названья, чего здес никто ва веки нарушить и ту волность и преимущества касающіеся по привелегиямъ до націи вашей превратытъ иначе не можетъ, а въ протчемъ о вашемъ апшите [что касается Вашего увольнения] можете делать по своей волѣ какъ вамъ угодно»²⁸.

Так сербы, переселившиеся в Российскую империю из-за страха перед униатскими тенденциями в Габсбургской монархии, совершенно парадоксальным образом полностью ассимилировались в новой среде в религиозном, языковом и культурном отношении, так что новые поколения сербов, родившиеся в Славяносербии и Новой Сербии, постепенно теряли свою первоначальную идентичность и перенимали черты самосознания, присущие окружению, в котором они жили. Крайняя степень ассимиляции прослеживается именно в языке. И Симеон, и Александар Пишчевичи написали свои объемные сочинения личного характера — мемуары и автобиографию — на русском, а не на сербском языке. Мемуары Симеона Пишчевича переведены на сербский язык посмертно, т. е. лишь в XX в. В рамках первого раздела данной работы разъясняется языковая ситуация у сербского народа, расселившегося на территории Габсбургской монархии после Великого переселения, и переход от официального употребления сербской редакции церковнославянского языка к русской (в качестве примера приводится ученый Йован Раич, обучавшийся в Российской империи и написавший все свои произведения не на чистом русском, а на церковнославянском русской редакции).

²⁸ *Пишчевич С.* Там же. С. 91.

Полное усвоение русского как «родного языка» довольно показательно описал Александар Пишчевич в автобиографии. На своем примере он засвидетельствовал, как через систему образования и интеграцию сербов, населявших территорию Российской империи, на самом деле происходила следующая языковая стадия развития русско-сербских связей, которая привела к тому, что свой прежний «гибридный» русский церковнославянский язык сербы полностью заменили русским или в некоторых случаях малорусским, т. е. украинским.

«Надобно замѣтить, что Малороссіянинъ полагаль тогда необходимостію знать латинской, а Сербинъ нѣмецкій, странно въ семь случаѣ то, что и не вздумали о природномъ моемъ языкѣ; и выйдя я изъ училища не умѣль на ономъ четырехъ строкъ порядочно написать. Послѣ я упомяну какимъ образомъ я уже самъ началъ учиться войдя въ службу, и увидѣвъ что я не съ французами, а съ русскими долженъ обращаться»²⁹.

Поскольку в начале автобиографии Александар Пишчевич четко определил себя как русского, а впоследствии сослался на свое сербское происхождение, возникает вопрос, какой язык он на самом деле имеет в виду, говоря «мой природный язык»: в его случае это уже русский или все еще сербский? Так как нам известно, что он решил написать свидетельство своей жизни от начала до конца на чистом русском языке, бывшем в употреблении в конце XVIII — начале XIX в., можно прийти к заключению, что он все же имел в виду русский.

Данная языковая ситуация отлично демонстрирует, насколько в действительности был сложным вопрос о колебании самоопределения после переселений — прежде всего переселений сербов в Габсбургскую монархию, а затем и в Российскую империю. Острота этой проблемы достигла апогея, когда оформилось понимание несостоятельности мифа о земле обетованной и необходимости создания собственного государства, что, вероятно, точнее всего сформулировал в начале XIX в. Савва Текелия в письме только взошедшему на престол Наполеону.

²⁹ *Пишчевич А.* Указ. соч. С. 15.

IV этап: Новый курс сербско-[мало]русских связей в начале XIX в.

Среди сербов, переселившихся в XVIII в. в Российскую империю, наибольшего успеха в карьере достиг дядя Саввы Текелии (1761–1842), Петар Текелия (1720–1792) или, как его называли в России, Петр Абрамович Текели³⁰, получивший наивысшие военные должности, большую славу и авторитет. Благодаря навыкам ведения войны он также вписал свое имя в военную историю Российской империи XVIII в., прославившись в русско-турецких войнах (1768–1774, 1787–1791) и при ликвидации Запорожской Сечи (1775)³¹. Своей внешностью он привлек и внимание императрицы Екатерины II, которая во время одного из своих визитов в сербские поселения заметила, насколько сильно Петр Текели напоминает Петра Великого.

«Императрица [Екатерина II] же лицо генерала нашего Петру Великому настолько подобным нашла, что приказала образ его или портрет написать, который потом с собой привезла и в так называемый Эрмитаж выставить отдала среди образов других выдающихся лиц. И действительно, кто видел Петра Великого образ восковый в Кунсткамере и Петра Текели знал, тот должен признать это императрицы примечание истинным и точным, потому что кроме носа, немного отличающегося, о прочих чертах лица думаешь, что они те же самые»³².

В надежде на возможность получить поддержку от такого видного родственника, высоко ценившегося самой императрицей, Савва Текелия выехал в Россию, получив в Будапеште степень доктора права. В автобиографии он объяснил, что спланировал поездку к знаменитому дяде таким образом, чтобы приехать в Херсон именно в тот момент, когда в нем будет пребывать габсбургский император Иосиф II и подписывать с императрицей Екатериной II

³⁰ Форма сербской фамилии «Текелија» при передаче на русский язык зависит от сложившейся традиции по отношению к разным представителям рода Текелиев (*прим. пер.*).

³¹ См.: *Форишковић А.* Текелије. Нови Сад: Матица српска, 1985. С. 278–279.

³² *Павловић Т.* Високоплеменитородном господину Сави Текели // *Летопис Матице српске.* Књ. 33. 1835. С. 14.

договор о военном союзе Габсбургской монархии и Российской империи против турок. Амбиции молодого доктора права, надеявшегося через своего известного дядю добиться расположения будь то российской императрицы, или габсбургского императора, остались неосуществленными, потому что в Россию он приехал с опозданием, когда Иосиф II уже отправился назад. И хотя его намерения впоследствии изменились, во время пребывания в Российской империи, как и в последующие несколько посещений своих знаменитых родственников, Савва Текелия получил детальные данные о положении сербов в России. Данный опыт определил его политическую позицию и значительно повлиял на дальнейшую политическую карьеру. Об обычаях сербов, проживавших в Российской империи, их образе жизни и изменениях в их позиции он очень детально писал в автобиографии, а на фоне своего личного недовольства и неоправданных ожиданий и по отношению к дяде, и по отношению к своему пребыванию в России Савва Текелия, характеризующийся в литературе как «предшественник сербского либерализма»³³, поменял присущие ему до того момента политические взгляды. Он понял, что необходимо полностью изменить политический курс сербского народа, и его публичным высказыванием по этому поводу ознаменован и последний этап развития сербско-русских связей. Он приходится на период с конца XVIII в., с Великой французской революции, до начала XIX в., ознаменованного Первым и Вторым сербскими восстаниями в качестве аналога Великой французской революции у сербского народа.

Непосредственно по причине начала Первого сербского восстания Савва Текелия 13 июня 1804 г. направил письмо — *Заявление* только что восшедшему на престол Наполеону I. В противовес предшествовавшей политической симпатии сербского народа к Российской или же Габсбургской империи Текелия обратился в своем письме за помощью и поддержкой к Франции. Он дипломатически ловко манипулировал языковыми фактами о родстве языков как внутри всей славянской группы (выделяя пример отношения России к Польше в контексте войн с Пруссией, а также к сербскому народу после его переселений на территории Южной Венгрии), так и внутри более узкой группы южнославянских языков,

³³ См.: *Бешлин Б. Сава Текелија као претеча српског либерализма // Текелија С. Дневник. Нови Сад: Матица српска, 2011. С. 279–289.*

развив таким образом идею создания большого Иллирийского королевства на Балканском полуострове. При написании этого документа «заговорщическим тоном», как по отношению к австрийскому императору, так и к России, Текелия, намереваясь получить склонность Наполеона, указал:

«Для того, чтобы доставить ей [России] серьезные и продолжительные препятствия, необходимо найти некий народ с тем же языком и той же верой, который использует ту же письменность. Ради равновесия в Европе, ради сохранности собственной независимости мы обязаны обеспечить такому народу почтенное положение, надежную стабильность, усилить его и направить ему необходимую поддержку для сохранения его существования. Одна такая стена будет сильнее всех войск и кабинетных интриг. [...] Прямо сейчас одна такая нация поднимает голову и сбрасывает бремя, чтобы никогда его больше на себя не принимать. Это сербский народ, или сербский народ, если рассматривать только тех, кто живет в Сербии. [...] Существуют две силы, интересующиеся этой нацией: это Россия [...] и Австрия [...]. Однако Европа [подразумевает Францию] должна воспользоваться нынешним восстанием, чтобы внезапно разрушить всю надежду обеих сил на эти области, поскольку только у данной нации [т. е. сербов] есть все преимущества, с помощью которых Россия может осуществить свои планы. [...] За пределами Сербии эта нация охватывает большую часть Болгарии, Боснии, Далмации, Хорватии, Славонии, Венгрии, Дубровника, Черногории, Албании, Македонии, а в языковом отношении — Каринтию, Карниолию и Штирию. Правда, в некоторых областях живет много римских католиков той же нации, которые вследствие цивилизации не очень религиозны, и вскоре их объединит национальная любовь. [...] Если бы все эти области объединились в единую, ее границами бы стали Адриатическое и Черное моря, к северу от Дуная, и она смогла бы стать силой более значительной, чем сила второго порядка, а с чужой поддержкой — исполнить желание Европы по прекращению расширения России и Австрии и достичь Османской империи»³⁴.

³⁴ *Текелија С.* Описаније живота мога. Београд: Нолит, 1989. С. 136–140.

Комментируя ряд фактов о вероисповедании и национальном самосознании, вызывавших разногласия внутри сербской нации, насколько их понимал Текелия, в качестве названия для нового государства он предложил Наполеону решение по примеру того, как действовали французы после захвата Италии.

«Французы, занимаясь итальянскими республиками, искали старые названия для того, чтобы вызвать восторг в новых республиках. Не могла бы ли таким же образом быть провозглашена Иллирийская республика или Иллирийское королевство? [...] Какой была бы моя радость, если бы в следующем 1805 году Наполеон провозгласил Иллирийское королевство, если бы этот мой проект столь великий муж одобрил и осуществил»³⁵.

Радость Текелии продолжалась недолго. Уже в следующем десятилетии после поражения Наполеона при Ватерлоо славяне в Иллирийских провинциях вновь вернулись под австрийскую власть, а сербский народ даже после Второго сербского восстания, вспыхнувшего двумя месяцами ранее, в апреле 1815 г., не смог полностью освободиться от османской власти и вернуть свою государственность. Подобное развитие историко-политических событий показало, насколько в действительности был ошибочным курс на отдаление сербского народа от Российской империи в начале XIX в.

Панорамный обзор сербско-(мало)русских связей можно символически подытожить одним парадоксальным историческим фактом, связанным с упомянутой инициативой Текелии. Пока Савва Текелия выступал за отдаление от Российской империи и ориентацию на Францию как доминирующую силу первого десятилетия XIX в., та часть сербского народа, которая в середине XVIII в. переселилась в Российскую империю со своими потомками, уже считавшими себя русскими, защищала Москву от Наполеона. Известен исторический факт, что в Бородинской битве, предшествовавшей великой битве народов под Лейпцигом и Битве при Ватерлоо, среди 37 генералов, которыми командовал генерал Кутузов, десять или, по некоторым данным³⁶, двенадцать имели сербское

³⁵ Там же. С. 136–140.

³⁶ Сеоба Срба у Руско царство половином 18. века. Нови Сад: Српско-украјинско друштво, Архив Војводине, Музеј града Новог Сада, 2005. С. 395.

происхождение: Иван Милорадович, генерал-поручик Иван Егорович Шевич, Эммануил Атанасиевич, Михаил Андреевич Милорадович, генерал-майор Иван Степанович Адамович, генерал-поручик Николай Васильевич Вуич, генерал-адъютант Николай Иванович Депрерадович, генерал-майор Илья Михайлович Дука, генерал-лейтенант Николай Богданович Богданов и генерал-майор Аврам Петрович Ратков. Из них в сражении на Бородинском поле участвовало семь. Их же генерал Кутузов и избрал в качестве предводителей в великой битве народов под Лейпцигом, где некоторые из них и погибли. Их портреты и сегодня хранятся вместе с портретами русских генералов в Музее-заповеднике «Бородинское поле» в Бородине, но их происхождение не упоминается, поскольку, как и описывал Александар Пишчевич, они давно стали русскими.

Перевод *Е. Славгородской*

Политика России в османских провинциях Боснии и Герцеговине

Российская дипломатия в Боснии и Герцеговине

Предыстория

До середины XIX столетия контакты России с землями Боснии и Герцеговины были редким явлением¹. По большей части соприкасаться со славянским населением из этих областей приходилось русской армии во время военных походов. К примеру, одна из первых встреч состоялась во время битвы на реке Прут в 1711 г., когда против русского войска сражалась 1 500 боснийских спахий. Предпринимал попытки наладить контакты с Боснией Михаил Ильич Милорадович, который, будучи герцеговинцем по происхождению, был отправлен русским царем Петром I с особой миссией на Балканы, однако желаемых результатов в Боснии ему достичь не удалось.

Кучук-Кайнарджийский мир 1774 г. принес России право открывать на территории Османской империи свои консульства и вице-консульства, но долгое время эта привилегия не использовалась. Крымская война 1853–1856 гг. изменила отношение правительства к данному вопросу. Министр иностранных дел А.М. Горчаков понял, что отсутствие поддержки со стороны южных славян во время Крымской войны являлось прямым следствием отсутствия русских дипломатических представительств в регионе.

Подвел итоги Крымской войны Парижский конгресс, который открылся в феврале 1856 г. В его работе принимали участие пред-

¹ *Pelidija E.* Bosansko-ruski odnosi u XVIII stoljeću // *Bosna i Hercegovina i svijet.* Sarajevo, 1996. S. 125–134.

ставители России, Османской империи, Франции, Англии, Австрии, Пруссии и Сардинии. Одним из главных вопросов, стоявших перед великими державами на мирном конгрессе, был вопрос о судьбе европейских провинций Турции. Свой проект решения этой проблемы разработала и Россия, но Порты при содействии европейских держав опередила события.

18 февраля 1856 г. был издан хатт-и-хумаюн — султанский указ о реформах. В разработке текста документа негласно принимали участие послы Франции, Англии и Австрии, которые сумели создать для своих стран выгодные условия для реализации внешнеполитических и экономических планов в отношении Османской империи².

С принятием хатт-и-хумаюна началась политика конструирования новой нации — османской. Обеспечение всем гражданам безопасности личности, гласности суда, обещание кодифицировать законы, реформа провинциальных советов, меджлисов (обеспечение свободы избрания в них представителей мусульманского и немусульманского населения), борьба со взяточничеством — этот комплекс мер расширял права немусульманского населения империи. Вопрос о равенстве исповедующих ислам и представителей других конфессий занимал больше половины хатта. Однако об этом речь шла и на первом этапе реформ в Османской империи, которые носят наименование танзимат (от араб. «упорядочивание»), но в 1856 г. вступила в действие 9-я статья Парижского мирного договора, которая утвердила право иностранных держав вмешиваться во внутренние дела Турции. Таким образом, Россия потеряла статус единоличной покровительницы христианского населения Турции.

Чтобы окончательно не утратить своих позиций на Балканах, Россия разворачивает сеть консульств³. В списке новых дипломатических представительств мы находим и главный город Боснии — Сараево.

² Новичев А.Д. История Турции. Т. 4. Ч. 3. (1853–1875). Л., 1978. С. 82.

³ Хевролина В.М. Борьба России за усиление своих позиций на Балканах в 1856–1875 годах (деятельность российских консулов) // Геополитические факторы внешней политики России второй половины XVI — начала XX в. М., 2007. С. 221–266.

Открытие первого консульства Российской империи в Сараеве

Уже с конца 1840-х годов православные жители Боснии и Герцеговины не раз обращались к российским властям с просьбой учредить свои консульства, но у России не было торговых интересов в регионе, и никакой реакции в ответ не следовало⁴. Ситуация изменилась лишь после Крымской войны. Решение об открытии российского консульства в Сараеве было принято в октябре 1856 г. Перед этим учреждением ставились следующие задачи: наблюдение за проведением в жизнь положений хатт-и-хумаюна 1856 г. и защита интересов православного населения Боснии и Герцеговины.

Первым российским консулом в Сараеве стал 25-летний выпускник Московского университета, славянофил, славист Александр Федорович Гильфердинг (1831–1872). Согласно полученным инструкциям, молодой дипломат был обязан наблюдать за обстановкой в регионе, информировать о происходящем остальных консулов на Балканах и Азиатский департамент МИД.

К прямому исполнению консульских обязанностей А.Ф. Гильфердинг приступил через пять месяцев после назначения. Путь в Сараево для начинающего дипломата лежал через Вену, Триест и Рагузу, где он около месяца ожидал инструкций из Константинополя.

Гильфердинг сам изъявил желание отправиться в далекую славяно-турецкую область. Его отец, Федор Иванович⁵, занимал

⁴ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850–1864. Документы. М., 1985. С. 11–13.

⁵ Федор Иванович Гильфердинг (1798–1864) родился в Москве, по вероисповеданию был католиком, происходил из дворян. В 1815 г. окончил курс обучения в благородном пансионе при Московском университете со званием студента, затем посещал лекции, но в двадцатилетнем возрасте по собственному прошению был уволен и в 1819 г. поступил на службу в министерство иностранных дел России. Свою карьеру начал с исправления должности актуариуса, затем переводчика. В 1824 г. был причислен к канцелярии министра иностранных дел, получив чин титулярного советника. В 1829 г. был секретарем конференции на переговорах о мире с Османской империей в Адрианополе. Затем был командирован к генерал-фельдмаршалу графу И.И. Дибичу. В ноябре 1829 г. Ф.И. Гильфердинг занял пост директора дипломатической канцелярии Дибича, а позже — И.Ф. Паскевича. В 1830 г. женился на Амалии

видные посты в российском МИД и был близким другом директора Азиатского департамента Егора Петровича Ковалевского.

Прежде всего, эти края влекли А.Ф. Гильфердинга как ученого-слависта. Он надеялся найти неизвестные древнеславянские рукописи, изучить быт и нравы местного населения.

В пользу Гильфердинга говорила его профессиональная подготовка: он прекрасно владел сербским языком, хорошо знал историю и культуру сербского народа. К тому времени им уже была написана и издана «История сербов и болгар»⁶. Этот труд был переведен на сербский язык и пользовался большой популярностью⁷.

Секретарем консульства стал выпускник Лазаревского института восточных языков Александр Семенович Ионин (1837–1900). Новость о назначении на эту должность застала его на службе при русской миссии в Константинополе. В отличие от Гильфердинга, это известие Ионин воспринял с меньшим энтузиазмом. В письме к одному товарищу он сетовал, что ему предстоит «углубиться еще в одно из самых положительных захоlustьев Турции, где небо может быть такое же голубое, как и в Италии, где природа, говорят, прекрасна, но где красоты ее совсем не отразились на человеке»⁸.

Яковлевне де-Витте. В 1836 г. был назначен чиновником шестого класса (коллежский советник) при Паскевиче как главнокомандующем армии. В 1838 г. ему было пожаловано имение в Августовской губернии Царства Польского с годовым доходом в 750 руб. В 1839 г. он был произведен в статские советники, в 1843 г. получил чин действительного статского советника. Во время Венгерской кампании 1849 г. Ф.И. Гильфердинг возглавил канцелярию действующей армии, затем получил должность директора департамента внутренних сношений МИД России. Этот высокий пост он занимал до конца октября 1858 г. В 1851 г. Ф.И. Гильфердинг был назначен управляющим Государственным архивом министерства иностранных дел, в 1852 г. произведен в тайные советники. В октябре 1858 г. стал сенатором, а также ему было повелено присутствовать в Совете министерства иностранных дел с оставлением в занимаемых должностях. В сентябре 1862 г. исправлял обязанности товарища министра иностранных дел. См.: Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 1571. Оп. 1. Ед. хр. 2514; Ед. хр. 2515; Ф. 1863. Оп. 1. Ед. хр. 23; Русский биографический словарь. Т. 5. М., 1916. С. 206–207.

⁶ *Гильфердинг А.Ф.* Письма об истории сербов и болгар. М., 1855.

⁷ *Гильфердинг А.* Историја срба и бугара. Свеска I. Београд, 1857.

⁸ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее — ОР РГБ). Ф. 13. Картон 24. Ед. хр. 30. Л. 1.

Представления о Боснии у Ионина были самыми что ни на есть мрачными. Упомянул он и о миссии своего начальника. По его словам, Гильфердинг ехал туда чисто из научного интереса и на небольшой промежуток времени. Сам Ионин надеялся, что его пребывание на Балканах продлится не более полутора лет.

В апреле 1857 г. Ионин доставил инструкции, фирман (указ султана) и берат (грамота, свидетельство) в Рагузу Гильфердингу, а затем они двинулись в путь. Дорога в Сараево заняла около двух недель. Поездка и соприкосновение с ориентальной культурой произвели большое впечатление на молодых дипломатов.

О пути до Сараева Ионин подробно рассказал в письме к издателю и литературоведу П.А. Ефремову: «Прибывши в Рагузу, мы отправились с консулом в путь верхом до самого Сараева, куда мы за разными церемониями и остановками приехали только на 12-й день, хотя настоящего пути быстрого только 6. Вы себе представить не можете этого отчасти несносного путешествия по скалам, по склизким камням, по таким крутизнам, что нужно просто скатываться и совершенно без пути и дороги. Дикость невероятная, везде разрушение и ветхость, в народе апатия, доходящая до глупости. Впрочем иногда мы были вознаграждаемы истинно великолепными видами. В долинах природа роскошна, зато на горах — голый черный камень, на котором не растет даже и вереск. Как приятно ехать верхом по такому пути, уже предоставляю вообразить Вам. [...] Церемониал и быт турок со здешними угнетенными несчастными христианами еще более замечателен»⁹.

Из Мостара поступили первые донесения Гильфердинга о притеснениях христианского населения. В главном городе Герцеговины российские дипломаты пробыли пять дней. Их разместили во дворце местного пашы. Наибольшее удивление и недоумение у работников консульства вызвала манера османских чиновников вести дела. Гильфердинг подробно описал особенности жизненного уклада турецкого управленца: «В 8 часов позовут нас ужинать к Его превосходительству: сажают за стол, уставленный бесконечным множеством солений и бутылок, подают всем трубки [...]. Паша съест соленый кусочек, выпьет рюмку мастики (род весьма

⁹ Рукописный отдел Института русской литературы «Пушкинский Дом» Российской академии наук (РО ИРЛИ РАН). Ф. 103. Оп. 2. Ед. хр. 30. Л. 6об.–7.

крепкой водки), запьет водой, захлебнет дымом из кальяна и скажет мне комплимент по-турецки, который мне переведут и на который отвечу приличным изъяснением чувств; так дело идет два часа [...], пока не дойдут до самых горячих излиятий любви, и пока не опустеет до дна графин мастики [...], потом два часа опять тянется самый ужин, двадцать пять кушаний самых разнообразных и между ними всякий раз по трубке, но уже не комплименты, тяжелое молчание; наконец, в полночь, отодвигается стол, и все сидят еще с полчаса, отягченные кто винными испарениями, кто скукою и табачным дымом. Так проводит свои вечера вся турецкая знать»¹⁰.

23 мая 1857 г. российские дипломаты наконец-то прибыли к месту назначения, в Сараево. В штат консульства входили кавазы (охрана) и посыльные. На должность кавазов Гильфердинг нанял двух албанцев. Один из них сопровождал Гильфердинга во всех его поездках. Эти кавазы прослужили при консульстве России до 1869 г. Посыльные выполняли важные поручения по пересылке и передаче почты. Они также получали неплохую месячную плату и премии¹¹. Кроме того, у консульства была разветвленная сеть тайных агентов, которые присылали свои донесения из разных мест Боснии и Герцеговины.

Гильфердинг сразу же установил дружеские отношения с дипломатическими представителями консульств Франции, Англии и Австрии¹². Отношения с главами православной паствы Боснии

¹⁰ Там же. Ф. 234. Оп. 4. Ед. хр. 53. Л. 11об.–12об.

¹¹ *Тенућ И.* Босна и Херцеговина у руским изворима (1856–1878). Сарајево, 1988. С. 49.

¹² Самой первой державой, открывшей дипломатическое представительство в Боснии и Герцеговине была Франция: консульство работало в 1793–1797 г., в 1807–1815 гг. действовало консульство в Травнике, в 1853 г. начало работу вице-консульство в Сараево. Австрия впервые открыла консульство в Травнике, оно работало в 1808–1821 г., в 1849 г. было одобрено открытие дипломатических представительств в Травнике и Мостаре. После 1850 г. монархией Габсбургов также были открыты генеральное консульство в Сараево, вице-консульство в Мостаре и консульские агентства в Бая-Луке (на 1863–1864 гг. было временно перемещено в Бихач), Ливно, Тузле (в 1865 г. было перемещено в Брчко) и Требинье. В 1857 г. было открыто английское консульство в Сараево и вице-консульство в Мостаре. В 1863 г. вице-консульство в Сараево открыла Италия. С 1864 г. в Сараево заработало консульство Пруссии. См.: *Šljivo G.* Bosna i Hercegovina u XIX stoljeću u spisima stranjih izvještača. Теšanj, 2008. S. 7–95.

и Герцеговины для российского консула складывались не самым лучшим образом. Дабробосанский митрополит Дионисий первоначально ввел Гильфердинга в заблуждение и представился ему главным радетелем православия в регионе. Однако позже стало ясно, что он чинил препятствия в налаживании контактов российских дипломатических агентов с православным населением, которое было им очень недовольно. Не удалось найти общий язык и с герцеговинским митрополитом Григорием. Устранение и ослабление греческого духовенства в Боснии и Герцеговине Гильфердинг считал одной из главных задач российского консульства, и одним из способов к ее достижению было воспитание священнослужителей из местной среды. Этим и объясняется, в первую очередь, активная деятельность Гильфердинга и других консулов России по оказанию помощи учебным заведениям и организации учебного процесса в Боснии и Герцеговине.

Путешествие по Боснии, Герцеговине и Старой Сербии

За непродолжительное пребывание в славянских областях Османской империи Гильфердинг успел объездить почти всю Боснию и Герцеговину. Результатом этих странствий стала публикация им двух трудов — «Босния, Герцеговина и Старая Сербия»¹³ и «Босния в начале 1858 года».

Путешествие по этим областям Гильфердинг осуществлял не из праздного любопытства — в ходе поездок он действовал одновременно как ученый, общественный деятель и дипломат.

Целью Гильфердинга-ученого, в первую очередь, был сбор рукописей и других материалов, которые должны были помочь при написании задуманной им «Истории славян». Гильфердинг-славянофил отправился в путешествие для подробнейшего изучения быта и нравов славянского народа и поисков пути сближения русского читателя с турецкими славянами. Гильфердинг-консул, как первый дипломатический представитель России в крае, должен был составить самое полное представление о нем, в том числе

¹³ См.: Гильфердинг А.Ф. Босния, Герцеговина и Старая Сербия // Собрание сочинений А. Гильфердинга. Т. 3. СПб., 1873.

и о характере турецкого управления. Это было очень важно ввиду того, что данные земли никогда ранее не были предметом серьезного изучения ни в дипломатическом, ни в военном ведомстве России. Собранные Гильфердингом сведения помогли составить своеобразную карту ареала русского влияния в крае. Кроме того, он налажил контакты с местным населением и немногочисленными представителями интеллигенции, которые могли бы сочувствовать реализации русских планов на Балканах.

Российский консул предлагает читателю разнообразные сведения о Боснии, Герцеговине и Старой Сербии. Он обращает внимание на природу, народ, быт и нравы местных жителей, культуру, историю, турецкое управление, язык. В труде приводятся также тексты обнаруженных им в разных хранилищах средневековых грамот, детально анализируются легенды. За работу о Боснии в 1860 г. Российская императорская академия наук присудила Гильфердингу половину Демидовской премии по географии, которая до 1866 г. считалась самой почетной неправительственной наградой в России.

В сочинении «Босния в начале 1858 года» можно выделить несколько основных вопросов, которые затрагивает ученый:

1. География региона, природа, экономическое развитие;
2. Население, этнический и религиозный состав;
3. Турецкое управление.

Вслед за Гильфердингом читатель следует по землям Боснийского пашалыка и Герцеговинского санджака. По сути дела, его путешествие состояло из трех поездок. Маршруты были таковы:

1. Рагуза — Требине — Мостар — Сараево;
2. Сараево — Рогатица — Вышеград (юг Боснии) — Старая Сербия (Печ, Косово поле, Дечаны, Призрен, Приштина, Дробняк, Пива) — Сараево;
3. Поездка по средней Боснии (Фойница, Травник, Яйце, Бая-Лука).

Пока Гильфердинг совершал поездки по вверенному ему краю, все дела в Сараеве вел А.С. Ионин. Общение с османскими властями изначально было возложено именно на него, так как Ионин владел турецким языком. Для ориентального общества не последнюю роль играли чины и регалии иностранных дипломатов. В зависимости от звания и наличия наград менялся тон разговора, поэтому

молодой секретарь, как ни старался, не мог добиться полного расположения местных властей.

Осенью 1857 г. в Герцеговине назревало очередное антитурецкое восстание, и Ионин был направлен туда для знакомства с обстановкой. Ему предстояло разобраться в причинах происходящего и выявить зачинщиков. Турецкие власти официально заявляли, что организатором народных волнений выступала Черногория. Эту версию поддерживали и представители английского консульства. Они выставили Гильфердинга и Ионина главными организаторами волнений. Путешествия Гильфердинга обсуждались в междугородном Мостара и расценивались как попытка агитации к восстанию¹⁴.

В реальности Гильфердинг не только не занимался подстрекательством, но, напротив, одним из первых сообщал в своих донесениях об опасности грядущих событий. Открытого вмешательства со стороны консула не было. Его донесения в Азиатский департамент говорят лишь о сочувствии местному населению и попытках решить вопрос мирным путем, договорившись с османскими властями¹⁵. Кроме того, он искренне полагал, что состояние тогдашнего боснийского общества таково, что даже успешные выступления против турецкого управления ни к чему хорошему не приведут. По его убеждению, в регионе было необходимо проводить долгосрочную подготовительную работу, развивать образование, укреплять влияние православной церкви.

Между тем, события продолжали развиваться не в пользу российской дипломатии. Восстание ширилось и в январе 1858 г. достигло апогея.

В феврале новым консулом в Сараеве был назначен Евграф Романович Щулепников (1820–?). Гильфердинг составил для него записку, в которой говорилось об условиях и задачах деятельности консульства. Он отмечал, что в Сараеве нет твердой точки опоры для России ни в иностранных агентах, ни в турецких властях, ни в городских жителях, и выказывал опасения в связи с ростом влияния представителей Англии и Австрии¹⁶.

¹⁴ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850–1864. С. 123.

¹⁵ Там же. С. 79–81.

¹⁶ Там же. С. 141–145.

1 января 1858 г. коллежскому ассессору, управлявшему консульством в Сараеве А.Ф. Гильфердингу был пожалован орден св. Анны 3-й степени. В Боснии Гильфердинг оставался еще около пяти месяцев. Возвращался домой он через Мостар, взяв с собой в качестве воспитанника уроженца этого города Йована Дреча.

После отъезда Гильфердинга Ионин попал в тюрьму по обвинению в шпионаже и подстрекательстве к восстанию. Правда, в заключении провел всего три дня, после чего бежал в Австрию¹⁷, но вскоре вернулся в Сараево.

Так закончилась история пребывания Гильфердинга на посту российского консула в Боснии. Несмотря на то, что эту должность он занимал меньше года, им был задан определенный вектор для русской политики в регионе. Обвинения дипломатических агентов России в подстрекательстве к восстанию имели и положительный результат. Опыт работы сараевского консульства показал, что дипломаты не в состоянии держать под контролем ситуацию одновременно и в Боснии, и в Герцеговине, и в 1858 г. было открыто консульство в Мостаре.

Сочинение «Босния, Герцеговина и Старая Сербия» ознакомило русское общество с миром и историей этого региона. В ходе поездок по землям славянской Турции Гильфердинг добился решения задачи, которую ставил перед ним А.М. Горчаков: сделать Россию известной и близкой местному населению. Смутное представление о великой славянской державе начало приобретать явные черты, особенно когда с подачи Гильфердинга в эти края систематически начала поступать материальная помощь из России.

Гильфердинг¹⁸, вернувшись в Россию, вскоре покинул дипломатическое ведомство, но Босния оставила след в его жизни.

¹⁷ *Тенић И.* Босна и Херцеговина у руским изворима. С. 257–265.

¹⁸ В 1861 г., с уходом Е.П. Ковалевского со службы, Гильфердинг покинул Азиатский департамент МИД. С 1861 по 1863 г. он работал в канцелярии Государственного совета по департаменту государственной экономики, где занимал должность экспедитора, а затем помощника статс-секретаря Государственного совета А.П. Заболотского-Десятковского. В 1863 г. Гильфердинг получил приглашение Н.А. Милютина к участию в работе комитета по делам Царства Польского. В 1864 г. он вновь вернулся к работе в департаменте экономики. В 1871 г. был избран президентом

Он являлся членом Московского славянского благотворительного комитета, а позже возглавил его отделение в Петербурге. Ему принадлежат идея и организация отправки боснийских и герцеговинских мальчиков на учебу в Россию. На основе собранных им данных было налажено систематическое оказание помощи церквям Боснии и Герцеговины. Он оказывал активную поддержку боснийской просветительнице Стаке Скендеровой в деле открытия школы для девочек в Сараеве.

Надежды Ионина на краткосрочное пребывание среди турецких славян не оправдались — он всю свою жизнь посвятил дипломатической службе и провел на Балканах около 30 лет¹⁹. В Сараеве он пробыл до 1860 г.

Российское внешнеполитическое ведомство пошло на своего рода эксперимент, сознательно назначив на короткий срок на должность консула во вновь открытое представительство ученого, знатока истории и культуры местного населения. Собранные Гильфердингом данные и глубокий анализ положения дел в регионе позволили скорректировать характер русской политики в Боснии. Значение его этнографического труда об этих краях трудно переоценить. При этом Гильфердинг осознавал, что всего этого было бы трудно достичь без помощи Ионина. Поэтому Гильфердинга и Ионина можно с полным основанием назвать первооткрывателями Боснии и Герцеговины для русского общества.

Вектор, заданный Гильфердингом, продолжили другие российские консулы в регионе. В Сараеве это были Евграф Романович Щуплепников и Алексей Николаевич Кудрявцев. Последний занимал

этнографического отделения Географического общества. Летом 1872 г. Гильфердинг отправился в экспедицию на Русский Север, во время которой заболел тифом и скоропостижно скончался в Каргополе.

¹⁹ С августа 1856 г. Ионин был в составе российской дипломатической миссии в Константинополе. С 1857 г. — секретарь русского посольства в Сараеве. В 1860 г. был перемещен в Янину, в период с 1864 по 1869 г. был консулом в Янине. С 1869 г. — консул в Рагузе, с 1875 по 1878 г. — здесь же генеральный консул. С 1878 г. — министр-резидент в Черногории. В 1883 г. временно управлял генеральным консульством в Софии, затем, с 1885 г., посол в Аргентине и до 1892 г. был чрезвычайным послом и полномочным министром Российской империи в Бразилии. Автор сочинения «По Южной Америке» (СПб., 1892).

должность консула до апреля 1877 г., когда Россия отозвала всех своих дипломатических представителей из Турции. В конце августа 1858 г. также было открыто российское консульство (с 1868 г. вице-консульство) в Мостаре, главном городе Герцеговины. Оно проработало до весны 1875 г.

МИД России активно сотрудничал с общественной благотворительной организацией — Славянским комитетом. Это видно на примере деятельности консулов, которые были агентами комитета. Они направляли в благотворительные общества отчеты о состоянии православных церквей и школ. На основе донесений консулов в регион посылались книги, церковная утварь и денежные средства. Консулы занимались их распределением и отчитывались перед комитетом о проделанной работе, прилагая к письмам расписки от школ и монастырей в получении финансовой или материальной помощи.

Главным координатором действий консулов был протоиерей русской посольской церкви в Вене Михаил Федорович Раевский²⁰.

Не все российские дипломатические работники справлялись с возложенными на них задачами. Однако, несмотря на слабость и ошибки российской дипломатической службы в Боснии и Герцеговине, следует констатировать, что открытие консульств в Сараеве и Мостаре в значительной степени способствовало корректировке российской балканской политики, а также укреплению связей русских общественных организаций с боснийскими славянами.

Боснийский вопрос и русское общество в 1850–1870-е годы

1850–1870-е годы стали временем знакомства российского общества с загадочным миром славян Боснии и Герцеговины. Решающую роль в этом сыграли российские дипломаты на Бал-

²⁰ См.: Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М.Ф. Раевского. 40–80 годы XIX века. М., 1975; Југословени и Русија: документи из архива М.Ф. Рајевског. 40–80 године XIX века. Београд, 1989; Чуркина И.В. Протоиерей Михаил Федорович Раевский и югославяне. М., 2011.

канах, Святейший синод и деятели славянских благотворительных комитетов.

Деятельность славянских комитетов в XIX столетии не раз становилась предметом изучения отечественных исследователей. Достаточно назвать фундаментальные работы С.А. Никитина, И.В. Чуркиной, относительно недавнее исследование А.А. Поповкина²¹. Однако вопрос о месте Боснии и Герцеговины в деятельности этих благотворительных организаций подробно в данных трудах не затрагивался.

Главной задачей как официальных кругов России, так и ее общественных благотворительных организаций стала забота о православном населении Боснии и Герцеговины — именно оно было основным адресатом всей помощи. Ответственность России за состояние православного мира была не просто прикрытием для воплощения в жизнь внешнеполитической стратегии правительства, а вполне реальной позицией.

Под упомянутыми выше славянскими комитетами имеются в виду Петербургский благотворительный комитет графини Антонины Дмитриевны Блудовой (1813–1891), княгини Татьяны Васильевны Васильчиковой (1793–1875) и графини Натальи Дмитриевны Протасовой (1803–1880), получивший статус официальной организации в 1856 г. (в литературе его принято называть кружком графини Блудовой), и Московский Славянский благотворительный комитет, начавший свою работу в 1858 г. (далее — Славянский комитет).

Материалы этих благотворительных организаций хранятся в архивах Москвы и Санкт-Петербурга (РГИА, ГА РФ, РГАДА, ЦГИА СПб, ЦГА Москвы, ОР РГБ, ОР РНБ, ОПИ ГИМ). Также ежегодные отчеты Славянского комитета публиковались на страницах санкт-петербургских и московских «Ведомостей», «Современной летописи» и выходили отдельными книжками.

²¹ *Никитин С.А.* Славянские комитеты в России в 1856–1876 годах. М., 1960; *Поповкин А.А.* Славянские благотворительные общества в Москве и Санкт-Петербурге (1858–1921): дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2013; *Чуркина И.В.* К вопросу о первом русском обществе помощи югославянским народам // Балканские исследования. Вып. 10. Ответственные и культурные связи народов СССР и Балкан XVIII–XX вв. М., 1987. С. 62–74.

Петербургский благотворительный комитет А.Д. Блудовой

Начало русской благотворительности в отношении славян тесно связано с именем фрейлины императрицы графини Антонины Дмитриевны Блудовой (1813–1891). Активную деятельность в этом направлении она развернула еще в 1848 г., собирая средства в пользу сербов Воеводины²². В кружок Блудовой входили чиновники, представительницы петербургской аристократии и несколько членов императорской фамилии. Действовал он вполне успешно: на собранные деньги была оказана помощь многим церквям и нескольким народным школам²³.

В 1856 г. кружок Блудовой получил статус официально разрешенной организации. Это было связано с изменением положения России на международной арене и утратой права единоличного покровительства турецким славянам после Крымской войны. Однако при посредничестве частных благотворителей Россия могла решать часть своих задач в этом регионе.

Узнав об открытии российского консульства в Боснии в 1856 г., Блудова активно продвигала на пост его главы известного славянофила Федора Васильевича Чижова. Однако ее действия не увенчались успехом — консулом был назначен А.Ф. Гильфердинг. Именно он и протоиерей русской посольской церкви в Вене М.Ф. Раевский стали главными посредниками кружка в деле оказания помощи славянам Боснии и Герцеговины. Трудно судить о ее объемах и качестве. К сожалению, источники не позволяют составить полной картины о деятельности этой благотворительной организации. О ее работе в Боснии и Герцеговине сохранились лишь разрозненные сведения.

По большей части в Боснию направлялись книги и церковная утварь. Гильфердинг составлял для дам-благотворительниц списки местностей, где особо остро нуждались в помощи, а они занимались сбором и отправкой пожертвований. Так продолжалось до середины 1860-х годов.

²² См.: *Чуркина И.В.* К вопросу о первом русском обществе помощи югославянским народам. С. 64.

²³ Там же.

Кроме того, Петербургский благотворительный комитет поддерживал стипендиатов сербского правительства из славяно-турецких областей. Так, в 1860 г. Блудова получила благодарность от сербского митрополита Михаила за пособие на содержание четырех учеников из Боснии и Герцеговины в белградской семинарии²⁴.

Блудова в своих письмах к русским дипломатам и сербским государственным и общественным деятелям постоянно интересовалась тем, как обстоят дела в регионе²⁵. В 1875–1876 гг., в разгар Великого восточного кризиса, она активно собирала и отправляла денежные средства на поддержание боснийцев и герцеговинцев в дни восстания.

Следует отметить, что высокопоставленные дамы-комитетницы действовали без всякой системы. Зачастую в одни и те же места они направляли помощь несколько раз, в то время как другие области оставались без их внимания. Поэтому деятельность комитета подвергалась критике со стороны весьма компетентного в балканских делах российского консула в Сараеве Гильфердинга. Он в сердцах писал Раевскому в Вену: «Одного подвига только совершить я не в силах — именно уверить баб в их бестолковости. Никак не хотят “entendre raison”²⁶ и посылать помощь туда, где она всего нужнее по местным обстоятельствам, а не по тому или другому святому, который им больше нравится»²⁷. В середине 1860-х годов деятельность комитета Блудовой прекратилась.

Деятельность Славянского благотворительного комитета в Боснии и Герцеговине

В 1858 г. в Москве появился Славянский благотворительный комитет. Он был утвержден императором Александром II по представлению министра иностранных дел А.М. Горчакова и поддер-

²⁴ Стефан Вулетич из Герцеговины, Дмитрий Ристич, Петр Метрович и Георгий Лазаревич из Боснии. См.: Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1274. Оп. 1. Ч. 2. Ед. хр. 2836. Л. 103.

²⁵ Отдел письменных источников государственного исторического музея (далее — ОПИ ГИМ). Ф. 347. Оп. 1. Ед. хр. 16. Л. 26–28, 69–70, 92–93.

²⁶ Внять доводам рассудка (*франц.*).

²⁷ Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М.Ф. Раевского. С. 124.

живал тесные отношения с Азиатским департаментом МИД²⁸. Начиная с первого российского консула в Сараеве Гильфердинга, все российские консулы в Боснии и Герцеговине тесно сотрудничали с благотворительными организациями, направляли в них отчеты о состоянии школьного дела и православной церкви, занимались распределением посылаемой помощи, выступали агентами Славянского комитета.

В архивной документации Комитета находится масса донесений российских консулов из Боснии и Герцеговины. Это оригиналы, содержание которых зачастую не отличается от отчетов, переданных в МИД, или копии донесений, присланные из Азиатского департамента.

Первым председателем Московского славянского комитета стал известный предприниматель, попечитель Московского учебного округа, гофмейстер императорского двора Алексей Николаевич Бахметьев (1798–1861).

Именно в годы председательства А.Н.Бахметьева Боснии и Герцеговине уделялось особенное внимание. Тем не менее, в самом начале было проблематично убедить местное население в желании России оказать помощь православию. Возможно, люди просто боялись попасть в немилость у турецких властей.

Из отчетов Славянского комитета и переписки консула Щулепникова с Раевским можно судить об ощутимых размерах помощи. Книги, денежные средства, церковная утварь и облачения пересылались в Боснию и Герцеговину из разных источников. Благотворителями выступали: Славянский комитет, кружок А.Д. Блудовой, Святейший синод, Азиатский департамент МИД, императрица Мария Александровна. Большая часть средств проходила через Раевского. Основная масса пожертвований шла в Сараево и его окрестности, Посавинье, окрестности Тузлы, Сеницу (на границе с Сербией) и в Герцеговину.

Пик оказания помощи православному населению Боснии и Герцеговины приходится на 1859 г. К этому времени российские дипломаты уже получили представление о нуждах края. Антитурецкие волнения в Герцеговине и Посавинье постепенно утихли.

²⁸ Никитин С.А. Славянские комитеты России в 1858–1876 годах. С. 29.

Начался процесс восстановления пострадавших в ходе этих событий местностей. Самый большой урон был нанесен православным монастырям, являвшимся главными очагами сопротивления. Тогда и Славянский комитет, и члены императорской фамилии, и кружок Блудовой поддержали монастырь Дужи.

1859 год был неурожайным, вследствие чего в Боснии и Герцеговине разразился голод. Московский славянский комитет незамедлительно отреагировал на это. Пожертвования делали представители разных слоев населения, в том числе крестьяне, мещане, священники, купцы. Сам император Александр II выделил для населения региона 15 тыс. руб.²⁹ Кроме того, к этому моменту были опубликованы работы Гильфердинга, посвященные истории Боснии и боснийскому вопросу, и русское общество получило конкретное представление об этих краях. В 1861 г. в Герцеговине вспыхнуло очередное восстание под руководством Луки Вукаловича. Оно широко освещалось в русских газетах и также привлекло внимание общественности.

В апреле 1861 г. Бахметьев умер, и на пост председателя Комитета был назначен известный историк, публицист, издатель Михаил Петрович Погодин (1800–1875). При Погодине происходит становление Комитета уже как общероссийской организации. В январе 1869 г. состоялось открытие отделения в Петербурге, которое возглавил А.Ф. Гильфердинг. Предпринимались также попытки создания подобных учреждений в Киеве, Одессе и Воронеже³⁰.

С 1864 г. пост секретаря Московского славянского комитета занимал известный историк, профессор Московского университета Нил Александрович Попов (1833–1892). Работа с его личным фондом в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ. Ф. 239.) позволила выявить один интересный документ — опись бумаг Московского славянского комитета за 1868–1874 гг.³¹ На основе этих данных была составлена следующая таблица:

²⁹ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850–1864. С. 303.

³⁰ Никитин С.А. Славянские комитеты в России. С. 49–56.

³¹ ОР РГБ. Ф. 239. Картон 2. Ед. хр. 2. Л. 3 об.–73 об.

Обращения из Боснии и Герцеговины в Московский славянский комитет в 1868–1874 гг.

<i>год</i>	<i>прошения, связанные с Боснией и Герцеговиной</i>	<i>общее количество прошений от славян</i>
1868	5	143
1869	15	242
1870	5	148
1871	6	310
1872	5	256
1873	16 ³²	163
1874	3	171
всего	55	1 433

Если обратиться к ежемесячным отчетам Московского славянского комитета о сборе денежных средств за 1868–1874 гг., то обнаружится лишь одно упоминание Боснии: в 1871 г. оказывалась помощь боснийскому монастырю Папрача³³. Внимание Москвы переключилось на Болгарию. Это хорошо прослеживается в отчетах о расходах в период с 1868 по 1875 г.³⁴ Такие перемены были связаны с неудачами Балканского союза, в котором Россия делала ставку на Сербское княжество³⁵.

Отделение Комитета в Петербурге начало работу только в 1869 г. и активно сотрудничало с российским МИД. Во главе филиала стоял А.Ф. Гильфердинг. Принято считать, что в Комитете

³² Все документы касаются поездки сараевского архимандрита Саввы Косановича в Россию.

³³ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. 1750. Оп. 1. Д. 59. Л. 26.

³⁴ ГА РФ. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 28; Центральный государственный архив г. Москвы (ЦГА Москвы). Ф. 1901. Оп. 1. Д. 1; Ф. 1845. Оп. 1. Д. 35.

³⁵ Сербский князь Михаил Обренович был инициатором создания Балканского союза, направленного на борьбу против Турции. В 1866 г. Сербия подписала договор о военном союзе с Черногорией, затем в 1867 г. был заключен договор с Румынией. В этом же году был заключен договор с Грецией, дополненный специальным военным соглашением (1868 г.). Этим завершилось создание Балканского союза. Но претворить в жизнь задачи Балканского союза Михаил Обренович не успел, в 1868 г. он был убит.

существовало разделение «сфер влияния»: Москва отвечала за судьбы турецких славян, а Петербург — австрийских. Но это достаточно условно. В основном из Петербурга пересылались средства на содержание герцеговинских школ, на открытие женской гимназии в Сараеве, покупку утвари для нового собора в Сараеве³⁶.

Важнейшим делом Комитета было противодействие католической и протестантской пропаганде. Тема соперничества с католической пропагандой звучит во всех прошениях, присылаемых из Боснии и Герцеговины. Часто, стремясь обратить внимание Комитета на регион, российские консулы в своих справках акцентировали внимание на противостоянии православия католицизму и протестантизму.

Заботой Комитета было в том числе и обучение славян из Боснии и Герцеговины в России. Славянские комитеты также оказывали значительное содействие в организации поездок священнослужителей из Боснии и Герцеговины в Россию для сбора средств в пользу церквей и школ региона. Таких поездок было три. На собранные иеромонахом из Мостара Прокопием Чокорило средства было начато строительство православного храма в Мостаре. Игумен герцеговинского монастыря Житомыслич Серафим Перович собрал средства на открытие семинарии при монастыре. Сараевский архимандрит Савва Косанович привез в Сараево средства, на которые было завершено строительство православного собора в городе.

В 1874 г. в Османской империи был принят новый закон о школах. Церковно-школьные комитеты³⁷ были провозглашены нелегитимными органами, действующими против государства. Соответственно был запрещен сбор средств в пользу школ, все учителя тщательно проверялись правительством, учебная литература печаталась в вилайете, проводилась тщательная ревизия учебников. Все основные (начальные) школы должны были быть устроены по

³⁶ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГИА СПб.). Ф. 400. Оп. 1. Д. 1. Л. 61 об.

³⁷ Церковно-школьные комитеты (общины) заведовали всеми учебными заведениями Боснии и Герцеговины, занимались вопросами финансирования и подбора учительских кадров.

принципу турецких³⁸. Эти меры существенно ударили по русской и сербской просветительской политике в регионе. Под запрет попало все, над чем так долго работали.

Финансовый вопрос, соперничество с католической пропагандой и противостояние турецкой политике были не единственными проблемами. Нельзя умалять значение деятельности Славянского комитета и русских благотворителей в поддержке православия и развитии образования в Боснии и Герцеговине. Однако необходимо отметить и негативные моменты, которые, скорее, подрывали репутацию России.

Сараевский консул Е.Р. Щулепников писал Раевскому: «Пришлите, пожалуйста, что-нибудь, только не очень подержанное...»³⁹. Недовольство качеством присланной помощи выражали и жители Боснии и Герцеговины. Щулепников сообщал: «Откровенно сказать, старые вещи как-то совестно и раздавать, как, например, я имел много весьма ветхих риз, и в бытность мою недавно в Мостаре архимандрит Памучина конфиденциально изъявил мне свое неудовольствие на то, что получил от Вас много старья, весьма справедливо замечая при том, что таким образом не достигается наша цель благотворительности»⁴⁰.

Из вышесказанного становится ясно, что Комитет старался пересылать все, что удавалось собрать, в том числе и ветхое старье. Такого рода помощь от богатой и сильной России воспринималась как издевательство.

Не было четких договоренностей в вопросах распределения помощи и разделения зон ответственности. Несогласованность приводила к тому, что в одни местности она присылалась многократно, а другие не получали ничего. Столкнувшись с этой проблемой, сербский митрополит Михаил предлагал обмениваться данными о том, куда и сколько было направлено материальных благодеяний из России и Сербии⁴¹.

Судя по донесениям российских консулов, такая неразбериха была системным явлением. Зачастую сам Раевский раздавал посы-

³⁸ *Тепић И.* Босна и Херцеговина у руским изворима. С. 519.

³⁹ ОПИ ГИМ. Ф. 347. Оп. 1. Ед. хр. 79. Л. 22.

⁴⁰ Там же. Л. 29.

⁴¹ Там же. Ед. хр. 49. Л. 9–10.

ки через боснийских торговцев, не ставя в известность консульства. В самих консульствах также часто случалась путаница. Вещи перемешивались, терялись, доставлялись не по адресу⁴². Существовала несогласованность в действиях и самих работников дипломатических представительств. Во время отсутствия консула секретари раздавали помощь беспорядочно, не ведя записей о том, куда и что послали⁴³. Были трудности с пересылкой: ящики задерживались и пропадали, порой на транспортировку уходило около года.

Наблюдалась и несогласованность в действиях консульств. Огромные трудности возникали с распределением собранного в России.

Не все славянские агенты Комитета отличались порядочностью. Многие просто создавали видимость деятельности, получая скромную плату. Конечно же, с Балканского полуострова в Россию приезжало много разного рода авантюристов. Бывали случаи приезда сербов — турецких и австрийских шпионов. Балканские агенты и русские консулы старались предупредить Москву и Петербург об опасности общения с ними⁴⁴.

Свои первые шаги русская благотворительность в Боснии начала в 1850-е годы. Все это время славянские комитеты были верными союзниками российского правительства в вопросе распределения помощи. Вышеперечисленные организации играли важную роль в установлении русско-сербских церковных связей. Наибольшие денежные вливания в регион относятся к периоду конца 1850-х — начала 1860-х годов.⁴⁵

⁴² Там же. Ед. хр. 43. Л. 1.

⁴³ Там же. Ед. хр. 79. Л. 9 об.

⁴⁴ ОР РГБ. Ф. 239. Картон 11. Ед. хр. 13. Л. 1.

⁴⁵ В данной лекции оставлены за скобками события, связанные с Герцеговинским восстанием, разразившимся в 1875 г. и переросшим в Великий восточный кризис. Это предмет отдельного большого разговора. Тогда помощь славянских комитетов балканским народам была огромной. Пересылались не только финансовые средства, продовольствие, вещи, но и поднялась волна добровольческого движения. На Балканы отправлялись доктора, военные, простые люди. Среди добровольцев были и художник Василий Поленов, и врач Николай Склифосовский, и послуживший прообразом графа Вронского в романе Толстого «Анна Каренина» Николай Николаевич Раевский. Взбудоражено было все российское общество.

Политика А.М. Горчакова была направлена на укрепление связей с балканскими народами. Славянский комитет должен был стать главным орудием в этом деле. Однако к 1875 г. проявилось расхождение в образе мыслей и действий Московского комитета и российского правительства. Иван Сергеевич Аксаков, ставший руководителем Комитета, стремился вести самостоятельную политику. В 1877 г. Комитет разделился на Московское славянское благотворительное общество и Санкт-Петербургское славянское благотворительное общество. В 1878 г. за критику русской внешней политики в публичном выступлении, посвященном итогам Берлинского конгресса, И.С. Аксакова выслали из Москвы, а Московское славянское благотворительное общество было закрыто. Санкт-Петербургское благотворительное общество продолжало работу до 1921 г.

Деятельность России по оказанию помощи православной Церкви и просвещению в Боснии и Герцеговине в 1856–1875 гг.

Выше было сказано о российских дипломатах в Боснии и Герцеговине и славянских комитетах. Посмотрим на конкретные примеры их работы в Боснии и Герцеговине.

В числе главных проблем православного населения Боснии и Герцеговины в 1850–1870-е годы были плачевное состояние образования, нехватка духовенства и его слабая подготовка. Помощь в решении этих вопросов являлась первостепенной задачей для России в этом регионе. В 1850-е годы русская благотворительность приступила к осуществлению конкретного плана действий, суть которого состояла в налаживании контактов со священнослужителями, открытии учебных заведений в регионе и выделении стипендий уроженцам Боснии и Герцеговины для учебы в России.

Поездки священнослужителей Боснии и Герцеговины в Россию

Анализ имеющихся в распоряжении исследователей документов свидетельствует о том, что в Боснии и Герцеговине представления о России носили в значительной мере характер мифов.

«Майка Русия»⁴⁶, по мнению местных жителей, была большой северной страной, населенной братским славянским народом и управляемой могучим царем. На нее боснийцы и герцеговинцы возлагали большие надежды, от нее ждали всевозможной помощи и поддержки, а отправиться туда считалось большой удачей.

*Иеромонах Прокопий Чокорило
и Россия*

Одним из первых герцеговинских священнослужителей, побывавших в России с целью сбора средств в пользу церкви и школ своего региона, был иеромонах из Мостара Прокопий Чокорило (1802–1863). Он был знаком с А.Ф. Гильфердингом и активно помогал ему в деле отправки местной молодежи на обучение в Россию. Гильфердинг высоко ценил Чокорило, в том числе его литературное творчество, и даже перевел на русский язык и опубликовал его сочинение «Летопись Герцеговины. 1831–1857»⁴⁷.

Чокорило приехал в Россию в 1858 г. Он являлся сопровождающим для первой группы мальчиков из Боснии и Герцеговины, прибывших для получения образования в России. Также он намеревался собрать в России средства для строительства православного собора в Мостаре, церкви в Фоче и православных церквей в областях, где усиливалась католическая пропаганда. Кроме того, был составлен список предметов, необходимых для благоустройства храмов и монастырей Герцеговины.

Чокорило побывал в Москве и Петербурге, в России он пробыл до 1860 г. На родину привез значительную сумму — 4 000 червонцев, а в Мостар еще долго приходили посылки с собранными в России пожертвованиями. Подробные отчеты о сборе средств и тратах публиковались на страницах московских и петербургских газет⁴⁸.

⁴⁶ Мать-Россия (сербск.)

⁴⁷ *Прокопий (Чокорило), иеромонах. Летопись Герцеговины. 1831–1857 // Русская беседа. 1858. Кн. 2. Ч. 2. Отд. Смесь. С. 93–121; Он же. Летопись Герцеговины. 1831–1857 // Собрание сочинений А. Гильфердинга. Т. 3. СПб., 1873. С. 499–525.*

⁴⁸ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 797. Оп. 27. Отд. II. Стол 2. Д. 410. Л. 74.

Привезенные из России деньги посеяли раздор в православной среде Герцеговины и вместо пользы принесли вред, очернив имя России.

Дело в том, что Чокорило решил лично распорядиться всеми собранными средствами. Он полагал, что денег ему хватит на восстановление 20 церквей в Герцеговине и строительство большого соборного храма в Мостаре⁴⁹. Тем временем слухи об оказанных Россией благодеяниях продолжали распространяться по региону. Игумены монастырей Дужи, Таслидже, Житомыслич и Косиерово отправлялись в Мостар в надежде получить деньги для своих приходов, но остались ни с чем. Посыпались жалобы в российское консульство. Чокорило продолжал упорствовать, и обиженные игумены начали распространять слухи об обмане со стороны России. Однако план Чокорило также не увенчался успехом. Для строительства храма был нанят герцеговинский архитектор Спасое Вулич⁵⁰, денег хватило только на возведение стен, одна из которых треснула. «На горé ныне величественно стоят четыре стены, указывая народу на его несостоятельность, бессилие, невежество», — писал Кудрявцев в 1867 г.⁵¹.

Затем община пригласила одного из лучших зодчих на Балканах — Андрея Дамьянова, и к 1870 г. храм был почти готов. Его внутреннюю отделку осуществляли русские мастера.

Архимандрит Савва Косанович и Россия

Еще одним счастливецом, кому довелось увидеть русскую землю, был сараевский архимандрит Савва Косанович (1839–1903).

В 1859 г. сараевская православная община получила разрешение от турецких властей на строительство православного собора в Сараеве. На тот момент в городе действовала всего одна церковь для православных прихожан, построенная в XVI в. Церковь была маленькая и не имела колокольной, находилась она в окружении

⁴⁹ Земельный участок для постройки церкви был приобретен еще в 1836 г. Строительство соборного храма св. Троицы в Мостаре началось в 1863 г. См.: Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. 180. Посольство в Константинополе. Д. 2048. Л. 19–20.

⁵⁰ ГА РФ. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 79. Л. 63.

⁵¹ АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Д. 2053. Л. 75.

104 мечетей. Но времена танзимата позволили приступить к строительству большого храма с колокольной. В начале 1860-х годов местная православная община, активным деятелем которой являлся Косанович, выкупила участок земли в самом центре города, напротив здания консульства России. Тогда же руководство общины обратилось в Петербург с просьбой оказать финансовую помощь в этом начинании. Российский консул в Сараеве Е.Р. Щулепников настоял на том, чтобы на будущей церкви обязательно были купола и колокола. План храма был утвержден лично султаном Абдул-Азизом⁵².

К 1870 г. строительство храма и 40-метровой колокольни с крестом было окончено. Член Петербургского отдела Славянского комитета Н.А. Киреев отправил в новый кафедральный собор серебряную утварь, заводчик П.П. Демидов пожертвовал 250 руб.⁵³. Петербургский купец Ефим Иванов послал в Сараево своих мастеров для установки иконостаса и исполнения всех позолотных работ в соборе⁵⁴. В Боснию из России прибыли пять человек. В Сергиевской пустыни под Петербургом планировалось изготовить 86 икон для храма⁵⁵. К марту 1871 г. иконостас был готов. Благодаря стараниям архимандрита Сергиевской пустыни о. Игнатия православные жители Сараева получили 73 иконы, большую часть которых выполнил художник Александр Колчин⁵⁶. Этот иконостас, установленный российскими мастерами, и по сей день украшает собор в Сараеве.

К октябрю 1871 г. сараевская православная община потратила на строительство церкви огромную сумму. Теперь уже поездка С. Косановича в Россию была крайне необходима для погашения долгов.

В Россию он приехал в 1872 г. и пробыл здесь до 1874 г. Он побывал в Москве, Петербурге, Рязани, Моршанске, Козлове⁵⁷, Там-

⁵² Там же. Д. 2330. Л. 32–33.

⁵³ *Поповкин А.А.* Славянские благотворительные общества в Москве и Санкт-Петербурге (1858–1921). С. 185.

⁵⁴ АВПРИ. Ф. 161. Главный архив. Д. 48. Л. 51 об.

⁵⁵ Там же. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Д. 2332. Л. 130–131.

⁵⁶ Там же. Ф. 161. Главный архив. Д. 48. Л. 51 об.

⁵⁷ Современный город Мичуринск.

bove, Саратове, Хвалынске, Казани, Вятке и Нижнем Новгороде, Ельце, Орле⁵⁸.

В марте 1874 г. Косанович отправился на родину. По сообщению консула А.Н. Кудрявцева, в России сараевскому архимандриту удалось собрать около 4 500 руб. и 10 ящиков с одеждой, утварью и книгами⁵⁹. По другим данным, сумма собранных средств превышала 9 000 руб.⁶⁰

Помимо благоустройства храма, на собранные в России средства было куплено два дома рядом с собором, в одном из которых разместилось женское училище⁶¹.

Соборная церковь Рождества Пресвятой Богородицы, строительство которой завершилось благодаря собранным в России средствам, до Первой мировой войны являлась резиденцией дабробосанских митрополитов. Она и по сей день украшает Сараево.

*Сараевская школа для девочек
Стаки Скендеровой и Россия*

До начала XIX в. в Боснийском пашалыке было всего три школы для православного населения — в Мостаре, Ливно и Сараеве⁶². Для жителей этого региона низкий уровень грамотности был типичным явлением. Ощущалась катастрофическая нехватка учебных заведений, а женщины и вовсе были лишены возможности получить какое-нибудь образование.

В патриархальной боснийской среде, полной предрассудков и непонятных европейцу правил поведения, появилась удивительная личность — Стака Скендерова, которая всю свою жизнь занималась просветительской деятельностью. В 1858 г. она основала

⁵⁸ ОР РГБ. Ф. 239. Картон 11. Ед. хр. 11. Л. 3–45 об.

⁵⁹ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875. Документы. М., 1988. С. 363.

⁶⁰ См.: Данченко С.И. Материалы архива Н.Н. Дурново по истории российско-сербских связей в XIX в. Публикация // Славяне и Россия: к 110-летию со дня рождения С.А. Никитина: Сборник статей. М., 2013. С. 767–781.

⁶¹ ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 1. Д. 8. Л. 69–70.

⁶² Скарић В. Избрана дјела. Прилози за историју Босне и Херцеговине и југословенских народа. Књ. 3. Сарајево, 1985. С. 55–60.

в Сараеве школу для девочек, которая была открыта для представительниц всех вероисповеданий⁶³ и просуществовала вплоть до австрийской оккупации Боснийского вилайета в 1878 г.

Для боснийского общества своего времени Стака Скендерова была явлением поистине экстраординарным. Она говорила на нескольких языках — сербском, турецком, греческом, русском, пела в церковном хоре, одевалась в мужскую одежду темного цвета, удостоилась аудиенции турецкого султана Абдул-Азиза, самостоятельно совершила паломничество в Иерусалим, занималась литературным трудом. Она была монахиней в городе, где не было ни одного православного монастыря, и большую часть жизни работала на светском поприще. Своим трудом она заслужила уважение современников и последующих поколений. Долгое время одна из небольших улиц Сараева носила ее имя⁶⁴. В честь нее также было названо Общество просвещения женщин в Сараеве⁶⁵. К тому же деятельность С. Скендеровой способствовала сближению России с боснийскими землями.

Заветной мечтой Скендеровой было открытие школы для девочек. Это удалось осуществить в 1858 г. Содействие в основании данного учебного заведения оказывали многие русские и сербские общественные и политические деятели. Еще в 1857 г., когда Гильфердинг находился в Сараеве, Скендерова обратилась к нему с просьбой поддержать идею открытия школы в этом городе. Она обещала во всем следовать указаниям российского консульства, а главной целью школы провозглашала приобщение учениц к христианству⁶⁶.

⁶³ В 1854 г. сербская православная церковная община в Сараеве открывала школу для девочек, однако она просуществовала недолго. См.: *Панућ М.* Стака Скендерова // Хаџи Стака Скендерова и српска култура у Босни и Херцеговини. Тематски зборник. Бањалука, 2017. С. 27–49.

⁶⁴ Улица была названа в честь С. Скендеровой в 1931 г. В 1941 г. она была переименована, а в 1945 г., после освобождения Сараева, вновь получила имя Стаки Скендеровой. Сейчас название вновь переименовано: ул. Стаки Скендеровой превратилась в ул. Бука.

⁶⁵ *Стојаковић Г.* Стака Скендерова или прилог за историју аутентичности // Хаџи Стака Скендерова и српска култура у Босни и Херцеговини. С. 159.

⁶⁶ АВПРИ. Ф. 146. Славянский стол. 1858–1876. Д. 6668. Л. 5–5об.

Вопросом устройства школы Гильфердинг занялся по приезде в Петербург. Он добился от российского правительства назначения пособия на школу в размере 1 384 руб.⁶⁷. Пожертвование в 1 400 руб. внесла и русская императрица Мария Александровна⁶⁸.

В 1878 г., после австро-венгерской оккупации Боснии и Герцеговины, школу пришлось закрыть — прекратилась денежная помощь от султана, перестали поступать и средства из России, а новые власти не были заинтересованы в работе этого учебного заведения.

Выпускницы школы Скендеровой были первыми образованными женщинами Боснии и Герцеговины. Многие из них стали учительницами — преподавали в школах Мостара, Крайны, в учебном заведении мисс Ирби⁶⁹. Как правило, воспитанницы Скендеровой считались завидными невестами и удачно выходили замуж. Эти женщины воспитывали своих детей уже в духе нового времени, прививая им охоту к учебе и иную культуру.

* * *

1850–1870-е годы стали временем знакомства российского общества с загадочным миром славян Боснии и Герцеговины. Решающую роль в этом сыграли российские дипломаты на Балканах, деятели славянских благотворительных комитетов и Святейший синод. Ключевыми фигурами в установлении связей между Россией и Боснией были А.Ф. Гильфердинг, М.Ф. Раевский, А.Д. Блудова, Н.А. Попов, И.С. Аксаков.

Главной задачей как официальных кругов России, так и ее общественных благотворительных организаций стала забота о православном населении Боснии и Герцеговины — именно оно было основным адресатом всей помощи. Ответственность России за состояние православного мира была не просто прикрытием для воплощения в жизнь внешнеполитической стратегии правительства, а вполне реальной позицией.

Анализ, проведенный российскими дипломатами и общественными деятелями в 1850–1870-е годы, позволил дать объективную

⁶⁷ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850–1864. С. 181.

⁶⁸ Там же. С. 201.

⁶⁹ Просвјета: лист за политику, књижевност и забаву. Бр. 7 од 7. до 15. фебруара 1887.

оценку ситуации в Боснии и Герцеговине. Российский МИД пришел к выводу о преждевременности сербских планов по присоединению этого края.

25-я статья Берлинского трактата, явившегося итогом русско-турецкой войны 1877–1878 гг., давала Австро-Венгрии право на оккупацию территорий Боснии и Герцеговины. В июле-августе 1878 г. Боснийский вилайет de-facto перестал быть частью Османской империи.

20-летний опыт работы российских дипломатов в Боснии и Герцеговине, хотя и не всегда удачный, имел большое значение для формирования балканской политики Империи. Сложилась представления о крае, его проблемах и особенностях. Эти земли перестали быть *terra incognita*. В дальнейшем, как только вновь возникал боснийский вопрос, российские дипломаты не раз обращались к донесениям своих предшественников. Всесторонний анализ ситуации показал всю сложность работы в регионе. Это позволило занять взвешенную и продуманную позицию в боснийском вопросе и во многом уберегало Россию от серьезных международных конфликтов на протяжении последующих 40 лет.

Рекомендуемые источники

Гильфердинг А.Ф. Босния, Герцеговина и Старая Сербия. Третий том собрания сочинений. СПб., 1873.

Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М.Ф. Раевского. 40–80 годы XIX века. М., 1975.

Југословени и Русија: документи из архива М.Ф. Рајевског. 40–80 године XIX века. Београд, 1989.

Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850–1864. Документы. М., 1985.

Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875. Документы. М., 1988.

Рекомендуемая литература

Босния, Герцеговина и Россия в 1850–1875 годах: народы и дипломатия. Балканские исследования. Вып. 13. М., 1991.

Вяземская Е.К. Босния и Герцеговина во внешнеполитических планах России в 50–70-е гг. XIX в. // Россия и Балканы. Из истории обще-

- ственно-политических и культурных связей (XVIII в.–1878 г.). М., 1995. С. 100–118.
- Гильфердинг А.Ф.* Босния, Герцеговина и Старая Сербия. Собрание сочинений А. Гильфердинга. Т. 3. СПб., 1873.
- Екмечић М.* Кратки ход по мукама кроз историју Босне // *Екмечић М.* Дијалог прошлости и садашњости. Зборник радова. Београд, 2002. С. 135–154.
- История Балкан: Судьбоносное двадцатилетие (1856–1878 гг.). М., 2012.
- Кондратьева В.Н.* Русские дипломатические документы об аграрных отношениях в Боснии и Герцеговине (60–70-е гг. XIX в.). М., 1971.
- Међународни научни скуп: Проблеми историје Босне и Херцеговине 1850–1875. Сарајево, 1987.
- Мельчакова К.В.* Босния и Герцеговина в общественно-политической жизни России в 1856–1875 гг. М., 2019.
- Никитин С.А.* Славянские комитеты в России в 1856–1876 гг. М., 1960.
- Олюнин С.В.* Боснийский эялет в конце XVIII — 70-х гг. XIX столетия: османский опыт модернизации традиционного общества. М., 2006.
- Пахомова Л.Ю.* Балканский лакмус. Австро-венгерская политика в Боснии и Герцеговине и российская дипломатия (1878–1908). М., 2021.
- Поповкин А.А.* Славянские благотворительные общества в Москве и Санкт-Петербурге (1858–1921): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Воронеж, 2013.
- Тетић И.* Босна и Херцеговина у руским изворима (1856–1878). Сарајево, 1988.
- Хаџи Стака Скендерова и српска култура у Босни и Херцеговини. Тематски зборник. Бањалука, 2017.
- Хевролина В.М.* Борьба России за усиление своих позиций на Балканах в 1856–1875 годах (деятельность российских консулов) // Геополитические факторы во внешней политике России: вторая половина XVI — начало XX века: к столетию академика А.Л. Нарочницкого. М., 2007. С. 221–266.
- Чуркина И.В.* К вопросу о первом русском обществе помощи югославянским народам // Балканские исследования. Вып. 10. Общественные и культурные связи народов СССР и Балкан XVIII–XX вв. М., 1987. С. 62–74.

Чуркина И.В. Протоиерей Михаил Федорович Раевский и югославяне. М., 2011.

Aličić S.M. Uređenje Bosanskog ejaleta od 1789. do 1878. godine. Sarajevo, 1983.

Pelidija E. Bosansko-ruski odnosi u XVIII stoljeću // Bosna i Hercegovina i svijet. Sarajevo, 1996. S. 125–134.

Radušić E. Bosna i Hercegovina u britanskoj politici od 1857. do 1878. godine — od branitelja i zaštitnika do tužioca i sudije. Sarajevo, 2013.

Šljivo G. Bosna i Hercegovina u XIX stoljeću u spisima stranjih izvještača. Tešanj, 2008.

Сербия между Востоком и Западом.
Проблемы выбора пути в период
становления независимого государства
в XIX — начале XX в.

Я остановлюсь на нескольких важных моментах, которые характеризуют сербскую историю и выбор Сербией пути в Новое время. Новым временем в исторической науке мы называем период с конца XVII в. по 1918 г. Для сербской истории эти хронологические рамки несколько смещаются, поскольку о формировании ясной концепции национального сербского государства мы можем говорить ближе к концу XVIII в., и кульминацией становится идея восстановления государства. Встает вопрос: а как оно должно восстанавливаться?

Существует обширная литература, которая говорит о предшественниках оформления идеи восстановления государства. В первую очередь это сербские просветители. Но вопрос о том, как восстанавливалось сербское государство, конечно, связан, прежде всего, с первостепенностью именно внешнего фактора в становлении сербской государственности. Так сложилось в сербской истории, что все ключевые события становления сербского государства в Новое время связаны с теми или иными международными катаклизмами.

Здесь уже много говорилось о переселении сербов в Габсбургскую монархию в 1690 г. Причиной этого стала Великая Турецкая война 1683–1699 гг. Священной лиги, включавшей Австрию, Польшу, Венецию, а потом и Московию, против Османской империи. Водоворот этой страшной войны закрутил сербов Косова и Метохии, и они вынуждены были уйти, потому что в глазах

османских властей они были коллаборационистами. Они сотрудничали с врагом — для султана это именно так и выглядело: сербы сотрудничали с австрийцами, они им помогали. А ведь сербам была дарована собственная патриархия и другие послабления от турецких властей. И за сотрудничество с врагом султан объявляет джихад. Тысячам сербов пришлось покинуть Старую Сербию и переселиться в Габсбургскую монархию, потому что перспективы турецкой расправы были страшными. Это первый знаковый момент в сербской истории, когда борьба с Османской империей меняет вектор их исторической судьбы.

Следующий важный фактор — это, конечно, русско-турецкие войны. Россия начала воевать с Османской империей в 1711 г. во время Прутского похода и закончила в 1878 г. Русская армия не раз вступала на Балканы, а затем уходила.

Первое сербское восстание 1804–1813 гг. связано с именем Вука Караджича, который в этот период с Доситеем Обрадовичем не только занимался созданием системы начального образования в Сербии, но и был секретарем Правительствующего совета. Именно Вук собрал и опубликовал документы восстания. Первая дата — это май 1812 г., Бухарестский мирный договор, завершение русско-турецкой войны 1806–1812 гг. Ряд сербских историков говорят об этом договоре негативно как о предательстве России. А наша историография именно Бухарестский договор считает началом новой сербской государственности.

Сербия участвовала в этой войне на стороне России, впервые против султана. Карагеоргий воевал против Османской империи в союзе с врагом султана, подписав в 1807 г. военную конвенцию с Россией (так называемая конвенция Карагеоргий–Паулуччи). Сербская историография утверждает, что русские бросили сербов, и восстание было подавлено. Действительно, в 1813 г. оно было подавлено чудовищно, кроваво. Но мы прекрасно понимаем, какая ситуация была в России — начиналась война с Наполеоном. Бухарестский мирный договор подписывал Кутузов, будущий победитель Наполеона. Русские ушли, но 8-я статья Бухарестского мирного договора — это флаг, это знамя, потому что впервые в международном договоре прозвучало слово «Сербия». Конечно, в международных соглашениях и ранее оговаривались послабления сербам. Таким был завершивший победу австрийцев над

турками Систовский мир 1791 г., по которому сербы Белградского пашалыка получили от султана ряд серьезных привилегий. Но 8-я статья Бухарестского мира гласила: султан обязуется даровать амнистию всем сербам, которые воевали против султана, и создать *автономное сербское княжество во главе с сербским князем*. Султан подписал договор, но не выполнил его условий.

Дальше произошло бегство осенью 1813 г. Карагеоргия и тысяч сербов в Габсбургскую монархию. Карагеоргий и некоторые его сподвижники нашли убежище в России, в Бессарабии. С некоторыми из них в 1821 г. познакомился в своей южной «командировке» А.С. Пушкин. События Первого сербского восстания, и личность Карагеоргия нашли отражение в творчестве великого русского поэта.

Вторая дата — 1815 год, Второе сербское восстание под руководством Милоша Обреновича, попытка налаживания отношений с новым султаном Махмудом II, который пошел на некоторые уступки. Но сербы все же не получают того, что должны были получить по Бухарестскому миру.

Третья дата — 1830 год — завершение русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Сербь в ней не принимали прямого участия: Милош Обренович — очень осторожный человек, он предпочитает подкупать лекарей, евнухов в гареме султана, в Стамбуле у него есть свои люди. Но судьбу Сербии во многом определил именно подписанный после победоносной для России войны 1828–1829 гг. Адрианопольский мирный договор. По условиям этого мирного договора и создается в рамках Османской империи автономное Сербское княжество. Ни у кого из славян в это время, кроме русских, украинцев, белорусов, нет государства. Есть Российская империя, и все. Польша разделена и исчезла с карты Европы, Чехия уже 200 лет в Габсбургской монархии, у словаков нет государства, у словенцев его и не было практически, хорваты в составе Венгрии и Австрии, болгары в составе Турции, — ни у кого, только у сербов. Фантастика! Для Европы событие невероятное. Все задаются вопросом: кто такие эти сербы, у которых теперь свое княжество и князь.

В 1830 г. по условиям Адрианопольского мира султан подписывает так называемые хатт-и шерифы о даровании Сербии автономии. Этим законодательным актом наконец была реализована (спустя столько лет!) 8-я статья Бухарестского мира, на выполне-

нии которой неоднократно настаивала Россия, например, в 1826 г. в Аккерманской конвенции и других документах.

С этого времени можно говорить уже о *сербской государственной истории*, поскольку сербы строят свое государство. Дальше сербская история связана с правлением Милоша Обреновича, возвращением Карагеоргиевичей, режимом правления «уставобранителей», с разработкой и принятием сербских конституций. Все это важные вехи сербской истории.

Четвертая дата — это 1878 год, 13 июля по новому стилю или 1 июля по старому стилю. Эти цифры должны золотыми буквами быть выбиты на правительственных сербских зданиях. Поскольку это — *провозглашение независимости Сербского государства* согласно статьям Берлинского трактата, итогового документа русско-турецкой войны 1877–78 гг.

Почему я говорю «золотыми буквами»? По Берлинскому трактату, по его статьям Сербия объявлялась *независимым государством*. Только Сербия и Черногория из славянских народов стали независимы. Болгары еще просто получили автономию в это время. Независимость — это невероятно! Свершилось! Вернулось то, что потеряли на Косове, — государство!

Таким образом, три русско-турецкие войны знаменовали своими договорами этапы становления сербской государственности. Финальная русско-турецкая война 1877–1878 гг. была очень тяжелой для России. Россия потеряла убитыми на Балканах около 100 000 человек. Война стоила России около миллиарда рублей, колоссальной суммы, и при этом Россия не получила контрибуции, отдав ее за не выплаченную балканскими славянами дань Османской Порте. Эта война завершилась победой России и ее союзников (Сербии, Черногории и Румынии) другим мирным договором, который был подписан 19 февраля 1878 г. Сан-Стефанский договор предоставлял автономию Боснии и Герцеговине, создавал общую границу между Сербией и Черногорией. Но так называемые Великие державы (это их официальное название в то время) резко выступили против этого договора, усиливавшего, по их мнению, позиции России на Балканах. Они стали угрожать России войной, и новый договор подписывали с Османской империей уже все шесть держав (Российская империя, Австро-Венгрия, Великобритания, Германия, Италия, Франция) в Берлине. Летом 1878 г.

после долгих дебатов по поводу границ был подписан так называемый Берлинский трактат.

Однако сербы были страшно недовольны прежде всего Сан-Стефанским договором, да и Берлинским трактатом до такой степени, что во время молебна, который состоялся в кафедральном соборе Белграда 13 августа 1878 г. по случаю обретенной независимости, не было упомянуто имя Александра II и не обозначена роль России. Благодарили Австрию, Великобританию, но только не Россию. Русский посол Персиани с возмущением посылает об этом зашифрованную телеграмму в Петербург. В это же время сербский генерал Коста Протич пишет в Петербург сербскому представителю: «Я ненавижу русских! Как жаль, что террористы не убили Александра II!».

Почему такая реакция? Ведь эта русско-турецкая война началась фактически из-за Сербии. Потому что в 1876 г. сербы отважились на совершенно невероятную вещь: они, имея в союзниках лишь крошечную слабую Черногорию, являясь фактически вассалами Турции, напали на своего сюзерена. Они объявили войну стране, обладавшей одной из лучших армий мира, турецкой армии, которая вооружена крупновскими артиллерийскими орудиями, у которой австрийские винтовки «Шкода», у которой в генералитете — европейские офицеры.

Конечно, сербы проиграли эту войну, длившуюся четыре месяца. На что же они рассчитывали? Рассчитывали на Россию. Сербь проиграли войну и не могли не проиграть. Приехали русские добровольцы, приехал «Вронский» из «Анны Карениной» (его прототип полковник Н.Н. Раевский), и многие другие храбрецы. Погибло две тысячи русских добровольцев, им установлены памятники, сербы чтут их героизм. Но сербское правительство ожидало не добровольцев, оно ожидало вступления в войну России со всей ее военной мощью.

В октябре 1876 г. стало очевидно, что турки вот-вот возьмут Белград. Оставался один дневной переход турецкой армии для реализации этой задачи. Возглавлял армию тот самый бесстрашный Осман-паша, который через год будет оборонять Плевну на протяжении шести месяцев. Сербов спасла Россия, а именно русский ультиматум Османскому правительству от 18 октября 1876 г., о том, что Россия начнет войну с Турцией, если турки не покинут

территорию Сербского княжества. Турецкие войска были выведены, но Россия начала подготовку к войне. То есть, фактически, Россия, защищая сербов, вступила в войну.

Российский государь, правда, сказал обидные для сербов слова в Кремле 30 октября 1876 г., когда объяснял народу, зачем мы пойдем на Балканы. Он сказал: «Сербы — трусы, но мы пойдем и будем воевать за их свободу».

Почему российский император решил, что сербы — трусы? Русские офицеры и генералы доносили ему с театра боевых действий сербо-турецкой войны, что сербы неправильно воюют, не идут в атаку, не знают приемов штыкового боя. Но это было естественно, так как это была нерегулярная армия. Сербы не воевали уже много лет, а сербские солдаты — крестьяне, которые ждали ночи, чтобы выйти из окопов и вырезать турок. Они не понимали, зачем наши офицеры с георгиевскими саблями наголо выходили вперед и говорили сербским солдатам: «На юриш¹». Сербы отвечали: «Если вам нравится, можете идти». И полковника Киреева турки взяли на штыки, погиб полковник Раевский. Многие русские офицеры были недовольны тактикой сербской борьбы. А разница в том, что в России была регулярная армия, в которой солдаты служили около 20 лет, а у сербов в их крошечном вассальном княжестве большая часть армии — крестьяне, а немногочисленный офицерский корпус не имел боевого опыта.

На деле же сербы — очень храбрый народ. Просто русские офицеры неверно понимали разницу в ведении боевых действий русской и сербской сторонами. Фактически, это было первое столкновение русских и сербов, первое непонимание, первый конфликт. Русские офицеры поднимают сербов в атаку на турецкие штыки, а сербы не идут. У них семьи, дети, за ними села горят. Они не хотят рисковать жизнью, как им кажется, в авантюрных и опасных операциях.

Почему же сербскому правительству не понравился Берлинский трактат? Дело в том, что Сербия не получила то, ради чего начинала войну: она не получила Косово и Метохию, она не получила Боснию, на которую рассчитывала, она не получила общей границы с Черногорией (а была мечта объединить эти государства). И особенно обидно было сербам, что русские хотели отдать

¹ В атаку (*прим. ред.*).

болгарам значительную часть Балканского полуострова. «Болгарам! — говорили сербы. — Да они вообще не воюют! Они сидят тихо, а мы всегда сражаемся». Но болгары жили прямо рядом со Стамбулом. У них разного рода заптии-полицейские были в каждом селе! Там было трудно поднять восстание, но все-таки они попытались весной 1876 г., и восстание это было кроваво подавлено. Белградский пашалык, а позднее Сербия находились в иной ситуации — отдаленного, пограничного района.

Понимание роли внешнего фактора для строительства Сербского государства чрезвычайно важно. Так сложилось, что у России были свои геополитические интересы на Балканах. Но единоверие и этническая общность с балканскими славянами способствовали тому, что именно русский фактор стал определяющим в обретении сербами независимости.

Очень важна и следующая проблема. Сербы получили в 1830 г. свое автономное княжество. Как теперь восстанавливать и строить это государство? Какие должны быть внешние союзники? Маленькая страна, пока однородная, нет каких-то особых социальных слоев, социальных перегородок, нет сословий аристократических или интеллектуальных. Встает вопрос о союзниках.

Традиционным союзником сербов на протяжении нескольких столетий в первую очередь была Австрия. Ближайший сосед, христианское государство, на противоположном берегу пограничной реки Дунай, где проживали переселившиеся туда сербы. У Австрии при этом свои интересы на Балканах: она желает получить стабильную границу с Османской империей и, по возможности, территорию Боснии и Герцеговины. Но Австрия была ближайшим для сербов христианским государством, это надо помнить. В 1690 г. сербы получили у императора Леопольда I разрешение укрыться от гнева султана на освобожденных от турок южных комитатах Венгрии — Бачке, Банате и Среме.

Австрийская Военная граница, где сербы уже давно несли службу, также важна для понимания сербо-австрийских отношений. Сербы там были лично свободными воинами-граничарами, владеющими наделами земли и получающими жалованье за свою пограничную службу. Тогда возникает вопрос: почему же произошла война 1914 г. между Австрией и Сербией? Вот это и был вопрос выбора внешнего союзника: с австрийцами или с русскими?

Но до 1880-х годов Россию и Австрию связывали союзные договоры. Две эти империи были очень похожи: многонациональные, поликонфессиональные, континентальные, у них нет заморских колоний, они вместе воевали против Османской империи. Екатерина II и Иосиф II первыми подписывают договор о возможном разделе Балкан, если Турция оттуда уйдет, это нашло отражение в так называемом Константинопольском проекте Екатерины.

С другой стороны, Россия была для сербов в чем-то ближе, хотя территориально и далеко. Она не всегда могла сразу помочь Сербии оружием, но она — православное государство, государство, где славянский язык официальный, а это был очень важный момент. С 1711 г., с Петровского послания к черногорцам, устанавливаются тесные политические, культурные, церковные связи России со славянами Балканского полуострова.

Может удивить число охлаждений и даже разрывов русско-сербских отношений в Новое время. Это, конечно, период правления «уставобранителей», т. е. 1842–1858 гг., когда в Белграде была, например, иллюминация в честь разгрома русских войск в Крымской войне, когда на призыв русских начать восстание и поддержать Россию в Крымской войне тогдашний князь Сербии Александр Карагеоргиевич ответил отказом. В газете «Српске новине» того времени можно найти статьи антироссийского характера, что понятно, потому что османский султан и Австрия в то время, во многом, решали дальнейшую судьбу сербов.

С 1858 г., когда вновь к власти пришла династия Обреновичей, ситуация меняется, особенно в правление князя Михаила (1860–1868) русско-сербские связи укрепляются. Князь Михаил, конная статуя которого теперь стоит в центре Белграда, а соседняя улица названа его именем, создает Балканский союз, означающий, что балканские народы в 1867 г. без Великих держав и без России собирались воевать с Турцией и решать свои проблемы. Но Россия включается в эту задачу, потому что после страшного поражения в названной Крымской русско-турецкой войне (1853–1856 гг.), когда против России воевали не только турки, но и многие другие страны, в частности Франция, Великобритания и Италия (тогда еще Сардинское королевство), Россия ищет союзников, а союзников нет. Россию предали все, включая союзную Австрию, которая объявила России вооруженный нейтралитет.

И тогда русский министр иностранных дел А.М. Горчаков обратил внимание на возможность помощи со стороны балканских славян. Он решил, что Россия должна открыть на Балканах новые консульства и создавать там «агентов влияния», базу сторонников России. Поэтому, конечно, Россия поддержала Балканский союз и направила своих офицеров для организации артиллерийского дела в Сербии.

Князя Михаила в 1868 г. убили заговорщики, ситуация изменилась, и Балканский союз распался. И вновь встал вопрос, кто поможет сербам получить окончательную независимость и вернуть исконные сербские территории, где зарождалось сербское государство? Кто поможет объединить сербов, Австрия или Россия? Ставка была сделана на Россию, потому что в России работают славянские комитеты, они обещают: «Вы начните, вы только начните, а мы сделаем все, чтобы Россия вступила в войну». Об этом говорили такие деятели славянофильского направления, как И.С. Аксаков, или несколько раньше А.С. Хомяков, автор знаменитого «Послания к сербам». Сербы начали войну в июне 1876 г., а официальная Россия в войну не вступила. Это глубоко разочаровало тех сербских лидеров, которые поверили славянским комитетам. Следующим разочарованием стали решения Сан-Стефанского и Берлинского договоров.

С 1878 г. по 1903 г. можно говорить о фактическом разрыве русско-сербских отношений. Приехавший в Сербию в 1878 г. русский профессор П.А. Кулаковский открывает русскую кафедру, привозит русские учебники и пишет, что встретился с негативным отношением к России. Ситуация была очень сложная, сербы были оскорблены тем, что они воевали вместе с Россией, а получили сравнительно небольшую территорию.

Расскажу о малоизвестном эпизоде из истории русско-сербских отношений. 19 января 1878 г. за месяц до подписания Сан-Стефанского договора было заключено перемирие между Россией и Турцией. Его подписывали в Адрианополе — второй столице Османской империи. И вдруг туда прибывает сербский полковник Лешьянин с ультиматумом, что Сербия может объявить войну России. Что же случилось? По русским планам город Ниш должен был отойти к Болгарии, в соответствии с планом Н.П. Игнатьева о создании Великой Болгарии. Ниш освободила сербская армия,

и сербы считали город своим. И в этом ультиматуме говорилось, что если Ниш отойдет болгарам, то Сербия объявляет войну России. Конечно, Ниш отдали сербам, потому что специалисты разъяснили русскому командованию, что для сербов это принципиально важный момент — если им не достается Косово и Босния, то хотя бы Ниш. Сербы получили не слишком большую территорию, но они получили независимость.

Йован Ристич, министр иностранных дел Сербии, премьер-министр, регент при малолетнем князе Милане, потом регент при юном короле Александре, был на Берлинском конгрессе, где он общался с представителями разных стран, и там он встретил старого профессора Леопольда Ранке, у которого когда-то учился истории в Германии. Этот известный немецкий историк, воспитатель Бисмарка, создатель концепции Великой Германии сказал: «Все у Вас получится, Йован, не волнуйтесь. Главное, что у вас есть независимость». Ристич вернулся, но ему никто не поверил, все твердили: «Крошечное прибавление в территориях — это так обидно!» В результате — фактически разрыв русско-сербских отношений, ориентация на Австрию.

В 1882 г. была подписана секретная военная конвенция между Сербией и Австрией. В ней говорилось, что в случае войны с третьей державой, под которой подразумевалась и Россия, Сербия выступит на стороне Австрии. В России, конечно, реакция была соответствующей, что привело к разрыву русско-сербских отношений вплоть до 1903 г., до прихода на сербский престол династии Карагеоргиевичей.

После Октябрьской революции Югославия, а значит и Сербия как ее составная часть, последней в 1940 г. установила дипломатические отношения с Советским Союзом. СССР не шел на переговоры с Югославией, потому что там находилась армия Врангеля, белые эмигранты. В годы Второй мировой войны обе страны вместе воюют против общего врага. А в 1948 г. происходит разрыв советско-югославских отношений, который фактически, хотя в 1956 г. произошла нормализация, продолжался до 1991 г. То есть говорить о том, что у нас в политическом плане всегда были идеальные отношения, неверно. Хотя в сознании двух народов всегда было живо представление о дружбе и родстве народов двух стран.

Внешний фактор — очень важная вещь. В этой связи надо отметить колоссальную роль сербской диаспоры. Это сербы, живущие в Габсбургской монархии, переселившиеся туда из Османской империи, — так называемые австрийские сербы, у которых была своя автокефальная церковь во главе с митрополитом, были школы, буквари, свои культурные и просветительские организации, газеты, театр. С 1826 г. у них фактически работает Академия наук — Матица Сербская. Это не значит, что эти «швабы», или «пречанцы», как их называли «сербиянцы», были проавстрийски настроены. Среди них были горячие патриоты, и они в какой-то степени оплодотворили сербскую идею. Во время Первого сербского восстания к Карагеоргию приезжают из Австрии Доситей Обрадович, братья Юговичи, Чердаклия, а позже Димитрие Давидович. Именно благодаря австрийским сербам 15 февраля 1835 г., на Сретение, принимается первая сербская Конституция — *Сретенски Устав*, самая демократичная на то время Конституция в мире: все граждане равны, равенство мужчин и женщин, невозможно задержать человека без предъявления обвинения больше чем на 48 часов, свобода печати! Этот текст был разработан австрийскими юристами, в частности Димитрием Давидовичем.

Конституция эта не вступила в силу, против ее принятия выступила Россия. Можно подумать, что Россия так поступила, потому что была крепостническим самодержавным государством, — нет, не поэтому. Мы еще вернемся к австрийским сербам, потому что это очень важный компонент сербской истории, который нельзя забывать. Формирование интеллектуального слоя у них объяснялось теми условиями, которые были созданы в империи Габсбургов во время реформ Марии-Терезии и Иосифа II. Императрица Мария-Терезия заставила всех детей, девочек и мальчиков, отправлять в школу, все должны были бесплатно получить как минимум четыре класса образования.

Что касается вопроса, связанного с конституцией и государственным устройством Сербии, то он состоял в том, какое государственное устройство будет у молодого сербского государства. Казалось бы, это должна быть республика: сербы — демократы, у них нет аристократии, нет буржуазии, нет купечества, у них достаточно однородный слой крестьян, и все они землевладельцы. Вопрос земли и воли для сербов не стоял. Они никогда не были

крепостными и никогда не имели проблем с землей. Существовал земельный минимум, субаренда, ведь земля Османской империи принадлежала Аллаху, султан ее только распределял военачальникам — тимариотам, а сербы владели землей как бы на условиях субаренды. Поэтому, конечно, про такое общество русские революционеры, народовольцы говорили: «Мы там будем строить социализм! У них нет помещиков, нет буржуазии, нет аристократии, все равны, земля есть — там легко построить социалистическое государство». Но как только они предложили отменить частную собственность на средства производства и землю, сербам это сразу не понравилось.

Почему не республика? Почему в Сербии до 1945 г. установилась монархия? На монархии настаивала Россия. Потому что она сама самодержавное государство? Нет, потому что есть только три вида государственного устройства: республика, монархия, олигархия. А в Сербии начиналось олигархическое правление: вокруг Милоша Обреновича собирались его сподвижники, «великаши», получившие большие надель земли. Поэтому по требованиям России, не желавшей авторитарного правления Милоша, отменяется Конституция 1835 г. и вводится Турецкая конституция 1838 г., которая ограничивает власть князя Государственным Советом. В результате Милош в этом же году покинул страну. Из его сыновей один умер, другой недолго правил и тоже покинул страну. В 1842 г. к власти в Сербии пришли Карагеоргиевичи.

В Сербии же, по мнению российских политиков, должна быть конституция, с помощью которой можно будет контролировать ситуацию в стране. Поэтому вопрос о том, какая будет конституция, был очень важен для сербов. Двухпалатный или однопалатный парламент, а если двухпалатный, то кто в верхней палате? Лорды? И сербы принимают свою собственную либеральную конституцию 1869 г., потом Конституцию 1888 г. Они все время в этом направлении работают, но где им взять образец для конституции? На Западе? Во Франции? В Англии? В России ведь нет конституции.

Третий важнейший вопрос: кто это государство будет строить? Кто будут эти государственные люди? Илия Гарашин садится со своими полуграмотными министрами, в опанках, в народной одежде (сюртук они надевают только на официальные приемы

и то не всегда, и это тоже вызывает уважение, поскольку они не хотят отличаться от народа) и начинает считать копейки сербского бюджета, размышляя, куда их направить. И они решают: нужно выучить своих студентов, пусть будут свои врачи, агрономы, военные, учителя — все свои, потому что приглашать иностранцев — это очень дорого и чревато иностранным влиянием. Учителя-швабы заповили школы, военный министр — француз Ипполит Монден. Нужны собственные кадры.

И они создают так называемую *Планирану элиту*, они ее спланировали, придумали. Российский император Петр I приглашал иностранцев и долго за границей учил из боярских детей своих специалистов. Сербы же решили, что они немедленно отправят учиться крестьянских детей, те вернутся и станут работать. Они отучились и все вернулись домой, никто не остался в Вене, Франции, Лондоне, все вернулись. Когда Борис Годунов отправил 30 человек учиться в Лондон, не вернулся ни один, силой пытались вернуть — не возвращались, не хотели. А сербы вернулись все и стали работать, и как работать!

Как сербские министры выбирали университеты для обучения своих студентов? Они собрали сведения у своих товарищей, друзей из разных стран, сербов, которые где-то за границей работали, были купцами, или находились за границей по каким-то другим делам. Где лучше всего учить врачей? В Вене, там сейчас отличная медицина. Где сейчас самая лучшая юридическая система? Во Франции, туда отправим студентов. Где лучшая экономика? В Англии, там будем готовить финансистов. Где учить военных? В Пруссии, там мощная военная школа. Где будут учить агрономов? В Бельгии. Где будут учить ветеринаров? В Швейцарии, там уже знают, что такое вакцинация скота. И они ни одного человека не отправляют в Россию, а только в эти западноевропейские страны, потому что они занимают передовые позиции в этих отраслях знаний. Министры дают студентам хорошую стипендию, чтобы они хорошо питались, ели мясо, чтобы у них были теплые комнаты, чтобы они были хорошо одеты. Они проверяют, как учатся студенты, как живут: у них должно быть молоко, хлеб каждый день — никаких нищих студентов-«раскольниковых»! Инспекция из представителей княжества проверяет студентов, как они себя ведут и как учатся. Бывает, что кто-то выпивает, кто-то оказывается

замешан в чем-то неблаговидном. Но все эти люди вернулись, и они поднимают экономику, политику и образование в Сербии.

В Россию отправляют на учебу 200 человек в 1840–1860-е годы преимущественно в духовные учреждения. Они возвращаются, большинство из них становятся священниками, хотя некоторые занимают и светские должности. Они учились в основном в Киеве, потому что когда их отправляли в Петербург и Москву, они там тут же подхватывали простуды и даже туберкулез. Так, в Петербурге заболел Светозар Маркович и умер молодым от туберкулеза.

Образование своих стипендиатов — первое, что сделали сербские министры. Второе: кто будет строить государство? Вернутся эти ученые ребята и начнут говорить, что они что-то из себя представляют: они и читать умеют, и писать, и много чего знают. Как бы они ни стали, еще будучи чиновниками, новым слоем псевдоили квазиаристократии. Сербы делают все, чтобы не было никакого привилегированного слоя. Это тоже гениальная вещь. В каждой конституции Сербии записано: никаких титулов, никаких званий, никакого nepотизма. Конечно, будут нарушения: своего сына как не пристроить на теплое место? Но все-таки законодательно это запрещено, все должны быть равны, никаких градаций. Когда русские эмиссары предложили сербам ввести «Табель о рангах» еще во время Первого сербского восстания, чтобы у сербов были дворяне, аристократы, купцы, чтобы ввести сословия, сербы сказали: «Никогда. Все должны быть равны так же, как они были равны во время Первого сербского восстания». Поэтому это очень важный момент — не допустить формирования правящего класса, попытаться создать государство абсолютного равенства. Конечно, эта попытка нигде никогда не прошла, и не пройдет, наверное.

Четвертый пункт, о котором мы говорим, — идеология. На чем новое государство будет строиться, какая у него будет идеологическая система, за что бороться? Допустим, достигнуто воплощение идеи объединения сербов — «все сербы в одном государстве», но на одном внешнеполитическом контексте строить государство невозможно. Этот внешнеполитический контекст, задача объединения всех сербов, имел две стороны: с одной стороны, это потрясающая вещь — помочь своим братьям, которым тяжело (были районы, где жить было настолько тяжело, что даже султан был в ужасе от того, что творили местные чиновники). Османская система

поначалу была очень гибкой и функциональной: была религиозная толерантность, не было крепостного права, был решен вопрос о земле, но в XIX в. уже все изменилось. Появилось многое, что отягощало жизнь местного населения. А с другой стороны — это подготовка к войне.

Сербия готовит армию, она готовится воевать, больше 30% ее бюджета уходит на армию. Очень трудно строить новое государство, у которого еще нет школ, больниц, ветеринарных пунктов, нет городской инфраструктуры, и при этом изыскивать средства на войну. Сербия воюет: в 1804–1813 гг., 1876–1878 гг. В 1885 г. тоже воюет, но эта война была крайне непопулярной, поскольку Сербия напала на болгар и проиграла войну за несколько дней. И, наконец, Сербия участвует в Балканских войнах в 1912–1913 гг. перед страшной Первой мировой войной. Независимая Сербия все время воюет, она теряет молодых, здоровых мужчин.

Что же оставалось, кроме идеи «все сербы в одном государстве»? Православие. Это очень важный компонент. Сербия — гомогенное в религиозном плане государство, там было очень мало инославных, очень мало католиков, совсем мало евреев, а почти все мусульмане покинули государство. И Церковь, конечно, имеет большое значение. Но там тоже нестроение, потому что Церковь какое-то время выполняет дипломатическую роль в межгосударственных отношениях. Ведь вассальная Сербия с 1830 г. по 1878 г. не имела нигде посольств, не имела никаких представительств, не имела прав — все делалось через султана. Только в 1878–1879 гг. Сербией было открыто первое посольство в Петербурге.

Кто же будет представлять страну в России? И в 1874 г. начинается строительство первого Сербского подворья по адресу ул. Солянка, дом 4. Сейчас в Москве есть сербская церковь в Петропавловском переулке, рядом с Яузскими воротами, но это другой храм, потому что тот, первый, взорвали в 1933 г. В 1874 г. открывался Сербское подворье в Москве, в самом центре Москвы, прямо рядом с Кремлем, благодаря деятельности сербского митрополита Михаила Йовановича, выпускника Киевской духовной академии. Это еще один факт сближения России и Сербии. Михаила Йовановича потом выгоняют из страны, потому что православная церковь в Сербии в то время полностью зависела от короля Милана, контролировавшего ситуацию, так что он даже менял митрополитов. Это

тоже сложный момент. Православная вера, конечно, была основой для самосознания сербов, их самоидентификации.

Но XIX век — век рационализма, сциентизма, появляется молодежь, атеистически настроенная, в то время это было целое европейское направление: очень много молодых людей, получающих образование, много читающих западную литературу, приходят к совершенно другим представлениям о формировании мира и его существовании. В Сербии тоже появляются такие молодые люди, и это социалисты во главе со Светозаром Марковичем, совершенно поразительным юношей, который учился в Петербурге и не доучился, вынужден был уехать. За свои 28 лет жизни он создал политическую организацию, оставил много последователей. Труды Светозара Марковича насчитывают несколько томов. Когда он успел столько написать? Год провел в тюрьме, болел туберкулезом, но много работал, издавал газеты, участвовал в организации «Объединенная сербская молодежь».

Вокруг него собираются молодые люди, вроде бы все идет к пропаганде марксизма. Может быть, здесь распространится марксистская идеология? Но Маркович выступает оппонентом К. Марксу. Маркс узнает, что какой-то сербский юноша пишет труды против некоторых его положений. Маркович говорит: отмена частной собственности невозможна в крестьянском государстве, невозможно у крестьянина отнять его орудия труда и землю. Второе, что говорит Маркович: мы не допустим диктатуры пролетариата. Какой может быть пролетариат в стране, где живут только крестьяне? Это очень сложная история, на которой я не буду останавливаться. Тут вновь встает вопрос выбора между Востоком и Западом.

Проправительственной партией были «напредняки», т. е. прогрессисты — это люди, которые предлагали: «Ну что нам изобретать порох? Давайте возьмем французскую конституцию, английскую модель парламентаризма» и т. д. Очень серьезные люди, отлично подготовленные. Это такие люди, как Милан Пирочанац, как Чедомиль Миятович. Были в Сербии и либералы, которые тоже учились за границей, это Еврем Груич, Владимир Йованович, Йован Ристич. Но появляется в 1881 г. партия, занявшая лидирующие позиции — так называемая Радикальная партия Сербии во главе с Николой Пашичем, памятник которому стоит на площади

Никола Пашича в центре Белграда. Это человек, который был социалистом, «бомбистом» и входил в русскую секцию Первого Интернационала. Он был активнейшим революционером, а в старости стал ярким контрреволюционером и душителем революционных движений.

Пашич создает партию на основе идеологии третьего пути — не капитализм, не социализм; не Россия, не Запад. Он намеревается создать сербскую крестьянскую республику. Он называет свою газету «Самоуправа» и начинает борьбу за реализацию своей идеи. Его сторонников выгоняют из страны, их обвиняют в организации Тимокского восстания, но в 1888 г. они возвращаются и предлагают свой проект конституции Сербии, очень прогрессивной для того времени. Это очень важный момент, что сербы не заимствуют полностью идеи ни у русских народолюбцев, ни у Маркса, хотя они были очень активны на Балканах.

Партия Пашича — самая крупная по численности в стране — получает абсолютное большинство в Скупшине. Это очень интересно, страна еще недавно была стопроцентно неграмотной. Всего 50 лет назад не было интеллектуалов, а в 1880-х гг. всех австрийских специалистов заменили отечественные. Потрясающий народ и потрясающая самобытная история.

Встает вопрос о том, какова же была сербская монархия в контексте европейских держав, какова была специфика Сербского королевского двора. С 1878 г. Сербия была независимым княжеством, а в 1882 г. объявила себя королевством, Милан Обренович назвался королем. Но его в стране не любили: во-первых, наполювину румын, во-вторых, взял в жены Наталью Кешко, сомнительную по национальности женщину, вроде как русскую, но наполювину румынку. В-третьих, у него было много разных невероятных походов и увлечений. Сербы его потом выгнали из страны, заплатили ему большие деньги, и он в 1888–1889 гг. покинул страну, а править стал его малолетний сын Александр.

В Европе, что очень важно, все государства в то время, в основном, были монархиями, республик почти не было. Европейский королевский, или монархический, союз особое внимание уделял бракам королевских особ. Брак должен был быть равнородным, династии должны соответствовать друг другу. Когда Наполеон попросил в жены сестру Александра I, тот сказал: «Он с ума со-

шел? Кто он такой, самозванный император Франции! Корсиканец! И русская великая княжна... В своем ли он уме?». Австрийский император, правда, отдал в жены Наполеону свою дочь, но у него выхода не было. А русских принцесс отдавали замуж за границу только при том условии, что они будут продолжать исповедовать православие, и только в европейские дома самого высокого династического уровня.

Династию Обреновичей в Европе не признавали, потому что они себя скомпрометировали. Более того, их не признавали в России. На донесении русского посла из Белграда, Александр III, человек резкий, написал на полях: «Свинья — сербский король». Он не желает видеть его, Милан ни разу не был в России после того, как побывал там еще мальчиком.

В 1903 г. в Сербии к власти приходит новая династия, но каким образом она приходит? Сербы убивают своих правителей, они убили Карагеоргия, Михаила Обреновича, они убили Александра Обреновича. В Европе царит возмущение. Убийство в 1903 г. короля Александра и его жены Драги было чудовищным. Не будем говорить о глумлении убийц над трупами короля и королевы, но самое страшное, что когда пришел новый король Петр Карагеоргиевич, внук Карагеоргия, оставил этих убийц при дворе. И все европейские послы выехали из Сербии, разорвали с ней отношения, заявив: «Мы не будем иметь дело с этой династией, которая сидит на кровавом троне».

А Россия должна была поддержать Карагеоргиевичей. Три года Россия добивалась, чтобы Петр Карагеоргиевич, по крайней мере, устранил заговорщиков со двора. Россия всячески поднимала престиж сербской династии, и вершиной такой деятельности является заключение брака между дочерью короля Петра Карагеоргиевича, Еленой Петровной, и сыном русского великого князя — Иоанном Константиновичем. Елена в Сербии жила к тому времени недолго, поскольку ее отец Петр долгие годы вместе с детьми находился в эмиграции. Она жила сначала в Черногории у своих бабушки и дедушки, потом в Швейцарии, но больше всего жила в России, потому что там жили сестры ее матери, ставшие русскими великими княгинями. Это Милица и Стана, две знаменитые черногорки, которые были замужем за великими князьями Петром Николаевичем и Николаем Николаевичем. Елена училась в России, неплохо знала

русский язык, и, приехав в Сербию, очень хотела вернуться в Россию и жить там.

Она вышла замуж, это был спланированный двумя дворами брак, но оказавшийся счастливым. Елена Карагеоргиевич стала Романовой, хозяйкой Мраморного дворца и Павловска. Она удивительная женщина — поехала за мужем в Алапаевск, в ссылку, в 1918 г. Там его сбросили в шахту вместе с братьями и другими членами царской семьи, забросали гранатами, а ее посадили в тюрьму, она — сербская принцесса Елена Петровна Романова — сидела полгода в тюрьме в Перми. Ей все-таки удалось вернуться в Сербию, потом в Англию. Ее дети, Екатерина и Всеволод, были прямыми наследниками русского престола. Это был русско-сербский династический брак, и одновременно он означал признание равнородности династии Карагеоргиевичей. Это был прецедент и позже король Александр Карагеоргиевич уже смело берет в жены румынскую принцессу, а князь Павел — греческую принцессу. Династию признали в Европе, в этом большая заслуга России.

И, наконец остановимся на вопросах культуры. Запад или Восток? Русская литература или французская литература? В чем-то равновесие сохраняется, но не во всем. Русская литература, наверное, больше переводится. Музыка, пока слабая в Сербии, испытывает влияние Австрии и Запада. В живописи царит французская школа. Потому что сербы, которые стали заниматься светской живописью, не иконописью, поехали в Париж. А там их увлекло искусство импрессионистов.

Говоря о балансе между Востоком и Западом, я считаю, что сербы сумели выбрать свой путь и в культуре, и в политике, и в науке. Это очень непросто для маленькой страны. Очень непросто, когда на тебя давят со всех сторон, когда надо лавировать, когда тебя считают объектом политики. Но Сербия была не объектом, а субъектом европейской истории. Она нашла свой путь. И меня радует, что я занимаюсь историей этого народа, этой страной и чувствую себя причастной к их замечательной истории.

III. Сербь в Австрии

Военная граница: жизнь сербов под властью Габсбургов (XVI–XIX вв.)

История Военной границы начинается с организации обороны против турок. Массовые переселения сербов с юга на другой берег Дуная и Савы были вызваны начавшимся в XIV в. османским наступлением на Балканах.

После поражения сербского войска в Косовской битве 1389 г. сербский князь Стефан Лазаревич стал вассалом турецкого султана. Лишь после Ангорской битвы 1402 г., в которой чингизид Тамерлан разгромил османскую армию, а затем убил султана Баязида, Стефан Лазаревич перестал быть вассалом султана, поменял свой титул на деспотский, а затем перенес столицу Сербской деспотовины из Смедерева в Белград, став ленником венгерского короля Сигизмунда Люксембургского. Венгерский король, осознавая неминуемую опасность с юга, принял сербского деспота с условием обороны южных рубежей Венгерского королевства. Поэтому Стефану Лазаревичу достались не только Белград и область Мачва, но и обширные владения в Среме (в частности, города Земун, Митровица и Сланкамен), а также два округа в Торонтальском комитате. Кроме того Стефан Лазаревич получил достоинство великого жупана Торонтальского комитата. Также деспот получал от короля владения и в других венгерских комитатах. Политику наделения сербских деспотов владениями в южновенгерских комитатах продолжили и следующие венгерские короли, а деспоты, в свою очередь, приводили на дарованные им территории сербов из северной Сербии.

Именно Стефан Лазаревич построил первую цепь укреплений на левом, сремском, берегу Савы. Сигизмунд Люксембургский предписал сербскому деспоту содержать «столбовую» (пограничную) армию, по величине равную всей королевской. Таким образом,

венгерский король Сигизмунд Люксембургский и сербский деспот Стефан Лазаревич заложили основу Военной границы.

В 1395 г. после смерти королевича Марко (сына погибшего в битве при Марице сербского короля Вукашина) его брат Дмитар бежал в Венгрию и тоже стал вассалом венгерского короля. Дмитар получил от короля титул графа и земли по реке Муреш (впоследствии на этих территориях возникнет Помурешская военная граница).

Однако деспотская династия Лазаревичей пресеклась уже на Стефане, а ее наследниками стали Бранковичи, продолжившие укрепление южных рубежей Венгрии при королях династии Хуньяди — Яноше и Матьяше. Именно при короле Матьяше Корвине около 18 тыс. сербских семей, страдая от бесчинств турок, переселились в Северную Далмацию — Ликскую и Крбавскую жупании. Нуждавшийся в живой силе для обслуживания оборонительной черты Матьяш Корвин даровал этим православным переселенцам свободу вероисповедания и освободил их от налогов. Здесь следует заметить, что, согласно Д. Роксандичу, переселенцы «в Хорватию» из Сербии в источниках XV в. фигурируют под «сербским или рашским названием»¹.

В конце 1502 г. новый король Венгрии Владислав Ягеллон после смерти деспота из династии Бранковичей передал титул деспота не малолетним дочерям последнего, а новому мужу его вдовы аристократу из рода Бериславичей. После битвы при Мохаче второй сербский деспот из династии Бериславичей Стефан занял сторону Габсбургов, в связи с чем венгерский король Янош Запойяи лишил его деспотского титула. В 1529 г. после взятия османами Буды Янош Запойяи, а затем и Стефан Бериславич стали вассалами турецкого султана. Еще в 1527 г. Янош Запойяи провозгласил сербским деспотом сербского воеводу Радича Божича, который умер уже в следующем году. Радич Божич известен созданием еще в первые годы XVI в. дунайской флотилии из 500 лодок, с помощью которой во время турецкого наступления при Мохаче он смог разгромить часть османского войска под Тителем. Этим было положено начало особого Тительского шайкашского («лодочного»)

¹ *Roksandić D. Srbi u hrvatskoj i srpskoj historiografiji: problemi usporedbe dvije interpretacijske tradicije // Dijalog povjesničara-istoričara. Sv. 5. Zagreb, 2002. S. 219.*

батальона Военной границы. Фердинанд I Габсбург, тоже избранный венгерским королем, в 1537 г. сделал сербским деспотом сербского аристократа Павла Бакича, сначала тоже поддерживавшего Запойяи, но перешедшего к Габсбургу. Однако в том же году Бакич погиб в битве с османскими войсками султана Сулеймана. После этого Габсбурги никого не производили в сербские деспоты.

Во время смуты после гибели Лайоша II Ягеллона и османских завоеваний в Венгрии дали о себе знать и сербы Бачки. Здесь в 1526 г. началось повстанческое движение сербских, валашских и венгерских крестьян под руководством серба Йована Ненада. Базой восстания стала Бачка, а столицей «царства» провозгласившего себя сербским царем Ненада была Суботица (Сабатка). Территория восстания простиралась от области реки Муреш до Дуная, охватывая всю Бачку и север Баната. Йован Ненад поддержал Габсбургов, но в начале 1527 г. потерпел поражение от армии Запойяи и был убит сторонниками последнего.

После утверждения на венгерском престоле Габсбурги продолжили политику венгеро-хорватских королей по укреплению линии соприкосновения с Османской империей. Власти переманивали население «Турецкой границы» к себе на земли Военной границы. Ведь турки-османы переселяли на захваченные ими территории Южной Венгрии (Славонии, Срема, Бачки и Баната), откуда бежало местное католическое население, «влахов» (в основном православных сербов) из Сербии и Боснии. Отсюда сербы перебежали на территорию владений Габсбургов. При этом среди хорватского (католического) населения наблюдался противоположный процесс. Из-за обязанности снабжения городов едой и оружием, фуражом и лошадьми, а также лимитации цен на зерно, а кроме того постоянной угрозы турецких вторжений хорватские и славонские крестьяне массово уходили со своих земель в течение XVI в. в другие регионы монархии Габсбургов: Западную Венгрию, Словакию, Нижнюю Австрию и Моравию.

Становление института Военной границы

Первую единицу Военной границы — Сеньскую капетанию — еще в 1462 г. организовал Матьяш Хуняди (Корвин). Однако непосредственно Военную границу окончательно создали уже Габсбурги.

В 1576 г. был образован виндишко-хорватский постоянный генералат, который возглавил эрцгерцог Карл Габсбург (племянник императора Рудольфа II). Однако Карлу приходилось делить власть над генералатом с хорватским баном. В 1577 г. была учреждена должность надвоеводы Военной границы (им стал Карл), резиденция которого находилась во Внутренней Австрии. В 1578 г. в г. Брук (Штирия) состоялся сейм. Постановления сейма вошли в историю как «Brucker Libell», согласно ним виндишко-хорватский генералат разделялся на два генералата, что дало начало дальнейшему увеличению числа генералатов Границы. Но главное, что генералаты Границы административно окончательно отделялись от Хорватии и Славонии, т. е. все управление концентрировалось в руках надвоеводы (эрцгерцога Карла), фактически равного по статусу хорватскому бану. В генералатах Границы вводилось повсеместное военное управление, а содержание генералатов возлагалось на австрийские славянские наследственные земли. Так, Штирия содержала Виндишский (Славонский) генералат, а Каринтия, Крайна и Горица — Хорватский. В том же году Рудольф II Габсбург принял условия первого надвоеводы Карла, что тот получает неограниченную власть над Военной границей и ему подчиняется хорватский бан.

В итоге, именно к концу XVI в. сформировался отдельный территориальный институт Военной границы в монархии Габсбургов. В своей периодизации югославский историк Ф. Моачанин указывает, что именно с конца XVI в. история Границы приобретает «двойной характер»: с этого времени это «больше не только история военной институции, но и история народа, который населяет определенную территорию»². Таким образом, с 1578 г. Военная граница — одна из территорий монархии Габсбургов, но под военным управлением.

В 1627 г. Военная граница окончательно была передана под управление австрийским властям. Габсбурги хотели сделать Военную границу сферой исключительно австрийских интересов. В связи с этим уже в 1630 г. был разработан «Валашский статут» («Statuta Valachorum»), фактически подчинивший население южных рубежей Монархии непосредственно Военному совету в Граце. При этом все

² *Močanin F. Periodizacija historije Vojne Krajine (XV–XIX st.) // Historijski zbornik / Ured. Šidak J. God. XIII. 1960. S. 114.*

привилегии граничар были сохранены. Это был ответ императора-короля Фердинанда II Габсбурга на попытку хорватского дворянства при поддержке венгерского парламента навязать свой статут граничарам, ущемлявший их права.

Важным событием, изменившим этническую карту Южной Венгрии, стало Великое переселение сербов 1690 г. под руководством сербского патриарха Арсения III Чарноевича. До 1690 г. сербы в Габсбургской монархии, если они не были граничарами, были разбросаны на большой территории от Северной Хорватии до Восточного Баната и Трансильвании, образуя анклав и не имея единой церковной организации. Но после Великого переселения все гражданские сербы Монархии оказались под охраной «защитного патента» императора Леопольда Габсбурга. Однако требование сербов признать деспотский титул за провозгласившим себя деспотом Джордже II Бранковичем было отклонено императором Леопольдом, а вместо деспота сербы получили подвоеводу. Патриарх Арсений III согласовал с покинутой им Печской патриархией титул своих преемников («первый митрополит»). Его резиденция находилась в Сент-Эндре, с 1708 г. при его преемнике Исае Джаквиче — в монастыре Крушедол, бывшей задужбине Бранковичей. Однако после разорения монастыря в войну 1716–1718 гг. первый митрополит сербский перебрался в Сремски-Карловци. Великое переселение сербов превратило новый сербский район Южной Венгрии (Нови Сад, Сремски-Карловци и Петроварадин) в ядро притяжения для всех сербов востока Габсбургской монархии.

На рубеже XVII–XVIII вв. в результате успешных войн с турками произошли существенные изменения в конфигурации «южного подбрюшья» Габсбургской монархии. В ходе Великой войны 1683–1699 гг. турки-османы были отброшены за реки Дунай и Муреш, а Габсбургам удалось присоединить к своей монархии всю Венгрию (в том числе Славонию) и Трансильванию (Эрдель), однако Банат еще оставался под властью османского султана. Поэтому Военная граница была растянута на восток по реке Саве, а по приграничным с турецким Банатом рекам Тисе и Мурешу в 1701 г. Придворным военным советом (Hofkriegsrat) были созданы новые границы: Потисская (центр в Петроварадине) и Помурешская (центр в Араде) военные границы. Основным элементом нового участка границы стала крепость Петроварадин, одна из лучших

в Габсбургской монархии, а опорными пунктами являлись шанцы (военные поселения) вдоль рек Сава, Тиса и Муреш. На противоположном берегу от Петроварадина вырос г. Нови-Сад — культурная столица сербов Габсбургской монархии. При этом в 1702 г. был учрежден Славонский генералат (вдоль Савы и Тисы до впадения в Дунай реки Муреш). В результате новый Петроварадинский полк («военный Срем») тогда оказался в составе Славонской военной границы. В ходе австро-турецкой войны 1716–1718 гг. от турок был освобожден весь Банат.

В результате новой австро-турецкой войны (1737–1739 гг.) граница по Саве и Дунаю установилась надолго, поэтому в 1741 г. вместо границ по Тисе и Мурешу были образованы две новые границы в Славонии, Среме и Банате — Посавская и Подунайская, входившие в состав Славонского генералата. Это было связано с полным освобождением Баната от турок-османов и превращением этой территории и Эрделя (Трансильвании) в приграничные регионы. Упразднение Потисско-Помурешской военной границы можно считать одним из первых масштабных опытов демилитаризации приграничных территорий в Габсбургской монархии. Населению демилитаризованных районов предложили выбор: либо переселиться на другие территории Границы, либо стать венгерскими подданными.

Именно восточная часть Посавской (Славонской) границы (Восточный Срем) и Подунайская (Банатская) граница в дальнейшем и образовали Сербско-Банатскую границу, созданную в 1850 г. (восточные полки Военной границы). Однако на новых границах жизнь населения была хуже, чем на старой границе: на них зачастую не распространялись граничарские привилегии, и население несло различные повинности наряду с обязанностью воинской службы. Поэтому часть граничар с Потисско-Помурешской границы, которые не захотели становиться ни венгерскими крестьянами, ни граничарами на новой Подунайской границе в 1751 и 1752 гг. переселились в Россию (под руководством полковников Хорвата и Шевича, а также подполковника фон Прерадовича, который стал Депрерадовичем). Русская императрица Елизавета Петровна приказала их размещать вдоль границы с Крымским ханством и Польшей, в итоге на территории юго-западных окраин Российской империи были созданы Новая Сербия и Славяносербия.

Тем не менее, основная масса граничар с упраздненных границ переселялась на новую границу, в том числе в Банат. Еще в 1724 г. губернатор Баната фельдмаршал граф Мерси основал земельную милицию, создав тем самым новую провинцию Военной границы. Однако окончательное формирование Банатской военной границы относится к периоду царствования императрицы Марии Терезии. С 1741 г. началось переселение граничар с территории упраздненной Потисско-Помурешской границы в Банат, где они расселялись от Великой Кикинды до Банатской Клисурь. В 1764 г. на создающейся Подунайской границе был сформирован Иллирский пехотный полк. В 1773 г. он был преобразован в Валахский, Иллирский и Немецкий полки. Эти полки образовали самостоятельную военную административную единицу — Банатскую военную границу. Окончательно Банатская военная граница была выделена из состава Славонской границы и подчинена командованию в Темешваре в 1792 г.

С 1743 г. управление Военной границей перешло из Граца в Вену — в ведение Придворного военного совета. Мария Терезия в 1743 г., несмотря на противодействие хорватского сабора и венгерского парламента, подтвердила сербские привилегии, а с 1748 г. государство взяло на себя и финансирование Границы. Как считает сербский историк С. Чиркович, именно с 1744 г., когда на сербском народно-церковном соборе в Карловцах патриарх Арсений IV принял присягу на Карловицкую митрополию в присутствии двух комиссаров (от австрийской короны и венгерского парламента), «обостряется спор по вопросу — является ли управление сербами внутренним делом Венгерского королевства или же относится к юрисдикции Австрийского дома»³. В 1745 г. Мария Терезия издала «защитный декрет», обеспечивавший неприкосновенность сербских привилегий в империи, а также образовала Иллирскую придворную комиссию по делам сербов. В 1747 г. эта Комиссия была реорганизована в Иллирскую придворную депутацию, приравненную к придворным канцеляриям по делам остальных земель.

Завершение реорганизации Военной границы было ознаменовано изданием в 1754–1766 гг. военным министерством в Вене

³ Чиркович С. История сербов. М., 2009. С. 200.

«Законов о Военной границе» («Militär Graenitz Rechte»). Законы еще больше централизовали управление Границей. Теперь Граница имела в своем составе 11 полковых округов, делившихся на роты (сотни), которые, в свою очередь, состояли из общин, с офицером во главе каждой из них. Командным языком стал немецкий. Именно при Марии Терезии было завершено формирование Военной границы в том виде, в каком она существовала до своего упразднения.

Попытка радикального переустройства управления Военной границей на основе кантональной системы предпринял император Иосиф II Габсбург. При этом австрийский статистик Й. Хостинек подчеркивает, что кантональная система организации Военной границы 1787 г., хотя и просуществовала всего 13 лет, однако была первой системой для всей Военной границы в целом⁴. Эта система предполагала основное внимание уделять местному управлению, в связи с чем наряду с армейскими чинами, командовавшими граничарами в случае боевых действий, создавалась гражданская кантональная администрация для управления на самой Границе. В 1800 г. эти две ветви власти (военная и гражданская) на Военной границе были сведены в одну — под управление командующего полком.

Австрийский император Леопольд II, приняв все требования сербского Темешварского собора 1790 г. (кроме предоставления территориальной автономии Банату), в 1791 г. учредил Иллирскую придворную канцелярию. Однако после завершения австро-турецкой войны, когда в помощи сербов больше не нуждались, эта канцелярия была упразднена.

Наиболее полно законодательство Военной границы было разработано в XIX в. В 1807 г. вышел новый закон Военной границы, отменявший ранее существовавшие общественные отношения. Теперь, по новому закону, граничары «возвышались» до положения реальных собственников своих землевладений. Также жители Границы наделялись равными правами с подданными других королевских земель в обучении ремеслу, торговле, экономике

⁴ *Hostinek J.* Die k.k. Militär-Grenze, ihre Organisation und Verfassung. Theil I. Wien, 1861. S. 41.

и искусству. Содержание и обмундирование военнообязанных граничар переходило к государственной казне.

В 1808 г. закон 1807 г. был дополнен статьями о возможности учреждения должности советников для правильного административного руководства. Первоначально таких управленцев в основном набирали из полевых офицеров, затем — из чиновников счетной канцелярии и унтер-офицеров, которые владели нужными навыками, знаниями и квалификацией. Для принятия на службу они сдавали экзамен. Желаяющие стать такими чиновниками-администраторами на Военной границе не только перенимали опыт у старших, но и ездили за «повышением квалификации» в Грац, где проходили соответствующие курсы. Й. Хостинек считает самым важным, что при сохранении единоначалия создавался слой способных администраторов⁵.

Всю первую половину XIX в., как уже было сказано выше, Петроварадинский полк с военными коммунитетами (коммунами), а также Тительский шайкашский батальон подчинялись Петроварадинскому (Славонскому) генералату. При этом Тительский шайкашский батальон уже выполнял функции больше не речной флотилии, а инженерных войск. Так, в функции батальона, который насчитывал больше 1 тыс. человек, входили не только речные военные задачи на лодках («шайках»), но и, например, постройка мостов через реки для переправы воинских соединений во время боевых действий⁶.

В 1848 г. в Австрийской империи вспыхнула революция. Волна требований реформ, начавшаяся среди сербов Пешта и поддержанная сербами в Нови-Саде, докатилась и до Военной границы. На Майской скупщине 1848 г. было провозглашено создание сербской Воеводины (или Деспотовины), в которую вошли Срем, Банат с Кикиндским дистриктом, Бачка с Бечейским дистриктом и Шайкашским батальоном и Баранья. Митрополит Йосиф Раячич стал патриархом, а полковник Стеван Шупликац, находившийся в это время на фронте в Италии — воеводой.

⁵ *Hostinek J.* Die k.k. Militär-Grenze, ihre Organisation und Verfassung. S. 44.

⁶ *Neueste statistisch-geografische Beschreibung des Königreichs Ungarn, Kroatien, Slavonien und der ungarischen Militär-Grenze.* Zweite Ausgabe. Leipzig, 1834. S. 495.

Из-за противодействия венгерских властей данным решениям сербской скупщины началось восстание, в котором австрийским сербам пришли на помощь и сербы из Сербского княжества. В конце июля — начале августа 1848 г. Главный комитет (во главе с Джордже Стратимировичем) упразднил все полки и комитаты в Банате. Теперь все контролируемые восставшими территории подчинялись их местным комитетам. Согласно разработанному весной 1849 г. комиссией во главе с патриархом Раячицем Уставу (конституции) Сербская Воеводина становилась королевством сербского народа в Габсбургской монархии, тем самым сербы с уровня церковной автономии поднимались до уровня территориальной автономии. Сербская Воеводина создавалась не только на территории Южной Венгрии, но и занимала все восточные полки Военной границы. Вне этой территории значительные массы сербского народа оставались лишь на территории Хорватско-славонской военной границы, а также в королевстве Далмация.

В 1849 г. было создано новое образование «Сербская Воеводина и Темишский Банат», которое соответствовало отдельному королевству в монархии, а император внес в свою титулатуру титул «великого воеводы». Однако в состав Сербской Воеводины не вошла восточная часть Военной границы, так как военное министерство в Вене было настроено резко негативно к возможности упразднения Военной границы, а император, целью которого было заново воссоединить империю и восстановить престиж династии, скептически смотрел на декларируемые патриархом Раячицем широкие привилегии Сербской Воеводины. Столицей Воеводины стал Темешвар, в результате чего Генеральное командование окончательно созданной в 1851 г. Банатско-сербской военной границы и администрация Воеводины оказались в одном месте.

В 1850 г. был принят новый Основной закон Военной границы, отразивший послереволюционную систему управления этой милитаризованной частью империи. Сербский историк И. Спасович считает, что Законы для всей Границы 1807 и 1850 гг. были продолжением политики «упрощения управления и предоставления прав граничарам, начатой в XVIII в.»⁷.

⁷ *Спасовић И.* Банатска војна граница и њено укидање 1872 године. Панчево, 2004. С. 133.

После поражения от Франции и североитальянских государств в 1859 г. император и австрийское правительство стали корректировать внутреннюю политику. На фоне возрождения Венгерского королевства 27 декабря 1860 г. было упразднено образование Сербская Воеводина и Темишский Банат, его территория была возвращена Венгрии, а Срем — королевству Хорватии и Славонии. Это был удар по сербской автономии в империи, поэтому в знак протеста против такого решения сербы повязывали на шляпы черные траурные повязки. Еще в Октябрьском императорском дипломе от 21 октября 1860 г. в полной титулатуре императора уже отсутствовала Воеводина, кроме того о сербах, как народе, не упоминалось вообще. Именно с этого момента, как считает В. Крестич, в истории сербского народа Габсбургской монархии начинается абсолютно «новая эпоха»⁸.

С 1849 по 1869 г. военное командование Банатско-сербской военной границы находилось в Темешваре, затем на 1869–1871 гг. временно перемещалось в Петроварадин, после чего было возвращено опять в Темешвар. Однако уже 9 июня 1872 г. был выпущен Указ об упразднении Венгерской военной границы, согласно которому были упразднены три полка Банатско-сербской границы, кроме Петроварадинского. Последний еще в 1871 г. был передан в состав Хорватско-славонской военной границы. Поэтому Петроварадинский полк был упразднен, соответственно, вместе со всей Хорватско-славонской границей в 1881 г.

Во второй половине XIX в. граничары из Хорватско-славонской военной границы посылали своих представителей в хорватский сабор. А в год упразднения Хорватско-славонской границы в Руме (Срем) сербы-граничары создали свою партию — Сербскую народную самостоятельную партию.

Задруга у граничар

Основу граничарского общества составляли задруги. Как была организована «домовая задруга»? Членом задруги мог стать только совершеннолетний граничар, а девушки обычно принимали членство тех задруг, куда они выходили замуж. Главой задруги являлся

⁸ *Крестич В.* Срби у Угарској 1790–1918. Нови Сад, 2011. С. 263.

крепкий домохозяин (40–50 лет), имевший супругу и 2–3 детей в среднем. Помимо такой «нуклеарной» семьи в задруге состояли родители домохозяина (60–70 лет), братья отца домохозяина (в том числе с супругами и детьми), а также младшие братья самого домохозяина (в том числе семейные). Домохозяина называли «господином» или «старейшиной», хотя в задруге могли находиться родные отец и братья последнего, явно старше по возрасту главы задруги. Но это было не удивительно. В задруге действовало правило: «кто работает — тот пусть и судит». Так, если домохозяин чувствовал, что его оставляют силы — он должен был уступить свое место (подобно обычаю в традиционных обществах, согласно которому вождь должен быть всегда здоровым). Поэтому во главе задруги стоял первый по старшинству полностью трудоспособный мужчина. Ему наследовал следующий по старшинству самый разумный и пользующийся авторитетом мужчина в задруге.

Все мужчины–члены задруги были абсолютно равны. Однако следует отметить, что институт задруги был тесно связан со службой (что-то родственное османской системе тимаров или европейским ленам): землю и недвижимое имущество задруги мог наследовать от отца-воина лишь его наследник, тоже становившийся воином. Таким образом, земля и недвижимость на ней принадлежали служилому сословию граничар, внутри которого могли передаваться лишь по мужской линии. Это важное правило было закреплено даже ст. 12 Закона Границы 1850 г.⁹

Женщина у граничар могла стать наследницей лишь в самом крайнем случае пресечения всей задруги, когда она была ближайшей родственницей и, что самое главное, была замужем за граничаром. Тогда она полностью могла наследовать всю землю своей задруги. В противном случае, все имущество задруги передавалось полку. Ведь «смерть» задруги происходила со смертью или выходом из нее последнего ее совершеннолетнего члена мужского пола.

Домохозяин, как и подобает в патриархальных обществах, решал все основные вопросы внутренних отношений членов задруги, он заведовал всем ее имуществом, руководил всеми финансовыми операциями членов задруги. Одной из основных функций

⁹ *Utješenović Ostrožinski O. Kućne zadruge južnih Slavena // Povijesna istraživanja. Zagreb, 1988. S. 33.*

домохозяина являлось осуществление операций купли-продажи от имени задруги. Он должен был ежемесячно распределять между членами задруги оставшуюся в задружной кассе сумму в соответствии с тем, сколько каждый из них заработал в течение месяца. За свои действия домохозяин (старейшина задруги) нес ответственность перед членами задруги и за проступки мог быть в любой момент сменин ими.

Все недвижимое имущество задруги являлось общим для всех ее членов, что относилось в основном к земле и общему дому. При этом весь комплекс земель задруги делился на «дедовину» и «излишки» («*suvišpolje*»). «Дедовина» — ядро владений задруги. На этой земле находились все важные постройки, т. е. вся недвижимость задруги. «Дедовина» — абсолютно неотчуждаемая земля. В случае гибели или переезда задруги «дедовина» переходила ближайшим кровным родственникам мужского пола (разумеется, с обязанностью служить за владение ею), а при отсутствии таких — общине, а далее распределялась по решению властей между граничарами, т. е. оставалась все равно собственностью военного сословия. Жена после смерти мужа имела право на получение доходов с завещанного ей мужем имущества, в первую очередь земли. Осиротевшие дети имели в задруге право наследовать имущество и землю своих родителей.

Иначе обстояло дело с движимым имуществом задруги. Так, имущество «нуклеарных»¹⁰ семей считалось их отдельной собственностью. Даже при неожиданной смерти домохозяина его дети могли наследовать не все имущество задруги, а лишь долю их отца, т. е. его собственное имущество. А если умирал мужчина-член задруги, и у него не было детей, то при отсутствии завещания все его движимое имущество переходило в общую собственность.

Вместе с тем возможным был вариант раздела задруги. Служба граничар продолжалась даже при дроблении задруг, что также касалось и граничар, совсем покинувших задругу. При этом дробление больших задруг и организация «малых домовых задруг» имели и негативные последствия¹¹. Из-за разделения единой

¹⁰ Нуклеарная семья — семья, состоящая из родителей (родителя) и детей, либо супружеская пара.

¹¹ *Utješenović Ostrožinski O. Kućne zadruge južnih Slavena. S. 49.*

задруги образовывалось несколько малых, не всегда способных вести успешное хозяйство. Ведь делилась не только земля, но и скот и вообще движимое имущество (например инвентарь). Следует вспомнить, что задруги делились еще и в соответствии с числом членов каждой нуклеарной семьи. Значит, наибольшая семья перетягивала на себя и больше общего имущества. Хотя деление задруг иногда происходило и пропорционально числу отдельных семей, т. е. каждая семья, вне зависимости от численности, получала равные по размеру наделы. Вместе с тем дробление задруг часто приводило к разорению новых мелких хозяйств, а дальнейшее их деление вело к катастрофическому малоземелью. По мнению Л.В. Березина, это было связано с тем, что «привыкшие жить под “задружным” началом, являются крайне неопытными по отношению к ведению самостоятельно своего сельского хозяйства»¹². Последствия дробления задруг для государства приводили к двум минусам: 1) нехватка солдат; 2) необработанная земля. Активная борьба с дележом задруг началась в середине XVIII в., когда Военная граница стала рассматриваться военными кругами в Вене еще и как источник дешевых солдат. Теперь законы запрещали раздел задруги, помимо прочего, если отдельная, выходящая из нее семья имела менее трех детей мужского пола, из которых один уже был готов нести военную службу. Но полностью воспрепятствовать дележам такие законы не могли, тем более что получили распространение тайные разделы. Только указ от 9 марта 1859 г. почти до конца отрегулировал легальный раздел задруг¹³, но вводил и условие: новые дома (для вышедших из задруг — фактически, на хутора) должны быть построены из кирпича или камня. Последнее было как раз одним из элементов борьбы австрийских властей с угрозой пролетаризации выходящих из задруг крестьян. Ведь монархия Габсбургов, как и Россия, в то время старалась сохранить у себя крестьянскую общину в сельскохозяйственных регионах, одним из которых была и Военная граница.

¹² Березин Л.В. Хорватия, Славония и Далмация и Военная граница. СПб., 1879. С. 350.

¹³ Valentić M. Vojna Krajina i pitanje njezina sjedinjenja s Hrvatskom 1849–1881. Zagreb, 1981. S. 56.

«Домовая задруга» была для Военной границы основной ячейкой, более важной, чем «нуклеарная» семья или община. Построенная на принципах патриархата, она определяла круг деятельности каждого ее члена. Следует отметить, что «патриархальная жизнь» граничарского полка была впервые узаконена в качестве нормы жизни и народного обычая именно в законе 1850 г. (ст. 31)¹⁴. В то время как сама задруга признавалась единственной формой семейной организации для Военной границы законом 1807 г. (для сравнения, в одном из первых законов для Границы в 1535 г. единственной формой наследования признавалось прямое: от отца к сыну, т. е. только для нуклеарных семей — вот такая эволюция за почти 300 лет!).

Основная сила задруги — молодежь. Юноши и девушки должны были беспрекословно слушаться старших, помогая им во всем. Домохозяин был еще и главным воспитателем, помогая молодежи советом и наставлением. Воспитанием девочек и координацией деятельности всех членов задруги женского пола занималась хозяйка дома (*kućedomaćica*). Одним из объединяющих ритуалов для задруги был, например, обед (сбор всех членов дома за одним столом во главе с домохозяином). Тем значительнее этот ритуал был для всей задруги, чем реже все ее члены могли собраться одновременно. Ведь каждый домоходец имел свои конкретные обязанности: дети дошкольного возраста пасут скот, женщины готовят еду и прядут, а также выполняют другие обязанности по дому. Мужчины содержат свои семьи (в задруге есть правило: «жену содержит муж»). Поэтому они не только работают в поле или занимаются торговлей, но и отходят на заработки. Следует отметить, что определенную долю заработанных на стороне денег мужчина должен был отдать домохозяину. В Далмации существовал обычай: если муж в результате женитьбы получает за женой в приданое земельный надел и существенные средства, то должен уже из-за земли взять фамилию невесты¹⁵! Но и жена играла существенную роль в хозяйстве. Военно-крестьянский мир Границы не отличался от типичного сельского мира XIX столетия при взгляде на женский труд. Здесь ценились работающие женщины.

¹⁴ *Utješenović Ostrožinski O. Kućne zadruge južnih Slavena. S. 34.*

¹⁵ Там же. S. 42.

Л.В. Березин писал, что когда парень приводил в дом невесту с белыми руками без мозолей, семья рекомендовала ему изменить решение и найти работающую девушку с загорелыми, мозолистыми руками¹⁶. Отдых могут себе позволить лишь старики, особенно если у них сыновья живут в задруге и снохи вполне управляют по хозяйству. Но стариков никто не бросит: задруга повязывает несколько нуклеарных семей, связанных тесным родством и привязанных к общей земле, а неуважение к старшим в отдельно взятой задруге повлечет категорическое осуждение такого поведения на уровне общины.

Община — это несколько задруг, живущих в одном селе. Каждая община имела свою часть поля, иногда даже общинные дома или другие строения. Для содержания общинной собственности и выделения денег на определенные нужды (например, на содержание школы) в общине имелась так называемая общинная касса. Старейшины (домохозяева) всех задруг образуют совет для решения общих дел, во главе которого находится сельский староста.

Земля — важный фактор для численности задруги. Однако задруга могла варьироваться по величине от сравнительно небольшой, состоявшей из двух нуклеарных семей до больших богатых задруг в 50–60 человек в плодородных районах¹⁷. Иногда количество членов задруги могло достигать 80 и даже больше 100 человек¹⁸. Причем степень распространенности задруг в конкретной местности зависела от величины нуклеарной семьи.

Существенен и психологический фактор задруги: исполняя военную службу или даже совсем переселившись в город, член задруги все равно ощущал себя частью этой социальной ячейки, всегда имея возможность вернуться на свою малую родину в коллектив близких родственников. Таким образом, даже не выполняющий своих обязанностей член задруги не порывал с ней окончательно. Здесь задруга — механизм противодействия маргинализации ушедших на заработки в город.

¹⁶ Березин Л.В. Хорватия, Славония и Далмация и Военная граница. С. 349.

¹⁷ Utješenović Ostrožinski O. Kućne zadruge južnih Slavena. S. 31–32.

¹⁸ Käser K. Slobodan seljak i vojnik. T. 2: Povojačeno društvo (1754–1881). Zagreb, 1997. S. 131.

Литература

- Березин Л.В.* Хорватия, Славония и Далмация и Военная граница. СПб., 1879. Т. 2.
- Костяшов Ю.В.* Сербь в Австрийской монархии в XVIII веке. Калининград, 1997.
- Чиркович С.* История сербов / Пер. с серб. М., 2009.
- Гавриловић С.* Срби у Хабсбуршкој монархији (1792–1849). Нови Сад, 1994.
- Крестић В.* Срби у Угарској: 1790–1918. Нови Сад, 2013.
- Микавица Д.* Српско питање на Угарском сабору: 1690–1918. Нови Сад, 2011.
- Спасовић И.* Банатска војна граница и њено укидање 1872 године. Панчево, 2004.
- Црњанский М.* Переселения. М.: Художественная литература, 1989.
- Hostinek J.* Die k.k. Militär-Grenze, ihre Organisation und Verfassung. Theil I. Wien, 1861.
- Käser K.* Slobodan seljak i vojnik. Т. 2: Povojačeno društvo (1754–1881). Zagreb, 1997.
- Моаџанин F.* Periodizacija historije Vojne Krajine (XV–XIX st.) // Historijski zbornik / Ured. Šidak J. God. XIII. 1960. S. 111–117.
- Neueste statistisch-geografische Beschreibung des Königreichs Ungarn, Kroatien, Slavonien und der ungarischen Militär-Grenze. Zweite Ausgabe. Leipzig, 1834.
- Roksandić D.* Srbi u hrvatskoj i srpskoj historiografiji: problemi usporedbe dvije interpretacijske tradicije // Dijalog povjesničara-istoričara. Sv. 5. Zagreb, 2002. S. 211–230.
- Utješenović Ostrožinski O.* Kućne zadruge južnih Slavena // Povijesna istraživanja. Zagreb, 1988. S. 19–176.
- Valentić M.* Vojna Krajina i pitanje njezina sjedinjenja s Hrvatskom 1849–1881. Zagreb, 1981.

Исторические словари сербского языка как источник для исследования национальной картины мира сербского народа¹

В конце XVII в. сербы из Косова и Метохии, а также из других южных регионов переселялись на север, на территорию Габсбургской монархии (земли современных Воеводины, Венгрии и Хорватии), вплоть до городов Буда [Венгрия, ныне в составе Будапешта]² и Кóмарно [Словакия]. Некоторые из этих переселений были организованными и массовыми (как, например, в 1690 и 1740 гг.), а некоторые — незаметными. Австрийский император Леопольд I пообещал сербам автономию церкви и школы в обмен на их вхождение в ряды австрийской армии. В конце XVII в. переселилось около 37 000 сербских семей, или около 185 000 человек. Порядка 360 сел опустело. Так миграции разделили сербское население на две наиболее важные части: одна проживала в Османской империи, а другая — в Габсбургской монархии. «С большим основанием можно предположить, что все, кто являлись своеобразной элитой: имели высокое положение, репутацию или состояние [...], а также зажиточное городское население, торговцы, ремесленники, — мигрировали. В стране, в основном, остались сельские жители, проживающие в горных и труднодоступных районах, те, кому нечего было терять, кроме собственной жизни. [...] В южную часть

¹ Лекция подготовлена на основе публикации: *Драгићевич, Р.* Историјски речници српског језика као извор за истраживање развоја националне слике света српског народа // Славянская историческая лексикология и лексикография. Вып. 2 / Отв. ред. В.Н. Калиновская, И.А. Малышева. СПб.: ИЛИ РАН, 2019. С. 125–143.

² Здесь и далее в тексте лекции в квадратных скобках приводятся примечания переводчика.

Венгрии бежали самые культурные и состоятельные представители сербского народа»³. Находясь в подчиненном положении, сербы должны были соблюдать законы, обычаи и образ жизни своих правителей. Они жили на границе двух великих цивилизаций, двух культур, двух миров — маленький православный народ между католичеством и исламом, между ориентальным, восточным, и европейским, западным, между консервативным и современным.

Желая приспособиться к новому образу жизни, сербы в течение XVIII и даже XIX вв. публиковали грамматики и двуязычные словари, в которых, с одной стороны, был представлен славяно-сербский язык, а с другой — немецкий, латинский, венгерский, итальянский, греческий и другие языки. Часть этих словарей создавалась с целью помочь носителям сербского овладеть базовой лексикой и основной фразеологией иностранных языков. Такие словари хранят различные детали из жизни сербов в Габсбургской монархии в XVIII и XIX вв. В данной работе мы проанализируем: (1) немецко-славяносербский словарь, приложенный к «Немецкой грамматике» Стефана Вуяновского, изданной в Вене в 1772 г., (2) немецко-славяносербский «Малый словарь», изданный в Вене в 1793 г., (3) итальянско-славяносербский словарь, который является приложением к «Итальянской грамматике» Викентия Лустины, изданной в Вене в 1794 г., (4) греко-славяносербский словарь, являющийся частью книги «Руководство для быстрого и легкого изучения греческого и сербского языка» Георгия Киридаса и Евтимия Аврамовича, которая была издана в Белграде в 1845 г., (5) «Беседовник» Викентия Ракича (1810).

С другой стороны, словари Вука Караджича 1818 и 1852 гг. представляют собой сокровищницу сведений о жизни, обычаях и культуре сербов, которые жили в Турции в XIX (и в XVIII) в. Цель этой работы состоит в том, чтобы на основе анализа этих двух групп словарей выделить и подчеркнуть те культурологические элементы, которые в самых обобщенных чертах показывают различия в жизни сербов, проживавших в Габсбургской монархии и в Османской империи.

³ Скерлић Ј. Српска књижевност у XVIII веку / Ново исправљено издање у редакцији В. Ћоровића. Београд: Издавачка књижарница «Напредак», 1923. С. 35.

I. Сербь под властью австрийцев и венгров

При анализе первой группы словарей большее внимание уделяется материалам, извлеченным из «Малого словаря» (1793)⁴, поскольку из всех рассмотренных словарей только он представляет собой отдельное издание, т. е. не публикуется в качестве приложения к какой-либо грамматике⁵.

«Малый словарь» выдержал несколько изданий, поскольку нес большую практическую пользу, которая выражается в отборе тематических групп лексики, а также в самих словах, содержащихся в этих группах. В центре внимания находятся важнейшие тематические группы и основная лексика, т. е. наименования тех предметов, явлений и живых существ, которые составляли быт

⁴ Подробный семантический и лексикографический анализ «Малого словаря» опубликован нами в работе: *Драгићевић Р. О животу и језику Срба у Хабзбуршкој монархији крајем XVIII века на основу једног речника // Исходишта, бр. 1. Темишвар: Савез Срба у Румунији: Центар за научна истраживања и културу Срба у Румунији; Ниш: Филозофски факултет Универзитета у Нишу, 2015. С. 113–129.*

⁵ Рѣчникъ малый въ Вѣннѣ, въ Славенно-Сербской, Валахійской и Восточныхъ Языковъ Привилег. Типографій, 1793. «Малый словарь» был одним из самых популярных словарей своего времени среди сербского населения. К данному выводу мы приходим на основании того факта, что словарь выдержал довольно большое количество изданий (по С. Новаковичу: 1793, 1806, 1814, 1829, 1837 гг.); предметом нашего внимания будет являться первое издание этого словаря (1793 г.), вышедшее в Вене. На обложке указано, что это словарь «славяносербского, валахского [т. е. румынского] и восточных языков». Имя автора не указано, но, судя по всему, это был Сава Лазаревич (см.: *Гудков В.П. Сербская лексикография XVIII в. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 1993. С. 75*). Словарь содержит 104 страницы, включает две части. Первая часть располагается на 73 страницах и состоит из разделов, каждый из которых представляет собой одну из 38 тематических групп лексики. Описано чуть меньше 1 500 немецких слов, которым соответствует около 2 500 сербских эквивалентов. Это значит, что в качестве перевода некоторых немецких слов приводится ряд синонимов или дублетов из русского церковнославянского или славяносербского языка. Славяносербскую основу данного словаря в большей степени представляет сербская народная лексика. На страницах 73–104 приводится 16 специально написанных текстов, в основном диалогов, в которых в соответствующей вежливой манере приглашают гостей, предлагают им еду и напитки, поздравляют с праздниками или с продвижением по службе и т. д.

и формировали жизнь каждого отдельно взятого человека в Южной Венгрии в самом конце XVIII и в начале XIX в.

Уже сам факт расположения слов в этом словаре по тематическим группам указывает на возможность применения одного из методов этнолингвистических исследований, а именно — анализа тематических групп лексики в исторических словарях.

1.1. Анализ тематических групп лексики

Тематические группы лексики в «Малом словаре» (а в какой-то степени и порядок их расположения) иллюстрируют наиболее значимые моменты в жизни сербов: отражают их обычаи, повседневную и духовную жизнь, а также верования и мировоззрение. Наблюдается их стремление к включению в социальную систему Габсбургской монархии, хотя включение «не было полным, потому что вера и язык являлись непреодолимыми барьерами. Представители сербского народа, исповедовавшие православие, не могли рассчитывать на государственную службу»⁶. Позднее данный закон был изменен, но поступить на государственную службу по-прежнему было сложно. Большое число изданий этого словаря указывает на то, что среди отобранных слов не было лишних: все это — слова, которые отражают жизненный уклад того времени и являются зеркалом языка и культуры сербского народа, проживавшего в конце XVIII в. в Южной Венгрии. Именно в этом заключается значение данного словаря. Он представляет собой простой пример того, как лексикографическая работа может связывать повседневную жизнь с научным описанием и обработкой лексики, «отобранной» реальной жизнью. Состав словника отражает картину мира определенного времени. Ниже представлены тематические группы, разрабатываемые в словаре, в порядке их расположения: 1. О Боге и вещах, относящихся к богослужению (82); 2. Об окружающем мире и природных явлениях (65); 3. О годе и временах года (40); 4. Названия праздников (25); 5. О некоторых странах и народах (40); 6. Море и воды (21); 7. О рудах (12); 8. О цветах и оттенках (16); 9. О саде (86); 10. О птицах (54); 11. О рыбах (17); 12. О четвероногих животных (43); 13. О пресмыкающихся (26);

⁶ Поповић М., Тимотијевић М., Ристовић М. Историја приватног живота у Срба од средњег века до савременог доба. Београд: Сlio, 2011. С. 202.

14. О человеке и о частях его тела (111); 15. О мужской одежде (33); 16. О женской одежде (18); 17. Об учебе (14); 18. О деятельности человека (83); 19. О духовных чинах (12); 20. О светских чинах (24); 21. О доме и о его частях (37); 22. О домашнем хозяйстве (24); 23. Что находится в кухне (48); 24. Что находится в погребе (24); 25. О сервировке стола (8); 26. О еде и напитках (30); 27. Об утвари в хлеву (44); 28. О городе (46); 29. Военские звания (25); 30. Военная терминология (76); 31. Что можно увидеть в поле (38); 32. О движениях, которые человек совершает своим телом (11); 33. О грехах и наказаниях (21); 34. О ремеслах и ремесленниках (43); 35. О торговле и различных товарах (43); 36. О человеческих недостатках (69); 37. О родстве (31); 38. Наши потомки (23).

Не случайно, что тематическая группа слов «О Боге...» находится на первом месте и является одной из самых многочисленных. Данное обстоятельство уже само по себе указывает на значение религии как связующего элемента и духовной основы для сербского народа в Южной Венгрии. Впрочем, самая богатая группа включает в себя лексику, связанную с обозначением человека, частей человеческого тела, деятельности человека. Не является странным и то, что фиксируется довольно большое количество слов, обозначающих недостатки человека: многочисленные исследования говорят о том, что на них всегда обращалось большее внимание, нежели на хорошие качества⁷. Важны дом и его части, погреб, в котором хранятся продукты подсобного хозяйства, еда и напитки, кухня, обычаи, связанные с приемом гостей и с сервировкой стола.

Тематические группы лексики свидетельствуют также о связи человека с природой в повседневной жизни — о его знаниях в области садоводства, огородничества и полеводства, о понимании того, насколько важен в быту домашний скот, а также о его интересе к птицам, рыбам и другим животным, встречающимся в дикой природе. Поскольку очень много людей зависело от сельского хозяйства, большое значение играли погодные условия, при этом особое место уделялось непогоде. В отдельные тематические группы выделяются наименования церковных и светских чинов (именно в такой последовательности — церковных, а затем светских), что может свидетельствовать об уважении к власти. Соблюдались

⁷ Драгићевић Р. Вербалне асоцијације кроз српски језик и културу. Београд: Друштво за српски језик и књижевност Србије, 2010. С. 115–124.

праздники. А специальная группа, посвященная грехам и наказаниям, свидетельствует о том, что люди придавали большое значение порядку и боялись наказаний. Среди профессий особо выделяются ремесленники, торговцы и военные, поэтому всем им отведены отдельные тематические группы.

Все эти выводы можно сделать исходя из названий тематических групп, порядка их расположения, количества лексем в каждой из них; между тем, если рассматривать их по отдельности, то в каждой из них раскрывается небольшой фрагмент языковой картины мира.

Так, например, после анализа тематической группы, посвященной «некоторым странам и народам», можно сделать выводы о том, с какими народами были связаны соседскими, торговыми или политическими отношениями сербы из южной части Венгрии. В данной тематической группе упомянуты: Австрия, Сербия, Босния, Болгария, Франция, Трансильвания [область на северо-западе Румынии], Греция, Хорватия, Италия, Средняя Румыния [область между Трансильванией и Молдавией], Венгрия, Россия, Польша, Турция, арабские и татарские земли и т. д.

Из тематической группы «О саде» мы узнаем, что выращивались следующие растения: яблоня, груша, слива, вишня, черешня, шелковица, инжир, мушмула, грецкий орех, бобы, фасоль, чечевица, мак, виноград, чеснок, лук, свекла, репа, редька, дыня, арбуз, рожь, пшеница, лен, рогоз, кукуруза, подсолнечник, конопля, огурцы, тмин и пр. Из цветов выращивались розы, лилии и т. д.

Мужчины носили шляпу, кепи или шапку, рубашку с *тацлијама* ‘манжетами’, на шее — *пошу* ‘вид шейного платка’, сверху — *камизол* ‘жилет’, *доламу* ‘вид верхней одежды, обычно с рукавами, длиной до колен; сюртук’, снизу — подштанники и брюки; на ногах — шелковые или шерстяные *итринфе* ‘чулки’ и ботинки. Обязательной частью мужского образа также являлись карманные часы, кольцо, табакерки для нюхательного и курительного табака. Мужской костюм украшался тесьмой, перьями, пуговицами, кружевом. Из этого описания становится ясно, насколько гардероб сербов из Южной Венгрии отличался от гардероба сербов, проживавших в Турции.

По материалам «Малого словаря» можно увидеть, что женщина была в подчиненном положении по отношению к мужчине.

Мужской гардероб представлен 33 единицами, а женский — 18 (т. е. почти вдвое меньше). Эта разница становится еще более впечатляющей, если принять во внимание, что в числе этих 18 лексем находятся и такие, которые обозначают не части женского гардероба, а принадлежности для шитья и рукоделия и сами эти рукоделия: *конци* ‘нитки’, *пређа* ‘пряжа’, *преслица* ‘прялка’, *вретено* ‘веретено’, *маказе* ‘ножницы’, *прести* ‘прясть’, *шити* ‘шить’, *вести* ‘вышивать’. Из женского гардероба представлены: *кана* ‘головной убор’, *марама за врат* ‘шейный платок’, *прслук* ‘жилет’, *сукња* ‘юбка’, *кецельа* ‘фартук’, *прегача* ‘передник’ и *подвезе* ‘подвязки’, а из украшений — *низ бисера* ‘бусы из жемчуга’, *златни ланац* ‘золотая цепочка’ и *минђуше* ‘серьги’⁸.

Список церковных лиц показывает, какой была жизнь православногo человека среди католиков: например, даются толкования таким лексемам, как *папа* (идет на первом месте), *кардинал*, но также объясняются и *патријарх*, *архиепископ*, *владика* и т. д. Список светских лиц указывает на венгерское государственное и общественное устройство: *гроф* ‘граф’, *барон* ‘барон’, *немеш* ‘дворянин, рыцарь’, *фиршит* ‘князь’, *херцог* ‘герцог’ и т. д.

⁸ Одежда в то время являлась «выражением коллективной идентичности, а не собственного вкуса; индивидуальное, личное в манере одеваться сводилось к стремлению конкретного человека достичь или сохранить желаемый социальный статус»; «Нормы внешнего вида каждого человека, особенно в общественном месте, заранее были определены. Несоблюдение установленных норм рассматривалось как нарушение правил общественного приличия и влекло за собой определенные санкции» (цит. по: Поповић М., Тимотијевић М., Ристовић М. Историја приватног живота у Срба од средњег века до савременог доба. Београд: Сlio, 2011. С. 209, 212). Только в XIX в. появляется такое понятие, как «мода». В одежде сербов на территории Габсбургской монархии «особенно ценились шубы, их носили и мужчины, и женщины». Иногда их делали из собольего меха с серебряными пуговицами. Провинциальное дворянство одевалось, ориентируясь на представителей венгерского дворянства, это можно видеть по их портретам. На голове они носили шляпу с пером, вокруг талии — роскошные серебряные пояса, а на ногах — сапоги, которые являлись знаком особой статусности и показывали, что человек относится к дворянскому сословию. Представители военного дворянства, проживавшие на приграничных территориях, носили мундиры, а богатые представители буржуазии — одежду, сшитую по образцам той, которую в то время носили в Вене» (цит. по: Поповић М., Тимотијевић М., Ристовић М. Историја приватног живота у Срба од средњег века до савременог доба. С. 214).

На кухне наряду с другими предметами использовались: *оцило* ‘огниво’, *мех* ‘бурдюк для вина’, *ватраль* ‘кочерга’, *вериге* ‘цепи’, *бакрач* ‘медный котел’, *котао* ‘котел’, *аван* ‘ступка’, *сито* ‘сито’, *решето* ‘решето’, *ибрик за кафу* ‘кофейник’, *ибрик за теј* ‘сосуд для заваривания чая’, *наћве* ‘квашня’, *корито* ‘корыто’, *чабар за воду* ‘кадка для воды’. Тарелки изготавливались из олова, дерева и даже из соломы (о чем мы получаем сведения из тематической группы слов, связанной с сервировкой стола).

В подвале хранились винные бочки, среди которых выделялись: *ардов* ‘большая бочка объемом около 50 литров’, *буре* ‘бочка’, *каца* ‘кадка’, *чабар* ‘ушат»; также в подвале хранилось и само вино (выдержанное и молодое) и т. д.

Употреблялась более плотная еда, чем та, к которой мы привыкли сейчас. В тематическую группу «Пища» входят следующие лексемы: *кисео купус са сланином* ‘квашеная капуста с салом’, *черек* ‘четвертина (часть мясной туши)’, *плеће* ‘лопатка’, *груди* ‘грудинка’, *кук* ‘бедро’, *бут* ‘бедро, окорок’, *дивјачина* ‘дичь’, *зец* ‘заяц’, *говедина* ‘говядина’, *срнећи черек* ‘четвертина туши серны’, *голубићи* ‘голуби’, *чорба са резанцима* ‘густой лапшичный суп’, *чорба са тиринчем* ‘густой рисовый суп’.

В группе «О ремеслах и ремесленниках» перечислены такие промыслы, которых сейчас уже практически не существует: *ципелар* ‘сапожник’, *чешљар* ‘мастер по изготовлению гребней’, *ћурчија* ‘скорняк’, *звозжћар* ‘скобарь’, *кулунџија* ‘золотых дел мастер’, *колар* ‘колесник’, *воденичар* ‘мельник’, *спетар* ‘петельщик, корзинщик’, *лончар* ‘горшечник’, *сабљар* ‘сабельщик’, *сапунција* ‘мыловар’, *свилоткач* ‘шелкоткач’, *ужар* ‘веревочник’, *ткач* ‘ткач’, *седлар* ‘седельник’ и т. д.⁹

По материалам тематической группы «О торговле...» мы можем узнать о том, что активно использовались такие меры длины, как *палац* ‘вершок’, *педаљ* ‘пядь’, *коракљај* ‘аршин’. Кроме того, для измерения длины применялся *риф* (старинная венгерская единица, 70 см). Масса измерялась безменом (*кантар*). Для пошива одежды покупались: *кадифа* ‘бархат’, *чоха* ‘тонкое дорогое сукно’,

⁹ Торгово-ремесленные артели были основой экономики в эпоху доиндустриального общества (см.: Поповић М., Тимотијевић М., Ристовић М. Историја приватног живота у Срба од средњег века до савременог доба. С. 202).

гајтани ‘позумент’, *сукно* ‘домотканое сукно’, *убельено платно* ‘беленый холст’.

Обычно встречались следующие заболевания: *бедро-чресло-боље* ‘боли в пояснично-крестцовом отделе’, *леђбоље* ‘боль в спине’, *кукобоље* ‘ишиас’, *грлобоље* ‘боль в горле’, *срдобоље* ‘сердечная боль’, *безумствованија* ‘сумасшествие’, часто наблюдались *суха болѣст* ‘туберкулез’ и *воденаја болезн* ‘водянка’.

1.2. Анализ разговорников

Словари содержат часть, названную нами вслед за В.П. Гудковым *разговорником*¹⁰. Это искусственно сконструированные беседы для обычных коммуникативных ситуаций, в которых могли оказаться собеседники. Тематика и содержание данных бесед также открывают нам важные стороны жизни сербов в Габсбургской монархии с культурологической точки зрения. Каждое предложение в этих разговорниках несет в себе культурологические сведения, и очень непросто обобщить многочисленные и многоуровневые данные, с которыми приходится сталкиваться. Наибольшее, что можно сделать в целях обобщения, — это перечислить темы бесед, поскольку они указывают на самые важные жизненные ситуации, в которых сербы могли оказаться при общении с иностранцами. В немецко-славяносербском словаре С. Вуяновского (1722) представлено 11 бесед, посвященных следующим вопросам: приветствие; путешествия; беседа немца и серба, изучающего немецкий язык; беседа в церкви; приглашение кого-либо на обед; сервировка стола; беседа двух друзей, один из которых в плохом настроении; встреча в Вене; беседа господина и слуги; беседа о неприятном случае, произошедшем с одним из двух друзей, и др.¹¹.

¹⁰ Гудков В. П. Сербская лексикография XVIII века. С. 177.

¹¹ Данный словарь является приложением к книге, на обложке которой написано: Нѣмецкаа грамматика изъ различныхъ авторовъ наипачеже Готшtedовыхъ книгъ собранна и въ ползу сербскихъ дѣтей на славеносербскомъ языкѣ изаснена Стефаномъ Вудновскимъ, слышателемъ правахъ во универзытетѣ виеннскомъ, в Виеннѣ, 1772. Книга включает 561 страницу основного текста. Помимо грамматики в нее входят словарь и разговорник. Основой славяносербского языка в этом издании является русскославянский с некоторым количеством намеренных или ненамеренных сербизаций (см.: Гудков В.П. Сербская лексикография XVIII в. С. 61).

В словаре В. Лустины (1794) разрабатываются похожие темы. Всего этих тем 20, вот некоторые из них: приветствие; утренний визит; одевание; беседа с портным; о завтраке; о погоде; как спрашивать о ком-либо; о письме; о покупках; об играх; в церкви; посещение больного; в книжном магазине; в путешествии; как снять место для ночлега; о верховой езде и др.¹²

В словаре Г. Киридиса и Е. Аврамовича (1845)¹³ представлено 16 бесед: приветствия; просьбы; вопросы; одобрение; отказ; благодарность; сомнение; совет; убеждение; как выразить радость, печаль, боль, восхищение, надежду, отчаяние; о погоде; пробуждение; одевание; завтрак; обед; отход ко сну; в ресторане; прогулка по городу; как снять жилье и др.¹⁴

По содержанию 16 диалогов, которыми заканчивается «Малый словарь», а также диалогов, представленных в других словарях, можно заметить, насколько сербское население стремилось

С 353 по 525-ю страницу в этой книге находится словарь, включающий 4 800 немецких лексем и их славяносербских эквивалентов. Эти немецкие слова расположены в соответствии с частеречным принципом. Неизвестно, был ли данный словарь создан по какому-либо образцу или нет. По мнению В.П. Гудкова (Там же. С. 63), в отличие от многих других словарей данного периода, этот словарь не опирался на русские образцы.

¹² На обложке данной книги написано: «Граматика италианская ради употреблѣния иллирической юности, собранна Викентіємъ Лустина», въ Вѣннѣ, 1794. Помимо грамматики в этой книге содержится также «Рѣчникъ италиано-иллирической» (С. 286–352), «Нѣколики разговоры обходительніи, нуждніи ради начинателей» (С. 352–441) и «Собрание разныхъ исторій или повѣстей» (С. 442–461). Словарь построен по тематическому принципу. Он содержит 61 часть и около 2 500 итальянских слов со славяносербскими эквивалентами. Основой славяносербского языка в словаре является сербская народная лексика, церковнославянская и русская лексика.

¹³ На обложке этой книги, единственной из анализируемых нами, которая была издана в Белграде, а не в Вене, и причем в XIX, а не в XVIII в., написано: Руководство въ брзомъ и лакомъ наученю греческогъ и србскогъ языка одъ Георгія Киридиса и Евтимія Аврамовића, у Београду, 1845.

¹⁴ Первая часть этих бесед больше похожа на словари частых фраз, чем на беседы из разговорников. Очевидно, в XIX в. пропадает словарь в форме разговорника, и данный словарь хорошо это иллюстрирует. В беседах № 12, 13 и 16 делается интересное различие между словами *гостилник*, *кавана* и *крчма*, которым посвящены сами беседы. Кажется, что *гостилник* и *кавана* были заведениями, в которых можно только поесть, а *крчма* — тем местом, где можно и переночевать.

вписаться в социальную систему Габсбургской монархии. Сербь учатся тому, как до чрезмерности витиевато, с чрезвычайной учтивостью и покорностью пригласить на немецком языке кого-либо (по-видимому, представителя высшего сословия венгерского или немецкого происхождения) на обед или на прогулку, как себя вести, когда приходишь в гости, как поздравлять с повышением по службе или с Новым годом, как вежливо приветствовать знакомого на улице и заводить короткую вежливую беседу. Больше всего внимания уделяется приему гостей, размещению их за столом, предложению блюд и напитков, тому, как удержать гостей за столом как можно дольше. По самим этим темам становится ясно, насколько важно было принимать у себя габсбургское дворянство, поддерживать с ним хорошие отношения и, в свою очередь, надеяться на какую-либо помощь с его стороны. По этой чрезмерной учтивости (которая порой граничит с подхалимством) чувствуется не только витиеватый барочный дух того времени, но и становится очевидным подчиненное положение сербов в Габсбургской монархии¹⁵. Во всех представленных беседах отражается потребность в ассимиляции: «И даже если они довольно долгое время сохраняли ряд своих старых черт, привезенных из Турции, сербы относительно быстро адаптировались к новым жизненным условиям и к западной культуре, в чем им существенно помогло сербское население, которое переселилось раньше и уже освоилось. Вообще сербский народ с первых минут вхождения в [чужую] культуру привносит накопленную в течение многих веков жизненную

¹⁵ О подчиненном статусе сербов иногда свидетельствуют сами авторы словарей. С. Костич подчеркивает, что важной мотивацией Вуяновского к написанию грамматики и словаря немецкого языка для сербов было желание выразить благодарность Марии Терезии. Обращаясь к сербам, он написал в своей книге, что они являются самыми счастливыми подданными, потому что правитель старается их осчастливить. Божий промысел наградила сербский народ бессмертной императрицей Марией Терезией и ее сыном-человеколюбцем, императором Иосифом II. Оба стараются осчастливить сербов и желают вознаградить их за рабскую преданность, сербский народ мог бы лучше всего выразить благодарность за это, если бы стал делать бóльшие успехи, чем прежде, в изучении языка, на котором говорят императрица и ее сын (см.: *Космић, С. Стефан Вујановски и његова Њџмецкаа грамматика // Годишњак Филозофског факултета у Новом Саду. Бр. XIV/2. 1971. С. 510*).

энергию, показывает большие способности к адаптации, легко и быстро завоевывает позиции в ремеслах и торговле»¹⁶.

В качестве примеров приведем две беседы. Эти вымышленные диалоги, как театральные представления, показывают нам время, обычаи и людей гораздо лучше и реальнее, чем исторические документы.

Девети комплемент

*Госте к седенију принуђавати (посађивати)*¹⁷

¹⁾ *Господине Советниче! Изволте не одрећи се овде сести (посадити се).*

²⁾ *Ви ћете ме утешити ако ме с тим поштедите.*

³⁾ *Ми се нећемо свађати.*

⁴⁾ *Молим покорњејше узмите ово место.*

⁵⁾ *Ја нећу то никако учинити. Ја седим овде врло добро.*

⁶⁾ *Али онде можете много больше седети.*

⁷⁾ *Опростити дакле господине ја ћу себи место овде узети.*

А Ви изволте онде посадити се.

⁸⁾ *Господине! Седните без церемоније. Округли астал нејма прваго (началнаго) места. А к тому Ви ћете свагда оно место где ћете сести началное учинити. Дај да не губимо време с церемонијама, јело ће се охладити.*

Дополнение девятое

Как просить гостей занять места

¹⁾ *Господин советник! Пожалуйста, не откажитесь сесть здесь.*

²⁾ *Вы меня очень утешите, если не будете настаивать.*

³⁾ *Не будем спорить.*

⁴⁾ *Покорнейше прошу: займите это место.*

⁵⁾ *Не буду делать этого ни в коем случае. Я сижу и здесь очень хорошо.*

⁶⁾ *Но на том месте Вам было бы гораздо удобнее.*

⁷⁾ *Простите, господин, я бы хотел занять это место. А Вы извольте сесть там.*

¹⁶ *Скерлић Ј. Српска књижевност у XVIII веку / Ново исправљено издање у редакцији Владимира Ћоровића. Београд: Издавачка књижарница «Напредак», 1923. С. 38.*

¹⁷ Все примеры в данной работе приводятся в современной орфографии.

8) Господин! Садитесь без церемоний. За круглым столом не может быть главного места. К тому же то место, которое Вы займете, Вы сделаете главным. Не будем тратить время на церемонии, еда остынет.

*Дванаести комплемент
При окончанију обеда*

А. Моја господо! Изволте ми опростити што сам вам тако злочесту част предложио. Други ћу пут наредити да се имате болше дочекати.

Б. Ово дочекање ест изванредно било.

В. У тому није ништа фалило.

Г. Вам Господине није баиш от потребе извињавати се будући да се много више нам пристоји Вам за свако поштење које сте изволили нам показати лепо благодарити.

Д. Доиста моја Господо! Ви можете у тому сигурни (обнадеждени) бити да се ми врло радујемо што смо Вас видели: само молим изволте ово злочесто подворење драговољно примити.

Ђ. Ја сам цело застићен вас слушајући што тако говорите. Захваљујем Господине! За Вашу славну част (тракцацију) и препоручујем себе Вашој склоности.

*Дополнение двенадцатое
В конце обеда*

А. Господа мои! Пожалуйста, простите за то, что я оказал вам такую дурную честь. В другой раз я распоряжусь, чтобы вам устроили лучший прием.

Б. Этот прием был необыкновенным.

В. Все было как положено.

Г. Господин, Вам нет никакой необходимости просить у нас прощения, поскольку гораздо уместнее нам благодарить Вас за столь уважительный прием.

Д. Господа мои, в самом деле! Вы можете быть уверены в том, что мы были очень рады вас видеть, просим только: пожалуйста, отнеситесь снисходительно к этому никуда не годному приему.

Е. Мне совестно слушать, что Вы так говорите. Благодарю Вас, господин! За Ваш прекрасный прием (за обращение), также остаюсь в Вашем расположении.

По данным беседам хорошо видно, что словари были предназначены для богатых людей, поскольку у участвующих в беседах есть слуги, которые их одевают, причесывают; эти люди путешествуют и хорошо едят в трактирах, носят шелковые чулки, приглашают гостей на роскошные обеды и завтраки, столы их всегда богато сервируются, у них есть прачки, которые стирают их вещи, портные, которые приходят на дом; они могут покупать книги, которые в то время были очень дорогими.

Отношение к вышестоящим господам, особенно к венграм, отличалось от отношения к подчиненным, т. е. к слугам. Весьма впечатляющую иллюстрацию подобного отношения мы видим в беседе номер 10, представленную в «Словаре» С. Вуяновского¹⁸. Название этой беседы можно перевести как «Разговор господина со своим слугой, содержащий большое количество уничижительных слов». Поводом для данного вымышленного разговора является тот факт, что слуга проспал. Вот как господин обращается к слуге:

1) *Ја мнју што ти јешћо в постелје. Востани безделниче!*

2) *Безделниче лењивиј!*

3) *Надлежит ињџ крат тебе с палицеју пробудити. Нести-дишљиви безобразниче!*

4) *Псето!*

5) *Ти глупиј осл (= магарац)!*

6) *Ти долџен во време востати, лењивиј осл!*

7) *Јежели ти јешћо једину реч проговориши, плут (= подлаче)...*

1) *Думается мне, что ты еще в постели. Вставай, бездельник!*

2) *Ленивый бездельник!*

3) *Иной раз тебя нужно будить палкой. Бесстыдный безобразник!*

4) *Собака!*

5) *Глупый осел!*

6) *Ты должен вставать вовремя, ленивый осел!*

7) *Если ты скажешь еще одно слово, обманщик...*

¹⁸ Нѣмецкаа грамматика изъ различныхъ авторовъ наипачеже Готштедовыхъ книгъ собранна и въ ползу сербскихъ дѣтей на славеносербскомъ языкѣ издаснена Стефаномъ Вуяновскимъ, слышателемъ правахъ во универзитетѣ виенскомъ, в Виеннѣ, 1772.

В третьей беседе, представленной в разговорнике, помещенном в словаре Викентия Лустины¹⁹, рассказывается об отношениях господ с прислугой, о том, что входит в обязанность слуги, а также о привычках и образе жизни, которые богатые сербы усвоили себе в Габсбургской монархии. Эта беседа носит название «Об облачении». Господин обращается к слуге с просьбой затопить печь. Затем говорит: «Облачи ме» (Одень меня). Позже просит слугу, чтобы тот причесал его. С точки зрения современной культуры такие требования кажутся проявлением господского высокомерия. Далее следует диалог, который также указывает на то, что богачи были избалованы и изнежены²⁰.

— *Дај ми моју кошуљу.*

— *Ево је, господине.*

— *Није врућа.*

— *Јешћо јест хладна. Ако желите, ја ћу је угрејати.*

— *Немој, немој, зашто није здраво.*

— Подай мне мою рубашку.

— Вот, мой господин.

— Она не согрелась.

— Ещё холодная. Если хотите, я ее подогрею.

— Нет-нет, это вредно для здоровья.

По данным беседам можно сделать вывод о том, что социальная иерархия была очень ярко выражена, что проявлялось в чрезмерной любезности по отношению к вышестоящим лицам и в грубости — к подчиненным.

¹⁹ Грамматика италянская ради употреблєния иллиричєскія юности, собранна Викентієм Лустина, въ Вѣннѣ, 1794.

²⁰ В восьмой беседе разговорника, помещенного в конце словаря Г. Киридиса и Е. Аврамовича (Руководство въ брзомъ и лакомъ наученю гречєскогъ и србскогъ языка одъ Георгія Киридиса и Евтимія Аврамовића. Београд, 1845), приводится подобная ситуация. Беседа называется «Давай оденемся», в ней господин требует от слуги следующее: «Моя рубашка слишком холодная, затопи печь и погрей ее». Эта фраза подтверждает, что лексикографы того времени, работая над составлением своих словарей, опирались на уже существовавшие, но совершенно точно не брали из них ту часть материала, которая не соответствовала духу времени. Поэтому мы рассматриваем повторение некоторых мотивов из словаря в словарь как свидетельство в пользу того, что данные мотивы основаны на образах, представленных в реальной жизни.

Жизнь богатых людей, помимо слуг, обеспечивали многочисленные ремесленники разного профиля. Об этом мы также узнаем из разговорников, приложенных к словарям. Вот несколько примеров:

¹⁾ *(Господар тражи свилене чаране, али га слуга обавештава да су "продрте" и да је "једна машилија утекла".) Треба да их даш плетељи да их поправи²¹.*

²⁾ *(Слуга обавештава господара да му бријачи нису оштри.) Треба да их однесеш ножжару да их наоштри²².*

³⁾ *Ако дође праља, даћеш јој што је неопрано, притом пази да је све точно, што је однела последњи пут²³.*

¹⁾ (Господин просит шелковые чулки, но его слуга говорит, что они «протерлись» и что «одна петля спущена».) Тебе нужно отнести их *вязальнице*, чтобы она их зачинила.

²⁾ (Слуга говорит господину, что его бритва затупилась.) Тебе нужно отнести ее *ножовицику*, чтобы он ее наточил.

³⁾ Если придет *прачка*, отдай ей грязное белье, но проверь, чтобы все было точно — что она вернула все то, что брала в прошлый раз.

Эти диалоги возвращают к жизни картины из прошлого, а также профессии, которых больше нет. Некогда были мастера и мастерицы, которые штопали чулки, точили бритвы и ножи, забирали домой чужое белье, стирали его, а потом возвращали постиранным заказчику.

Диалоги из разговорников говорят нам, что все три приема пищи были очень плотными и обильными.

Беседа вторая в словаре В. Лустины озаглавлена «Организация утреннего приема». Она посвящена общению хозяев и гостей в утренние часы:

— *Што једет Ваше господство радо изјутра?*

— *Да Вам истину рекнем, не једем нигда тако рано.*

— *Што чините дакле?*

²¹ Руководство въ брзомъ и лакомъ наученю греческогъ и сербскогъ языка одъ Георгія Киридиса и Евтимія Аврамовића. Београд, 1845. С. 47.

²² Там же. С. 48.

²³ Там же. С. 50.

- *Пијем који крат кафу, чиколату или теј.*
 — *Чиколата много распаљујет (или грејет). Кафа суши одвећ. Теј није ништо друго него вода и сено.*
 — *Са свим тим готово сви њега пијут.*
 — *Не знаде ли Ваше Господство да свет хоћет да је преварен.*
 — *То јест права истина.*
 — *Једимо, дакле, штокод, учинићемо боље.*
- *Что Ваша Светлостъ любитъ есть по утрамъ?*
 — *Если сказать Вам по правде, я никогда не ем так рано.*
 — *Что Вы делаете в таком случае?*
 — *Пью кофе, шоколад или чай.*
 — *От шоколада становится слишком жарко. От кофе слишком сухо. Чай не что иное, как вода и сено.*
 — *При всем том почти все его пьют.*
 — *Разве Ваша Светлостъ не знает, что народ желает быть обманутым.*
 — *Это истинная правда.*
 — *Съедим тогда чего-нибудь, так будет лучше.*

Этот диалог 1794 г. хотя и искусственный, но такой живой! Из него мы узнаем, что наряду с кофе и чаем в XVIII в. пили горячий шоколад, а также то, что в те времена, как и сейчас, возникали сомнения насчет некоторых пищевых привычек большей части населения.

В 17-й беседе «О квартире или о жилище» гость, который остановился переночевать в гостинице, заказывает следующий ужин: «Дайте нам једну приганицу пилића, пол дущине (дванадесјатице) голубића, једну салату, шест препелица, или једну дущину шевах»²⁴ (Дайте нам куриную отбивную, полдюжины (шесть) голубей, один салат, шесть перепелов или дюжину жаворонков). Помимо использовавшихся в то время необычных единиц измерения мы можем заметить (и не только в данном словаре), что в меню сербов, проживавших в Габсбургской монархии, часто входили мелкие птицы, такие как голуби, перепелки и жаворонки.

²⁴ Грамматика италианская ради употреблєния иллиричєскія юности, собранна Викєнтиєм Лустина. С. 393.

Обращает на себя внимание и 13-я беседа из этого словаря, в которой идет речь о посещении церкви («О хождении в церковь»)²⁵. Из нее нам становится известно, что старые монахи считали, будто говорить в нос — особенно учтиво (*ест велика учтивост*). Утверждается, что в церкви больше женщин, чем мужчин, и что *садашњих дана више доходе из љубопитства него из благоговенства* (в нынешнее время чаще приходят из любопытства, чем из благоговения). Посещение церкви было важным событием для людей — возможностью увидеться, пообщаться. В конце беседы автор приводит короткий текст, который можно было бы назвать культурологическим комментарием или наставлением, он озаглавлен как «Примечание» (*Примеченије*). В этом тексте поясняется, что сама беседа представлена не для того, чтобы люди в храме Божьем были заняты чем-то кроме молитвы и разговаривали о себе или о других. Тех, кто разговаривает, уверяет Спаситель (а не я — завершает автор), лучше бы не было вовсе на этой земле! Эту беседу ведут пока идут в церковь или когда возвращаются из нее, чтобы не разговаривать о других, непристойных вещах.

Из этого словаря мы узнаем, что писали остро зачиненными перьями, что письма запечатывали красным или черным сургучом, что в особой цене был «испанский воск» (вид сургуча), что при письме для промакивания и осушения чернил пользовались присыпкой/песком/порошком, что обязательно торговались в гостинице, в книжном магазине, в ателье, в магазине тканей, что молились перед едой, что перед отправлением в путь старались разузнать, насколько безопасна та или иная дорога, нет ли в окрестных лесах разбойников, что тогда, как и сегодня, говорили, будто те, кто счастливы в игре, несчастны в любви, и что мы не можем знать, что такое здоровье, пока не разболеемся. Девушки начинали эмансипироваться, и «причина в том, что сегодня девушки хотят выходить замуж по своей воле» (*причина ест да данашњегга дана кћери хоћеду мужа да имаду по својој вољи*). Так же, как и сейчас, в то время существовали стереотипы о народах и различные представления о языках: например, участники одной из бесед сошлись во мнении, что итальянский язык «нетруден и очень приятен, особенно когда звучит из женских уст»

²⁵ Там же. С. 380–385.

(није трудан и да има многе пријатности, особито у женскимa устима). А один из участников диалога, наблюдая за элегантным «благородным господином», был уверен, что тот — англичанин, а значит, считалось, что англичане особенно благородны. Также мы узнаем, что на Фрушкой Горе было «изобилие» (*изобилно*) кабанов, оленей, ланей, что было «огромное количество» (*у великом числу*) зайцев, желтозобиков, фазанов, куропаток и некоторых других птиц. Ряд бесед завершается описанием города Сремски-Карловци, и делается вывод о том, что «Фрушка Гора — второй Олимп, а Сремски-Карловци — вторые Афины» (*Фрушка ест вториј Олимп, а Карловац — Атена*), что «этот век можно назвать веком просвещения» (*овај век може звати веком учених*); а в самом конце возвышенного повествования о Сремски-Карловци автор пишет: *Здравствуј роде Илирическиј!* «Да здравствует род иллирийский!».

Словарь Г. Киридиса и Е. Аврамовича 1845 г. указывает на значение речевых актов в раскрытии языковой картины мира. Как приветствуют, благодарят, дают совет, выражают согласие, несогласие, сомнения, радость, печаль, боль, удивление, надежду, отчаяние, одобрение, неодобрение — все это очень много говорит о людях, которые пользуются данными речевыми формулами.

Вот несколько примеров. В третьей беседе «Одобрение, отказ, отклонение, благодарность» (*Одобреније, одрицање, одбацивање, благодарност*) в числе прочего приводится множество возможностей для выражения одобрения:

- 1) *Добро; ја се соглашавам.*
- 2) *За што не: нека, нема никакове противности.*
- 3) *Ја се не противим.*
- 4) *С великим задовољством.*
- 5) *Ја сам готов к вашој услузи.*
- 6) *Ја сам на служби вашој.*
- 7) *Заповедајте, ја сам готов да вас послушам.*
- 8) *Говорите, ја чекам заповести ваше.*
- 9) *Драго ми је што сам добио прилику да вам полезан (потребан) будем.*
- 10) *Ја вам не могу ништа одрећи.*
- 11) *Да могу, желио бих вам већу услугу учинити.*

12) *Ja želim da Вам полезан будем.*

13) *Знајте да сам вам предан*²⁶.

1) Хорошо; я согласен.

2) Почему бы и нет: пусть, нет никаких противоречий.

3) Я не возражаю.

4) С большим удовольствием.

5) Готов к Вашим услугам.

6) Всегда готов Вам служить.

7) Распорядитесь, я готов исполнить все, что Вы скажете.

8) Говорите, жду Ваших распоряжений.

9) Я рад, что получил возможность быть Вам полезным.

10) Я не могу Вам ни в чем отказать.

11) Если бы я только мог, я бы хотел оказать Вам бóльшую услугу.

12) Я бы хотел быть Вам полезным.

13) Знайте, что я всегда Вам предан.

А так в этом словаре представлены формы выражения благодарности:

1) *Благодарим.*

2) *Ja вам благодарим на доброты вашој.*

3) *Благодарим. Ја сам вам зато обвезан. Фала.*

4) *Ви ми велику доброту указујете.*

5) *Ја се одвећ радујем за чест коју ми чините.*

6) *Ја нећу вашу доброту на зло употребити.*

7) *Ово ново доказатељство ваше доброте превосходи очекивања моја.*

8) *Ви сте предухитрили жељу моју.*

9) *Не знам како да на толику милост одговорим.*

1) Благодарю.

2) Благодарю Вас за Вашу доброту.

3) Благодарю. Буду Вам за это обязан. Спасибо.

4) Вы проявляете ко мне большую доброту.

5) Очень рад чести, которую Вы мне оказываете.

²⁶ Руководство въ брзомъ и лакомъ наученю греческогъ и сербскогъ языка одъ Георгія Киридиса и Евтимія Аврамовића. С. 32–33.

6) Я не употреблю во зло Вашу доброту.

7) Это новое доказательство Вашей доброты превосходит мои ожидания.

8) Вы предвосхитили мое желание.

9) Я не знаю, чем ответить на столь великую милость по отношению ко мне.

Уже сами формы речевых актов могли бы стать предметом специального исследования. Обращает на себя внимание разработанность кода, используемого для их выражения. Главный вопрос, на который у нас пока нет точного ответа, заключается в том, действительно ли все эти уважительные формы использовались в устном общении или, быть может, словари фиксируют их как ряд потенциально возможных и советуют их своим читателям. Не совсем ясно, являются ли эти формы результатом творчества лексикографа, создавшего каждый конкретный словарь, или все это действительно отражает манеру общения, усвоенную сербами в Южной Венгрии после переселения. Возможно, одним из способов адаптации к жизни в новой среде являлось усвоение местных форм речевого этикета. Словари создавались по образцам, и предполагается, что, в основном, это были русские источники²⁷. Если это так, то тогда не позаимствованы ли этикетные формулы из старых русских словарей? Существует и еще один вариант: авторы двуязычных словарей пользовались словарями того языка, на который делали перевод с сербского. Возможно, Вуяновский и Лазаревич, создавая свои немецко-славяносербские словари, позаимствовали формы речевого этикета из немецкого языка, Лустина, составляя итальянско-славяносербский словарь, — из итальянского, а Киридис и Аврамович с их греко-славяносербским словарем — из греческого. А возможно и то, что все авторы опирались на существовавшие в сербской лексикографической традиции двуязычные словари и просто копировали данные этикетные формулы. И все же нужно заметить, что в словаре Киридиса и Аврамовича, созданного в середине XIX в., уменьшено количество рафинированной театральной учтивости XVIII в., которую мы можем видеть в остальных словарях. Во всяком случае, все рассмотренные словари, а особенно «Малый словарь», активно использовались, по ним

²⁷ См.: Гудков В. П. Сербская лексикография XVIII века. С. 132.

выучилось не одно поколение сербов. Эти словари учили не только скромности и учтивости по отношению к вышестоящим лицам, но и тому, как привыкнуть к образу жизни просвещенной Европы.

«Беседовник» В. Ракича²⁸

В. Ракич в введении к своему «Беседовнику» пишет, что считает излишним «многословить» (*пространословити*) о «благопопулярности» его книги, созданной для того, чтобы выполнять роль посредника между иллирийцами (автор делает акцент на равнозначности слов иллирийцы и сербы) и итальянцами, которые связаны торговыми и политическими отношениями. Все материалы книги приведены на славяносербском и итальянском языках. Данное пособие включает несколько глав, в том числе: «Собрание общих бесед» (*Собраније обштих разговоров*) — 50 придуманных диалогов, освещающих различные стороны жизни; «Собрание выражений на разные случаи» (*Собраније реченији начинов говоренья*) (речевые акты: просьба; подтверждение и отрицание; совет; удивление; запрет; выражение радости и печали...); «Собрание некоторых пословиц» (*Собраније неких пословиц*); «Нравственные поучения» (*Нравоученија*) (о любви, мудрости, дружбе, о трезвости и умеренности; о языке; о различных характерах — мудрых и глупых; о жене — доброй и злой...); «Руководство по написанию писем» (*Руководство к сочиненију писем*); «Собрание писем» (рекомендательных, жалобных, извинительных, верности и дружбы, нежных и любовных, изукрашенных и шутивых).

Уже из самого содержания становится ясно, что данный труд имеет не только лексикографическое значение, но и просветительское. Автор, православный священник, учит читателей словаря (а большинство из них — православные верующие) важнейшим добродетелям и ценностям, таким как трезвость, мудрость, умеренность, доброта. Славяносербская часть создавалась путем перевода итальянской, поэтому читатели знакомятся с речевыми актами

²⁸ Ракич В. Бесѣдовник иллирическо-италианскій, съ италианскога преведень, и принаравлень къ употребленію двухъ народовъ посредствомъ Предварительнаго Руководства г. Павла Соларича къ познанію Италиански Писмена... Вікентіємъ Ракичемъ Фенечкимъ, Парохоємъ Церкви Іллирическе С. Спирідона у Тріесту суще. Въ Млеткахъ, 1810.

извинения, удивления, рекомендации и т. д., взятыми в некоторых случаях из итальянского языка; иногда встречается и обратная ситуация — приводится недословный перевод славяносербского материала на итальянский язык. Автор пишет, что старался не употреблять «иностранных слов» (*чужде речи*), считая, что лучше найти соответствующее славянское слово, чем употреблять иностранное. «Гди пак ово пребогато сокровиште није могло готових реченијах за нова понјатија дати, ту је преводник, старајући се опет Славјанином пребити, осмелио се нова реченија произвести, всегда готов уступити ако кому пошчастливи се штогод боље произнаћи»²⁹ (Там, где это богатейшее сокровище не могло дать готовых речений для новых понятий, переводчик, стараясь оставаться славянином, осмелился предложить новые речения, всегда готовый уступить, если кому-то посчастливится подыскать нечто лучшее). Таким образом, в данном лексикографическом источнике пересекаются формулы речевого этикета, используемые сербами и итальянцами, с той лишь разницей, что для сербского языка эти формулы в основном заимствованы у других, более развитых культур, прежде всего австрийской.

Остановимся на главе, посвященной написанию писем. Существовали строго определенные формы эпистолярного жанра. Люди, очевидно, заучивали их, чтобы не утруждаться подбором оригинальных выражений, которые бы отличались от того, что предписывалось обычаем. Вот почему Ракичу необходимо было научить читателей своего словаря не только употреблению слов, но и целым предложениям, особенностям стиля и дискурса обоих языков.

В самом начале главы «Письмовник» (*Писмовник*) (5, с. 198), которая посвящена написанию писем на славяносербском и итальянском языках, автор отстаивает следующее положение: необходимо соблюдать большую осторожность при написании писем и не писать их поспешно, напротив, для этого нужно отводить достаточное количество времени, чтобы потом не раскаиваться. Письмо должно состоять из трех частей: вступления (*вступљеније*), основной части (*предложеније веићи*) и заключения (*закљученије*). Во вступлении предлагается написать какой-нибудь комплимент

²⁹ Цитата приведена в современной орфографии, взята из Предисловия к данному словарю, С. VII.

адресату, чтобы это стало хорошим началом для дальнейшей просьбы, извинения, делового предложения или чего-либо другого, что послужило поводом к написанию письма. Даются многочисленные советы и предложения насчет содержания писем, например (5, с. 214): «Кад имамо одговарати на писма у којима смо увређени, добро је позакаснити с одговором, за не пустити се занести се гневом, како и за дати време нашему пријатељу да може доћи у себе, и на конец да би сасвим не прекинули пријатељство с њим чрез силное устремљеније» (Когда приходится отвечать на письма, в которых нас оскорбили, не нужно торопиться с ответом, чтобы не разразиться гневом, также эта отсрочка даст другу время для того, чтобы прийти в себя, и, наконец, это позволит не прекратить с ним дружбы в отчаянном порыве). Ракич учит своих читателей скромности, поэтому говорит, что отвечать на письмо, в котором адресант делает комплименты получателю, нужно с опровержением похвал на свой счет (5, с. 218). Также при ответе рекомендуется обратить особое внимание на две вещи: «1) на то, что мы написали; 2) на намерение, с которым мы это написали, с той целью, чтобы мы могли направлять наши мудрствования».

Автор считает, что в письмах не нужно «скупиться на учтивость» (*скупити се учтивостију*) — гораздо лучше быть чрезмерно, чем недостаточно учтивым (5, с. 224).

Существовали специальные формы обращения к адресату и подписания письма. Ракич приводит их в таблице, одна половина которой написана на славяносербском, а вторая — на итальянском языке (5, с. 228–235). Приведено 15 форм инскрипции, начиная с используемых для обращения к императору, заканчивая теми, которые используются для обычных людей. Вот некоторые из них: *Всепресветлејши Великомошчнејши* (Всепресветлейший Великомогущественнейший), *Всемилоствивши Государ* (Всемилоствивейший Государь), *Пресветлејши* (Пресветлейший), *Милоствивши Государ* (Милоствивейший Государь), *Сијателнејши* (Сиятельныйнейший), *Ваше Височество* (Ваше Высочество), *Ваше Превосходителство* (Ваше Превосходительство), *Високородни* (Высокородный), *Високоблагородни* (Высокоблагородный), *Благородни Господине* (Благородный Господин), *Високочитаеми* (Высокопочитаемый), *Почтенародни Господине* (Достопочтенный Господин), *Блаженејши* (Блаженнейший), *Ваше Превелебије* (Ваше

Превосходство), *Високопреосвештенејше Сиятелство* (Высокопреосвященнейшее Сиятельство), *Високопреосвештенејши Господине* (Высокопреосвященнейший Господин), *Пречестејши Господине* (Пречестнейший Господин), *Честнејши Господине* (Честнейший Господин), *Преподобни* (Преподобный).

Предлагается завершать письма следующим образом: *С глубокајшим страхопочитанијем* (С глубочайшим страхопочитанием), *С глубоким високопочитанијем* (С глубоким высокопочитанием), *С совершенејшим почитанијем* (С совершеннейшим почитанием), *С великајшим приврженијем* (С величайшей преданностью).

В зависимости от того, к кому обращается адресант, могли использоваться варианты: *Всепокорнејши* (Всепокорнейший), *Покорнејше-поданејши Н. Н.* (Самый покорный и подданный N. N.), *Поданејши Н. Н.* (Верноподданный N. N.), *Покорнејши Н. Н.* (Покорнейший N. N.), *Нижајши Н. Н.* (Нижайший. N.), *Понизни Н. Н.* (Покорный N. N.), *На служби Н. Н.* (Всегда готовый служить N. N.), *Кротчајши Син Н. Н.* (Кротчайший сын N. N.). Также предлагаются: *Преданејши слуга / друг* (Преданнейший слуга / друг), *Искренејши слуга / друг* (Самый искренний слуга / друг), *Готовејши слуга / друг* (Всегда готовый к Вашим / твоим услугам).

В современных словарях, грамматиках и других справочных изданиях, предназначенных для тех, кто изучает иностранные языки, становится все меньше места для культурологических материалов. При изучении иностранных языков все меньше внимания уделяется важности овладения общими правилами приличия, речевого этикета, что может привести к проблемам при коммуникации людей, принадлежащих к разным культурам. Поэтому мы считаем, что материалы сербских двуязычных словарей XVIII и XIX вв., представленные в данной работе, могут вдохновить составителей двуязычных словарей XXI в. и послужить для них некоторым образцом. Важное значение подобных материалов в пособиях по иностранным языкам находит подтверждение в результатах лингвокультурологических исследований, а И.А. Стернин стал основоположником целого учения, посвященного так называемому *коммуникативному поведению*, и именно коммуникативное поведение находится в центре внимания старинных сербских словарей, анализу которых мы посвятили эту работу.

II. Сербь под властью турок

Сербь, которые проживали в Габсбургской монархии (а позднее в Австро-Венгрии), кажется, не имели сильного чувства народного единения с сербам из Турции (или независимой Сербии). Об этом свидетельствует сказанная как бы между прочим, но очень впечатляющая фраза, которую произнесла в ходе своей лекции, проходившей в Венском Научном клубе в ноябре 1911 г., Савка Суботич, одна из самых известных и образованных сербок в Австро-Венгрии того времени: «О прошлом Сербии, соседней для нас страны, известно едва ли больше, чем о государствах бассейна Конго»³⁰. По этой фразе становятся понятны дистанция и различия между *нами* и *ними*, а также становится ясно, кто такие *они* — эти незнакомцы, пришедшие будто с другого континента. Ясно также и то, что Сербия относится к Востоку. В той же лекции С. Суботич говорит: «Белград возникает как некий полуостров и проводит границу между Сербией и Австро-Венгрией, потому и говорится: “Белград — ключ, а Константинополь — ворота, открывающие дорогу на Восток для Запада“»³¹.

Образы *той* Сербии (можно было бы сказать — турецкой Сербии) сохранились в «Словаре» Вука Караджича 1818 и 1852 гг. издания³². Это трехязычный словарь (сербско-немецко-латинский). Он создан для народа и отражает народную жизнь на сербском народном языке (в отличие от словарей, создававшихся в Габсбургской монархии и предназначавшихся для хорошо обеспеченных сербских граждан, которым было нужно овладеть иностранным языком). В «Словаре» В. Караджича содержится также воеводина лексика, но в незначительном количестве. По подсчетам Й. Кашича, в «Словаре» 1818 г. приводится 839 слов из Воеводины, а в издании 1852 г. — 1 848. От общего количества

³⁰ *Суботић С.* Жена на Истоку и на Западу, јавно предавање Савке Суботићке одржано у Бечу у Научном клубу 17. (30.) новембра 1911. Нови Сад: Штампарија деоничарског друштва Браника, 1911. С. 6.

³¹ Там же. С. 14.

³² Српски рјечник истолкован њемачким и латинским ријечима, скупио га и на свијет издао Вук Стефановић Караџић. Вена, 1818; Српски рјечник истумачен њемачкијем и латинскијем ријечима, скупио га и на свијет издао Вук Стефановић Караџић. Вена, 1852.

представленных слов на Воеводину приходится 3,192 % в первом и 3,235 % во втором изданиях «Словаря»³³. «Словарь» Караджича изображает жизнь сельского населения Сербии, того, которое голодало и в муках боролось за выживание. В «Словаре» не нашлось места многим словам, которые использовал сам Караджич, поскольку их не было в народной речи³⁴. «Иногда нам даже может показаться, — замечает Меша Селимович, — что Караджич в своем «Словаре» высмеивает абстрактность ранней литературы, ее метафизичность, ее высокопарную патетику»³⁵. Он убирает пафос

³³ *Kauiš J.* Војвођанска лексика у Вуковом *Рјечнику* // Годишњак Филозофског факултета у Новом Саду. 1967. Књ. X. С. 199–224.

³⁴ В 1849 г. Йован Стеич, современник В. С. Караджича, опубликовал в «Вестнике Общества сербской словесности» список слов, которые были известны Караджичу и которые можно было услышать и увидеть на письме в среде образованных сербов, но которые были пропущены Караджичем, поскольку он не слышал их в речи простого народа. Эти слова являлись слишком «интеллектуальными», ненародными, а Вук Стефанович хотел в своем «Словаре» передать картину, наиболее близкую к жизни сербского народа. Вот некоторые из тех слов: *способност* ‘способность’, *строгост* ‘строгость’, *благост* ‘доброта’, *подлост* ‘подлость’, *скромност* ‘скромность’, *успешност* ‘успешность’, *уљудност* ‘учтивость’, *угодност* ‘благоприятность’, *крутост* ‘жесткость’, *одважност* ‘отвага’, *човечност* ‘человечность’, *благонаклоност* ‘благосклонность’, *наклоност* ‘наклонность’, *добровольност* ‘добровольность’, *садашњост* ‘настоящее’, *прошлост* ‘прошлое’, *раскошност* ‘роскошь’, *разузданост* ‘разузданность’, *важност* ‘важность’, *тужитељ* ‘обвинитель’, *старатељ* ‘попечитель’, *управитељ* ‘управляющий’, *спаситељ* ‘спаситель’, *створитељ* ‘творец’, *спокојство* ‘спокойствие’, *вест* ‘весть’, *доказ* ‘доказательство’, *круг* ‘круг’, *позив* ‘приглашение’, *навод* ‘довод’, *увод* ‘введение’, *опис* ‘описание’, *оглас* ‘объявление’, *слух* ‘слух’, *дух* ‘дух’, *задатак* ‘задание’, *израз* ‘выражение’, *молба* ‘просьба’, *жалба* ‘жалоба’, *услов* ‘условие’, *повод* ‘повод’, *победа* ‘победа’, *биће* ‘существо’, *просвета* ‘просвещение’, *обмана* ‘обман’, *особа* ‘особа’, *споменик* ‘памятник’, *чиновник* ‘чиновник’, *званичник* ‘служащий’, *пуномоћник* ‘уполномоченный’, *државник* ‘государственный деятель’, *безгрешан* ‘безгрешный’, *исправан* ‘исправный’, *безуман* ‘безумный’, *бесмислен* ‘бессмысленный’, *невин* ‘невинный’, *порочан* ‘порочный’, *савестан* ‘совестливый’, *успешан* ‘успешный’, *важан* ‘важный’, *постепено* ‘постепенно’, *срдачно* ‘сердечно’, *казнити* ‘наказывать’, *одобрити* ‘одобрить’, *решити* ‘решить’, *руководити* ‘руководить’, *запоставити* ‘недооценить’.

³⁵ То же можно сказать и о лексикографии, предшествовавшей «Словарю» В. С. Караджича.

по отношению к вещам, как бы говоря своим «Словарем»: это настоящий, грубый, полный страданий, но все же жизнерадостный мир простого крестьянского народа, реалистичного и конкретного даже в своих мечтаниях, приученного терпеть, подшучивать и выносить все невзгоды»³⁶.

Приведем еще одно точное лингвокультурологическое замечание М. Селимовича: «“Словарь” говорит нам, что этот мир делится на бедных и богатых, что во зле и несправедливости виноваты богачи, а жертвами являются крестьяне (*камата* — велики, *неправедни интерес* “большой, грабительский процент на заем”; *погосподити се* — *погосподио се на неће да ради* “стал господином и не хочет работать”). Мир господ испорчен, в нем нет морали, нет души: его губят деньги (*новац душогубац, зубодушница* — “деньги-душегубы”). Жизнь в нищете тяжела (*Жива жељо, кукурузна пројо* “предел желаний — кукурузный хлеб”))»³⁷.

О том, что «Словарь» является свидетельством тяжелой жизни сербского народа, голода и нищеты, говорят многочисленные толкования и объяснения, многие из которых даже не имеют прямого отношения к этой теме. Давая определение слову *акамоли*, Караджич приводит следующую народную поговорку: *Сиротињо, и Богу си тешка, а камоли кући у којој си* (Нищета, ты и для Бога трудна, тем более для нашего дома).

Воображаемое существо *баба-руга* толкуется следующим образом: «Им пугают детей, когда они часто просят хлеба: *Немој искати круха, убиће те баба-руга*. “Не проси хлеба, а то тебя баба-руга убьет”». Существительное *бадаљ* ‘чертополох’ толкуется как растение, корень которого готовят и едят из-за бедности, в голодные годы. Рассказов о голоде в «Словаре» Караджича очень и очень много, а в словарях того же времени из Воеводины эта тема вообще не упоминается.

³⁶ Селимовић М. За и против Вука. Београд: Београдски издавачко-графички завод, 1986. С. 131.

³⁷ Там же. С. 127. Примененный М. Селимовичем метод представляет собой один из лингвокультурологических подходов к изучению состава словаря. Промежуточные выводы делаются из анализа толкований и примеров. Все эти данные совмещаются в один большой «пазл», по которому можно сделать окончательный вывод.

*II. 1. Анализ некоторых тематических групп
и синонимических рядов в «Словаре» В. Караджича*

Большая часть слов, представленных в «Словаре», важна для повседневной жизни народа. Степень их значимости отражается также в большом количестве синонимов. Слова такого типа (и их синонимы) выделяет М. Селимович:

Најести се ('наестся') — 1) напитати се, 2) набањати се, 3) набити се, 4) набокати се, 5) набубати се, 6) надекати се, 7) наждерати се, 8) назобати се, 9) накресати се, 10) накусати се, 11) налупати се, 12) наслагати се, 13) натући се³⁸.

Тући ('бить') — 1) бити, 2) воштити, 3) деветати, 4) дерати, 5) лијемати, 6) лињати, 7) мазати, 8) макљати, 9) млавити, 10) млатити³⁹.

Ударити ('ударить') — 1) бубнути, 2) лупити, 3) гарнути, 4) генути, 5) депити, 6) депнути, 7) дернути, 8) дупити, 9) лупити, 10) лупнути, 11) врезнути, 12) одадријети, 13) одајачати, 14) одалачити, 15) ћопнути⁴⁰.

Јадан ('бедный') — 1) биједан, 2) болан, 3) дерни, 4) жалостан, 5) зајадњи, 6) злосрећан, 7) злосретњи, 8) јадињи, 9) јадован, 10) јадовит, 11) кукав, 12) кукавни, 13) кужан, 14) несрећан, 15) ојађели, 16) тужан⁴¹.

Рука ('рука') — 1) приступити коме руци, 2) има лијепу руку (лепо пише), 3) од сваке руке, 4) не иде му од руке, 5) није ми на руку, 6) дошло ми испод руке⁴².

³⁸ Ср. русск. *накормиться, наломиться, наесться, налопаться, натрескаться, набить пузо, нажраться, накушаться, налупиться, наесться, натолочься* (прим. пер.).

³⁹ Ср. русск. *дубасить, давать взбучку, драть, лупить, мутузить, вмазывать, тюкать, давить, молотить* (прим. пер.).

⁴⁰ Ср. русск. *надавать тумаков, хватить с размаху, хлестнуть, хлобыстнуть, отстегать, стегануть, выдрать, оттузить, отлупить, лупануть, врезать, отодрать, отколошматить, отколотить, треснуть* (прим. пер.).

⁴¹ Ср. русск. *бедный, болезненный, удрученный, жалостный, горемычный, злосчастный, злополучный, горький, горевой, горестный, печальный, печалующий, дурной, несчастливый, огорченный, грустный* (прим. пер.).

⁴² Ср. русск. *целовать руку кому-л., писать аккуратным почерком, на любой вкус, не дается в руки, это мне не с руки, шепнуть на ухо* (прим. пер.).

Игры. Важное место в жизни сербского села занимали игры. Вук Караджич разделяет их на те, которые предназначались для детей, и те, что были для взрослых; они могут различаться по продолжительности, какие-то из них могут проводиться в словесной форме (как *доскочице*, *шале*, *језичке игре*), а какие-то — в той или иной форме физической активности. Для некоторых игр нужны определенные вспомогательные средства, но они не являются чем-то обязательным для всех игр. Некоторые игры связаны с определенными обычаями, обрядами, в них играют только в особых случаях. Вот несколько примеров: *клиц* — игра в чижа⁴³; *крмача* — пастушья игра; *прстен* — игра в колечко; *банати се* — играть в игру «царь и бродяга»; *гаврање* — один из пастухов подбрасывает свою трость вверх, а второй сбивает ее на лету своей тростью; *гонеталица* — игра в колечко; *купа* — разбивание битой четырех грецких орехов у каждого из игроков; победитель забирает орехи; *лончић* — детская игра в горшочек; *навлачкапа* — детская игра, в которой дети надевают шапки; *ћушкапа* — вид игры; *ножак* — вид игры; *пипавица* — дети хватают друг друга за руку, кто будет позже всех схвачен, тот должен пронести на спине игрока, стоящего в стороне; *полетиши* — детская игра: кладут руки на колени и говорят *лёт-лёт*, вода называет что-либо и спрашивает: «Летает это или нет?», если называет то, что может летать, все поднимают руки, кто не успел, тот отдает залог; *плојка* — метание плоских камешков в цель; *попик* — вид игры, в которой мяч подгоняется палкой с одной и другой стороны; *провођач* — игрок с завязанными глазами на вопрос «кто тронул?» должен назвать имя тронувшего; если не угадывает, тронувший хватает его за нос и обводит кругом, а если угадывает, то меняется местами с коснувшимся; *жмура* — жмурки; *ћералица* — то же, что игра в чиж, только бита кидается с лошади; *фен* — игроки садятся на корточках в круг, один из них садится в центре круга, его бьют пучком чего-либо, крича *фен-фен-фен*; пучок передается под коленями, если сидящий в круге выхватит пучок у кого-то во время битья, то они меняются местами; *фус* — игра, в которой из рук в руки

⁴³ Русские эквиваленты и описания игр предложены переводчиком на основании словаря Вука Караджича. То же касается приводимых ниже названий мифологических персонажей и блюд (*прим. ред.*).

передается зажженная соломинка, тот, в чьих руках она потухнет, получает насмешливое прозвище; *шапац* — вид игры; *шпарт* — детская игра; *ускучкобила* — вид игры; *бубалица* — детская игра; *вириз* — игра свинопасов, то же, что *гаврање*; *вота-фота* — игра в фанты; *град* — игра в мяч, сделанный из коровьей шерсти; *из кола кучке* — участники игры образуют хоровод, один из них встает в центре, стоящие в хороводе поочередно ударяют его палкой, обмотанной платком, в этот момент игрок должен успеть разорвать хоровод в том месте, где находится ударяющий; если это удается, то ударяющий игрок и центральный меняются местами; *кост*, *коштац* — борьба; *провлак* — вид танца; *скакавица* — игра «кто дальше прыгнет»; *ташун* — ладушки, *титра* — игра в камешки; *трка* — салочки; *ћулање* — на расстоянии очерчивают малый и большой круги, часть игроков на четвереньках размещается в малом кругу, надев на голову шапки, а другая часть ходит вокруг, пытаясь сорвать эти шапки с первых, которые защищаются, брыкаясь ногами; сорвавший шапку должен успеть убежать в большой круг, если тот, с кого шапку сорвали, догонит его, игроки меняются местами; *халка* — конно-спортивное состязание: юноши на скаку бросают копьа в кольцо; *цупкање*, *цуцање* — хождение на коленях; *чловити* — стоять на голове или на руках; *чула* — то же, что *крмача* (об этих и других играх писала Н. Любинкович)⁴⁴. Если бы игры не были важны в повседневной жизни, Караджич не выделил бы для них столько места в своих словарях. Игры были одним из способов скоротать время в те дни, когда не делалось никакой тяжелой работы. Кроме того, они указывают на некоторый инфантилизм, который также подтверждается верой в сверхъестественных существ.

Сверхъестественные существа. Нет ничего необычного в том, что наивное народное сознание связано с суевериями, верой в потустороннее, сверхъестественное. Эта вера в мифических существ является одним из следов язычества в сербской духовной культуре. Языческие наслоения мы также можем увидеть в легендах, здравницах, пословицах и праздничных обрядах, которые хранят

⁴⁴ *Љубинковић Н.* Народне друштвене и забавне игре у два издања Вуковог Српског рјечника // Ковчежић. Кн. 16. Београд: Вуков и Доситејев музеј, 1978. С. 53–60.

память о дохристианском периоде. Наряду с высшими божествами присутствуют низшие, демоны и люди с демоническими свойствами. Вилы и ведьмы занимают главное место, но вместе с тем встречаются и вампиры, духи чумы и другие вредоносные существа. Есть огнедышащие змеи — добрые герои, имеющие в одно и то же время человеческий облик и очертания змея, порой дают о себе знать упыри, привидения, злые драконы, враждующие со змеями, и другие. В толковании слова *veštiца* ‘ведьма’ Караджич ссылается на народные сказки как на важный источник народных верований и обычаев. В «Словаре» представлено большое количество других словарных статей, которые связаны с мифическими существами, верой в сверхъестественное, потустороннее. Вот некоторые из них: *мора* ‘ведьма’, *вукодлак* ‘оборотень’, *змај* ‘змей’, *ала* ‘дракон’, *једогоња* ‘вампир’, *стухаћ* (*здухач*) ‘злой дух грозы’, *ноћница* ‘привидение’, *куга* ‘чума (как дух)’, *репач* ‘человек, родившийся с хвостом и обладающий, по народным верованиям, сверхъестественными свойствами’. Одни слова толкуются довольно просто (*ноћница*, *репач*), другие снабжаются пространном описанием, в котором переплетаются разные жанровые формы (*мора*, *куга*). А такие слова, как *ђаво* и *враг* ‘дьявол’ толкуются только при помощи приведения иллюстративного материала, в качестве которого выступают пословицы и поговорки, при этом более подробного описания, как в словарных статьях, где представлены названия других духов, здесь нет.

О тяжелом труде, бедности, играх для детей и взрослых, о сверхъестественных существах в воеводинских словарях нет ни одного упоминания.

Еда. Детальный анализ гастрономической лексики в «Словаре» Вука Караджича проделала А. Крушец⁴⁵, до нее этой темой занимались также Г. и С. Ресел⁴⁶. А. Крушец справедливо отметила, что на основе происхождения и по количеству лексем,

⁴⁵ *Kruszec A.* Vukova trpeza — kulinarska terminologija u prvom izdanju «Srpskog rječnika» Vuka Stefanovića Karadžića (1818) // Зборник Матице српске за филологију и лингвистику. Бр. XLVII/1–2. 2004. С. 233–297.

⁴⁶ *Ресел Г., Ресел С.* Кулинарска терминологија у Вуковим речницима (именице) // Научни састанак слависта у Вукове дане. Бр. 17/2. 1988. С. 235–245.

являющихся названиями для блюд, можно исследовать степень иностранного влияния на сербскую культуру. Она отдельно отмечает не только турецкое, но и греческое, далматинское, итальянское, австрийское, французское влияния. Безусловно, самую большую долю в числе заимствований составляют *турцизмы*, которые разделяются автором на *исконные* (*чорба* ‘густой суп’, *бунгур* ‘пшеничная крупа’, *качамак* ‘мамалыга’, *пексимет* ‘сухарь’, *симит/симита* ‘бублик с кунжутом’, *сомун* ‘пшеничная лепешка’, *алва* ‘халва’, *баклава* ‘пахлава’, *ћаија* ‘пирог с творогом’, *мавиш* ‘печенье-хворост’, *пита* ‘пирог’, *зерде* ‘десерт из густо сваренного риса с добавлением сахара и шафрана’, *чимбур* ‘яичница со сливками’, *кајгана* ‘яичница’, *ћешке/кешке* ‘блюдо из овечьего или куриного мяса с пшеничной крупой’, *ћевап* ‘кусочки мяса’, *ћуфтета* ‘тефтель’, *ћувече* ‘джувеч: блюдо из мяса, риса и овощей’, *каља* ‘блюдо из квашеной капусты с копченым мясом’, *пилав* ‘плов’, *сарма* ‘голубцы’, *шкембе* ‘требуха’, *паче питује* ‘холодец’, *суџук* ‘сорт копченой колбасы’, *пастрма* ‘ба-стурма’, *ошаф/ошан* ‘хошаф: компот из сухофруктов’, *пекмез* ‘джем’, *саганлија* ‘запеченная с луком фасоль’, *туриџа* ‘соления и маринады’, *кајмак* ‘каймак: мягкий сливочный сыр’, *буза* ‘буза: напиток, получаемый в результате брожения кукурузы, проса, сахара с добавлением дрожжей’, *кава* ‘кофе’, *салеп* ‘салеп: горячий сладкий напиток из клубней ятрышника’, *шербе* ‘шербет’, *ракија* ‘ракия’, *оџћелдија* ‘бокал вина или ракии для гостя в качестве приветственного напитка’) и на *собственно сербские слова турецкого происхождения* (*чорбетина*, *чорбина* ‘увеличительное и уничижительное от *чорба*’, *чорбица* ‘уменьшительное от *чорба*’, ‘*сомунина* ‘аугментатив от *сомун*’, *сомунић* ‘уменьшительное от *сомун*’, *питуљица* ‘пончик с джемом или сыром’, *џигерњача* ‘ливерная колбаса’). Германизмов, которые пришли из языка Воеводины, гораздо меньше. Они также делятся на *исконные германизмы* (*шунка* ‘ветчина’, *комбост* ‘солянка из квашеной капусты’, *шилер* ‘сорт вина золотисто-розового цвета’) и *собственно сербские слова германского происхождения* (*таџици* ‘вареники’, *онајзовица* ‘анисовое вино’). Караджич отмечает, что это слова регионов Срем, Банат и Бачка. Совсем мало унгаризмов: *џиповка* ‘небольшой белый хлебец’ и *лепиња* ‘пшеничная лепешка’.

Профессии. Анализ лексем, обозначающих людей по роду занятий, представленных в словарях Караджича, провела Е. Матияшевич⁴⁷. Она разделила их на несколько групп: *земледельцы* (*тежак*, *ратар* ‘землепашец’, *паор* ‘крестьянин’, *орач* ‘пахарь’, *копач* ‘землекоп’ и т. д.), *скотоводы* (*пастир* ‘пастух’, *чобанин* ‘чабан’, *планинар* ‘пастух, пасущий скот на летних пастбищах в горах’, *волар* ‘воловоий пастух’, *кобилар* ‘табунщик’, *свињар* ‘свинопас’ и т. д.), *ремесленники* (*ковач* ‘кузнец’, *пушкар* ‘ружейный мастер’, *чарапар* ‘чулочник’, *ужар* ‘веревочник’, *сапунција* ‘мыловар’, *лојар* ‘салотоп’ и т. д.), *владельцы заведений общественного питания* (*кафеџија* ‘содержатель кафе’, *крчмар* ‘трактирщик’, *бирташ* ‘кабатчик’, *меанџија* ‘владелец таверны’ и т. д.). В словарях делается различие между городскими и сельскими, мужскими и женскими занятиями, выделяются такие, которые связаны только с определенной национальной принадлежностью. Такое занятие, как *налбанта/налбантин* ‘кузнец, подковывающий коней’ — считалось исключительно городским, кроме того, занимались им только турки. Ложки изготавливали только цыгане из Валахии.

Некоторые профессии считались очень достойными и важными, среди них: *кројач* ‘портной’, *сајџија* ‘часовщик’, *златар/кујунција* ‘ювелир/золотых дел мастер’, *берберин* ‘парикмахер’. В то время как у воеводинских сербов были *џипелари* ‘сапожники, башмачники’, у сербов в Сербии были *опанчари* ‘мастера, делающие опанки’⁴⁸.

II.2. Избранные тексты из «Словаря» В. Караджича

Из «Словаря» Караджича мы узнаем, что, в отличие от габсбургской исключительной вежливости, при общении с людьми высокого статуса в Сербии редко кого называли *господином*: *У Србији само цара и краља [...] пашу, владика, архимандрита, игумна [...] проту и учитеља [...] зову господином; а у Сријему и осталим њемачкијем државама господин значи оно што је у Србији за времена Карађорђејева значио господар* (В Сербии

⁴⁷ Матияшевић Ј. Вуков Рјечник као извор грађе за социолингвистичка проучавања // Научни састанак слависта у Вукове дане. Бр. 17/1. 1988. С. 123–133.

⁴⁸ Аналог русских крестьянских *пориней*, или *постол* — прим. пер.

только царя и короля [...], пашу, владыку, архимандрита, игумена [...], протоиерея и учителя [...] зовут «господином»; а в Среме и остальных немецких государствах «господин» значит то же, что в Сербии во времена Карагеоргия значило «господарь»). При толковании слова *господар* Караджич указывает на то, что и *господаром* в Сербии мало кого называют: *а у Сријему пак и у осталијем њемачкијем државама зову и најмањега трговчића господаром. У Србији су од прије знатније Србе, као свињарске трговце, звали газдама* (а в Среме, как и в других немецких государствах, даже самого мелкого торговца зовут *господаром*. В Сербии раньше наиболее известных сербов, таких как торговцев свиньями, звали «хозяевами»). Из этого высказывания видно, какой вид деятельности в первую очередь приходит в голову Караджичу при характеристике «знатных сербов». Кроме того, он приводит сведения о культурологических различиях между этими двумя социумами.

Давая толкование глаголу *господарити*, Караджич пишет: *ретко умије добро господарити, који нигда није служио* (редки случаи, когда умеет хорошо управлять тот, кто никогда нигде не служил). Таким образом он умалывает значение тех господ, которые вышли не из бедного народа и не имеют представления о том, как тяжела жизнь слуги. Последним же дает преимущество перед первыми.

В отличие от габсбургских сербов, которые уделяли большое внимание приему гостей, сербы из Турции (или самой Сербии) не очень-то их ждали, особенно незваных. Караджич приводит три народные пословицы в качестве иллюстраций к словарной статье *гост*: *Незвану госту мјесто за вратима* (Незваному гостю место за дверьми); *Ако не буду гости бијесни, неће бити кућа тијесна* (Если гости не будут буяннить, в доме не будет тесно); *Гост мрзи на госта, а домаћин на обадва* (Гость ненавидит гостя, а хозяин — обоих).

Однако представляется, что данные пословицы не в полной мере показывают отношение к гостям. Если обратить внимание на толкование слова *крчма* 'трактир', для того чтобы сравнить описание трактиров того времени в Воеводине и Сербии, выясняется следующее: *Крчме су се у Србији, у Босни и у Херцеговини доскора готово само у пјесмама споминјале, а онако их није било нигдје у земљи осим гдјешто у варошима и у Србији поред Саве и поред Дунава, или по планинама куд нема села. Кад ко путује преко земље,*

он иде на конак у село, гдје га застане мрак, пред најбољу кућу, па пита може ли ноћити, а домаћин му, или ко други из куће каже: Можеш, брате, с драге воље и добро дошао! Или му каже да не може јер нема сијена за коње или друго што, него га упути гдје може ноћити (До недавнего времени трактиры в Сербии, Боснии и Герцеговине упоминались почти только в песнях, а на деле их не было нигде за исключением небольших городков, расположенных в Сербии по берегам Савы и Дуная, или в горах, где нет деревень. Когда кто-то путешествует по стране, он идет на ночлег в село, где его застаёт темнота, останавливается перед самым лучшим домом и спрашивает, может ли заночевать, а хозяин или кто-то другой из дома ему говорит: «Можешь, братец! Примем тебя с радостью. Добро пожаловать!» — или говорит, что нельзя, потому что нет сена для лошадей (или что-то другое), но показывает, где можно заночевать). Далее Караджич пишет, что гостям из еды предлагалось все то, что было дома у хозяев, и гости за это ничего не были должны.

В то время как габсбургские сербы имели представление о сервировке стола: обязательных для этого скатертях, салфетках, столовых приборах — в Сербии часто пили из одной чаши. Вот как Караджич толкует глагол *наздрави*: *Кад који хоће да пије, онда наздрави ономе што ће да пије послѣ њега (јер у Србији, у Босни и Херцеговини пију једном чашом), тј. рече му: Спасуј се, спас' Бог (а онај одговори: На спасеније Ристово) или: Здрав буди* (Когда кто-то хочет выпить, он произносит тост в честь того, кто будет пить после него (потому как в Сербии, Боснии и Герцеговине пьют из одной кружки), то есть говорит ему: «Спаси тебя Бог» (а тот ему отвечает: «На спасение Христово») или «Будь здоров»).

Описывая планировку сербского села, Караджич проводит параллель с немецкими селами и говорит: *А по равни (као на пример по Мачви и Браничеву) доста су честе куће по селима, али опет нијесу у реду, као нпр. по Сријему и овуда по Њемачкој, него растркане (као и по варошима по Турској) по пољу* (В селах равнинной части, как, например, в окрестностях Мачвы и Браничева, довольно часто можно увидеть дома, которые располагаются не рядами, как, скажем, в Среме и здесь, в Германии, а разбросаны по полю (как в турецких городах)).

Сербы из Сербии относились к воеводинским сербам с некоторым пренебрежением. Караджич в толковании к слову *швабурија*

пишет: *Тако се сад (као за поругу) у Србији зову Срби из аустријских држава* (Так сейчас (в качестве насмешки) в Сербии называют сербов из австрийских государств).

Поскольку сербы не носили шляп и не снимали головных уборов в знак приветствия, они со смехом смотрели на воеводинских сербов, которые носили эти самые шляпы и всякий раз снимали их при приветствии. Так возникло бранное выражение: *Немала ти душа мира као швапски шешир* (Чтоб твоей душе не было покоя, как нет его у швабской шляпы).

III. Заключение

Сведения, которые были представлены в данной работе, указывают на тот факт, что словари являются важным источником для этнолингвистических исследований. Было показано, как в исследованиях подобного рода можно использовать материал словарей: как проводить отбор лексики, как рассматривать ее в тематических группах, как обращаться с информацией, представленной в толкованиях и примерах, как можно использовать материал разговорников, содержащих искусственно сконструированные диалоги, а также как использовать материалы небольших рассказов, пословиц, комментариев и других сведений, содержащихся в исторических словарях. Здесь лишь намечены возможные пути использования метода сопоставления словарных материалов для сравнительных исследований по этнолингвистике (работа в этом направлении может быть продолжена).

Перевод В. Березнева

IV. Сербская народная культура

Календарные обычаи боснийских сербов

Данная лекция посвящена одному из фрагментов сербской традиционной культуры — сербскому народному календарю. Наше внимание будет обращено к окрестностям Баня-Луки (Слатине и Змияню), поскольку именно с этой территории я располагаю наиболее обширным материалом¹.

Общеизвестно, что обряды занимают важное место в системе традиционной культуры каждого народа и что они часто демонстрируют глубинную связь с подобными обычаями других народов. Их элементы никогда не совпадают, ведь любое общество в соприкосновении с другими культурами всегда обнаруживает индивидуальную специфику. Исследователь в ходе полевой работы собирает разрозненные фрагменты коллективного языкового и культурного знания, и с течением времени этих фрагментов удастся собрать все меньше. Сербские народные обычаи во всей динарской зоне, к которой относятся и описываемые здесь области, весьма сходны. Сходство обрядов особенно проявляется в календарных обычаях, содержащих много разнообразных деталей и состоящих из строго определенной последовательности действий. Цель всех обрядовых действий заключается в том, чтобы Божие благословение защищало дом.

¹ В Слатине я собирала материал со студенческих лет, а материал из Змияня я частично собрала в мае 2019 г. в ходе совместной работы в селе Кола на Маняче с Екатериной Якушкиной (филологический факультет Московского университета) и ее студентками. Географическая область Змияне с течением времени меняла свои границы. Во времена Петра Кочича она включала и нынешний город Приедор, в окрестностях которого летом 2016 года проводила исследования Анна Плотникова. Мы работали вместе, что стало для меня замечательным опытом.

Моя полевая работа, в ходе которой я исследовала данную и другие темы, основывалась на этнолингвистическом вопроснике Анны Аркадьевны Плотниковой², которым я впервые воспользовалась в 1997 г., когда писала свою дипломную работу³, защищенную на философском факультете Университета в Нови-Саде под руководством профессора Драголюбa Петровича.

Главная цель этого вопросника, которая отражена и в его названии, — это сбор этнодиалектной лексики в балканославянском регионе⁴. Данный вопросник, помимо вопросов о народном календаре, содержит вопросы, касающиеся некоторых сельскохозяйственных и семейных обычаев, а также мифологии⁵. Важная часть вопросника — «Темы для бесед по народному календарю», помогающая собирателю записать от информанта целые нарративы, т. е. *этнодиалектный текст* (данный термин в научный оборот ввела именно А.А. Плотникова). Благодаря подобным полевым записям, соответствующий феномен народной культуры получает достоверное описание. Таким образом в нашем распоряжении оказываются детальные характеристики обрядовых действий, а также целый ряд терминов, связанных с реалиями, относящимися к данному сегменту традиционной культуры. Этнодиалектный текст — это основа исторической памяти, особенно если имеются хорошие информанты, а в данном случае это преимущественно были люди, родившиеся в самом начале XX в.⁶

² Плотникова А.А. Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала. М.: Институт славяноведения РАН, 1996.

³ Савић Д. Из лексике духовне културе у говору Великог Блашка (код Бањалуке), дипломски рад у рукопису / Филозофски факултет. Нови Сад, 1997.

⁴ Вопросник является составной частью проекта «Малый диалектологический атлас балканских языков», которым руководит А.Н.Соболев.

⁵ Подробнее об этом см.: Сикимич Б. От диалектного к этнодиалектному тексту // Вопросы региональной лингвистики. Волгоград, 2002. С. 30–40.

⁶ Кроме ценнейших данных, полученных в ходе полевой работы, очень полезной оказалась публикация Поповић В. Слатински крај у прошлости. Лакташи: СПКД «Просвјета», 2002, в которой собран живой материал об обычаях моего родного края и родного края автора. Дополнительный материал о календарных обычаях в Змијане был почерпнут из книги Регодић Г. Сазвучја Змијања. Бања Лука: Завичајно друштво «Змијање» – Књижевна заједница «Васо Пелагић», 2002, в которой автор записала свои детские воспоминания.

Карта
обследованных
пунктов

Кроме того, при исследовании данной темы выяснилось, что классические этнографические записи могут быть хорошим этнолингвистическим источником, хотя нередко этому препятствует традиция «передавать этнографические факты литературным языком, а диалектные выражения использовать спорадически или совсем не использовать»⁷, последовательно принято указывать только отдельные термины (названия праздников, обрядов, предметов материальной культуры), так называемые этнографизмы⁸, о чем писала и София Милорадович⁹.

Занимаясь подобными темами, я обнаружила, что некоторые элементы традиционной культуры достаточно хорошо сохранились и существуют в локальных вариантах, тогда как большинство обычаев в настоящее время забыто. Не удалось засвидетельствовать народных обычаев в связи с некоторыми праздниками,

⁷ Илић М. Класични етнографски записи као етнолингвистички извори // Етнокултуролошки зборник IX. Сврљиг, 2004. С. 168.

⁸ Илић М. Класични етнографски записи као етнолингвистички извори. С. 169.

⁹ Милорадовић С. Једно могуће читање Петријиног венца: књижевно дело као етнодијалекатски текст // Слика културе некад и сад, 60 година Етнографског института САНУ. Београд, 2008. С. 223–236.

упоминающимися в вопроснике А.А. Плотниковой в календарном цикле сербов (например, празднование дня св. Андрея, св. Игнатия и св. Власия вне христианского контекста). Относительно некоторых других праздников я собрала очень скудные сведения. В данной лекции я расскажу о тех праздниках, по которым удалось записать наиболее богатый материал¹⁰.

Лазарева суббота (*Лазарева субота*)

С празднованием Лазаревой субботы, одного из предпасхальных праздников, связаны женские весенние обрядовые процессии, именуемые *лазарице*. Этот обычай под таким названием и в такой форме встречается только у православных балканских славян и наиболее распространен в центральной части Балканского полуострова¹¹.

Приводя в «Сербском словаре» лексему *лазарице*, Вук Караджич отмечает, что она обозначает древний обычай, постепенно выходящий из употребления: «До последнего времени в Сербии был обычай (а, может быть, он есть где-то и до сих пор): накануне Лазаревой субботы от дома к дому ходят *Лазарицы* (несколько девушек), танцуют и поют песни о Лазаре (которого воскресил Христос). В Среме до сих пор накануне Лазаревой субботы собираются девушки, становятся в хоровод, вытягивают перед собой руки, кто-то из них берет в руки маленького мальчика и потом передает его другим по кругу, и при этом они поют:

<i>Лази, лази Лазаре</i>	Приходи, приходи, Лазарь,
<i>Те долази до мене,</i>	Приходи ко мне,
<i>Приватај се за мене,</i>	Хватайся за меня,
<i>За свилене рукаве,</i>	За шелковые рукава,
<i>за свилене мараме,</i>	За шелковые платки,
<i>За клечане кецеље</i> ¹²	За пестрые передники.

¹⁰ Особое место в сербском народном календаре занимает Рождество, но эту тему я рассмотрю в другой работе.

¹¹ См. *Плотникова А.А.* Этнолингвистическая география Южной Славии. Москва: Индрик, 2004. С. 137–141, 498–508, карта II–1–15.

¹² *Караџић В.С.* Српски рјечник (1818). Београд: Просвета, 1987. С. 360.

В более новой литературе отмечается, что данный обычай еще сохраняется в юго-восточной Сербии и в Косове и Метохии, а в Боснии и Герцеговине *лазарице* считаются местной традицией каравлашского населения¹³.

Обряд составляют следующие основные действия: группа девушек, которые по возрасту уже подходят для замужества, в количестве трех или более (число всегда нечетное), красиво одетые и украшенные цветами и веточками вербы, ходят по селу на Лазареву субботу, в первой половине дня, заходя в каждый дом. Они поют песни о Лазаре, в которых выражается пожелание благополучия, здоровья и счастья для семьи, например:

*Ој Лазаре, добар дане,
ми смо чули овдје има
добрих људи Лазаревих,
Лазаревих и кметових.
Пред кућом вам коло игра,
у кући вам чабар вина,
за кућом вам чопор свиња.
Ко се скоро оженио,
кревет му се поломио!
Танке биче ми плетемо,
вране коње да шибамо,
добре коње Лазареве.
Хуја коло да скочимо,
који може и не може,
хвала Богу кад ја могу.
Дарујте нас, не држ'те нас,
јер имамо даље путе,*

Ой, Лазарь, добрый день,
Мы слышали, что здесь есть
добрые люди Лазаревы,
Лазаревы и хозяйские.
Перед домом у вас водят хоровод,
В доме у вас бочонок вина,
За домом у вас стадо свиней.
Кто недавно женился,
Пусть у него сломается кровать!
Мы плетем тонкие плети,
Чтобы хлестать вороных коней,
Добрых коней Лазаревых.
Давайте заведем хоровод,
Кто может и кто не может,
Слава Богу, что я могу.
Подайте нам, не держите нас,
Потому что нам пора в дальнюю
дорогу,

¹³ Каравлахи (православные румыны, переселившиеся из Валахии) в настоящее время проживают в восьми селах в Республике Сербской, одно из которых, а именно Слатина, находится в окрестностях Баня-Луки. Каравлахи переселились сюда в самом начале XX в. и автохтонное местное население переняло у них обычай *лазарице* в качестве своего. См.: *Медар Таџга И., Пандуревић Ј., Панић Каишански Д.* Нематеријално културно наслеђе: теоријски, методолошки и административни аспекти. Бања Лука: Филолошки факултет, 2017 (и указанную там литературу).

даље путе путујемо,
 вране коње да шибамо,
 вране коње Лазареве.
 Дарујте нас, господару,
 дарујте нас, не држ`те нас,
 да л`имате ил`не дате,
 ил`се Бога не сјећате¹⁴

В дальнюю дорогу,
 Вороных коней погонять,
 Вороных коней Лазаревых.
 Подайте нам, господин,
 Подайте нам, не держите нас,
 Имеете ли, дадите ли,
 Помните ли Бога.

Пока одна девушка поет, остальные становятся вокруг нее кругом и танцуют, слегка подпрыгивая. Если в доме есть новобрачная, лазарицы поют:

Ова кућа богата,
 пуна равна дуката,
 у њој млада ходила,
 на високо сједила,
 на високо сједила,
 мушко д`јете родила¹⁵

Этот дом богат,
 Полон дукатов,
 В нем молодуха ходила
 Высоко сидела,
 Высоко сидела,
 Родила сына.

Лазариц одаривали одеждой, платочками, едой (обычно мукой, сыром, яйцами, салом, фасолью) и ракией, а люди побогаче давали и деньги.

В отличие от каравлахских переселенцев, сербы в Республике Сербской и Боснии и Герцеговине не отмечают этот праздник девическими обходами и даже не помнят, что они бывали раньше. До сих пор во многих наших селах сохранился обычай изгнания змей (чаще всего кочергой стучали о металлический предмет¹⁶), которые, по народному поверью, в это время года выходили из земли. Изгнание сопровождалось следующими словами:

Бјеж^и от куће, плазар^ице,
 уб^иће те лазар^ице.

Беги из дома, гадина,
 Убьет тебя лазарица.

¹⁴ Поповић В. Слатински крај у прошлости. С. 125. Попович тексты лазарицких песен слышал от каравлашки Росы Николич, родившейся в Слатине в 1907 г.

¹⁵ Поповић В. Слатински крај у прошлости. С. 126.

¹⁶ В «Словаре сербских говоров Воеводины» отмечено, что словом *лазарице* называли детей, которые накануне Лазаревой субботы ходили по селам с колокольчиками и колотушками и, чтобы создать дополнительный шум, били в кастрюлю (Речник српских говора Војводине / Ред. Драгољуб Петровић. Св. 1–4. Нови Сад: Матица српска, 2019. С. 380).

*Бјежи, змија плазара,
ето Светог Лазара,
и он носи тавину,
обиће ти главину.*

*Куц, куц, Лазар,
бјеж од куће, поганице,¹⁷
убиће те стопаница¹⁸
ожељком¹⁹ по глави,
у зеленој трави.*

*Куца, куца лазарица,
бјеж ` од куће, плазарица,
бјежи, плазо, од куће
јер је Лазо код куће.*

*Куцни, куцни, лазарице,
бјеж ` од куће плазарице.*

*Бјеж²⁰ те, гује плазарице,
ето Светог Лазарице* итд.

Беги ползучая змея,
Вот святой Лазарь,
Он несет сковороду,
Отобьет тебе голову.

Стук, стук, Лазарь,
Бегите из дома, поганые,
Убьет вас хозяйка
Кочергой по голове
В зеленой траве.

Стучит, стучит лазарица,
Беги из дома, ползучая гадина,
Беги змея из дома,
Потому что Лазарь в доме.

Постучи, постучи, лазарица,
Беги из дома, ползучая гадина.

Бегите, змеи ползучие,
Идет святой Лазарь.

В приведенных текстах устанавливается связь между словами *Лазар* и *лазити* («ползти»), а также *лазарица* и *плазарица* («змея»). *Плазалица*, *плазар[и]ца*, *плаза* и *плазара* — все эти слова могут обозначать змею²⁰.

¹⁷ «Около полуночи [накануне Лазаревой субботы] женщины встают и обходят дом и другие постройки во дворе, стучат половниками о медный горшок, прогоняя гадов со двора и из дома со словами: *Бешите, бешите, поганије, терају вас лазарије* (Бегите, бегите, поганки, выгоняют вас лазарии)» (Речник српских говора Војводине. С. 379).

¹⁸ *Стопаница* ‘хозяйка’, ср. *стопанин* ‘хозяин’. Балканское слово индоевропейского происхождения, связано с лексемами *стати*, *стајати*, *стан*. Скок полагает, что первоначально это был пастушеский термин (*Skok P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*. Knj. 3. Zagreb: JAZU, 1973. S. 339).

¹⁹ *Ожељак (маша)* ‘железная лопатка, служащая для сгребания углей и для поднятия противеня, которым накрывают еду при приготовлении’.

²⁰ *Милорадов Д., Гелић И., Сунајко К., Ајтић Р., Кризманић И.* Батрахо-лошко-херпетолошки речник српскога језика: имена водоземаца и гмизаваца. Одељење за књижевност и језик: Лексикографска издања. Књ. V. Терминолошки речници, књ. 2. Нови Сад: Матица српска, 2019.

Рассказы из Слатины

Па оне су, овај, њија је ишло више. А једну оките марам^нцама, пантљикама неким, тробојн^нцама, што се звало прије, и оне онда играју и моле те да даш те јаја, те сир, кајмак, слан^нчу... Онда оне траже онај сач што је досад био и лупају у оно и вичу: «Куца, куца лазарица, бјеж од куће, плазарица». То јест, змија, и онда благосиљају. Вели: «Колко овде режњића, толко има кезмића,²¹ а колко има јајца, толко имо јагањаца». Благосиљају: «Живила ти сермијица и у кући ти била сва мушка дјечица» и тако даље. Па заборав^нла сам, оне то набрајају тако, благосиљају само. [...] Па игра, около игра и то тако пјева. Она једна, оне тамо чекају, причају с нама и так. [...] Па то је исто било вамо пред пост. Часни. Ма по дану, већином по дану. И још ако нека жена да њима нешто од хаљина (Их много ходило. Одну разукрасят платочками, лентами, флажками, как это раньше называлось, и они танцуют и просят, чтобы им дали яиц, сыра, каймака, сала... Потом они просят противень, какие раньше были, бьют в него и кричат: «Стучит, стучит лазарица, беги из дома ползучая». То есть змея. И начинают благословлять. Говорят: «Сколько здесь кусочков, столько и поросят, а сколько яиц, столько и ягнят». Благословляют: «Пусть твой скот будет здоров, и в доме у тебя были только мальчики» и так далее. Я забыла, они перечисляют, благословляют. [...] Танцует вокруг и поет. Она одна, а те ждут, разговаривают с нами. [...] Здесь это бывало перед постом. Великим. Днем, в основном, днем. Некоторые женщины давали им что-то из одежды) (информант из Слатины).

Лазар^нце буду. Буде једна цур^нца, иде, а води је мати, сестра, ил стрина, ил неко. Исто они за комадић сланине и јајцета и тада све испјева. Слабо ја се сјећам, можда б^н неко други боље знао, ја не знам. Само знам да је нешто пјевала за јајце да игра и мало сланине, мало сира, свега, ет, помало. И тако је ту испјевало то. Од куће до куће. Она мала игра и пјева, ал мораш јој дат и пара, и коју парицу, да, да. «Играј, играј, лазарице, за мало парице», шта ја знам, некако тако ишло, знаш. Так су пјевале (Лазарицы. Идет одна девушка, идет, а ее ведет мать, сестра или тетка, или кто другой. За кусочек сала или яичко поют. Я плохо помню, может быть, другой бы лучше рассказал, я не знаю. Только знаю, что она что-то пела за яйцо, танцевала, и немного сала, сыра, всего понемногу.

²¹ Кезме 'поросенок'.

И так пела. От дома до дома. Она танцует и поет, и надо ей дать денег, копеечку, да. «Танцуй, танцуй, лазарица, за небольшую денежку», как-то так, так дело было. Так пели) (информант из Слатины).

На Лазареву суботу жена, домаћица, узме сач²² и машице²³ па онда обилази кућу, штале и зграде и удара машицама по сачу и говори: «Лазар, Лазар, лазарице, бјеж` од куће плазарице». Тако обиђе по три пута и онда неће змије долазити кући. На Лазареву суботу није ваљало носити дрва из шуме кући, зато што онда за оним што носи иду змије све до куће²⁴ (На Лазареву суботу жена, хозяйка, возьмет противень и кочергу и обходит дом, хлев, все постройки и стучит кочергой по противеню и говорит: «Лазарь, Лазарь, лазарица, беги из дома, ползучая гадина». Так она обойдет три раза, и змеи не будут приходиться. На Лазареву суботу не ходили за дровами в лес, потому что если пойдешь, приведешь с собой змей).

Обряды Лазаревой субботы сопровождалась множеством песен, различных по форме, содержанию и музыкальным особенностям. Большинство исследователей в основе этого обряда видят мифологическую семантику (культ змеи, аграрная магия и обращение к предкам), тогда как народ *лазарицы*, преимущественно, связывает с евангельским Лазарем Четверодневным, воскресенным Иисусом Христом. Вот что об этом пишет Драгослав Антониевич: «Когда полностью темнело, “лазарицы” устранивались на ночлег... Ложились на пол, в той же одежде, в которой они ходили по селу, только *Лазарь* и *Лазарче* [участвовавший в процессии ребенка] — завернутые в белое полотно (белую тканую простыню) и так спали. Аналогию узнать нетрудно: белое полотно — это покров воскресшего Лазаря, что отражено в Евангелии и на фресках храмов области Средачка жупа»²⁵.

Переняв «лазарский» обычай у сербов, цыгане²⁶ и каравлахи его десакрализовали, и, по словам Димитрия Големовича, основ-

²² *Сач* ‘железная посуда, которой на очаге накрывают пекущийся хлеб, питы, и другие блюда’.

²³ *Машице* ‘металлические щипцы для рагребания углей’.

²⁴ *Поповић В.* Слатински крај у прошлости. С. 157.

²⁵ *Антонијевић Д.* Дромена. Посебна издања. Књ. 72. Београд: Балканолошки институт САНУ, 1997. С. 111.

²⁶ В «Словаре сербских говоров Воеводины» в статье *лазарица* сообщается, что «до 1930 г. в “лазарицах” участвовали сербки, а после этого времени — только цыганки» (Речник српских говора Војводине. С. 380).

ное внимание сосредоточили на песне, в которой перечисляются подарки, которые «лазарица» ожидает за свой труд. Они уже не верили в то, что делают, думая только о материальном вознаграждении²⁷.

В Змияне не было «лазариц». Тут, как и в других сербских областях, девочки, девушки и молодые замужние женщины на Лазареву субботу собирали первые полевые цветы и вечером, в навечерие Вербного воскресенья (*Цвијети*), клали их в воду и оставляли их так на ночь. Наутро, в Вербное воскресенье, этой водой умывались, а цветы бросали на крышу. Умываться «цветной» водой, по народным поверьям, означало «иметь лицо красивое, румяное и нежное, подобно цветку»²⁸.

Пасха (*Васкрс*)

Приготовления к Пасхе начинаются Великим, семинедельным постом. На последней седмице Великого поста, так называемой Страстной, или Великой, готовились к раскраске яиц. Яйца обычно красили в Красную (*Црљену*)/ Великую субботу, в канун Пасхи. По этому случаю девушки и молодые женщины собирались в чьем-то доме, приносили с собой яйца, сваренные в луковой шелухе, и инструмент для раскраски: деревянные палочки в форме карандашей, краски (чернила и сухие краски, так называемые *боје из паклића*) и воск. Узоры женщины, в основном, придумывали сами. За этой работой девушки напевали песни. Вот одна из них:

*Мој драгане, па јоне²⁹ драгане,
није љубав роса да опане.
Мој драгане, питај своју мајку
оће ли ме примити за снајку и т. д.³⁰*

²⁷ Големовић Д. Роми као важан фактор живота српске обредне праксе // Нови звук — интернационални часопис за музику. Бр. 17. 2002. С. 41–42.

²⁸ Регодић Г. Сазвучја Змијања. С. 22–23.

²⁹ Полужирным шрифтом выделены фонетические диалектизмы, характерные для северо-западной группы говоров герцеговинско-краинского диалекта.

³⁰ Регодић Г. Сазвучја Змијања. С. 23–24, 138, 140.

Мой милый, и снова, милый,
 Любовь не роса, чтобы высохнуть.
 Мой милый, спроси свою мать,
 Возьмет ли она меня себе в невестки?

*Дођи, драги у неђељу младу
 да седимо у дебелом ладу.*

*Волимо се ја и драги јако,
 не меш нама забранити, мајко и т. д.*

Приходи, дорогой, когда молодой месяц,
 Посидеть в тени,
 Мы с милым очень любим друг друга,
 Не запрещай нам, мать (информант из Слатины).

Важное событие праздника — посещение заутрени. В церковь шли все, и стар, и млад, приносили с собой вареные разукрашенные яйца, которые священники освящали после литургии. После литургии и крестного хода во дворе церкви народ бился пасхальными яйцами, причем победитель получал, т. е. забирал себе яйцо проигравшего. Тот, кто разбивал яйцо, выражал свою радость, а зрители комментировали, каково было направление удара и т. п. Состязание продолжалось и дома. Самое крепкое яйцо оставляли и хранили до следующей Пасхи, называя его *јаје чуваркућа* (т. е. «хранитель дома»). В Слатине и в Змияне Светлое воскресенье называли *Ускрс*, а Светлый понедельник — *Васкрс*.

Масла

«Масла» — это коллективная *слава*, которая на территории Республики Сербской в разных областях праздновалась от Вознесения до Видова дня (*Видовдана*), а в некоторых местах и до Петрова дня. Это время, когда пшеница начинается колоситься, созреть и наконец бывает готова к жатве. Поэтому в народе говорится, что молитвы продолжают «от колоса до серпа», поэтому «масла» называются «полевыми, или «пшеничными» молитвами³¹. Как явствует из названия, эти молитвы всегда проходили в полях, чтобы призвать благословение Господне на посевы и защитить их от

³¹ В разных местах этот праздник называют по-разному: *сеоске славе*, *зав(ј)етине*, *преславе*, *водице* и т. д.

непогоды. На «масла» было принято приносить священнику небольшие снопы заколосившейся пшеницы, соль, муку и зерно, чтобы священник все это освятил после молебна. Хозяйки из освященных колосьев плели венки, засовывали их обычно за балку и там их держали весь год, чтобы он был богатым и урожайным. Освященную соль, муку и пшеницу давали скоту, чтобы скот был здоровым и давал хороший приплод³².

К этому дню все село специально готовилось. Готовили особо вкусные блюда: пекли поросят и ягнят, делали питы (*гужваре* и *полагуше*³³), *колачићи* (пончики) и пекли хлеб с украшениями из теста, заготавливали каймак и сыр, ракию и все это приносили на *маслиште* — место, где служился молебен. Вместе со священником все участвовали в молебне, а потом расстилали на траве покрывало, ставили столик (*сопру/софру*) и на нем раскладывали еду.

Таким обедом, который назывался *масларски ручак*, хозяева угощали родню, кумовьев и друзей из других сел. Кроме перечисленных блюд, в Змияне хозяева приносили в поле и так называемые *частице*, особое угощение (*част*), которое предназначалось для почетных (*виђенији*) гостей. Каждая *частица* включала в себя небольшой хлеб, на который клали кусок сыра в форме косички, на сыр — кусок печеного мяса и к этому подавали рюмку ракии. Тот, кому преподносили *частицу*, благодарил за оказанную честь и, перед тем как выпить ракию, произносил тост за хозяина:

*Честити домаћине, хвала ти за ову част! Жив ми и здрав био! Нека помаже Бог и теби и твојим укућанима! Челад ти била жива, здрава и дуговјека! Пуно ти поље оваца и јањаца, коза и јаради, говеда и телади. Волови ти букали, а коњи ти рзали. Нека ти је сва стока жива и здрава. Све ти се њадило! Родило ти жито и ливада! Сваки ти берићет у кућу ушао! Нека нам Бог спаси љетину од зла времена! Дабогда се и сви њидући година њако састајали на овом мјесту, у добром здрављу и веселу!*³⁴ (Почтенный хозяин, благодарю тебя за это угощение! Будь жив и здоров! Пусть помогает Бог тебе и твоим домочадцам! Чтобы твои домашние были живы и здоровы долгие годы! Чтобы поле было у тебя

³² Поповић В. Слатински крај у прошлости. С. 123.

³³ *Полагуша* 'пита, состоящая из коржей, между которыми кладут начинку из сыра, каймака и яиц'.

³⁴ *Регодић Г.* Сазвучја Змијања. С. 46.

полно овец и ягнят, коз и козлят, коров и телят. Чтобы волы у тебя мычали, а лошади ржали. Чтобы весь скот у тебя был жив и здоров. Чтобы все у тебя плодилось! Чтобы пшеница урождалась и трава на лугу зеленела! Чтобы всякое благословение пришло в твой дом! Да защитит Бог наш урожай от непогоды! Дай Бог, чтобы многие годы мы встречались на этом месте в добром здравии и веселье!).

После обеда пели и танцевали до самого вечера. «Масла» заканчивались прощанием хозяина и гостей, при этом договаривались о приходе на «масла» в другое село, где бы нынешние гости уже выступали в роли хозяев.

Рассказы из Слатины

«Когда народ идет на “масла”, то из каждого дома несет снопики зеленой пшеницы, ржи, ячменя, овса, что кто сеет. На “масла”, во время молебна, все это освящают и потом приносят назад домой и кладут на ящик, где хранят муку и хлеб. Это делается для того, чтобы год был урожайным и чтобы защитить хозяйство от всякой напасти — заморозков, града и засухи. На “маслах” священник каждому дает просфору и свечу. Их приносят домой и хранят»³⁵.

Они данас чине једнога петка, као ми код себе, а другог четвртка или петка сусједно село, па идемо ми код њих. Тако је то... А претежно су чинила петком и четвртком. То су били око Духова, иза Духова тако, док је још зелено жито на њиви. [...] Они су носили по рукавјет жита и носили су траве. Учупају траве, свежу у рукавјет и жита свога понесу тамо... Они су то враћали кући па су неке вјенчиће прав^{ли}, па су вјешали у собу о греди, па то тако стоји док се не сасуши, до друге године (Сегодня, в пятницу, мы устраиваем, а в следующий четверг и пятницу — другое село, и мы идем к ним. Так бывало... Обычно этот праздник устраивали по пятницам или четвергам. Перед Троицей, после Троицы, пока еще пшеница зеленая... Приносили букетики пшеницы и травы. Нарвут травы, свяжут в букет и пшеницы своей принесут. [...] А потом приносили назад домой, венки плели и вешали их в комнате на балку, и они там весели, пока не высохнут, до следующего года) (информант из Слатины).

По свидетельству Вука Караджича, в Сербии в каждом селе есть день, который сельчане празднуют: «Обычно это бывает

³⁵ Поповић В. Слатински крај у прошлости. С. 158.

летом, от Пасхи до Петрова поста: на каком-нибудь холме или в другом красивом месте собираются крестьяне (и женщины, и мужчины). Они приводят своих друзей, которые к ним приходят из других сел, приглашают священников и монахов, которые служат молебен, освящают “масла” и воду и потом совершается крестный ход, с крестами и иконами, по полям и лугам, а в некоторых местах и по домам, потом возвращаются на прежнее место и целый день едят, танцуют и поют»³⁶.

Урожайного года часто желают в народных тостах («здравичах»). В строчках одного из благопожеланий, произносимых на славу (так называемого пятого стакана (*пета чаша*), который пьют за здоровье хозяина), говорится:

*У здравље његова кућњег сљемена
и његова житног сјемена.
У здравље његова рала дубоког и стада широког. [...]
Вазда брат домаћин испод свог кућњег сљемена
износио многа врсна сјемена,
носио их у поље, десном ногом крако,
а десном руком махо,
па куда год махнуо, Бог му га задахнуо,
од неба му шкропило, а од земље плодило
па му свако сјеме изобила родило,
у бусу³⁷ бусато,³⁸ у класу класато³⁹,
на гувну много, у кући споро
и благословено, ако Бог да. [...]*

³⁶ *Караџић Вук С.* Српски рјечник (1818). С. 183.

³⁷ *Бус* ‘кустик’.

³⁸ *Бусат* ‘густой’.

³⁹ *Таня Петровић*, исследователь «здравич» балканских славян, подчеркивает: «Репродуктивная магия, лежащая в основе символики обрядового хлеба, заключена и в самой фольклорной формуле — употреблении многочисленных синонимов, повторении конструкций с небольшими видоизменениями. Подобный языковой механизм встречается и в других фрагментах текста здравицы, прежде всего при описании посевов, где главная лексема, означающая посевы, повторяется в лексеме, означающей особенность, выраженную прилагательным или наречием» (*Петровић Т.* Здравича код балканских Словена. Посебна издања. Књ. 89. Београд: САНУ, Балканолошки институт, 2006. С. 82).

*Домаћин нам примакао чаиом и ракијом,
 послужио нас пивом и јестивом:
 Нека Бог њему врати здрављем и весељем,
 житним рођењем, синовским обрадовањем.
 Примакло му лето, родило му жито,
 жив му био ко му је мио⁴⁰.*

На здоровье его дому
 И его посевам.
 На здоровье его плуга и большого стада. [...]
 Чтобы наш брат, хозяин этого дома
 всегда из-под этой крыши выносил много разных семян,
 Нес их в поле, правой ногой шагал,
 А правой рукой размахивал,
 И куда он махнет, там Бог дает,
 Пусть небо его кропит дождем, а земля дает урожай,
 Пусть всякое семя у него дает обильный урожай,
 Чтобы трава росла, а колосья колосились,
 На гумне много, а в доме размеренно
 И благословенно, если Бог даст. [...]
 Хозяин к нам с рюмкой и ракией,
 Угощает нас питьем и кушаньями,
 Пусть Бог ему вернет здравием и веселием,
 Хорошим урожаем пшеницы, радостью в сыновьях.
 Чтобы лето скорее наступило, пшеница уродилась
 и чтобы были живы все, кого он любит.

Юрьев день (*Ђурђеждан*)

Юрьев день — это весенний праздник, который считается границей между новым, летним, периодом и зимой. Поэтому в народе говорят: *Митров данак — хајдучки растанак, Ђурђев данак — хајдучки састанак* (На Димитриев день — гайдуки прощаются, на Юрьев день гайдуки встречаются).

Это праздник пробуждения природы, когда люди через многочисленные обрядовые действия стараются перенести силу ожившей

⁴⁰ *Смиљанић М.* Народне здравице (Славарица). Београд: Задруга православног свештенства СФРЈ. <https://www.rastko.rs/antropologija/delo/10004>.

природы на людей и скот, птицу, пчел, посеvy и виноградники. Обрядовые действия начинают совершать накануне праздника: собирают цветы, травы, которые дают скоту, плетут венки, украшают ими скот, дома, хозяйственные постройки⁴¹.

Онда донесу се и гране, нак^ити се. У мене у шталу метну и сад^и грану око врата куд^и сермија улази (Приносят ветки, украшают. В хлеву оставляют, ветку около двери вешают, там где скот проходит) (информант из Слатины).

Чтобы быть здоровыми и благополучными, умываются водой, в которой замачивали цветы. В этот день все рано поутру идут купаться в ближайшем ручье или реке, а у мельничного колеса собирают капли (*омаја*) и приносят их домой⁴². После купанья хлещут друг друга крапивой, чтобы весь год быть здоровыми и сильными: *Купало се рано у води која је најближа. Прије сунца, прије нег што гране сунце. На Ђурђевдан сам ја сваке године ишо, окупо се у Врбасу и обучем се и уберем коприву и ожарим, било сестру или брата или ко је у кући, знаш, док сум био момак. Как сам се оженио, ожарим жену. Сматрало се, то је, можемо рећ, било мало и заостало, због здравља, да би човјек био здрав преко ц^ијеле године* (Рано утром купались в ближайшей речке. До восхода солнца, до первых лучей. На Юрьев день я ходил каждый год, купался в Врбасе. Оденусь, нарву крапивы и ударю ею сестру или брата или кого-то еще из домашних, это пока я был неженатым. Когда женился, тогда жену. Считалось, что это приносит здоровье (может быть, это по старинке так думали), чтобы человек был здоровым весь год) (информант из Слатины).

Ујутро рано се ран^ило и копр^ива брана и помало жар^ило ко је кога мого стић. Па ето, да је, каже, здрав^ии мало и хитри^и ту год^ину. Ради маларије, грозн^ице. И сада, каже, кад увати грозн^ица — баци га у воду ледену (Рано утром вставали, собирали крапиву и хлестали кого попало. Говорили, что от этого будешь здоровее

⁴¹ Подробнее см.: Кулишић Ш., Петровић П.Ж., Пантелић Н. Српски митолошки речник. Београд: Нолит, 1970. С. 130.

⁴² В связи с этим Караджич записал следующее: «женщины и девушки вечером приносят домой *омаје* (т. е. воду с мельничного колеса, чтобы от них отскочило всякое зло и напасть, как брызги от мельничного колеса), кладут в нее на ночь разные травы, особенно любисток, и утром моются этой водой в саду вблизи любистока и других цветов» (*Караџић В.С.* Живот и обичаји народа српскога. Беч: А. Караџић, 1867. С. 28).

и проворнее в течение года. Чтобы не было малярии, лихорадки. И сейчас говорят, если случится лихорадка, — брось его в ледяную воду) (информант из Слатины).

Коприву брало на жар^нло. На Ђурђевдан коприва је брана. Убере коприве и по руци те кучи, а сакр^нвено носи. Кучи те овако мало. Ти њега, он тебе, смију се (Крапиву собирали и хлестали друг друга. На Юрьев день крапиву собирали. Нарвет крапивы и по рукам тебя хлестнет, а прячет крапиву. Обстрекает немножко. Ты его, он тебя, смеются) (информант из Слатины).

Все члены семьи в тот день надевали новые *рубине* (рубашки и штаны), сшитые из конопляного или льняного полотна, с большим трудом сотканного хозяйками: *Богме, ја сам до ове год^нче устајо ујутру рано на Ђурђевдан прије сунца. И онда на Ђурђевдан јутром дјеца доб^нју сви нове кош^нље. Ић у р^нјеку — киша, студен, нема то питања. Прије сунца купат се. Ја с^нм ишо, а н^нјесам доносио воде. Сви, дјеца. И доб^нјеш нове кош^нље, обучеш онда нове кош^нље. И све ткане, нема то. Није купована кош^нља готова* (Точно, я до этого года вставал рано утром на Юрьев день до восхода солнца. На Юрьев день утром детям давали новые рубашки. Идем купаться — дождь, холод, неважно. До восхода солнца купаются. Я ходил, но воду не приносил. Все, дети. И дают тебе новую рубашку, надеваешь новую рубашку. Все тканые. Не покупные) (информант из Слатины).

Лучшей защитой от всех непогод считался крест, поэтому крестьяне изготавливали кресты из лещины⁴³ и накануне Юрьева дня выносили их в поле: *Уче Ђурђевдана био у нас обичај у Ш^нињар^нма сад^нт крст у свакој њиви ће посијана љет^нна. Љескове млад^нце. То су крстови знач^нли да Бог сачува од леда ту њиву ће је засијано* (Накануне Юрьева дня у нас был обычай в Шушњарах устанавливать крест на каждом засеянном поле. Молодые веточки лещины. Этот крест означал, что Бог сохранит поле от заморозков) (информант из Слатины).

⁴³ Как и другие славянские народы, сербы верят, что лещина (*Corylus avellana*) защищает от грома. Народ считает ее святым деревом и в некоторых местах называет «Божья сестрица». С лещиной связано много обычаев, часто она используется как защита. Особенно ценятся годовалые деревца — *љетораст*. Считается, что они обладают особой силой (Кулишић Ш. и др. Српски митолошки речник. С. 206).

Оне крст^нће, направииш крст и у свако, колко имаиш врсти љет^нне: лука, лана, конопаља, кумп^нјера, куруза, шенце, зоби, прове⁴⁴. У земљу усади се. И онда, кад се копа куруз, па које дође до оног крста, ако је старији, каје, умр^нјеће — ево му крста. Ако је млад, ожен^нће се, каже — ево му в^нјенца (Кресты, сделалаш крест и [воткнешь] в каждый вид посевов: в лук, лен, коноплю, картофель, кукурузу, пшеницу, овес, просо. В землю втыкают. А когда окучивают кукурузу, дойдет человек до креста, если старый, считается, что умрет, — вот ему и крест. А если молодой — женится, говорят, вот ему венец) (информант из Слатины).

Онда дон^нјет те траве и тога листа и окитит. Окит^нт стање, окит^нт штале, окит^нт кућу, окит^нт све што имаиш, свађе позад^нјеват. Е ондар мотке љескове кри^нт па по љет^нни, по њивама ић задјет. То је још и данас на снази. Само љескове долазе у обзир, од л^нјеске. Вальда да се зна да је то Бурђевдан, да је то дан прољећа. Што кажу, Бурђеви дану, тако причају, радује се и црв и мрав (Приносят травы и листья и украшают. Украшают все имение, хлев, все, что есть, всюду украшают. И тогда лещину ломают и в посевах в полях ставят. Это и сейчас делают. Только из лещины можно делать, из лещины. Наверное, для того, чтобы отметить Юрьев день, день весны. Как говорят, Юрьеву дню радуются и червь, и муравей) (информант из Слатины).

Засвидетельствованы различные обычаи, связанные со скотом, который в этот день рано утром выгоняют на пастбище, а в полдень особенно хорошо кормят. На Юрьев день женщины первый раз доят, отлучают ягнят от овец, после Юрьева дня стригут овец: *Е на Бурђевдан био об^нчај таки, пусти се сва сермија прије. И оде се там, мало извода сермија, било коза, оваца колко оћ^нш. Извода се и ондак помозу козе, помозу овце, помозу краве* (На Юрьев день был обычай выпускать скот. Выпускают скот, коз, овец, сколько хочешь. Выпускают и потом доят коз, овец, коров) (информант из Слатины).

В Герзове, селе на южной окраине Змияня, существует поверье, что тот, кто на Юрьев день не встанет рано, весь год будет хотеть спать. Поэтому старшие будили младших со словами: *Устајте, лијени, Бог срећу дијели, прије зоре и сунца, на Светога Бурђа!* (Вставайте, лентяи, Бог раздает счастье, до восхода солнца на святого Георгия).

⁴⁴ Прова 'просо'.

Вознесение (*Спасовдан*)

Праздник Вознесения Господнего в Змияне праздновался особым образом. В этот день ягнят первый раз отлучали (*лучили*) от овец и выгоняли на выпас с мягкой, сладкой и питательной травой. Отлучение ягнят от овец под вечер называлось *лучење на попасак*⁴⁵. За обедом, во время еды, начинается своеобразная игра: члены семьи поливают друг друга кислым молоком (*киселином*), «чтобы на следующий год в приплоде было больше пестрых ягнят»⁴⁶. В стадах змияньского нагорья пестрые овцы и ягнята были редкостью и считались украшением стада⁴⁷.

Согласно записям из Герзова (требующим дополнительного исследования), члены семьи брызгали (*прскали*) друг друга молоком в четверг перед Вознесением и называли этот день *Прсковдан*.

Вознесение упоминается и в одной из красивейших лирических календарных песен *Рано рани ђевојчица*, которая, как указывает Вук Караджич, исполнялась в этот день в Будве, где народ собирався у стен Вознесенской церкви. Вот ее первые строки:

*Рано рани ђевојчица
На весели Спасов данак;
Нешто пред њом росу тресе,
Бога моли ђевојчица:
«Дај ми, Боже, да ја видим
Свако зв'јере с очицама,
Разма змаја планинскога!»
Још те р'јечи не изрече,
К њој долеће плахи змаје...⁴⁸*

Рано встала девушка
На веселый праздник Вознесения;
Перед ней, как будто кто-то идет,
Росу с травы отрясает,
Молит Бога девушка:
«Дай мне, Боже, увидеть
Каждого зверя с глазами,
Кроме змея горного».
Не успела она эти слова произести,
Как прилетел к ней яростный змей...

⁴⁵ *Попасак*, 'вечерний выпас ягнят и овец до дойки'.

⁴⁶ *Регодић Г.* Сазвучја Змијања. С. 26.

⁴⁷ Кулишич и соавторы отмечают, что в некоторых областях Сербии до Вознесения «не пили молока (с Нового года, в некоторых областях — до Юрьева дня), а когда пробовали, то пастухам водой брызгали шею, чтобы молока было, как воды» (*Кулишић Ш. и др.* Српски митолошки речник. С. 285).

⁴⁸ *Караџић В.С.* Живот и обичаји народа српскога. С. 31.

Троица (*Духови/ Дуови/ Дови*)

Праздник св. Троицы празднуется три дня, как Рождество и Пасха. Обычаи этого дня прекрасно описаны в следующем тексте:

«В первый день св. Троицы женщины идут в церковь. В этот день в церкви по земле (по полу) расстилают зеленую траву, накошенную рано утром. Женщины, зайдя в церковь, собирают эту траву и плетут из нее веночки. Эти веночки они потом забирают домой и вешают их в хлеву, сараях (*магаза*⁴⁹), помещениях для приготовления молочных продуктов (*мъечара*⁵⁰) или в других местах. Перед непогодой эти веночки бросают в саду, в огороде, в поле, чтобы защитить посевы от непогоды, грома и заморозков»⁵¹.

Петровдень (*Петровдан*) — *машале*

В описываемых областях (прежде всего скотоводческих) принято, чтобы мужчины за несколько дней до Петрова дня сдирали кору с диких черешен или берез, которая называлась *лиле*⁵², и из этой коры делали *машале*⁵³. Их затыкали за забор, чтобы они высохли, кору разрезали на полосы, сворачивали и прикрепляли к длинной палке из лещины.

Главные действующие лица необычной игры накануне Петрова дня — дети: они весело бегают вокруг загонов для овец и коров с зажженными факелами «машалами». Горящими факелами они ударяли об ограду загонов, чтобы во все стороны сыпались искры. Часто ребята зажженными факелами ударяли по чужим факелам: чем сильнее удар, тем больше искр. Этот обычай назывался *кресање лилама*. В тот вечер факелы были видны на всех холмах, склонах и сельских дорогах⁵⁴.

⁴⁹ *Магаза* 'подвал или деревянная постройка, которая служила для хранения различных предметов'.

⁵⁰ *Мъечар* 'деревянная постройка для хранения молока и молочных продуктов'.

⁵¹ *Поповић В.* Слатински крај у прошлости. С. 156.

⁵² *Лила* 'тонкий поверхностный слой березовой или черешневой коры, похожий на бумагу'.

⁵³ *Машала* 'факел'.

⁵⁴ *Регодић Г.* Сазвучја Змијања. С. 27.

Согласно поверью, искры на Петров день приносили хозяину благополучие: «чем больше факелов и огненных искр около загона для скота, тем больше в это лето скот будет размножаться»⁵⁵, или, по словам информанта из Кола: *Да се тићи сермија* (Чтобы размножался скот).

Рассказы из Слатины

*Од брезе огули се лила, направи се оно зване машале. Онда били торови, није ко сад, нема оваца. Тор на њиви, упали, оне канатове*⁵⁶ *озго, набоде околу они машала и упал^у уоч Петрова, и онда дјеца на плугу, и они трчу по њ^уви, упал^ули оне машале [...]. Па осуши се то, не мере то сирово горет. Осуши, па се оно смота вако и онда направи ће то сјаји... Онда оне машале, ћеца трчу, оно гори, пламти, то и сад раде*⁵⁷ (Сдирают кору с берез и делают факелы, машале. Раньше были загоны для овец, не так, как сейчас, сейчас овец нет. Загон в поле, зажгут, ограда сверху, втыкают кругом факелы и зажигают накануне Петрова дня. Дети на плуге, бегают по полю с горящими факелами [...] Должно высохнуть, сырое не будет гореть. Высохнет кора, и ее скручивают вот так и потом зажигают... Факелы, дети бегают, все горит, вспыхивает, и сейчас это делают).

Уоче Петрова, ка се саставимо сви скупа, јесмо се припремали за Светог Петра и Павла. Прав^ули машале од лиле трешњове. То н^ујесмо нос^ули, јесмо по својијем њивама вако мало шетали. Кришиће дјеца, пјевају, веселе се. У почаст Светог Петра и Павла (Накануне Петрова дня собираемся все вместе, готовимся к празднованию святых Петра и Павла. Делали факелы из черешневой коры. Мы не носили, только по своим полям ходили. Дети кричат, поют, радуются. В честь святых Петра и Павла).

Одновременно с тем, как обчищали кору, хозяйки заквашивали сыр и вялили его на солнце столько времени, сколько сохнут и «машалы», и потом этот сыр дарили детям, которые носили факелы (*машалоноше*.) Мальчик, у которого пламя от факела будет самым большим и будет дольше всего гореть, получал в подарок

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ *Канат* 'часть ограды'.

⁵⁷ В этом рассказе встречается противопоставление *некад* : *сад*, которое указывает на то, что обычай умирает, или, напротив, что он практикуется до сих пор.

самый большой сыр. В Слатине этот вяленый сыр называется *сирац*, а в восточных областях Республики Сербской *зарац*⁵⁸.

В Змияне игра с факелами не заканчивается у загона. С горящими факелами дети возвращаются домой и бегают за *станарицама*⁵⁹ (женщинами, которые занимаются приготовлением молочных продуктов), пока они им не дадут *сир ковртањ*⁶⁰. Эту игру называли и *потпальивање станарице* (поджигание молочницы). Этот сорт сыра готовят из жирного молока, только на Петров день, специально для детей. Они его крутили на пальце, и если отверстие было достаточно большим, ребенок через него просовывал руку и показывал свой сыр другим детям⁶¹: *Свакоме дјетету, сваком челадету направи вако мали сирац прије Петрова дана и осуши, да то на Петровдан свако дјете има свој сирчић* (Каждому ребенку, каждому члену семьи делали небольшой сыр перед Петровым днем и высушивали, чтобы на Петров день у каждого ребенка был свой сыр) (информант из Слатины).

Јест (мајка) спремила сирац, на Петровдан све и једно добију по цио сирац. Па љубав од бабе ил од матере дјеци да им дадне по сирац јутром (Мать готовила сыр, на Петров день раздавали по одному сыру. Дети получали сыр от любящей матери или от бабушки) (информант из Слатины).

Обычай жечь факелы на Петров день сохранился до сих пор, правда, с изменениями, а про обычай изготовления сыра почти никто уже не знает. Но сохранилось поверье, что факелы своим пламенем сжигают все болезни и что скоту, особенно коровам, обеспечивают плодородие и защиту от злых сил.

Факелы жгут и в других областях, особенно в (юго-)западной Сербии и в некоторых районах Черногории: накануне Великого поста, накануне Юрьева дня, Вознесения, Рождества Иоанна Крестителя или Петрова дня. Факелы носят со словами: *Лила гори,*

⁵⁸ *Поповић В.* Слатински крај у прошлости. С. 124.

⁵⁹ *Станарица* 'женщина, изготавливающая молочные продукты и отвечающая за их сохранность'; *стан* 'стоянка скотоводов с хижинами и загонами, где летом выпасают и доят скот'.

⁶⁰ *Ковртањ* 'небольшой сыр с отверстием посередине'.

⁶¹ *Регодић Г.* Сазвучја Змијања. С. 27. Вук Караджич записал, что перед Петровым днем «женщины изготавливают для пастухов сыр, кладут в формы, сушат его и отдают им на Петров день утром» (*Караџић В.С.* Живот и обичаји народа српскога. С. 68).

жито роди! (Кора горит, жито родит!); *Лила гори, жито роди, крава води!* (Кора горит, жито родит, корова телится); *Весело нам лиле горе, да нам краве добро воде!* (Весело кора горит, чтобы коровы хорошо телились); *Куда лиле ходиле, туда краве водиле!* (Где кора горит, чтобы там коров случали). Эти слова произносили ради защиты и благополучия семьи. Считалось, что корову будет легче случать, если ее ударить факелом, что хозяевам, которые не одаривают факельщиков (*лиларе*), коровы не будут давать молоко, что у них будет портиться сыр.

Факелы жгли в Боснии не только православные, но и католики (в окрестностях Баня-Луки, в Дервенте) и мусульмане (Власеница), также этот обычай существовал у мусульман в юго-западной Сербии (Нови-Пазар). Согласно Вуку, в Далмации в Дубровнике «молодежь, особенно женского пола, накануне Рождества Иоанна Крестителя, накануне Петрова и Видова дня разжигают в поле костры и прыгают через них, каждый раз загадывая, за кого прыгают — за отца, за мать, за Милоша, за Милицу и т. д.»⁶².

*Чарошце*⁶³

Чарошце,⁶⁴ как и все прочие ряженые, — составная часть культа предков. Участники этого ряжения представляют души предков, изгоняющих зло и призывающих плодородный год. Подобные процессии мы находим во всей Европе, от Скандинавии до Балкан, меньше этот обычай распространен в Центральной и Западной Европе, а сохранился он на дугообразной территории от Англии до Греции.

На нашей территории этот обычай наиболее часто встречается среди православного населения в большей части Боснии и в обла-

⁶² *Караџић В. С.* Живот и обичаји народа српскога. С. 67.

⁶³ Приводимые здесь данные об обычае «чарошце», в основном, заимствованы из работы *Црњак Д., Савић Б.* Лексичка и синтаксичко-семантичка анализа благослова у обреду «чарошце» // Зборник Матице српске за књижевност и језик. Књ. 61. Св. 1. Нови Сад, 2013. С. 93–107.

⁶⁴ «Cora f (...). Возможно связано с цыганским словом *corro*, откуда рум. *doroiu* 'Spitzname für Zigeuner'; или же из рум. *fecioară* 'Jungfrau', *fecior* 'Knabe, Jüngling', с утратой первого слога, см. *fičor, cuca*» (*Skok P.* Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Knj. 1. Zagreb: JAZU, 1971. S. 335).

стях Хорватии, прилегающих к боснийской границе (Кордун, Бания, Лика и Северная Далмация).

В «Хорватской энциклопедии» сообщается, что в ряжении участвовали, в основном, православные, приходившие к католикам⁶⁵. Однако «чароице» встречаем у хорватов⁶⁶ и мусульман в Боснийской Краине⁶⁷ и у хорватов в Далмации⁶⁸.

Ряженные процессии отличаются богатством традиций и обрядов, в которых сложным образом соединились различные влияния, накопившиеся веками. Однако у них есть много общего, связанного со временем и местом действия, персонажами-участниками, используемыми предметами.

Назовем общие черты всех процессий: участники перед походом собираются и договариваются, обходят дома, повторяя ритуал

⁶⁵ Hrvatska enciklopedija, mrežno izdanje. Leksikografski zavod Miroslav Krleža, 2021. <http://www.enciklopedija.hr/Natuknica.aspx?ID=13187>.

⁶⁶ Подчеркивая, что этот обряд ряжения у хорватов в окрестностях Градишки (район Бания-Луки) сохранился до 50-х годов XX в., священник Д. Шокич сообщает: «Говорят, что чароице — это сербская православная традиция. Но в долином крае ее соблюдали исключительно хорваты, католики (в период со св. Кaterины 25. 11. до св. Андрея 30. 11. — Д.Ц.). Хотя существует ряд моментов, в которых обрядовая практика совпадает у хорватов-католиков и у православных сербов, все-таки можно сделать вывод, что это случается не всегда, пример этому — чароице» [Http://suza-dolinska.com/2010/01/e-a-r-o-j-i-c-e/](http://suza-dolinska.com/2010/01/e-a-r-o-j-i-c-e/).

⁶⁷ «Накануне православного Рождества встречаются несколько юношей-мусульман и договариваются, что пойдут в “чароице”. После ужина они выбирают старшего, которого называют дедом (*дид*). Он одевается как ряженный, изображая уродливого старика, а потом выбирают второго участника, который будет сопровождать деда и который наряжается девушкой. Как только стемнеет, они начинают обходить дома, с громкими криками, требуя, чтобы хозяин им что-то подал. Обычно подают сливы, яблоки, груши, орехи, а иногда и деньги. Кто им подает, того они хвалят, а кто нет — того ругают на чем свет стоит. Когда обойдут все село, возвращаются домой и делают подарки. Больше всех получают дед и девушка» (*Станојевић С. Народна енциклопедија српско-хрватско-словеначка. Књига IV. Реиздање. Београд, 2000. С. 936*).

⁶⁸ В Дубровнике перед постом по городу ходили *Чороје, Вила и Турица*, старые дубровницкие маски, которые с XV по XIX в. ходили на праздник св. Влаха, покровителя города (3 февраля), и в течение всего времени перед постом. В XVII и XVIII вв. эта традиция пережила свою кульминацию.

в каждом доме, общими являются коммуникация между участниками и хозяином, выраженная в благословении и проклятиях, вербальные игры непристойного характера, гостеприимство хозяина, совместное распоряжение полученными подарками и др.

Ряженные ходят обычно в два периода — в рождественский и новогодний, во время Рождественского поста. Обряд «чароице» обычно исполняется между днем Архангела Михаила и Рождественским постом (21–27. XI), до поста, в мясоед, в некоторых местах на святого Николая (19. XII), на мали *Никольдан* (26. XII) или Вознесение, причем исключительно ночью.

Участники процессии (обычно 9–13, нечетное число) — это мужчины, одетые в кожи животных, к которым прикрепляют колокольчики. Этот тип ряжения (колокольчики, рога, кожи животных и т. п.) связан с пастушеством, центральным мотивом в балканской модели мира, и чаще всего связывается с римскими луперкалиями. Данный реквизит всюду имел сходную функцию: считалось, что рога отгоняют злые силы, а звон колокольчиков — непогоду.

Главные действующие лица в процессии «чароице» — *djed/ћед/старац* («дед, старик», с белой бородой и усами из льняной или конопляной кудели, обычно с палкой в руке, иногда с тыквой на голове), *баба* (в женской одежде, с платком на голове), *дјевер/ћевер* («деверь»), *цура* («девушка», с подчеркнутыми женскими признаками), *ћато* («писарь»), *јарац* («козел») и *мачак* («кот»).

Старац иде, он је шеф чаројица, он иде напријед. Скврчио се старац, повезо браду, начуно неке струње⁶⁹ и лана и конопља повјесмо⁷⁰, свезо, бркове велике затурио. Набио капу, а извратио, набио шубаретину на главу, а под ту своју хаљину, гуњ,⁷¹ нагуро сламе, па је се ћед скврчио, па је нос и прсти у ногу^а заједно, аман, на земљи (Дед идет, он предводитель «чароиц», идет вперед. Скорчился дед, привязал бороду, ниток льняных, конопляных надергал, связал, усы сделал. Надел шапку, навыворот, меховую, а под свой

⁶⁹ *Струња* 'длинный волос, из конского хвоста или гривы, козья шерсть'.

⁷⁰ *Повјесмо* 'пучок шерсти, волокна конопи или льна'; *кудјеља* 'волокна льна или конопли, годные для прядения'.

⁷¹ *Гуњ* 'деревеская мужская верхняя одежда из овечьей кожи с шерстью, без рукавов, обычно до колен'.

кожух набил соломы, скорчился, так что нос около ног оказался, на земле) (информант из Слатины).

Так ряженные, чтобы их не узнали, ходят по селу: *То је звон^ло, лупало, кмечало, маукало, так да се буди народ, да дочекује. Вели: Иде нешто, луна, а чим чује да оно луна, вели: Ено чаројица⁷²* (Они звонили, стучали, бляели, мяукали, чтобы народ просыпался, встречал. Говорили: кто-то идет, что-то стучит, а как услышат, что стучит, говорят: это «чароице») (информант из Слатины).

Подобно передвижному театру, перед каждым домом они устраивают небольшое представление, поют песню, которая обычно содержит благословение для хозяина и его дома. Когда они заходят во двор и подходят к дому, дед кричит: *Домо, домо, оооо домоооо!* (Хозяин!). Хозяин откликается, как правило, только на третий призыв словами: *Чујемо* (Слышим), а «чароице» отвечают хором: *Чуо те Бог и помого!* (Да услышит тебя Бог и да поможет тебе!).

Потом дед запеваёт: *Отвор кућу, домо, помого те Бог / дошли су ти добри гости, чаројице, хооој* (Отвори дом, хозяин, помоги тебе Бог / Пришли к тебе добрые гости, чароице, хой)⁷³.

Иногда вначале произносят стихи: *Коледа, леда, ђед и баба и кадија, хој* (Коледа, леда, дед и баба и судья, хой), что указывает на связь этого обряда с колядованием, во время которого также исполняются песни в форме благословения. Иногда разница между этими процессиями стирается: *У чаројицама буду и још двојица који знају набрајат и коледат* (Среди «чароиц» бывает еще двое, которые умеют колядовать).

Обычно после третьей песни хозяин выходит и пускает «чароиц» в дом. Все члены процесии в дом никогда не заходили, потому что считалось, что если их пересчитают, то один из «чароиц» умрет.

Ув^лјек се м^лјешали да се не б^л пребројили. Да и не б^л познали и не б^л пребројили. Онај задњи, ако, каже, којега задњег изброје, тај мора умр^лјет. Нит с^е дес^ло, ни се то може дес^т. Кад с^е то стално м^лјеша, између другога, стално бјеже. Пола је на вани, пола је у кући, никад нису сви ун^лили у кућу (Они всегда запутывали,

⁷² В селаш слатинског краја до сих пор сохранил се обичај говорити о шумној групи људи: «идут, как чароице».

⁷³ *Поповић В.* Слатински крај у прошлости. С. 128.

чтобы их не пересчитали. Чтобы не узнали и чтобы не пересчитали. Последний, кого последним посчитают, тот должен умереть. Не бывало такого и не может быть. Они постоянно меняли свой порядок, постоянно прятались. Половина на улице, половина внутри, никогда все в дом не входило) (информант из Слатины).

Сначала заходит *баба*, которая фартуком раздувает огонь и вместе с *ћедом* ложится на солому и символически изображает половые сношения, что должно обеспечить плодородие на следующий год. Кто-то из участников процессии колет бабу веретеном, желая тем самым хозяйке, чтобы у нее уродились лен и конопля⁷⁴. В это время *ћевер* подводит *цуру* к хозяину, она ему целует руку и прячется за дверью.

После этого участники начинают просить у хозяина подарки: *јарац* блеет и просит соли и муки, *мачак* мяукает и смотрит на чердак, тем самым выпрашивая мясо и сало, *цура* колет *бабу* веретеном и таким образом просит шерсти. Получив подарки, они благословляют хозяина и с песней идут в следующий дом.

Вот некоторые из их благословений:

Дед:

*Здрав, домаћине,
жив и здрав био.
Пољуб^ила те крсна слава
и била ти чељад здрава.
Био ти стог ко зелени бор,
био ти сноп ко поп,
амбаре пунио, курузе крунио.*

Будь здоров, хозяин,
Жив и здоров,
Чтобы праздновать тебе крестную славу
И чтобы твои домашние были здоровы,
Чтобы стог у тебя был, как зеленая сосна,
А сноп, как поп,
Амбары чтобы наполнял, кукурузу собирал (информант из Слатины).

⁷⁴ Крестьяне выращивали и перерабатывали лен и коноплю для изготовления одежды и постельного белья, и целью этих действий было увеличение плодородия полей.

Баба (когда хозяйка ей дарит шерсть, лен, коноплю):

*Хвала, домаћице, Бог ти срећу даво,
кол`ко било поздерчића,
тол`ко т` догодине било повјесмића.
Пређу прела и ткала,
срећно кћер удала.*

Спасибо, хозяйка, дай Бог тебе счастья,
Сколько в этом году очесов, столько через год пряжи,
Чтобы тебе пряжу прясть и ткать
И счастливо дочь выдать замуж⁷⁵.

Если хозяйка их богато одарят:

*Бог ти дао свашта,
Родила ти жита,
Пуно оваца и крава имо,
Пуно даво, а никад не тражио,
Сви реците «амин».
Чуво те Бог и помого!
Дай Бог тебе всего,
Чтобы пшеница у тебя уродилась,
Полно овец и коров было,
Чтобы ты много давал и ничего не просил,
Все скажите «аминь»,
Чтобы Бог тебя берег и хранил!⁷⁶*

Заключительное благословение:

*Збогом остај, домаћине,
не буде ти овде зарара⁷⁷,
твој се дом у висину проширио, повисио,
сви реците «амин».
На твој дому сједи Свети Петар,
неком дијели капом, неком шаком,
овом домаћину пуном азмом.
Сви реците «амин».
Збогом остај, домаћине, и хвала.*

⁷⁵ Поповић В. Слатински крај у прошлости. С. 128.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Зарар 'ущерб, потеря'.

Оставайся с Богом, хозяин,
 Чтобы не было у тебя никакого убытка
 Чтобы твой дом и вырос, и расширился,
 Все скажите «аминь».
 На твоём доме сидит святой Петр,
 Кому-то дает горстью, кому-то шапкой,
 А этому хозяину полной сокровищницей.
 Все скажите «аминь».
 С Богом оставайся, хозяин, и спасибо⁷⁸.

Таким образом участники обходят все дома в селе и попутно поют повседневные мужские песни:

*Охооо, ооо, јест ми мило
 што је вако било,
 брате мио, које вјере био,
 ој, које вјере био,
 јест ми мило с тобом зајевати,
 е-хеј-ееј*

«Ого, мне приятно,
 Что так было,
 Брат мне мил, какой бы веры не был,
 Какой бы не был веры,
 Мне приятно с тобой запеть»⁷⁹.

Если «чароице» из одного села встречались с ряжеными из другого села, то могли случаться драки, часто инсценированные. Если хозяин поведет себя неприязненно по отношению к ряженым и откажется им что-то дать, что бывает очень редко, они его проклинают словами:

<i>Ова ј` кућа липова, у њој нема никога, пуна кућа мрави, сви реците «амин».</i>	Этот дом плохой, В нем никого нет, Полный дом муравьев, Все скажите «аминь» ²⁹¹ .
---	---

⁷⁸ Поповић В. Слатински крај у прошлости. С. 130.

⁷⁹ Там же. С. 129.

⁸⁰ Там же. С. 128.

Рассказы из Слатины

Поп је отваро, жандари су отварали... Дадну пара, давали част, милоште⁸¹, кафу. Вако кад дођеи, они благосиљају, и они с то вољели, и жандари, и поп, и све је то дочекивало те чаројџце. Није нико затворио куће да не отвори (Священник открывал, жандармы открывали... Дадут денег, угощение, подарки, кофе. Когда придешь, они благословляют, они это любили, и жандармы, и священник, все встречали «чароиц». Никто перед ними дом не закрывал) (информант из Слатины).

Њима се најав^ло на јефту⁸² дана прије. Јесу, јесу, радосно дочекивали, кажу: «Долазе вечера с чаројџце, спремај шта је за чаројџца». Сви, и дјеца устајала, и све устајало да виде чаројџце. Н^чјесу плаш^ли, н^чјесу. Мало ћед, зато што има ону тикву на глави и оне бркове, и оно нађинђало браду. Онда су дјеца мало зазирала од њега, али род^тељи кажу: «Не бојте се». А мачка су изабирали вако најмањег чајека да буде ко мачак, и направе га мачком (Их приход за неделю объявляли. С радостью их встречали, говорят: сегодня придут «чароице»), готовь, что положено. Все вставали, и дети вставали, чтобы посмотреть на «чароиц». Не боялись, нет. Дед был немного страшный, потому что у него была тыква на голове и усы, и борода. Поэтому дети немного его боялись, а родители говорили: не бойтесь. А в «коты» выбирали человека самого низкого роста, чтобы он был котом, делали его котом) (информант из Слатины).

После обхода всего села они возвращались в дом, откуда начинали свой обход, ели и пили то, что им преподнесли, а остаток делили между собой или отдавали в бедные семьи⁸³. После угощения они расходились по домам, благословляя и этот дом.

Кроме того что «чароице» были видом увеселения, их воспринимали как средство обеспечения благополучия семьи в следующем году, а это достигалось благодаря формулам благопожеланий. В этих формулах ясно видно, что участники «чароиц» глубоко верили в то, что земля и небо, а значит и их дома, держатся на Божием благословении. Благопожелание воспринималось как призыв Божией милости к человеку.

⁸¹ *Милошта* 'подарок'.

⁸² *Јефта* 'неделя'.

⁸³ *Траже у селу неку сиромаштину, удовицу са дјецом која је остала, и сиротињу неку. Онда договоре туј, па носе па дају тамо (Ишут в селе бедноту, вдову с детьми, нищих. Договорятся им отдать и относят).*

Текст благопожелания основан на устойчивых фольклорных формулах, иногда дополняемых говорящим, что способствует яркости текста:

- здоровье семьи как предпосылка счастья, при этом в тексте благопожелания упоминаются растения, имеющие защитную силу: *Добро вече, кући домаћине, на здрављу ти благи данак доша, у здрављу га брате спроводио, у кући ти здравље и весеље, око куће клење и јасење* (Добрый вечер, хозяин, пусть тебе этот день принесет здоровье, чтобы ты его проводил в здравии, чтобы в доме у тебя было здравие и веселие, вокруг дома клены и ясени); *Око куће смиље и босиље, а у кући здравље и весеље* (Вокруг дома бессмертник и базилик, в доме здравие и веселие) (Баня);
- многочисленное потомство, прежде всего мужское: *у кући се мушко чедо рађало* (чтобы в доме рождались мальчики) (Слатина); *и по кући сва мушка дјечица* (чтобы в доме были только мальчики) (Имляни);
- пожелание хорошего урожая: *Домаћине, хвала! Родила ти шеница бјелица, по дну бусата, по врху класата, по сриједи модра, у класу родна, изнутра црљена, околу благословљена* (Хозяин, спасибо! Пусть у тебя урождается белая пшеница, внизу кустистая, наверху колосистая, по середине синяя, в колосе плодородная, внутри красная, кругом благословленная) (Кола); *род⁴ло ти жито* (чтобы у тебя урождалась пшеница); *родила ти година; родило ти брдо и долина* (чтобы урожай был изобильным); *у млину се намелавало, у наћвама накувавало* (в мельнице молотось зерно, в квашне поднималось тесто); *био ти клас ко попов штап, био ти сноп ко поп, био ти стог ко зелени бор* (чтобы колос был, как трость у священника, чтобы сноп был, как поп, чтобы стог был, как зеленая сосна); *кол`ко било поздерчића⁸⁴, тол`ко т` догодине било повјесмића* (сколько очесов, столько через год пряжи) (Слатина); *колико оvdје зрна, толико догодине вагана⁸⁵* (сколько здесь зерен, столько через год мер пшеницы) (Баня);
- многочисленность и внешний вид домашних животных: *Колико оvdје режњића, толико догодине кезмића* (сколько

⁸⁴ *Поздер* 'отходы от льна и конопли'.

⁸⁵ *Ваган* 'деревянный мерный сосуд'.

- здесь кусков, столько через год поросят); *Бог ти дао волове рогане* (Дай тебе Бог рогатых волов) (Баня);
- общее благополучие хозяина: *нек би се твој дом у висину поширио, повисио* (пусть твой дом вырастет и расширится); *била ти кеса сретна и честита* (чтобы твой кошелек был счастливым и честным); *домаћине, ув⁴јек даво, никад не тражио* (хозяин, чтобы ты всегда давал, никогда не просил); *домаћине, не било ти оvdје зарара* (хозяин, чтобы не было у тебя никакой потери) (Слатина).

Участники этих процессий не осознали их древнюю магическую обрядовую функцию, поэтому благословения приобрели ярко выраженный христианский характер. В большинстве примеров источником благословения является Бог, его присутствие подразумевает надежность, защиту, милость. Бог чаще всего совершает следующие действия:

- помогает: *помого ти добри Бог* (помоги тебе добрый Бог); *помого те Бог* (помоги тебе Бог); *помого те драги Бог* (помоги тебе милый Бог); *домо, помого те Бого* (хозяин, помоги тебе Бог) (Слатина);
- слышит и помогает: *чуо те Бог и помого* (чтобы услышал тебя Бог и помог) (Слатина);
- дает: *домаћ⁴не, Бог ти дао* (хозяин, дай тебе Бог); *домаћ⁴ице, Бог ти срећу дао* (хозяйка, дай Бог тебе счастья); *Бог ти дао сваи⁴та* (дай Бог тебе всего) (Слатина); *Бог ти дао волове рогане* (дай Бог тебе рогатых волов) (Баня));
- наделяет: *Домаћине, газда мој, отвори ми б`јели двор, виш` кућом ти зелен бор, виж њим сједи Господ Бог, десно крило раскрилијо, теби срећу удјелијо, и ти нами, домаћине* (Хозяин, хозяин, открой мне свой двор, над домом у тебя зеленая сосна, над ней — Господь Бог, правой рукой тебя счастьем наделяет, а ты нас, хозяин) (Имљани).

В Слатине очень почитают святого Петра, которому посвящена и местная церковь. Поэтому св. Петр упоминается при выражении благословения: *на тво⁴м дому сједи Свети Петар, неком д⁴јелио капом, неком шаком, овом домаћ⁴ну пуном хазном* (на тво⁴ем доме сидит святой Петр, кому-то дает шапкой, кому-то горстью, кому-то полной сокровищницей); *на њему сједи Господ Бог, сваком дијели*

капом и шаком, неком врећом, тебе домаћине срећом и врећом (на нем сидит Господь Бог, каждому дает обеими руками, а кому-то мешками, тебе, хозяин, — и счастьем, и мешком).⁸⁶

В текстах, где в роли действующего лица выступает хозяин, круг глаголов, употребляющихся в оптативном значении, сужен и включает обозначения сельскохозяйственных работ: *Пред кућом ти дуга лука*⁸⁷, *по њој насијо шеницу бјелицу* (Перед домом у тебя большое поле, ты по нему посеешь белую пшеницу) или оппозиции *давать* : *просить* // *всегда* : *никогда*, которые отсылают к общему благосостоянию: *Домаћине, хвала ти! Ув'јек даво, никад не тражио* (Хозяин, спасибо! Пусть ты всегда будешь давать и никогда не просить) (Слатина).

Интересны примеры, в которых, кроме хозяина как исполнителя действия, присутствует «перст Божий», представление о вездесущей силе Бога, при этом глагольная форма оптатива выступает в форме повелительного наклонения или усеченного перфекта: *С Богом остај, домаћине* (Оставайся, хозяин, с Богом) (Слатина); *Остај с Богом, домаћине, који си нас даровао, а њеси нас опсовао, од Бога се радовао* (Оставайся, хозяин, с Богом, ты нас одарил, а не обругал, дай Бог тебе радости) (Северная Далмация); *Господ Бог теби срећу удјелијо, и ти нами, домаћине* (Господь Бог тебя счастьем наделил, а ты нас, хозяин) (Имляни).

Многочисленны и благословения без указания на исполнителя действия. Объектом благословения в этих формулах обычно являются посевы, а в оптативном значении появляется только глагол *родити*: *родила ти година* (пусть год будет урожайным); *родила ти пиен'ца* (пусть уродится пшеница); *род'ли ти курузи* (пусть уродится кукуруза); *род'ло ти жито*; *родила ти жита* (пусть уродится жито); *родила ти љетина* (пусть будет урожай); *родило ти брдо и долина* (пусть будет хороший урожай) (Слатина); *родила ти шеница бјелица и у брду винова лозица* (пусть уродится белая пшеница, а на горе виноград); *домаћине, да ти роди година* (хозяин, чтобы год был урожайным) (Баня).

Пожелание богатых урожаев иногда высказывается таким образом, что перечисляются действия, ассоциирующиеся с изобилием:

⁸⁶ Подробнее о формуле *дијелити шаком и капом* см. *Петровић Т.* Здравница код балканских Словена. С. 75.

⁸⁷ *Лука* 'плодородное поле (реже луг) рядом с рекой, в речной долине, на равнине; плодородная равнина у реки'.

у млину ти се намиљало, у наћвама накувавало, а у згради наљубило и наспавало (чтобы у тебя в мельнице мололось зерно, в квашне поднималось тесто, а в доме чтобы нацеловались и наспались) (Кола); домаћине, у млину ти се намиљало, у кући накувавало (хозяин, чтобы в мельнице у тебя мололось зерно, в доме готовилась еда); у млину се намељавало, у наћвама накувавало (чтобы в мельнице мололось зерно, а в квашне поднималось тесто) (Слатина).

Присутствуют и сравнения по модели каков А, таков Б. Приведем прозрачные лексические метафоры, основанные на коллективной экспрессии, характерной для большинства славянских народов: *Био ти клас ко попов штап, био ти сноп ко поп, био ти стог ко зелени бор* (Чтобы колос был, как трость у священника, чтобы сноп был, как поп, чтобы стог был, как зеленая сосна); *Домаћине, био ти сноп колик' поп, био ти клас колик' попов штап* (Хозяин, чтобы сноп у тебя был, как поп, чтобы колос был, как трость у священника) (Слатина).

Сколько А, столько Б: *Колико овдје режњића, толико догодине кезмића* (Сколько здесь кусков, столько через год поросят); *Колико овдје зрна, толико догодине вагана* (Сколько здесь зерен, столько через год мер пшеницы); *Колико овдје гаштирића*⁸⁸, *толико догодине крумпирића* (Сколько здесь кусочков, столько через год картофеля); *Колико овдје капи, толико догодине окова*⁸⁹ (Сколько здесь капель, столько через год бочек) (Баня); *Колко овде трунића, толко догодне вагунића* (Сколько здесь крошек, столько через год вагонов пшеницы); *Колко овде капи, толко догодне котлова* (Сколько здесь капель, столько через год ведер) (Яворани); *Кол'ко било поздечића, тол'ко т' догодине било повјесмића* (Сколько очесов, столько через год пряжи) (Слатина).

Вместо заключения. Предложенный анализ обрядовых действий подтвердил, что во многих областях (и культурах) часто повторяются одинаковые или сходные действия, восходящие к общеславянскому наследию, различия же обусловлены культурным контекстом конкретного социума. С течением времени сербские народные обычаи постепенно исчезают, особенно если они не связаны с христианским учением.

Перевод Е. Якушкиной

⁸⁸ *Гаштирић* 'тонкий кусочек'.

⁸⁹ *Оков* 'старая единица для измерения объема жидкости (50 л)'.

V. Сербская культура в зеркале языка

Лексика сербского языка в прошлом и настоящем¹

Название данной лекции может быть понято двояко. Оно подразумевает общий взгляд на разные слои лексики сербского языка, а также анализ новейшей лексики и важнейших тенденций в лексической системе сербского языка. В данной лекции предлагаются (неизбежно сокращенные) ответы на оба этих вопроса. В первой части работы пойдет речь о составе лексики сербского языка, а во второй — о неологизмах.

Структура лексической системы

Лексическая система какого бы то ни было языка может быть образно представлена в виде концентрических кругов. Центральный круг состоит из лексем, которые представляют основной лексический фонд. Вокруг этого круга расположена лексика, относящаяся к периферии лексической системы. Периферийная лексика может быть в большей или меньшей степени удалена от центрального круга, т. е. от основного лексического фонда. Чем ближе лексемы к центру, тем более важный статус в лексической системе они имеют, а чем дальше они от него — тем менее важный. Лексическая система открыта — в нее каждый день какие-то слова приходят, а какие-то уходят. Что касается сербского языка, наибольшее количество новых лексем приходит из английского

¹ Эта лекция прочитана на основе ранее опубликованной работы: *Драгићевич Р.* Лексика српског књижевног језика данас // *Анали огранка САНУ у Новом Саду*. Бр. 12 за годину 2016. Нови Сад, 2017. С. 45–57. В лекцию включена также и другая информация из монографии: *Драгићевич Р.* Српска лексика у прошлости и данас. Београд, 2018.

языка, а навсегда уходят слова турецкого происхождения, а также многочисленные диалектизмы, архаизмы, историзмы. Отношения между концентрическими кругами изменчивы, границы между ними нечеткие. Лексемы могут менять свой статус и из одного круга переходить в другой. Представляется, что основной лексический фонд наиболее стабилен и что лексемы из этого базисного круга редко уходят и с трудом в него попадают. Лексические колебания в основном случаются на периферии системы².

Основной лексический фонд. Серьезная задача лексикологии сербского языка (и других языков) состоит в том, чтобы определить, какие лексемы из богатой системы слов входят в основной лексический фонд, т. е. какие из них составляют лексический минимум. Согласно Н.Б. Мечковской³, современные диалектологические и антропологические исследования показывают, что лексический минимум включает около 10 000 слов. На это число иначе смотрят некоторые другие исследователи, так как оно зависит от критериев. Так, Чарльз Огден приходит к выводу, что Basic English состоит из 850 слов. Согласно некоторым другим исследованиям, базовый английский включает около 1000 слов, а немецкий около 1 500 слов. Важный вопрос заключается и в том, как определить эту лексику качественно, а не только количественно. Как узнать лексемы, которые относятся к основному лексическому фонду?

Проблема определения критериев распознавания лексики основного лексического фонда. Специалисты разных профилей заинтересованы в определении и описании основного лексического фонда. Для лексикологов ответ на этот вопрос открывает путь к описанию организации лексической системы изучаемого языка, а методистам, которые занимаются вопросами изучения иностранных языков, дает возможность правильного подхода к постепенному усвоению лексики какого-либо иностранного языка. Из-за

² Подробнее об этом см. Драгићевић Р. Ка основном лексичком фонду српског језика. Семинар српског језика, књижевности и културе. Предавања 1. Београд: Међународни славистички центар на Филолошком факултету, 2012. С. 121–131.

³ Мечковская Н.Б. Структурная и социальная типология языков. 2-е издание. Минск: Амалфея, 2004. С. 108.

важности описания основного лексического фонда (который, грубо говоря, соответствует лексическому минимуму в изучении иностранного языка) многие исследователи пытались найти лексику, которая удовлетворяла бы критериям нахождения в этом списке.

К вопросу об основном лексическом фонде сербского языка. Несмотря на все усилия, которые предпринимают ученые, до сих пор не создан общепринятый список базовой лексики ни для сербского, ни для какого бы то ни было другого языка. Это не значит, что при изучении сербского языка как иностранного не нужно стремиться к распознаванию лексики, которая входит в основной лексический фонд. В этом нам помогают некоторые факты, до сих пор неоспоримо установленные в лексикологии в связи с этой проблемой, а также важнейшие толковые словари сербского языка, в которых любой из этих фактов можно проверить. Лексика, которая входит в основной лексический фонд, удовлетворяет огромному количеству условий, в которые входит: а) богатая полисемия; б) богатое словообразование; в) богатая синонимия; г) высокая частота употребления; д) частое появление во фразеологизмах и пословицах; е) частая ассоциативная связь с другой лексикой; ж) исконное (славянское) происхождение.

Богатство значений базовой лексики. Неоспорим тот факт, что лексемы, которые входят в основной лексический фонд, обладают богатой полисемией. Желая представить многозначные слова в сербском языке, М. Дешич⁴ просмотрел первые три тома «Словаря САНИ» и обратил внимание на те лексемы, которые имеют более пятнадцати значений. Оказалось, что в этих трех книгах содержится всего 167 лексем, которые удовлетворяют данному условию. М. Дешич сделал следующие выводы: 1) существительные и глаголы имеют больше всего значений; 2) полисемичные слова в основном изменяемы (богатство форм, считает Дешич, находится в некоторой связи с богатством значений); 3) больше всего значений имеют лексемы, которые связаны с повседневной жизнью человека — с частями тела, семьей и общественной жизнью, предметами обихода, травмами и животными из нашего окружения; 4) наибольшее количество значений имеют производные слова, а произ-

⁴ Дешић М. Из српскохрватске лексике. Никшић: Универзитетска рибјеч, 1990. С. 3–9.

водные и сложные имеют намного меньше значений. Хотя есть и многозначные дериваты (например, те, которые образованы при помощи суффиксов *-ак-* и *-ица*); 5) многозначны обычно короткие слова (те, чья основа состоит максимум из пяти фонем).

На основе этих данных можно заметить антропоцентричность языка, которая проявляется в том, что семантически наиболее богаты те лексемы, которые относятся к человеку и его жизни. Очевидно и то, что лексемы из этой группы занимают центральное место в лексической системе.

Это исследование Дешича вдохновило Н. Миланов, сотрудницу Института сербского языка САНИ, в качестве предмета своей докторской диссертации описать лексемы, которые имеют более пятнадцати значений во всех девятнадцати опубликованных томах «Словаря САНИ»⁵. Материал для этого исследования собран и, по заключению Н. Миланов, наибольшее количество значений имеют имена существительные: *ватра* ‘огонь’ (42), *перо* ‘перо’ (41), *крило* ‘крыло’ (38), *глава* ‘голова’ (37), *крст* ‘крест’ (37), *круг* ‘круг’ (37), *огањ* ‘огонь’ (37), *венац* ‘веночек’ (36), *основ/основа* ‘основа’ (36), *коло* ‘то, что имеет круглую форму’ (35), *кош* ‘корзина’ (35), *одговор* ‘ответ’ (35), *жутица* ‘название для различных предметов желтого цвета’ (34), *круна* ‘корона’ (33), *кључ* ‘ключ’ (32).

Из глаголов наибольшее количество значений в «Словаре САНИ» имеют следующие: *падати* ‘падать’ (87), *пасти* ‘упасть’ (85), *оставити (се)* ‘оставить’ (77), *бити (се)* ‘бить’ (74), *открити (се)* ‘открыть’ (71), *везати (се)* ‘связывать’ (68), *отворити (се)* ‘открыть’ (65), *носити (се)* ‘носить’ (63), *држати (се)* ‘держать’ (62), *ићи* ‘идти’ (61), *дати (се)* ‘дать’ (59), *имати (се)* ‘иметь’ (59), *наћи (се)* ‘найти’ (59), *одбити (се)* ‘отбить’ (56), *изводити (се)* ‘выводить’ (55). Эти же слова лидируют по числу значений и среди полнозначительных слов.

⁵ Эта докторская диссертация называется «Полисимија у српској лексички на корпусу Речника српскохрватског књижевног и народног језика САНУ». Конечная цель работы заключается не в исследовании словаря (хотя «Словарь САНИ» заслуживает быть темой большого количества диссертаций), а в исследовании феномена многозначности лексем в сербском языке вообще. См.: Миланов Н. Српски лексички фонд из угла полисимије. Београд: Институт за српски језик САНУ, 2021.

Ситуация в «Словаре САНИ»⁶, конечно, не отражает ситуацию в сербском языке реально и исчерпывающе, однако показывает тенденции. Глагол *падати*, вероятно, не является лексемой с наибольшим количеством значений в сербском языке, и было бы ошибкой делать такой вывод, но он, конечно, относится к числу лексем с богатейшей полисемией в сербском языке и может быть включен в основной лексический фонд⁷.

Деривационное богатство базовой лексики. Семантическая продуктивность, а тем самым и важный статус в системе, проявляется и в том, что лексемы, которые входят в основной лексический фонд, имеют большой словообразовательный потенциал. Наибольшее количество дериватов, как и наибольшее количество значений, имеют простые слова. Большинство лексем, возникших в результате каких-либо словообразовательных процессов, относятся к вторичной, периферийной лексике. Данные о богатстве словообразовательных гнезд некоторых лексем сербского языка дает «Семантико-словообразовательный словарь»⁸. Из этого словаря узнаем, что лексема *глава* в сербском языке имеет целых 330 дериватов, *рука* обладает 289 производными, *нога* — 134, *око* — 155 и т. д. Анализ словообразовательных гнезд показывает, что наиболее разветвленные гнезда, так же как и наиболее богатые полисемантические структуры, имеют лексемы, которые обозначают

⁶ Речник српскохрватског књижевног и народног језика. Т. 1–21. Институт за српски језик, САНУ. Београд, 1959–.

⁷ В какой мере нужно с осторожностью принимать результаты подсчета значений на основе словарей, показывает то, что глагол *отићи* ‘уйти, уехать’ в «Словаре Югославянской академии» имеет 99 значений, а в «Словаре САНИ» более, чем в два раза меньше — 43, хотя оба этих словаря относятся к тезаурусам и лексикографы, которые над ними работали, стремились к тому, чтобы отмечать все значения, которые встречаются. Причины такой очевидной разницы нужно искать в разной концепции этих двух словарей.

⁸ Семантичко-деривациони речник. Св. 1: Човек — делови тела / Ред. Гортан-Премк Д., Васић В., Недельков Љ. Нови Сад: Филозофски факултет, 2003; Семантичко-деривациони речник. Св. 2: Човек — унутрашњи органи и ткива, психофизиолошка стања и радње, психофизичке особине, сродство / Ред. Гортан-Премк Д., Васић В., Драгићевић Р. Нови Сад: Филозофски факултет, 2006.

части тела человека. В качестве примера приведем только некоторые из множества дериватов лексемы *глава*: *главар*, *главарски*, *главарство*, *глават*, *главатост*, *глаवेशина*, *главица*, *главни*, *главурда*, *безглав*, *доглавак*, *доглавник*, *заглавље*, *изглавити*, *зглавкар*, *наглавачке*, *надглавље*, *обезглавити се*, *поглавар*, *поглавица*, *подглавак*, *бандоглав*, *главобоља*, *лудоглав*...

Богатство лексического фонда. За понятиями, выражаемыми лексикой, которая относится к основному лексическому фонду, стоит богатая синонимия. Богатство лексики для обозначения видов называемого понятия говорит о его важности в данной культуре. Приведем несколько примеров.

Первый пример. Н. Йошич, сотрудник Института сербского языка САНИ, в своей докторской диссертации «Садоводческая лексика и терминология в сербском языке»⁹, защищенной в 2013 г. на филологическом факультете Белградского университета, пришел к выводу, что в сербских народных говорах существует около 500 названий для сортов яблок, столько же названий для сортов груш, 200 названий для сортов слив, 70 для вишни, 70 для инжира, 30 для персиков и т. д. На основе этих данных следует делать не тот вывод, что на территории, на которой говорят на диалектах сербского языка, растет 500 сортов яблок, но тот, что многие сорта имеют несколько названий. И еще кое-что — к основному лексическому фонду не относятся названия сортов, а только названия разновидностей фруктов, такие как *јабука* ‘яблоко’, *крушка* ‘груша’, *шљива* ‘слива’...

Другой пример. В «Орнитологическом словаре», который издан в Матице сербской¹⁰, зарегистрировано много народных названий для разных видов птиц. Эти данные свидетельствуют о том, что общие названия птиц (*врабац* ‘воробей’, *голуб* ‘голубь’, *ласта* ‘ласточка’ и т. д.) относятся к общему лексическому фонду. В качестве примера приведем сведения о том, что для трех родственных разновидностей ястреба в этом словаре представлено около 75 названий. Вот некоторые из них: *мишар*, *мишоловка*, *доброволь*,

⁹ *Јошић Н.* Воћарска лексика и терминологија у српском језику. Београд: Институт за српски језик САНУ, 2016.

¹⁰ *Милорадов Д., Павковић В., Пузовић С., Рашијски Ј.* Орнитолошки речник. Нови Сад: Матица српска, 2016.

змијар, кишњак, кокошар, мишождер, радош, тресигаћа, гаћан, бјелореп...

И еще один пример. Б. Хлебец хотел проверить гипотезу Сепира-Уорфа, которая в учебниках чаще всего иллюстрируется примером лексемы *снег* в эскимосском языке¹¹. Согласно этой гипотезе, связь между культурой и языком взаимная, т. е. поскольку в краях, где живут эскимосы, много снега, то и в их языке существует много названий для различных типов снега. Эскимосские дети, таким образом, усваивая язык, учатся и воспринимать особые типы снега. Это значит, что язык членит реальность, а также влияет на восприятие говорящего на этом языке таким образом, чтобы он различал явления так точно, как ему предписывает язык. Между тем, Б. Хлебец установил, что в английском языке существует все же больше названий для снега, чем в эскимосском, а в сербском больше, чем в английском. Оказалось, что в сербском существует целых 27 названий для снега. Вот некоторые из них: *алаужа, белокапац, солика, југовац, лопарац, лахорац, опрашак, пршић, ластинци, јарци...* Это неожиданное заключение Хлебец дополняет замечанием о том, что количество названий какого-либо явления все же не имеет ключевого значения. Важен и статус этой лексики в языке. Ни в одном диалекте сербского языка, ни в литературном сербском языке, отмечает Хлебец, не используются все существующие названия для снега. У эскимосов меньше названий, но они все используются. Этот пример со снегом мы приводим с целью указать на следующий важный факт — положение лексем в лексической системе зависит не только от их количества, но и от их статуса.

Лексемы, которые попадают в основной лексический фонд, удовлетворяют и остальным перечисленным условиям: они частотны (о чем свидетельствует то, что мы находим их в частотных словарях), часто они ассоциативно связываются с другими лексемами (данные об этом могут быть найдены в «Ассоциативном словаре сербского языка»)¹², часто появляются в составе пословиц

¹¹ *Хлебец Б.* Називи за снег у ескимском, српском и енглеском језику // Српски језик. Бр. 14/1–2. 2009. С. 135–141.

¹² *Пипер П., Драгићевич Р., Стефановић М.* Ассоцијативни речник српскога језика. Београд: Београдска књига, Филолошки факултет, Службени лист СЦГ, 2005.

и фразеологизмов (о чем свидетельствуют сборники пословиц и фразеологические словари), в основном они славянского происхождения (что можно проверить по этимологическим словарям). Все эти критерии пересекаются и в основном подразумевают друг друга, и можно заключить, что лексем, которые удовлетворяют большинству этих условий, попадают в основной лексический фонд¹³. Многие из этих критериев уже изучены на материале сербского языка, хотя у лексикологов нет списка лексем, но есть контуры основного лексического фонда.

Периферия лексического фонда. Периферию лексического фонда составляют слои диалектизмов, историзмов, архаизмов, неологизмов. Для темы этой работы особенно важны неологизмы или другие новые языковые единицы (выражения и фразеологизмы).

Неологизмы

Новые слова могут быть словами исконного происхождения или заимствованиями. Неологизмы исконного происхождения возникают путем словообразования и могут быть поделены на две группы, а именно на окказионализмы и потенциальные слова. Окказионализмы не имеют больших шансов с периферии лексической системы переместиться ближе к основному лексическому фонду, так как они образуются по необычным, нераспространенным словообразовательным моделям или служат для обозначения необычных явлений. В основном их используют писатели, чтобы назвать до того не имевшее названия явление в художественно-эстетических целях. Так, например, *подобрвље* обозначает место на лице под бровями («Словарь МС»)¹⁴; *хрпасто* — как борзая собака («Словарь МС»); *надголубље* — жизнь, состояние, напоминающее голубиное, но более невинное, целомудренное

¹³ Эти условия подробнее изложены в работе Драгићевић Р. Ка основном лексичком фонду српског језика. Семинар српског језика, књижевности и културе. Предавања 1. Београд: Међународни славистички центар на Филолошком факултету, 2012. С. 121–131.

¹⁴ Речник српскохрватског књижевног језика. Т. 1–6. Нови Сад: Матица српска, 1967–1976.

(«Словарь САНИ»); *занебити се* — укрепиться на небе («Словарь САНИ»)¹⁵.

Потенциальные слова, однако, образуются по общеизвестным/продуктивным словообразовательным моделям. Такова, например, лексема *бубњалица*, которую употребил М. Тешич в названии сборника песен «Бубњалица у пчелињаку». Эта лексема не фиксируется в словарях современного сербского языка, но ее значение предсказуемо, так же как и словообразовательная модель. Анкетирование, которое провел А. Миланович, показало, что группа известных сербских писателей и литературных критиков не смогла определить, существует эта лексема в сербском языке или нет. Такая лексика называется потенциальной и, как таковая, имеет шансы задержаться в языке и даже из периферии лексического фонда войти в основной лексический фонд¹⁶.

Заемствования имеют разную судьбу в лексической системе сербского языка. Две важнейшие группы заимствований — турцизмы и англицизмы, поэтому на примере этих лексических слоев проиллюстрируем возможный статус заимствований в сербском языке.

М. Джинджич, сотрудница Института сербского языка САНИ, посвятила докторскую диссертацию статусу турцизмов в современном сербском языке. Докторская называется «Турцизмы в современном сербском литературном языке (семантико-словообразовательный анализ)». Диссертация была защищена в 2014 г. на филологическом факультете Белградского университета и скоро будет опубликована. М. Джинджич отмечает, что, как показывает статистика, огромное количество турцизмов уходит из современного сербского языка. В важнейшем словаре турцизмов, а это словарь, который в 1966 г. издал А. Шкалич, зафиксировано 8 742 турцизма.

¹⁵ Подробнее об окказионализмах см. *Драгићевић Р.* Лексика квалификована као индивидуална у српским дескриптивним речницима // Лексикологија. Ономастика. Синтакса. Зборник у част Гордани Вуковић / Уредници: Владислава Ружић, Слободан Павловић. Нови Сад: Филозофски факултет у Новом Саду, 2011. С. 47–59.

¹⁶ Подробнее о потенциальных словах см. *Драгићевић Р.* Потенцијалне речи у српском језику // Научни састанак слависта у Вукове дане. Бр. 38/3. Београд, 2009. С. 119–127.

Сегодня, судя по количеству турцизмов в словарях современного сербского языка и в избранном корпусе современных сербских романов, существует около 3 000 турцизмов. Половина из этих лексем наполняет лексические слои в непосредственной близости от основного лексического фонда и продвигается дальше от центра к периферии. Другая половина (т. е. около 1 500 лексем) попадает в основной лексический фонд и имеет в нем стабильное положение. Джинджич исследовала частотность турцизмов в современном сербском языке на основе электронного корпуса сербского языка, который создан на математическом факультете Белградского университета под руководством проф. Д. Витаса. Оказалось, что следующие турцизмы наиболее частотны: *чак* 'даже', *сат* 'час(ы)', *бар* 'по крайней мере', *боја* 'цвет', *пара* 'денежная единица', *кафа* 'кофе', *кревет* 'кровать', *кутија* 'коробка', *џеп* 'карман', *комишија* 'сосед', *капија* 'ворота', *шећер* 'сахар', *кула* 'башня', *дуван* 'табак', *хајде* 'давай'... Эти лексемы в любом случае попадают в основной лексический фонд.

Появляется все больше англицизмов, которые наполняют лексический фонд сербского языка. Из периферийных слоев они стремятся к основному лексическому фонду. Прежде чем осветить этот вопрос, важно заметить, что лексическая система открыта, и изменения лексики в ней постоянны. Процесс перехода от периферии к центру и обратно следует понимать как процесс, состоящий из этапов с нечеткими границами. И само появление новых слов следует воспринимать как процесс со множеством фаз, которые трудно выделить. Русский лингвист Н.Д. Голев¹⁷ выступает за эволюционную модель создания слова. Он исходит из размышлений Ф. де Соссюра, согласно которому, момент появления нового слова на самом деле не является временем его появления, потому что элементы, из которых оно состоит, а также тенденции к сложению этих элементов существовали и раньше¹⁸.

¹⁷ Голев Н.Д. Словообразование как эволютивный процесс // Відображення історії та культури народу в словотворенні. Київ: Видавничий дім Дмитра Бураго, 2010. С. 67–75.

¹⁸ Такой подход к описанию лексической системы полностью соответствует подходу, предлагаемому М. Радовановичем в его книге о «фазингвистике». Не только лексическая система, но вся языковая система в целом основываются на фазингвистике. «Более двух тысячелетий

Причины появления и заимствования новых слов. Важнейшие причины появления новых слов следующие: а) развитие науки и техники, б) изменения в современной культуре и в) глобализация.

Развитие науки и техники как причина появления неологизмов. Согласно данным, которые представляет И. Грицкат¹⁹, во всем мире «в 1800 г. выходило около 100 специализированных журналов, в 1850 — около тысячи, в 1900 — около 10 000, в 1950 — около ста тысяч, в 1971 — около ста семидесяти тысяч. В 1979 г. считалось, что в год выходит около двух миллионов научно-технических статей, и было подсчитано, что эта цифра каждые десять-пятнадцать лет удваивается». Мы не можем даже представить, насколько существенно в первом и во втором десятилетиях XXI в. увеличилось число специализированных журналов и научных статей по всем областям науки и техники. Такое огромное число журналов свидетельствует о сверхбыстром развитии науки, а значит и терминологии во всех ее областях.

Изменение современной культуры как причина появления и заимствования новых слов. Современный мир подвержен постоянным изменениям, которые навязывают новые явления и новые сенсации. Куда идет современный мир и что привлекает внимание общественности сегодня, лучше всего показывают выборы «слова года», которые организуют престижные издательства.

Лексикографы уважаемого издательства Oxford University Press, которое выпускает «Оксфордский словарь английского языка» (Oxford English Dictionary), выбрали в качестве слова 2014 г. — *vape*. Речь идет о сокращении от *vapour* или *vaporize*. В «Большом словаре

“жесткая” аристотелевская логика в качестве своеобразного ментального инструмента, преимущественно через науку и образование, обучала нас классификациям и ситематизации категорий по модели “да/нет”, “точно/неточно”, “истинно/ложно”, “принадлежит/ не принадлежит”, “все/никто” и т. п. Двадцатый век, особенно вторая его половина, научил нас, что на вещи можно смотреть и иначе, с помощью оптического инструмента “фазы” (“fuzzy”) логики, “нечеткой”, “мягкой” (“soft”) логики (Радова-новић М. Фази лингвистика. Сремски Карловци; Нови Сад: Издавачка књижарница Зорана Стојановића, 2015. С. 13).

¹⁹ Грицкат И. Речник Српске академије наука и уметности, почечи, лик, перспективе // Глас. Књ. 352. САНУ, Одељење језика и књижевности. Књ. 13. Београд, 1988. С. 38.

иностранных слов» Клайна и Шипки²⁰, латинский глагол *вапоризовати* значит ‘превращать, превратить в пар’, а *вапоризација* — химический термин, которым обозначается превращение твердых и жидких веществ в пар, процесс испарения. Отмечен еще и *вапоризатор* ‘приспособление, которое служит для распыления жидкостей, распылитель, спрей’. Как глагол, *to vape* в современном употреблении в английском языке используется для обозначения вдыхания и выдыхания содержимого электронных сигарет. В то же время, эта лексема используется как имя существительное и обозначает саму электронную сигарету.

Collins English Dictionary в качестве слова 2014 г. выбрал слово *photobombing*. Эта лексема обозначает попадание в кадр во время фотосъемки, причем человек или люди, которые фотографируются, не знают об этом.

То же издательство в качестве слова 2015 г. выбрало слово *binge-watch*. Эта лексема служит для обозначения просмотра нескольких серий одного сериала подряд. Это возможно, так как многие сериалы можно смотреть в интернете, и зритель самостоятельно может решить, смотреть ему одну серию за один раз или больше.

Рассуждения, которые обосновывают выбор «слова года» показывают, что эти соревнования, в основном, далеки от лингвистики. Уже сам факт того, что у каждого издательства свое «слово года», ясно говорит о том, что критерии не единообразны и носят неязыковой характер. Создается впечатление, что выбирается социальное, политическое или эстрадное явление года, а не слово года. Также благодаря выбору таких явлений года, спрятанных в словах, становится очевидно, как тривиальна реальность и какие бессмысленные вещи наполняют нашу жизнь и приобретают значение. На деле это, как говорит П. Пипер²¹, «культурная глобализация как кокаколизация» и «культурная глобализация как глобальное оглушение». Так, например, в объяснении редакции словаря Колинза о слове *фотобомбинг* как «слове года» сказано,

²⁰ Клайн И., Шипка М. Велики речник страних речи и израза. Нови Сад: Прометеј, 2007.

²¹ Пипер П. О језичкој страни глобализације у словенским земљама. Лингвистичка славистика. Београд: Славистичко друштво Србије, 2014. С. 280–281.

что это слово впервые появилось в 2008 г., а в 2012 лексикографы включили его в этот словарь, потому что и некоторые известные люди (даже сама английская королева) выступали в роли людей, неожиданно появлявшихся на чьих-либо личных фотографиях.

Глобализация как причина появления и заимствования новых слов. Хороший пример, который иллюстрирует влияние глобализации на лексическую систему, представляет лексема *балконинг*. В течение лета 2013 г., вероятно, сначала в Британии, появилась новость о забаве молодых британских туристов, которая состояла в том, чтобы на курортах по всему миру прыгать с балконов своих номеров в бассейн перед отелем. Находчивый журналист новый вид спорта назвал *балконингом*. В тот же день весть разлетелась по всему миру. Даже ведущий второго выпуска новостей РТС прочитал новость о *балконинге*, и новая лексема начала распространяться между носителями сербского языка, которые пересказывали друг другу новость о новом виде спорта. Распространению новости и новой лексемы в значительной мере способствовала видеозапись прыжка на интернет-портале YouTube. Видео облетело мир под названием *балконинг*. Этот пример показывает влияние глобализации на интернационализацию лексики.

Тенденции развития лексики в славянских языках. Сила глобализации настолько велика, что периферия лексических систем большинства славянских (и не только славянских) языков наполнена одними и теми же лексемами. Основной лексический фонд разных языков различается, но периферия разных языков все больше походит друг на друга. Заседания Комиссии по словообразованию Международного комитета славистов подтверждают это. Исследователи разных славянских языков перечисляют одни и те же процессы и примеры, которые захлестнули их языки. Можно сделать вывод о том, что в развитии лексических систем славянских языков представляют тенденцию следующие процессы: интернационализация, интеллектуализация, терминологизация, детерминологизация, демократизация, экспрессивизация, языковая экономия, употребление феминитивов²².

²² Ср., например: Аврамова Ц. Словообразовательни тенденции при съществителните имена в българския и чешкия език в края на XX век. Sofia: Heron Press, 2003.

Часто в судьбе отдельного слова или отдельного аффиксоида скрывается большое число этих процессов, поэтому, чтобы проиллюстрировать эти явления, приведем некоторые части исследования о префиксоидах *нано-* и *мини-*. Русский лингвист Б. Орехов сравнил русские дериваты с 11 префиксоидами — 1) *супер-*, 2) *видео-*, 3) *авто-*, 4) *авиа-*, 5) *медиа-*, 6) *нано-*, 7) *мега-*, 8) *мульти-*, 9) *аудио-*, 10) *мини-*, 11) *гипер-* в последнем десятилетии XX в. и в первом десятилетии XXI в. Материал по словам с префиксоидами за девяностые годы XX в. заимствован из «Статистического словаря языка русской газеты (1990-е годы)» Т. 1. М., 2008, авторами которого являются А.Я. Шайкевич, В.М. Андрущенко и В.М. Ребецкая. На стр. 549–562 находится таблица, в которой описаны префиксоиды. Материалы для русской лексики с префиксоидами первого десятилетия XXI в. взяты из интернета, с сайта «Lenta.ru». Автор подчеркивает, что выбор этого сайта не случаен. Речь идет о «стилистически гибком ресурсе, который отражает языковую моду, а тем самым и тенденции, специфичные для языка интернета»²³.

По образцу этого исследования и мы также проанализировали употребление указанных препозитивных компонентов в последнем десятилетии XX в. и в первом десятилетии XXI в. В целях исследования на материале сербского языка были использованы два корпуса: *НИН–Република 1996–2000* (для девяностых годов XX в.) и *Политика 2005–2010* (для первого десятилетия XXI в.). В обработке этого корпуса огромную помощь оказал М. Утвич, математик и статистик²⁴.

Хотя мы немного подробнее остановимся на префиксоидах *нано-* и *мини-*, скажем, что общее впечатление таково, что префиксоиды употребляются в обоих языках сходным образом и что

²³ Орехов Б.В. Суперминимум и нанодержава: префиксоиды в языке интернета. Современный русский язык в интернете / Ред. Я.Э. Ахапкина и Е.В. Рахилина. Москва: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН; Языки славянской культуры, 2014. С. 281–291.

²⁴ Драгићевић Р., Утвић М. Препозитивне компоненте у српском и руском језику на материјалу интернет сајтова // Wortbildung und Internet / В. Тошковић, А. Wonisch. Graz: Institut für Slawistik der Karl-Franzens-Universität, Kommission für Wortbildung beim Internationalen Slawistenkomitee, 2016. С. 91–107.

в обоих языках новообразованные слова с данными префиксоидами, можно сказать, одинаковы. Вот примеры: пять наиболее частотных слов с префиксоидом *авиа-* в русском языке в первом десятилетии XXI в. (по материалам сайта Lenta.ru): *авиакомпания*, *авиакатастрофа*, *авиаперевозчик*, *авиалайнер*, *авиалиния*. Пять самых частотных слов с префиксоидом *авио-* в сербском языке в первом десятилетии XXI в. (по материалам сайта Politika.rs): *авио-компанија* ‘авиакомпания’, *авио-превозник* ‘авиаперевозчик’, *авио-саобраћај*, *авио-превоз* ‘авиасообщение’, *авио-карта* ‘авиабилет’. Наиболее частотные лексемы с префиксоидом *аудио-* в русском языке: *аудиозапись*, *аудиообращение*, *аудиосистема*, *аудиовизуальный*, *аудиофайл*. Наиболее частотные лексемы с этим префиксоидом в сербском языке: *аудио-визуелан* ‘аудиовизуальный’, *аудио-запис*, *аудио-снимак* ‘аудиозапись’, *аудио-касета* ‘аудиокассета’, *аудио-материјал* ‘аудиоматериал’. Эти данные не нуждаются в особом комментарии. Ясно, что в двух разных языках с упомянутыми, а также и со всеми другими рассмотренными префиксоидами, происходят одни и те же процессы.

Неологизмы с компонентом нано-. И в русском, и в сербском языке употребление форманта *нано-* все больше расширяется, что связано с экстралингвистическими причинами, а именно с развитием нанотехнологий. В конце XX в. в сербском языке, в корпусе журналов «НИН» и «Республика», отмечено только четыре примера с *нано-* (*нанограм* ‘нанограмм’ — три раза и *нанотехнологија* ‘нанотехнология’ — один раз). На миллион слов в корпусе приходится 0,58 слов с компонентом *нано-*. Сегодня относительная частотность лексем с *нано-* уже 5,37 слов на миллион, это значит, что больше пяти слов из миллиона содержат формант *нано-*. Абсолютная частотность лексем с этим префиксоидом увеличилась с четырех (девяностые годы) до 278. В конце XX в. отмечено только два разных деривата с *нано-*, а сегодня их 53. Так как это исследование выполнено на ограниченном материале, результаты, конечно, не совсем надежны, но они недвусмысленно показывают тенденцию необычайного роста частотности этого компонента в сербском языке. Таким образом, развитие науки и технологий вызвало увеличение количества терминов с *нано-*. Это пример, который подтверждает тенденцию терминологизации, а значит и интеллектуализации лексического фонда. Однако процесс на этом

не останавливается. В основном через СМИ происходит намеренное понижение «научности» префиксоида, его детерминологизация, чем достигается ярко выраженная экспрессивность (эмоциональность).

Чем более формант научный, чем более сфера его первичного употребления недоступна обычному носителю языка, тем больше экспрессивное воздействие, если такой формант связывается с лексемой общего лексического фонда и употребляется в неформальном общении. Типичным примером этого явления является формант *нано-*, который, как говорит Орехов, уменьшил популярность компонента *мини-* в экспрессивном словообразовании в русском языке. Этот процесс — типичный пример языковой тенденции, которую называют *демократизацией*. Нужна креативность, оригинальность, и доля дерзости, чтобы компонент *нано-* из сферы высокой науки, которая только начала доминировать в современных мировых технологиях, «спустился» в сферу доступных всем тривиальностей повседневной жизни. Между тем, чем больше неожиданность, тем сильнее выразительность. Доказательство этого предположения о детерминологизации и экспрессивизации форманта являют и примеры употребления представленных формантов, которые в обследованном материале отмечены как единичные случаи (окационализмы или гапаксы). Так, в русском языке среди единичных примеров с *нано-* находим и следующие: *нанодержава*, *наноскандал*, *наноюбка*, *нанопартия*, *нановраг*, *нанолюбовь*, *наноапокалипсис*. В сербском языке: *нанонаука* ‘нанонаука’, *нанорупица* ‘нанодырочка’, *наносила* ‘наносила’, *нанострука* ‘наноспециальность’, *нано травњак* ‘наногазон’, *наноуређај* ‘наноустройство’. Эти примеры, особенно в русском языке, ясно показывают, как *нано-* становится компонентом, используемым для яркого эмоционального названия чего-либо маленьких размеров. Исследование показало, что подобный процесс происходит и с другими префиксоидами, а это значит, что детерминологизация и экспрессивизация префиксоидов, которые происходят в терминологии, являются активными процессами в сербском языке.

Неологизмы с компонентом мини-. Пока число лексем с большинством префиксоидов в сербском языке увеличивается, число лексем с *мини-* уменьшается. В последнем десятилетии XX в. относительная частотность лексем с *мини-* составляла 82 слова

на миллион (т. е. 82 слова с *мини-* на миллион слов из корпуса), а в первом десятилетии XXI в. — 22,7 слов на миллион. За этот период было отмечено 1 178 употреблений *мини-* и всего 344 деривата. Исследовав материал, мы пришли к двум выводам. Первый вывод состоит в подтверждении наблюдений И. Клайна, который и без обширных данных заметил, что «мало неологизмов с *мини-*, которые получили в сербском языке устойчивый лексический статус». В корпусе «Политики» много примеров с окказиональными синтагмами, состоящими из прилагательного *мини* и существительных *агрегат*, *албум* ‘альбом’, *анкета*, *архитектура*, *афера*, *библиотека*, *биоскоп* ‘кинотеатр’, *бравуре* ‘виртуозность’, *грех*, *дебата* ‘дебаты’, *дуел* ‘дуэль’, *едукација* ‘образование’, *експлозија* ‘взрыв’, *епонеја* ‘эпопея’, *историја* ‘история’, *кабинет*, *казино*, *књига* ‘книга’, *концерт*, *музеј* ‘музей’, *нација* ‘нация’, *одмор* ‘отдых’, *предајник* ‘передатчик’, *председништво* ‘президиум’, *ружа* ‘роза’, *фабрика*, *филм* ‘фильм’, *царство*, *центар* ‘центр’ и т. д. Второй вывод состоит в том, что *мини* все чаще функционирует как неизменяемое прилагательное: *акустичарски концерт* ‘акустический концерт’, *интимна турнеја* ‘интимное турне’, *модна ревија* ‘показ мод’, *биоскопска сала* ‘кинозал’, *дечији вртић* ‘детский сад’, *филмски фестивал* ‘кинофестиваль’, *ботаничка башта* ‘ботанический сад’, *коалициони споразум* ‘коалиционное соглашение’, *електрични штедњак* ‘электрическая плита’, *еколошка катастрофа* ‘экологическая катастрофа’, *енергетски форум* ‘энергетический форум’, *беспилотне летелице* ‘беспилотные летательные аппараты’, *експлозивна направа* ‘взрывное устройство’, *балканска турнеја* ‘балканское турне’, *градска комисија* ‘городская комиссия’, *хладни рат* ‘холодная война’, *балкански самит* ‘балканский саммит’, *илегалне фабрике* ‘нелегальные фабрики’, *травнати терен* ‘травянистая площадка’, *спортски терен* ‘спортивная площадка’, *верска држава* ‘религиозное государство’ и т. д. И другие префиксоиды все чаще становятся самостоятельными и ведут себя как неизменяемые прилагательные — *супер*, *видео*, *аудио* и т. д., и все они указывают на тот факт, что влияние английского языка проявляется не только в заимствовании лексики, но и в изменении грамматического строя сербского языка. Когда станет довольно распространенным употребление префиксоида в качестве неизменяемого прилагательного, будет приемлемо и все остальные

прилагательные употреблять как неизменяемые, а это серьезно нарушит структуру сербского языка. На замечания некоторых лингвистов о том, что в сербском языке всегда были неизменяемые прилагательные (например *зорли девојка* ‘сильная девушка’, под влиянием турецкого языка), отвечаем, что сейчас ситуация намного сложнее, потому что влияние английского языка глобально, что охват лексических слоев заимствованиями намного шире и не может сравниться с локальным влиянием турецкого языка на некоторые говоры сербского.

Глобализация и возможность предвидения развития лексической системы. Поскольку сила глобализации так велика, ясно, что единицы и процессы, которые существуют в одном языке (особенно если речь идет о языке, на котором говорят много носителей), можно ожидать и в другом. Этот факт дает возможность предвидения дальнейшего развития лексической системы. Так, например, в сербском языке все еще не частотно употребление префиксоида *медиа-*, а в русском языке этот префиксоид очень частотен и все чаще употребляется. В сербском языке едва ли существуют отдельные примеры с этим компонентом: *медиа група* ‘медиагруппа’, *медиа центар* ‘медиацентр’, *медиа плејер* ‘медиаплеер’, *медиа план* ‘медиаплан’, *медиа мониторинг* ‘медиамониторинг’. Однако на основании ситуации в русском языке (хотя русский не имеет большого влияния на сербский), можно ожидать, что частотность этих компонентов будет расти и в сербском, так как оба языка подвержены серьезному влиянию английского языка.

Заключение

В первой части лекции представлено деление лексики сербского языка на ту, которая составляет основной лексический фонд, и ту, которая представляет периферию. Изложены критерии распознавания лексем из основного лексического фонда, и все они подкреплены соответствующими примерами. В связи с периферией лексического фонда мы остановились на новых словах. Хотя они могут быть исконного (появившиеся путем словообразования) и иностранного происхождения, мы подробнее рассмотрели заимствования. На основе исследования лексем с префиксоидами, мы заметили, что (1) растет число терминов в сербском языке (что

иллюстрирует тенденцию терминологизации и интеллектуализации лексического фонда); (2) многие из этих терминов детерминологизируются (что иллюстрирует демократизацию лексики) и (3) затем приобретают экспрессивную функцию; (4) растет число лексем с префиксоидами, которые не имеют устойчивого лексического статуса; (5) префиксоиды в современном сербском языке все чаще употребляются как неизменяемые прилагательные. Мы пришли к выводу, (6) что единицы и процессы, которые наблюдаются в других языках, могут возникнуть и в сербском, поэтому можно предвидеть появление некоторых новых единиц в лексической системе. Наконец, так называемые, «слова года» указывают на тот факт, (7) что лексические системы многих языков банализируются от увеличения числа лексем для обозначения незначительных явлений и процессов, которые указывают на многочисленности тривиальности в современной массовой культуре.

Перевод *Т. Кузиной*

Лингвокультурологическое исследование русской и сербской картин мира¹

В стремлении к созданию концепции лингвокультурологического словаря сербского языка наибольшее влияние на автора данной работы оказал лингвокультурологический словарь И.С. Брилевой и др. (но не только он)². Авторы данного словаря подчеркивают, что их объектом описания является *национальное культурное пространство*. Оно определяется как форма, в которой культура хранится в человеческом сознании, т. е. то, как выражается культура через сознание или как представлена культура в сознании ее носителей. Ядром национального культурного пространства является *когнитивная база*, которая представляет собой образец структурирования целокупного знания и национально маркированных, культурно детерминированных представлений, наличие которых обязательно для всех представителей данного национального лингвокультурного сообщества. Чтобы стать членом национального лингвокультурного сообщества, человек должен пройти социализацию, которая начинается с момента рождения и длится всю его жизнь³. Весьма важны следующие данные о содержании этого лингвокультурологического словаря, которые много говорят о его концепции: авторы отмечают, что они фиксируют не то, что требуется знать носителям русского языка, а то, что действительно

¹ Лекция «Лингвокультурологическое исследование русской и сербской языковых картин мира» основана на измененном и дополненном варианте статьи Р. Драгичевич «Ка лингвокултуролошком речнику српског језика» (Научни састанак слависта у Укуве дане. Бр. 43/1, 2014. С. 247–263).

² Брилева И.С., Вольская Н.П., Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Красных В.В. Лингвокультурологический словарь. М.: ГНОЗИС, 2004.

³ Там же. С. 10–11.

знают социализированные представители русского национального лингвокультурного сообщества. Словарь не выполняет воспитательную функцию, а служит для фиксации культурологических знаний, которыми владеют носители русского языка⁴. Словарный материал поделен на четыре сегмента: зоонимы, прецедентные имена, прецедентные тексты и прецедентные высказывания. Прецедентный феномен (выражается в данном словаре именем собственным, высказыванием или текстом) хорошо известен всем представителям лингвокультурного сообщества, актуален в когнитивном плане, и представители сообщества к нему постоянно обращаются, вспоминают его в подходящей ситуации.

К вопросу о проекте лингвокультурологического словаря сербского языка. Цель данного исследования — демонстрация проблемы выбора единиц для особого типа лингвокультурологического словаря сербского языка, который содержал бы культурно окрашенную лексику современного сербского литературного языка. Хотя это и не было бы необычно, такой словарь не включал бы языковые единицы, содержащие несколько слов, — фразеологизмы, пословицы, афоризмы, прецедентные высказывания и тексты, но все эти единицы играли бы важную роль в отборе лексики, которая бы была зафиксирована в словаре.

Как было показано на примере русских словарей, их цели могут быть различными. Цель словаря, концепция и репрезентативная часть материала которого будут представлены в данной лекции, заключалась бы в регистрировании (составлении списков) и описании такой лексики современного сербского языка, которая является культурно маркированной. Согласно В.А. Масловой⁵, экспонент культуры в значении лексемы заключен в ее коннотации. Под коннотацией понимается многослойный семантический компонент, одним из слоев которого является *культурная коннотация*. Уже сама подготовка лингвокультурологического словаря (выбор единиц и их анализ) представляет собой сложную научно-исследовательскую работу, а когда словарь будет завершен, появится возможность продолжить научный анализ данной лексики, заняться ее группировкой и обработкой согласно различным

⁴ Там же. С. 9.

⁵ Маслова В. А. Лингвокультурология. 3-е издание. М.: Академия, 2007.

критериям. Другой важной функцией данного словаря было бы его использование как методического материала при изучении сербского как языка иностранного.

Ключевой проблемой при подготовке такого словаря является выработка критерия для включения/невключения языкового материала. Про какую лексику мы можем сказать, что она культурно окрашена? Как найти этому доказательства в языке? Какие существуют типы культурологической маркированности лексем и всем ли подобным словам есть место в словаре?

Источники материала и методы выбора единиц. Поиск методов отбора и источников лексики, которая могла бы подвергнуться обработке в лингвокультурологическом словаре сербского языка, осуществляется путем традиционных исследовательских процедур, применяющихся в лингвокультурологических исследованиях.

1. *Толковые словари современного русского и сербского языков.* Одной из основных процедур является анализ толкований основного и вторичных значений слов в толковых словарях современного сербского языка. Культурологическая информация приводится в толкованиях некоторых значений разными способами. Первый способ — лексикограф представляет культурно мотивированное значение, но без культурологического комментария. Так, например, как одно из вторичных значений лексемы *свекрва* в «Словаре МС»⁶ выступает экспрессивное значение, которое культурно маркировано: *та, кто по-начальнически остро критикует*. Схожая ситуация и с русской лексемой *сестра* в словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой⁷ (ср. второе значение — «единомышленница, товарищ в каком-н. общем деле»).

Вторая возможность — лексикограф вносит лингвокультурологический комментарий внутрь толкования основного значения, как в случае лексемы *гавран* ‘ворон’ в «Словаре сербского языка»⁸, где такой комментарий дается в скобках: *крупная птица,*

⁶ Речник српскохрватскога књижевног језика. Т. I–VI. Нови Сад: Матица српска, 1967–1976.

⁷ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 2-е издание. М.: РАН, Институт русского языка, Российский фонд культуры, 1995.

⁸ Речник српског језика. Друго издање. Нови Сад: Матица српска, 2018.

обладательница блестящих темных перьев *Corvus corax*, падающий из семейства вороньих с большим клювом (в народных преданиях предвестница беды). Третья возможность — лексикограф невольно в дефиниции представляет культуурообусловленную ценностную информацию. Так, например, в «Словаре САНИ»⁹ внутри описания основного значения слова *жена*, вероятно, ненамеренно сообщается дискриминационное отношение к бесплодным женщинам: *человек, полная противоположность мужчине, человеческое существо, способное к деторождению*¹⁰.

2. Ассоциативные словари русского и сербского языков. Современные лингвокультурологические исследования невозможно представить без использования ассоциативных методов и ассоциативных словарей как источника информации о культурной окрашенности некоторых лексем¹¹. Ассоциативные поля некоторых лексем-стимулов в ассоциативных словарях ясно демонстрируют их особенный статус в лексической системе сербского языка. Так, например, ассоциации на стимул *ћирилица* ('кириллица') указывают на такой культурологический факт, что носители сербского языка воспринимают кириллицу как символ «сербства» и православия, например: *Србија* 'Сербия' (22), *српски* 'сербский' (20), *Срби* 'сербы' (16), *српски језик* 'сербский язык' (14), *српство* 'сербство' (9), *православље* 'православие' (8), *наше писмо* 'наше письмо', *Србин* 'серб' (4), *Словени* 'славяне', *старо* 'старое',

⁹ Речник српскохрватског књижевног и народног језика. Т. I–XXI. Београд: Српска академија наука и уметности, 1959–.

¹⁰ Как пример использования данных из толковых словарей в исследовании культурологических концептов см. исследование концептов *домовина*, *дом*, *мајка* (*Ристић С.* Стереотип домовине у заједничкој концептосфери појмова дома и мајке // *Зборник Матице српске за славистику*. Књ. 83, 2013. С. 181–198) или *слобода* (*Драгићевић Р.* Лингвокултуролошка анализа концепта *слобода* у српском језику и српској култури // *Научни састанак слависта у Вукове дане*. Бр. 42/3. 2013. С. 43–61).

¹¹ См.: *Пипер П., Драгићевић Р., Стефановић М.* Ассоцијативни речник српског језика. Београд: Београдска књига, Филолошки факултет, Службени лист СЦГ, 2005; *Драгићевић Р., Пипер П., Стефановић М.* Обратни асоцијативни речник. Београд: Службени гласник, Београдска књига, 2011; *Караулов Ю.Н., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А.* Русский ассоциативный словарь. Т. 1–6. М.: Российская академия наук, 1994–1998.

традиција ‘традиция’ (5), *историја* ‘история’, *јеванђеље* ‘Евангелие’, *матерњи језик* ‘родной язык’, *нација* ‘нация’, *наше* ‘наше’ (2), *чувати* ‘сохранять’, *исконско* ‘исконное’, *манастир* ‘монастырь’, *ми* ‘мы’, *моја* ‘моя’, *моје писмо* ‘мое письмо’ и т. д. Вербальные ассоциации, вызванные лексемами-стимулами, называющими стороны света, указывают на факт, что такие лексемы заключают в себе определенную символику, которая базируется на представлениях говорящего на сербском языке о странах и народах, которые живут в разных концах света. В качестве примера приведем несколько ассоциаций на стимул *исток* ‘восток’, которые указывают на связь востока с бедностью, но также и с восточной мистикой: *беда* ‘нищета’ (3), *криза* ‘кризис’, *конзервативизам* ‘консерватизм’, *неразвијеност* ‘неразвитость’, *сиромаштво* ‘бедность’, *заосталост* ‘отсталость’, *заостао* ‘отсталый’, но и *мистерија* ‘таинственность’, *мистичност* ‘мистичность’, *мудрост* ‘мудрость’, *стрпљење* ‘терпение’, *тајна* ‘тайна’.

Культурологическая маркированность лексем обнаруживается при анализе минисистем, к которым они принадлежат. Так, символика кириллицы более всего становится очевидной при сопоставительном анализе с символикой латиницы, символика востока постигается через анализ символики запада, а затем севера и юга и т. д. В «Русском ассоциативном словаре» также запечатлелась коллективная оценка носителей русского языка. Например, ассоциации на лексему *баран* следующие: *тупой* (31), *глупый* (24), *дурак* (15), *безмозглый* (4), *глуп*, *глупец*, *глупо*, *грубое слово...*

3. *Фразеологические словари; собрания пословиц.* Вербальные ассоциации указывают на современный взгляд на мир носителя языка, в то время как фразеологизмы и пословицы сохраняют традиционную картину мира. Эти картины мира легко дополняют друг друга и обычно образуют единое целое. Этот факт наглядно и детально доказывает М. Стефанович, анализируя языковую картину семьи в русском и сербском языке, прежде всего на материале вербальных ассоциаций и паремиологических единиц в обоих языках. В качестве примера приведем только некоторые выводы М. Стефанович¹², к которым привел лингвокультурологический

¹² *Стефановић М.* Језичка слика породице у руском и српском језику. Нови Сад: Филозофски факултет, 2012. С. 54.

анализ пословиц о сыне в русском и сербском языках: сына нелегко вырастить и воспитать, мать склонна баловать сына, отчий долг — научить сына всему, что он знает, не всегда рекомендуется оставлять наследство сыну. Такие данные, которые составляют лингвокультурологический комментарий, непременно бы выделялись в процессе обработки лексемы в лингвокультурологическом словаре, а эти данные заложены в пословицах или фразеологизмах. Особенно значительны аксиологические оценки понятий, которые содержатся в этих языковых единицах. Так, отчетливо позитивная оценка связана с понятиями «мать», «отец», «глаза», «голова», «рука», «дом», а отчетливо негативная — с понятиями «змея», «лиса», в то время как некоторые связаны одновременно с позитивным и негативным суждением, как, например, «брат», «жена» (М. Стефанович) и даже «Бог»¹³. Множество примеров детального анализа отражения национальной картины мира в сербской фразеологии можно найти в книге Д. Мршевич-Радович¹⁴.

Несомненно, важное место в лингвокультурологическом словаре должны занимать лексемы, которые часто являются эталонами, функционируя в сравнениях как объект, с которым сравнивают, или как основание сравнения. Так, например, в сербской культуре лисица воспринимается как хитрая, рыба как немая, муравей как трудолюбивый, заяц как быстрый и усердный и т. д. С другой стороны, эталоны показывают, что легким в сербской культуре воспринимаются комар, перо, птица; эталоны бледности — привидение, известь, мел, мертвец, полотно, смерть, воск, стена; для красноты зарезервированы рак, мак, яблоко, перец и т. д.

Параллельно с пословицами полезным источником лингвокультурологической информации представляются *антипословицы*. Согласно Дж. Оташевичу, это экспрессивные выражения, образовавшиеся как результат различных семантико-структурных преобразований не только пословиц, но и изречений, крылатых выражений, афоризмов, известных политических лозунгов, фраз,

¹³ Драгићевич Р. Концепт Бога у «Српским народним пословицама» // Теолингвистичка проучавања словенских језика / Ур. Ј. Грковић Мејџор, К. Кончаревић. Београд: Српска академија наука и уметности, 2013. С. 71–87.

¹⁴ Мршевић-Радовић Д. Фразеологија и национална култура. Београд: Друштво за српски језик и књижевност Србије, 2008.

заявлений. Для понимания большого количества антипословиц необходимо знание социального и языкового контекста, в котором они появились, т. е. подразумевается, что понимание антипословиц будет успешным, только если слушающий хорошо понимает исходную языковую единицу, которая трансформируется, а исследователь может предположить, что исходные единицы общеизвестны (и тем самым культурологически укоренены в лингвокультурном сообществе). Так, например, из пословицы *Брат је мио које вере био* (Мил любой брат, какой бы он ни был веры) появились антипословицы *Брат ме био које вере био* (Брат меня бил, какой бы веры ни был), *Србин је мио ма које националности био* (Серб мне мил, какой бы национальности он ни был). Из пословицы *Батина има два краја* (У палки два конца) появляются такие антипословицы *Батина има два краја, а народ је до сада упознао онај дебљи* (У палки два конца, а народ пока что знает только толстый), *Овде батине немају краја* (Здесь у палки нет конца), *Избегао сам батину на једном крају, али сам после отишао у другу крајност* (Я пытался избежать одного конца палки, но после ушел в другую крайность)¹⁵. И антипословицы, как и исходные пословицы, могут послужить пониманию культурно маркированных лексем *брат* и *батина*.

4. *Прецедентные тексты*. Прецедентные тексты, являющиеся частью национальной или мировой культуры, также могут быть источником лексем, которые могут быть описаны в лингвокультурологическом словаре. Имена главных героев таких текстов, определенные ситуации, определенная деятельность становятся общеизвестными символами в конкретной культуре. Вот несколько примеров: *Ивица и Марица*, *Црвенкапа* (Красная шапочка), *Алиса (у земљи чуда)* (Алиса в стране чудес), *Пиноккио*, *Пепелуга* (Золушка), *Ружно паче* (Гадкий утенок), *Зона Замфирова*, *Хасанагиница*, *Биберче*, *Златокоса* (Златовласка), *Баи-челик*, *Мали Радојица* и т. д. В русском языке, согласно данным из лингвокультурологического словаря И.С. Брилевой и соавторов, к прецедентным текстам относятся: *Иван Царевич и серый волк*, *Каша из топора*, *Лиса и волк*; *Маша и медведь*, *Руслан и Людмила*, *Репка*, *Морозко*.

¹⁵ *Оташевић Б.* Речник српских антипословица. Београд: Алма, 2011. С. 31, 15.

5. *Понятийные метафоры.* С помощью анализа контекстов (высказываний и текстов), в которых употребляются культурно маркированные лексемы путем выделения понятийных метафор, проводится концептуализация понятий, именованных данными лексемами. С помощью анализа концептуализации часто может открываться и влияние культуры на значение и понимание определенных лексем. Множество хороших примеров проанализировано в исследованиях Н. Силашки и соавторов¹⁶, которые представляют собой обработку публичного дискурса Сербии. В этом дискурсе реализуются, например, следующие понятийные метафоры: ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ — ДОМ, ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ — СЕМЬЯ, ЖИЗНЬ — СОРЕВНОВАНИЕ, ПОЛИТИКА — ВОЙНА, ПОЛИТИКА — СПОРТ и т. д. Для русского языка приведем пример исследования А.А. Свицовой¹⁷, исследующей образ России в русских народных пословицах. Автор приходит к выводу, что проанализированный материал показывает разнородность концепта РОДИНА, но при этом эмоциональный ореол един — в пословицах родина часто представляется как мать или как родное гнездо: РОДИНА — МАТЬ, РОДИНА — ГНЕЗДО.

6. *СМИ и социальные сети.* Важным источником лексического материала для лингвокультурологического словаря представляется содержание, которое транслируют СМИ и социальные сети. Современная культура оказывает сильное влияние на лексику. Так, лексема *пријатељ* ‘друг’ сегодня обозначает в том числе человека, с которым кто-то переписывается через социальную сеть фейсбук. В этом значении данная лексема употребляется в предложении несколько иначе, чем в других своих значениях: *Имам га у пријатељима* (Он у меня в друзьях), *Додала сам га за пријатеља* (Добавила его в друзья). Лексема *зид* ‘стена’ обозначает чью-то страницу в фейсбуке, *боцнути* (дословно ‘кольнуть’, ср. рус. *лайкнуть*) значит ‘отправить кому-то знак в виде поднятого вверх пальца с целью обратить внимание на себя’. Лексемы *додати* ‘добавить’ и *обрисати* (дословно ‘стереть’, ср. рус. ‘удалить’) также

¹⁶ Silaški N., Đurović T., Radić-Bojanić B. Javni diskurs Srbije. Beograd: Centar za izdavačku delatnost Ekonomskog fakulteta u Beogradu, 2009.

¹⁷ Свицова А.А. Россия в пословицах // Образ России извне и изнутри / Отв. ред. Е.Ф. Тарасов, ред. Н.В. Уфимцева, Е.А. Аршавская. М.: Институт языкознания, 2008. С. 146–150.

получают новое значение в фейсбуке: *Обрисала сам Перу* (Я удалила Перу), *Додао ме Пера* (Пера меня добавил). Источниками культурно маркированной лексики могут быть и реклама, и тексты популярных музыкальных роликов, диалоги из известных фильмов и т. д.

7. *Анкета*. Один из популярных методов в лингвокультурологических исследованиях — это анкетирование членов определенного сообщества. Этот метод особенно полезен для получения данных, релевантных для обработки отобранных словарных единиц. Е. Бартминский использует анкетирование как один из методов для составления так называемой *когнитивной дефиниции*, чье назначение «ответить на вопрос о способе понимания предмета носителем данного языка, т. е. о способе (общественно установленном и доступном через язык и употребление языка) получения знаний о мире, категоризации его явлений, и их характеристике и оценке»¹⁸. Вопросы в анкете могут быть различными. Бартминский задает, например, следующий вопрос: «Что, по Вашему мнению, является сущностью X-а?». В ответах испытуемых исследователь ищет общие элементы, на основе которых реконструируется стереотип, который члены одного сообщества связывают с понятием X. Похожим образом реконструируется стереотип с помощью анкет, в которых фигурируют маркеры стереотипности *каждый, типичный, настоящий* и т. д. От испытуемого требуется дополнить предложения, которые начинаются таким образом: *Каждый X... Типичный X...; или: Ни один X не...; или: Настоящий X никогда... Типичный X никогда...; или: Настоящий X всегда... Каждый X всегда...; или: Он X, но...; или: ..., как X*¹⁹.

8. *Прочие источники*. В добавление к тому, что уже было сказано, можно отметить, что в лингвокультурологических исследованиях часто прибегают к анализу материала электронных корпусов, социальных сетей и других электронных источников. Так, например, М. Стефанович анализировала стереотип женщины в русском языке с помощью электронного корпуса русского языка и на основе материала из этого корпуса изучала использование

¹⁸ *Бартмињски Ј. Језик — слика — свет / Приредило Дејан Ајдачић, превела Марта Бјелетић, Београд: SlovoSlavia, 2011. С. 93.*

¹⁹ Там же. С. 169–194.

маркеров стереотипности (*типичный, настоящий, каждый*), которые в корпусе употребляются как атрибуты существительного *жена* ('женщина')²⁰. Кроме анализа употребления лексем в соответствующих контекстах, их синтагматических и парадигматических связей, открывающих культурологическую маркированность, для объективности при отборе единиц для лингвокультурологического словаря, как и для их обработки в самом словаре, могут использоваться и другие бесчисленные источники материала, как, например, частотные словари современного сербского языка, словари синонимов, этимологические словари, словари символов, словари жаргона, словари неологизмов, собрания афоризмов, изречений, анекдотов и т. д.

Тематическая структура материала. Предварительный список лексем, которые могли бы стать единицами лингвокультурологического словаря современного сербского литературного языка, мы составили на основе исследовательских работ студентов, обучающихся по направлению «сербский язык», — группы слушателей спецкурса по лексикологии, посвященного лингвокультурологическим исследованиям о влиянии культуры на лексику современного сербского литературного языка. Применяя методы и источники, упомянутые в этой работе, студенты самостоятельно выделяли культурно маркированную лексику, а в своих заданиях доказывали и демонстрировали репрезентативность отобранной лексики. Если аргументация не была достаточно убедительной, работы возвращались обратно и студенты должны были отобрать более репрезентативные примеры.

Студенты придерживались основных инструкций, которые были отправной точкой при поиске материала. Первое условие касалось приведенного выше подхода И. Брилевой и сотворов, использованного в работе над лингвокультурологическим словарем русского языка²¹ и заключающегося в том, что единицы должны представлять собой общеизвестную лексику (а не ту, которую носители должны были бы знать) и что у словаря не должно быть воспитательной функции. Второе условие, касающееся выделения

²⁰ Стефановић М. Језичка слика породице у руском и српском језику. С. 93–143.

²¹ Брилева И. С. и др. Лингвокультурологический словарь.

такой лексики, — это ее экспрессивный характер. Культурно маркированная лексика обозначает нечто, о чем у носителей сербского языка есть оценочное суждение, а это суждение может (но это не обязательно) отличаться от выносимого в некоторой другой культуре. Вот что об этом говорят Е.И. Зиновьева и Е.Е. Юрков: «Если о некотором феномене представители культуры могут сказать: “Это хорошо (плохо, интересно, скучно и т. д.)”, такой феномен в данной культуре представляет концепт»²².

Поскольку упомянутый курс существует уже пять лет, к данному моменту собрано много культурно маркированной лексики. Этот список, предназначенный для составления словаря, непременно должен быть отредактирован и значительно дополнен, но и собранный до сих пор материал заслуживает анализа. Особенного внимания заслуживает факт, что у студентов не было возможности просматривать все заданные источники, но, отбирая материал, они в основном отталкивались от собственных предположений и впечатлений относительно культурологической окрашенности определенных лексем, а затем проверяли свои предположения, отвергали их или подтверждали. В выборе лексики для такого словаря языкового чутья носителей языка совершенно недостаточно, но оно играет важную роль в исходном сборе материала. Большое количество лексем повторялось много раз, это дополнительно означало, что они заслуживают место в лингвокультурологическом словаре.

Мы зафиксировали все собранные лексемы с целью их тематически рассортировать. Нас заинтересовало, какие значения имеет культурно маркированная лексика, в какие тематические группы она входит и почему в определенных тематических группах культура оказывает более сильное влияние на значение лексем, нежели в других.

1. *Названия животных.* Своей численностью, уже на первый взгляд, выделяются лексемы, обозначающие животных, но имеющие в качестве одного из вторичных значений именование определенного типа людей. Особенно в сознании студентов-носителей языка продуктивны следующие лексемы: *лисица* ‘лиса’, *гуска*

²² Зиновьева Е.И., Юрков Е.Е. Лингвокультурология. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2006. С. 148.

‘гусь’, *пчела* ‘пчела’, *магарац* ‘осел’, *зец* ‘заяц’, *мајмун* ‘обезьяна’, *пас* ‘собака’, *вук* ‘волк’, *коњ* ‘конь’, *кобила* ‘кобыла’, *мрав* ‘муравей’, *папагај* ‘попугай’, *змија* ‘змея’, *слон* ‘слон’, *јагње* ‘ягненок’, *теле* ‘теленок’, *жирафа* ‘жираф’, *кокошка* ‘курица’, *ћурка* ‘индюшка’, *крава* ‘корова’, *свиња* ‘свинья’, *црв* ‘червь’, *гавран* ‘ворон’, *рода* ‘аист’, *сова* ‘сова’, *медвед* ‘медведь’, *лане* ‘оленок’, *јагње* ‘ягненок’, *бик* ‘бык’, *славуј* ‘соловей’, *бумбар* ‘шмель’, *мачка* ‘кошка’, *маца* ‘кошечка’, *крпел* ‘клещ’, *твор* ‘хорек’, *лав* ‘лев’, *голуб* ‘голубь’, *голубица* ‘голубка’, *кртица* ‘крот’, *во* ‘вол’, *камелеон* ‘хамелеон’, *миш* ‘мышь’, *ован* ‘баран’, *патка* ‘утка’, *вашка* ‘вошь’, *гуштер* ‘ящерица’, *сом* ‘сом’, *трут* ‘трутень’, *кучка* ‘сука’, *кукавица* ‘кукушка’ и т. д. Подтверждение тому, что зоонимы действительно являются культурно маркированными можно найти в лингвокультурологическом словаре русского языка И.С. Брилевой и соавторов, который разделен на четыре части, и первую часть представляют *зооморфные образы*. Русский лингвист Н.Д. Голев идет на шаг дальше. Он в 2011 г. с группой последователей из Кемерово составил русский словарь бионимов²³. Бионимы — это названия растений и животных. На данный момент идет работа над многоязычным лингвокультурологическим словарем бионимов. Изначальная идея заключается в том, что человек переносит свой взгляд на мир на явления природы, которые его окружают. Объясняя этот феномен и функцию своего словаря, Н.Д. Голев вводит понятие *антропоцентрическая лексикография*.

2. *Названия растений*. В отличие от обширного материала, который составляют названия животных, названия растений в гораздо меньшем объеме представлены в собранном материале: *јабука* ‘яблоко’, *ружа* ‘роза’, *цвет* ‘цветок’, *слама* ‘солома’, *боранија* ‘фасоль’, *буква* ‘бук’, *дрен* ‘кизил’, *пасуљ* ‘фасоль’, *храст* ‘дуб’, *лимон* ‘лимон’, *паприка* ‘перец’, *мак* ‘мак’. В сознании носителя сербского языка *јабука* ‘яблоко’ — эталон здоровья, *ружа* ‘роза’ и *цвет* ‘цветок’ — красоты, *слама* ‘солома’ — чего-то бесполезного,

²³ Словарь обыденных толкований русских слов. Лексика природы. В 2-х т. Т. 1. А–М (АБРИКОС — МУРАВЕЙ) (480 слов-стимулов) / Под ред. Н.Д. Голева, авторы-составители Басалаева М.Ю., Воробьева М.Е., Голев Н.Д., Дударева Я.А., Замилова А.В., Ким Л.Г., Кишина Е.В., Кузнецова Т.Ю., Мельник Н.В. Кемерово: Издательство Кемеровского университета, 2011.

не имеющего ценности, *дрен* ‘кизил’ связан с сухостью, *пасуль* и *боранија* ‘фасоль’ — с чем-то простым, несложным, *храст* ‘дуб’ — с силой, *лимун* ‘лимон’ — с желтизной, *паприка* ‘перец’ и *мак* ‘мак’ — с краснотой. Хотя Веселин Чайканович показывает нам мифологическое значение и богатую символику различных растений, согласно данным толковых словарей, в современном сербском языке эти пласты плохо сохранились.

3. *Человек. 3.1. Прецедентные имена.* Имена собственные служат для именованья, и они не способны обозначать, но у прецедентных имен есть такая возможность. Это общеизвестные имена, которые могут быть связаны с некоторым прецедентным текстом или ситуацией, или те имена, которые существуют автономно²⁴. В первую группу входят, например: *Васа Ладачки* (герой песни Дж. Балашевича), *Пчелица Маја* (Пчелка Майя), *Срећко Шојић* (персонаж кинофильма), *Црни Груја* (персонаж кинофильма), а во вторую группу: *Моцарт*, *Рокфелер*, *Новак Ђоковић* (Новак Джокович) и т. д. Эти имена употребляются не только денотативно: *Моцарт је написао Фигарову женидбу* (Моцарт написал «Женитьбу Фигаро»), но и коннотативно: *Тај дечак је будући Моцарт* (Этот мальчик — будущий Моцарт). Это очень важная особенность данных лексических единиц, так как они таким образом перестают быть просто именами, но также приобретают значения, которые соотносятся с оценочной шкалой определенного национального лингвокультурного сообщества, потому что формируется список героев, которым следует подражать, и антигероев, на чьем примере нация учится тому, чего делать не следует. Прецедентные имена могут быть связаны не только с сербской культурой, но и с общим европейским или с мировым культурным наследием. Вот актуальные примеры из нашего материала: *Свети Сава* (Святой Савва), *Никола Тесла* (Никола Тесла), *Вук Караџић* (Вук Караджич), *Марко Краљевић* (Марко Королевич), *Милош Обилић* (Милош Обилич), *Вук Бранковић* (Вук Бранкович), *Вила Равијојла* (Вила Равийойла), *Проклета Јерина* (Проклятая Ирина), *Косовка Девојка* (девушка с Косово), *Алберт Ајнштајн* (Альберт Эйнштейн), *Хитлер* (Гитлер), *Дон Жуан* (Дон Жуан), *Квазимодо* (Квазимодо), *Пиноккио* (Пиноккио), *Калимеро* (Калимеро), *Олива* (Олива), *Морнар Попај* (моряк

²⁴ *Брилева И.С. и др.* Лингвокультурологический словарь. С. 23.

Попай), *Брзи Гонзалес* (Спиди Гонзалес), *Супермен* (Супермен), *Спајдермен* (Человек-Паук), *Мики Маус* (Микки Маус), *Дрвена Марија* (о холодной и строгой женщине), *Сека Перса* (о женоподобном мужчине), *Радио Милева* (о сплетнике) и т. д. Среди этих имен есть имена сербские и иностранные, имена людей, реально существовавших, и героев художественных произведений, но общее у них то, что для студентов служило критерием включения их в список, — это символичность имен и то, что всем носителям известно качество или группа качеств, которые стоят за ним, если тот или иной человек назовет кого-то данным именем (ср. *Он настоящий Тесла/ Эйнштейн/ Дон Жуан/ Супермен* и т. д.). Поэтому некоторые из этих имен превращаются в нарицательные существительные, пишутся с маленькой буквы и развивают систему дериватов, ср. в русском языке: *донжуан, донжуанский, донжуанство* или *донкихотский, донкихотство*.

3.2. *Этнонимы*. И эту группу составляют имена собственные, которые первоначально не обладают значением, так как ими ничего не характеризуется, а только именуется, но их значение «наполнено» коллективной экспрессией того или иного сообщества, стереотипами, предрассудками и т. п. Стереотипы, которые связаны с именами этносов — это *этнокультурные стереотипы*²⁵. Они не одинаково яркие у всех лексем из этой группы, но представим некоторые из тех названий этносов, с которыми связаны устойчивые стереотипы: *Срби* (сербы), *Хрвати* (хорваты), *Босанци* (боснийцы), *Црногорци* (черногорцы), *Албанци* (албанцы), *Шинтари* (албанцы), *Немци* (немцы), *Руси* (русские), *Французи* (французы), *Роми, Цигани* (цыгане), *Енглези* (англичане), *Кинези* (китайцы), *Американци* (американцы), *Турци* (турки), *Арапи* (арабы), *Јапанци* (японцы), *Италијани* (итальянцы), *Жабари* (итальянцы), *Пироћанци* (жители Пирота), *Земунци* (жители Земуна), *Лале* (воеводинцы) и т. д. Данные из Ассоциативного словаря показывают, что этнокультурные стереотипы в основном пропитаны негативной оценкой народов и культур.

²⁵ См.: *Пунер П.* Називи језика у мрежи вербалних асоцијација // *Пунер П.* Српски између великих и малих језика. Друго, допуњено издање. Београд: Београдска књига, 2004. С. 138–167; *Драгићевич Р.* Лингвокултуролошка упоредна истраживања етнокултурних стереотипа // *Анали Филолошког факултета*. Бр. 22. 2010. С. 201–214.

3.3. *Названия родственников.* Лексемы, которые обозначают родственников, имеют выраженную культурную маркированность, которую детально описала М. Стефанович²⁶. В эту группу входят: *мајка* ‘мать’, *маћеха* ‘мачеха’, *отац* ‘отец’, *очух* ‘отчим’, *син* ‘сын’, *ћерка* ‘дочь’, *брат*, *сестра*, *свекрва* ‘свекровь’, *ташта* ‘теща’, *зет* ‘зять’, *снаха* ‘сноха’, *јетрва* ‘невестка’, *кум* ‘кум’/‘крестный отец’ и т. д. Интересно, что *мајка* представляет собой один из редких концептов в сербской культуре, который связан с отчетливо положительной оценкой. С братом, сыном, дочерью связаны и позитивные и негативные стереотипы, а выражено отрицательные связаны с мачехой, свекровью, тещей, зятем, снохой, невесткой и т. д.

3.4. *Люди.* Эта категория состоит из лексем, обозначающих людей, принадлежащих к разным группам: *човек* ‘человек’, *жена*²⁷ ‘женщина’, *девојка* ‘девушка’, *баба* ‘бабушка’, *беба* ‘младенец’, *дете* ‘ребенок’, *плавуша* ‘блондинка’, *папучар* ‘мужчина, над которым доминирует его жена’, ‘подкаблучник’, *пионир* ‘пионер’, *друг* ‘товарищ, член Коммунистической партии Югославии’, *другарица*

²⁶ *Стефановић М.* Језичка слика породице у руском и српском језику.

²⁷ Пословицы и фразеологизмы указывают на амбивалентное отношение к женщине в сербской культуре. Примеры пренебрежительного отношения: *Не веруј љетини док је не метнеш у амбар, ни жени док је не метнеш у гроб* (Не верь в урожай, пока не положишь его в амбар, не верь и женщине, пока не положишь ее в гроб); *Што једна жена зна, више није тајна* (То, что знает одна женщина, уже не тайна); *Што жена више плаче, више мужа вара* (Чем больше женщина плачет, тем больше обманывает мужа); *Змија и жена ствар је једна* (Змея и женщина — одно и то же); *Горе је злу жену дирнути но злу гују* (Хуже дотронуться до злой женщины, чем до злой змеи); *У жене је дуга коса а кратка памет* (У женщины длинные волосы, но короткий ум); *Жену и змију по глави удри.* (Женщину и змею стукни по голове); *Лајава жена више пута бијена* (Сварливая баба много раз бита); *Два пута је човек весео: првом кад се ожени, а другом кад жену укопа* (Два раза человек веселится: первый — когда женится, а второй — когда жену похоронит). Меньше примеров положительного отношения к женщинам: *Не стоји кућа на земљи него на жени* (Дом стоит не на земле, а на женщине); *Никоје благо не вреди као вредна жена* (Ни одно сокровище не стоит столько, сколько трудолюбивая женщина); *Бе није жене, онђе није ни куће* (Где нет женщины — нет и дома); *И зла је жена добра жена* (И злая жена — хорошая жена); *Чоек не може бити чоек док га жена не крсти* (Человек не станет человеком, пока его не покрестит женщина).

‘товарищ (по отношению к женщине), член КПЮ’²⁸, *сельак* ‘крестьянин’, ‘примитивный человек’, *студент* ‘студент’, *млада* ‘невеста’, *граф* ‘граф’, *паша* ‘паша’, *цар* ‘царь’, *краль* ‘король’ и т. д.

3.5. *Части тела*. Лексемы, означающие части тела, имеют сильную культурологическую маркированность в силу антропоцентрической структуры лексикона. В эту группу, однако, не попадают все соматизмы: *глава* ‘голова’ (как средоточие мысли, как жизнь и как человек сам по себе), *око* ‘глаз’ (как самая большая драгоценность, как окно в мир, как зеркало человека и как человек сам по себе), *рука* ‘рука’ (как символ человеческой активности), *кост* ‘кость’ (как знак наготы), *крв* ‘кровь’, *длака* ‘волос’ (как символ малого, незначительного), *срце* ‘сердце’ (как средоточие самых сильных эмоций и источник доброты), *душа* ‘душа’ (как духовная составляющая человека), *образ* ‘щека’ (как символ чести), *језик* ‘язык’ (как самое сильное оружие) и т. д.

4. *Предметы*. Между лексемами, обозначающими предметы, особое место занимают те, которые связаны с традиционной культурой: *огњиште* ‘очаг’, *чесница* ‘рождественный пирог’, *повојница* ‘подарок новорожденному’, *кољиво* ‘кутья’, *преслица* ‘прялка’, *вретено* ‘веретено’, а также *буздован* ‘булава’, ‘палица’, *будак* ‘кирка’, *ћускија* ‘лом’, *топ* ‘пушка’, *стрела* ‘стрела’, *пушка* ‘ружье’ и т. д. В связи с предметами есть и события, во время которых эти предметы используются: *слава* ‘слава (праздник)’, *преслава* ‘вторая слава’, *свадба* ‘свадьба’, а также места, в которых они используются: *кућа*, *дом* ‘дом’, *гробље* ‘кладбище’ и т. д. Почти все тематические группы лексем, обозначающие предметы, содержат и культурно окрашенную лексику. В качестве примера приведем некоторые экспрессивно окрашенные лексемы, которые обозначают одежду: *рита*, *дроња*, *крпа*, *прња*, *дроњак* ‘тряпки, лохмотья, рубище’. Среди лексем из этой группы есть и те, которые обозначают людей, но имеют уничижительное значение:

²⁸ Примеры *пионир*, *друг*, *другарица* указывают на один из богатых источников материала для лингвокультурологического словаря: это лексемы или значения, как в приведенных примерах, которые А. Миланович назвал *југословизмима*: *текма* (‘соревнование’), *трица* (‘тройка’), *спавана* (‘спальня’), *плахта* (‘покрывало’), *маренда* (‘полдник’) и т. д. (Milanović A. Jugoslovenizmi između pamćenja i zaborava // Treći program, 143–144, III–IV, 2009. S. 195–200).

мантијаши ‘носящий монашескую мантию, черноризец’; *капу-таш* ‘наименование городского интеллигента, носящего пальто, сюртук’; *гуњаши* ‘крестьянин-бедняк, носящий куртку из грубого сукна’; *цилиндраш* ‘городской житель, который носит цилиндр’; *ритаковић*, *дроњара* ‘оборванец’; *шубараши* ‘богатый человек, носящий меховую шапку’; *мундириџа* ‘военнослужащий, носящий мундир’; *гађоња* ‘человек в подштанниках, кальсонах’; *одрпуља* ‘оборванка’; *сукњара* ‘бабник’. Но существуют также лексемы, которые означают определенную идеологию или взгляд на мир: *капуташтво* ‘стиль богатой городской жизни’.

5. *Религија и мифологија*. Бог ‘Бог’, *анђео* ‘ангел’, *јеванђеље* ‘Евангелие’, *ђаво*, *враг* ‘диавол’, *вештица* ‘ведьма’, *вила* ‘вила (русалка)’²⁹ и т. д.

6. *Абстрактные явления и ценности*: *љубав* ‘любовь’, *слобода* ‘свобода’, *част* ‘честь’, *сређа* ‘счастье’, *несређа* ‘несчастье’, *политика* ‘политика’, *живот* ‘жизнь’, *смрт* ‘смерть’, *пријатељство* ‘дружба’, *инат* ‘стремление делать наперекор’, *прошлост* ‘прошлое’, *будућност* ‘будущее’³⁰, *вера* ‘вера’, *памет* ‘разум’, *добро* ‘добро’, *зло* ‘зло’, *глад* ‘голод’ и т. д.

7. *Прочее*: стихии, природные явления: *ватра* ‘огонь’, *вода* ‘вода’, *земља* ‘земля’, *муња* ‘молния’, *облак* ‘облако’, *небо* ‘небо’, *киша* ‘дождь’, *сунце* ‘солнце’, *звезда* ‘звезда’ и т. д., названия некоторых металлов: *злато* ‘золото’ (ценность), *гвожђе* ‘железо’ (сила),

²⁹ О лингвокультурологическом анализе лексемы *бог* см. *Мршевић-Радовић Д.* Фразеологија и национална култура. Београд: Друштво за српски језик и књижевност Србије, 2008, С. 167–188; *Самариџа С.* Када Бог крпи опаклију (представе о Богу у усменој прози) // Српски језик, књижевност, уметност. Књига II. *Бог*. Крагујевац: Филолошко-уметнички факултет, 2012, С. 11–25; *Драгићевић Р.* Концепт Бога у «Српским народним пословицама» // Теолингвистичка проучавања словенских језика / Ур. Ј. Грковић Мејдор, К. Кончаревић. Београд: Српска академија наука и уметности, 2013. С. 71–87; о Боге, диаволе, ангеле и Евангелии в сербских народних пословицах см. *Јовановић Симић Ј.* О лексемама *Бог*, *ђаво*, *анђео* и *јеванђеље* у српским народним пословицама // Теолингвистика. Међународни тематски зборник радова // Гл. ур.: А.К. Гадомски, К. Кончаревић. Београд: Православни богословски факултет, Институт за теолошка истраживања, 2012. С. 175–182.

³⁰ О пространстве и времени в сербской культуре на материале сербской фразеологии см. *Мршевић-Радовић Д.* Фразеологија и национална култура. С. 28–100.

рђа ‘ржавчина’ (зло), названия сторон света: *запад* ‘запад’, *исток* ‘восток’, *север* ‘север’, *југ* ‘юг’; названия языков и видов письма: *француски* ‘французский’, *немачки* ‘немецкий’, *италијански* ‘итальянский’; *ћирилица* ‘кириллица’, *латиница* ‘латиница’ и т. д.

Иерархическая организация материала — концептосфера и ее структура. Единица описания связей языка и культуры называется *лингвокультуремой*³¹. Лингвокультуремой может быть лексема, словосочетание, предложение, текст, т. е. есть пословица, строфа стихотворения, крылатое выражение, афоризм и т. д. Предмет нашего интереса — лингвокультуремы в виде лексем. Все культурно маркированные лексеммы обладают разными статусами. В центре поля находятся *культурологические концепты*. По отношению к лексемам-концептам определяется статус остальных лексем. Мы выделим еще две группы (хотя на самом деле их больше) — *константы* и *культурно окрашенная лексика*.

Концепт. Концепт определяется как «отражение национальной картины мира, выражающееся через лексему»³². Похожим образом концепт определяют Е.И. Зиновьева и Е.Е. Юрков (следуя за С.Г. Воркачевым): «Концепт — это единица, коллективного знания/сознания (принадлежащая к высшим духовным ценностям), которая имеет языковое выражение и маркирована этнокультурной специфичностью»³³. Общность концептов называется *концептосферой*. Ядро концептосферы формируют базовые концепты, а на периферии находится остальная лексика, которая отличается национально-культурной спецификой (некоторые исследователи называют их небазовыми концептами).

Основываясь на каких характеристиках, можно распознать концепт?

Культурологический концепт отличается от концептов в некоторых других сферах тем, что представители определенных языковых сообществ имеют общее представление о данном явлении — следовательно, оно подвергается оценке.

³¹ Брагина М.А., Дронов В.В., Красс Н.А., Синячкин В.П., Тарасов Е.Ф. // Лингвокультуроведческие аспекты формирования языкового сознания иностранных студентов в процессе изучения русского языка. М.: Российский университет дружбы народов, 2008. С. 19.

³² Там же. С. 86.

³³ Зиновьева Е.И., Юрков Е.Е. Лингвокультурология. С. 115.

Принцип культурной разработанности словаря для обозначения определенного явления. Так, например, в языке хануно'о на Филиппинах существует 90 названий различных видов риса. Такое лексическое богатство, конечно же, указывает на значение, которое рис имеет у жителей Филиппин.

Частотность употребления лексем в определенном языке. Предполагается, что самые частотные слова обозначают базовые концепты в некоторой культуре. Десять самых частотных существительных в «Сербских народных пословицах» В. Караджича — это: *Бог*, *човек* 'человек', *око* 'глаз', *пас* 'собака', *глава* 'голова', *кућа* 'дом', *вода*, *рука*, *жена* 'женщина', *коњ* 'конь'³⁴. Все эти лексемы, а также многие другие из списка самых частотных лексем в сербской традиции, представляют собой концепты. Большое значение для исследования имеет и порядок расположения лексем. При анализе концептов на основе пословиц важен и их тематический обзор, например, такой, который сделала Е. Йованович³⁵. Важно не только найти наиболее частотную лексему в корпусе, но еще и найти лексему, обозначающую такое явление, в связи с которым существует наибольшее количество пословиц. Данный подход показывает, что наибольшее количество пословиц связано с человеком и что человек — самый важный концепт и ключевое слово в любой культуре³⁶. Согласно данным, которые предоставляет Дж. Костич³⁷, список из 10 самых частотных существительных, прилагательных и глаголов в «Сербских народных песнях» В. Караджича выглядит так. Существительные: *девојка* 'девушка',

³⁴ Этот список составила София Миличевич в своей магистерской работе, целью которой был анализ частотности существительных в «Сербских народных пословицах» В. Караджича. Работа защищена на филологическом факультете в Белграде 30 октября 2011 г.

³⁵ *Јовановић Ј.* Књига Српских народних пословица. Књ. II. Београд: Научно друштво за негованье и проучаванье српског језика, 2006.

³⁶ *Розина Р.И.* Человек и личность в языке // Культурные концепты. Логический анализ языка / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Наука, 1991.

³⁷ *Костић Ђ.* Квантитативни опис структуре српског језика. Фреквенцијски речник сабраних дела Вука Ст. Караџића. Т. 1–8. Српске народне пјесме. Београд: Институт за експерименталну фонетику и патологију говора, Лабораторија за експерименталну психологију Филозофског факултета Универзитета у Београду, 2004.

Турчин ‘турок’, Бог, мајка ‘мать’, коњ ‘конь’, јунак ‘герой’, рука, брат, глава ‘голова’, двор ‘дворец’. Прилагательные: бео ‘белый’, млад ‘молодой’, добар ‘хороший/добрый’, мио ‘милый’, леп ‘красивый’, зелен ‘зеленый’, стар ‘старый’, раван ‘ровный/равный’, драг ‘дорогой’, турски ‘турецкий’³⁸. Глаголы: бити ‘быть’, хтети ‘хотеть’, дати ‘дать’, доћи ‘прийти’, видети ‘видеть’, говорити ‘говорить’, отићи ‘уйти’, имати ‘иметь’, ићи ‘идти’, беседити ‘говорить/произносить речь’.

Частотная ассоциативная связь с другими лексемами. В предисловии к «Славянскому ассоциативному словарю» Н.В. Уфимцева выделила тридцать лексем, представляющих ассоциации на самое большое число стимулов в русском, белорусском, украинском и болгарском языках³⁹. Эти тридцать лексем она назвала *ядром языкового сознания*. Мы провели такое же исследование по отношению к сербскому языку. Первые десять из тридцати лексем это: *живот* ‘жизнь’, *човек* ‘человек’, *љубав* ‘любовь’, *ја* ‘я’, *срећа* ‘счастье’, *досада* ‘скука’, *ништа* ‘ничего’, *страх* ‘страх’, *људи* ‘люди’, *глупост* ‘глупость’. Н.В. Уфимцева заметила, что из тридцати лексем в упомянутых четырех языках десять являются общими для всех языков: *жизнь, человек, любовь, радость, друг, счастье, добро, смерть, деньги, большой*. Если к этим языкам добавить сербский, в список общих лексем, формирующих ядро языкового сознания, войдут лексемы *жизнь, человек, любовь, сердце, деньги, смерть, добро*.

Принцип ключевых слов. А. Вежбицкая выделяет три ключевых слова в русской культуре: *тоска, судьба, воля*. Оказалось, что выделение ключевых слов на основе того или иного критерия вызы-

³⁸ Многие из этих прилагательных представляют собой постоянные эпитеты в фольклоре, а такие языковые единицы относятся, по словам А. Пеянович (Пеянович А. Постоянные эпитеты как этнокультурные маркеры и их фразеологическая транспозиция (теоретический и преводческий аспекты) // Филологические науки. 2008. № 6. С. 89–99.), к этнокультурным маркерам.

³⁹ Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А., Караулов Ю.Н., Тарасов Е.Ф. Славянский ассоциативный словарь, русский, белорусский, болгарский, украинский. М.: Министерство образования и науки Российской Федерации, Московский государственный лингвистический университет, Российская академия наук, 2004.

вает споры в научной среде⁴⁰. Как отмечает В.А. Маслова⁴¹, чтобы ту или иную лексему можно было причислить к ключевым словам культуры, она должна присутствовать в текстах разных стилей, должна быть частотной, входить в большое число фразеологизмов и пословиц.

*Продуктивность лексемы в деривационном и семантическом плане и вхождение в большое число фразеологизмов и пословиц*⁴². Чем большему числу критериев удовлетворяет та или иная лексема, тем лучший пример концепта она собой представляет. Данное исследование показывает, что различные способы выявления концепта дают одинаковый результат, а именно список, составленный из большого числа повторяющихся лексем, включенных в него в результате анализа самых частотных лексем, наиболее часто встречающихся в пословицах и фразеологизмах, наиболее часто выступающих реакциями на стимулы в ассоциативных экспериментах и т. д. Таким образом, список концептов в сербском языке очерчивается сам собой, но вопрос заключается в том, стоит ли делать такие списки строго ограниченными, т. е. создавать *концептуариумы*⁴³.

Константы. Константы выделяются относительно концептов, хотя константа является базовым концептом. Это концепт, который постоянно и долговременно существует в той или иной культуре. Проблемой констант в русской культуре занимался Ю. Степанов, который составил «Словарь русской культуры». В этом словаре выделяются следующие константы: *вечность, мир, огонь, вода, хлеб, слово, вера, любовь, радость, воля, правда, истина, знание, наука, число, письмо, алфавит, закон, русский* (национальность), *Россия, русский, человек, личность, душа, интеллигенция, совесть, деньги, страх, тоска, дом, язык* и т. д. Константы относятся к базовой части концептосферы любой культуры. Можно предположить универсальность констант, т. е. существование

⁴⁰ Брагина М.А. и др. Лингвокультуроведческие аспекты... С. 86.

⁴¹ Маслова В.А. Лингвокультурология. С. 73.

⁴² Эти критерии выделены из различных частей книги Е.И. Зиновьевой и Е.Е. Юркова, прежде всего из материалов А. Вежбицкой и О.А. Ипанова, которые цитируются в книге на с. 113, 148, 149.

⁴³ Концептуариум — это тезаурус концептов (см.: Брагина М.А. и др. Лингвокультуроведческие аспекты... С. 88).

одинакового или очень похожего списка лексем, которые являются константами в большом количестве языков. О значении выделенных концептов-констант Ю. Степанов говорит следующее: «Русская культура на самом деле существует в той мере, в которой существуют значения русских (и древнерусских) лексем, обозначающих лингвокультурологические концепты»⁴⁴.

Культурно окрашенная лексика. Существуют, однако, и лексемы, находящиеся на периферии концептосферы, они культурно маркированы, но не способны входить в число культурологических концептов. Согласно нашей оценке, таковы, например, лексемы *Јапанац* ‘японец’, *Дон Кихот*, *Супермен*, *Мистер Бин*, *Пи-нокио*, как и многие другие лексемы, которые культурно окрашены, но не относятся к концептам сербской культуры. К этой же группе принадлежат и такие лексемы, как *кануташи*, *мантијаши*, сформированные на почве сербского языка и связанные с негативным отношением части сербского сообщества к определенным социальным группам; но подобные лексемы не общеизвестны, не общеупотребительны, не обладают символическим значением, не присутствуют в паремиологическом фонде, они не многозначны, не отличаются деривационной продуктивностью и остальными свойствами, характерными для концептов.

В общих чертах в данной лекции мы показали структуру материала для лингвокультурологического словаря сербского языка, а также источники материала и методы его отбора. Этот же материал служит и для исследования выделенных концептов, т. е. для составления лингвокультурологического комментария, но эта проблема требует отдельного исследования.

Перевод В. Каприеловой

⁴⁴ Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. 2-е изд., исправленное и дополненное. М.: Академический Проект, 2001. С. 8.

Лингвистическая география в Сербии¹

Вводные замечания

В прошлом существовали многочисленные термины, которые использовались для именования диалектологического метода, который подразумевал картографическое представление отдельных диалектных особенностей и изучение диалектов в их горизонтальной дифференциации. Сегодня в науке о языке общепринято и привычно название *лингвистическая география* для лингвистической дисциплины, которая из метода исследования выросла в самостоятельную науку, занимающуюся сбором данных о диалектных особенностях определенной языковой системы и наблюдением над географическим распространением конкретных языковых явлений различных уровней (чаще всего в области фонетики и лексики). Ее наивысший результат — лингвистические атласы. «В своем самом развитом виде лингвистическая география включает работу

¹ Данная лекция составлена на основе авторского исследования *Милорадовић С. Лингвистичка географија у Србији — језички записи на картама и њихово читање* // *Јужнословенски филолог*. Књ. LXXIII. Св. 3–4. Београд, 2017. С. 113–135, которое было несколько дополнено и изменено. Лекция сопровождалась 34 иллюстрациями. Среди них — титульные листы трех лингвистических атласов, затем несколько карт, опубликованных в них, а также значительное число карт из монографий и авторских исследований сербских диалектологов, посвященных самым разным проблемам от просодии до синтаксиса и лексического уровня. Однако описанный иллюстративный материал (включая полный список библиографических данных и сводный комментарий содержания карты) превосходит предполагаемый объем данной лекции.

над атласом на основе данных, собранных в разных местах при использовании одного и того же вопросника»².

Лингвистические атласы могут быть национальными, региональными, а могут быть и результатом мегапроекта, т. е. международного сотрудничества большого количества стран. Примером таких проектов могут послужить, например, «Лингвистический атлас Европы» (ЛАЕ), «Общеславянский лингвистический атлас», «Общекарпатский диалектологический атлас». Способ представления данных (карты и материалы) в языковых атласах, несмотря на то, идет ли речь об атласе одного языка, одной языковой группы — группы родственных языков или же об атласе типологически и структурно совсем различных языков, «реализует оптимальную упорядоченность фактов всех исследуемых территорий»³. Таким образом, когда идет речь о научной лингвистической карте, первый уровень исследования — графическое представление языковых данных — так сказать, необходимое (хотя не всегда достаточное) предварительное условие для второго уровня — для профессиональной интерпретации представленного материала.

Позволяя обозреть некоторые давние связи между отдельными языками и диалектами, но параллельно свидетельствуя и о происходивших инновационных процессах, лингвистические карты, составленные в рамках лингвогеографических проектов и их сопроводительные материалы играют важную роль в формулировании выводов, связанных прежде всего с исторической диалектологией, сравнительной грамматикой, этимологией и изучением межъязыковых контактов.

О лингвистических атласах и работе над ними сербских диалектологов

На комплексную и хорошо известную причину большого опоздания нашей страны в работе на ниве лингвистической географии

² *Ивић П.* Значај лингвистичке географије за упоредно и историјско проучавање јужнословенских језика и њихових односа према осталим словенским језицима // О словенским језицима и дијалектима. Изабрани огледи I. Ниш: Просвета, 1991. С. 49.

³ *Реметић С.* Српски језик у лингвистичким атласима // Славистика. Књ. I. 1997. С. 116.

многократно указывал Павле Ивич. Как одну из причин он приводил следующую: «В отличие от германистики и романистики, славистика не имела значительных традиций в этой сфере». Причиной являются и исторические обстоятельства, которые привели к дефициту материальных средств, дефициту научных кадров, дефициту диалектологических монографий, и, наконец, известная несклонность ведущих сербохорватских диалектологов, Александра Белича и Степана Ившича, к экспедиционным исследованиям с вопросником в руках⁴. Впрочем, стоит вспомнить известную карту «иллюстративного характера» Белича в его исследовании «Диалектологическая карта сербского языка» 1905 г., как и то, что в 1920-х годах профессор Белич «предусмотрел, что подобные подходы будут приемлемы для создания диалектологического атласа». Но известные объективные препятствия отложили проведение лингвогеографических исследований⁵, и только лишь «последний год работы профессора Белича принес нашей науке еще одно великое начинание, в котором ему принадлежит заслуга инициатора. Речь идет об организации упорядоченных лингвогеографических исследований, другими словами, о создании диалектологических атласов Югославии»⁶. В поле деятельности комиссии Югославии по созданию диалектологических атласов, организованной в 1959 г. и возглавляемой профессором Беличем, было две крупные задачи — «составление югославского атласа (словенского, сербохорватского и македонского) и участие в создании общеславянского атласа»⁷. Главная задача — создание и публикация атласа «трех югославянских языков», впрочем, должна была быть отложена, так как ни исследователей, ни средств для двух параллельных начинаний не было, не считая еще и более

⁴ *Ивић П.* Значај лингвистичке географије за упоредно и историјско проучавање јужнословенских језика и њихових односа према осталим словенским језицима // О словенским језицима и дијалектима. Изабрани огледи I. Ниш: Просвета, 1991. С. 49.

⁵ *Павловић М.* Дијалектолошки атлас и проблематика српскохрватског језика // Годишњак Филозофског факултета у Новом Саду. Књ. IV. 1959. С. 165–166.

⁶ *Ивић П.* Почетак организованог рада на лингвистичкој географији код нас // Наш језик. Бр. X/3–6. 1960. С. 101.

⁷ Там же.

позднее включение в работу над созданием «Лингвистического атласа Европы» и «Общекарпатского диалектологического атласа». «Стечением обстоятельств сербские диалектологи во второй половине XX в. достигли конкретных результатов в области лингвистической географии, работая, в основном, в международных проектах»⁸. Вероятно, самый важный среди них — тот, в который отечественные диалектологи вложили больше всего знаний и энтузиазма — «Общеславянский лингвистический атлас». Без всякого сомнения, это до сих пор самый большой и обширный лингвистический научный проект в славянском мире.

Для югославских славистов, связанных принятым в 1958 г. на IV Международном съезде славистов в Москве решением, что они приступят к работе над «Общеславянским лингвистическим атласом» (ОЛА), в 1959 г. был основан Югославский комитет по работе над диалектологическими атласами, позднее реорганизованный и переименованный в Межакадемический комитет по работе над диалектологическими атласами (при САНИ). В рамках этого комитета в течение следующих десятилетий велась работа над югославским сектором трех крупных международных проектов, а также над национальным проектом под названием «Сербохорватский диалектологический атлас» (СХДА) (сейчас «Сербский диалектологический атлас» — СДА). Председателем комитета до 1999 г. был академик Павле Ивич, после его смерти руководство комитетом перешло к академику Александру Младеновичу, а в 2010 г. комитет возглавил Александар Лома.

В целях оптимизации работы над данными проектами при Комитете были основаны комиссии по созданию упомянутых атласов. Помимо членов Комитета и их комиссий для выполнения обязательств над проектом «Сербский диалектологический атлас» многие годы привлекаются к работе и другие исследователи, работающие в других научных институтах. Так, в течение предыдущих пяти десятилетий югославские диалектологи, как и сербские, работали, как минимум, в двух направлениях — над международными и над национальными лингвистическими атласами при практически постоянных проблемах кадрового и финансового характера.

⁸ *Реметић С.* Српски језик у лингвистичким атласима // Славистика. Књ. I. 1997. С. 120.

Сербские лингвисты, в первую очередь П. Ивич, Д. Петрович, С. Реметич, М. Пижурица и Д. Чупич, а позднее в известной мере и Н. Богданович, Ж. Бошнякович, Г. Драгин и С. Милорадович, создали в течение протекших десятилетий большое количество карт прежде всего для «Общеславянского лингвистического атласа» и «Общекарпатского диалектологического атласа» (ОКДА). Когда требовалось составлять вопросники для атласов отдельных языков, многие важные вопросы, например, те, которые связаны с делением славянского языкового пространства, были излишними, и наоборот: только некоторые данные, собранные на сербской территории, могли быть использованы для отправки в центральную картотеку ЛАЕ или ОЛА. Сетка пунктов, созданная для нужд «Общеславянского лингвистического атласа», а тем более для «Лингвистического атласа Европы», была слишком редкой, чтобы отразить значимые явления в наших народных говорах. Особая проблема, которая была рассмотрена в рамках работы над ОЛА, а также на заседаниях Издательского комитета «Атласа европейских языков» — проблема распределения пунктов по языкам, провозглашенным после распада некогда единого государства Югославия (в меньшей мере это касалось и некоторых других славянских государств).

Работа над лингвистическими атласами состояла из многих сегментов: сбор диалектологического материала и его обработка, создание карт и сопроводительных материалов, прежде всего комментариев — сводной формы обнаруженных и представленных на картах языковых проблем, участие в рабочих встречах внутри коллектива, в международных рабочих и пленарных заседаниях, где проводились дискуссии касательно авторских карт и исследовательских проблем, возникавших в процессе картографирования, организация заседаний, когда до них доходила очередь. Работа над такими проектами «дорогостоящая и сложная», а «два основных вида такой работы: многодневные, продолжительные рабочие встречи в разных странах и домашние задания, которые публикуют отдельные ученые или научные группы в разных центрах в промежутки между встречами»⁹.

⁹ *Ivić P.* Рад на лингвистичкој географији у Југославији // Из српскохрватске дијалектологије. Изабрани огледи III. Ниш: Просвета, 1991. С. 62.

Экспедиции для атласа ОЛА были завершены в Югославии более 45 лет назад (где-то около 1975 г.), а многие национальные атласы остались заброшенными до сегодняшнего дня. Многочисленные и весьма сложные задачи международного сотрудничества в области лингвистических атласов, поставленные перед весьма ограниченным числом заинтересованных в этой работе и научно подготовленных отечественных диалектологов, для которых при этом работа над атласом не была «главной научной работой», потребовали свою дань. Профессор Ивич подчеркивал, что для такого вида работы необходимы значительные финансовые вложения и научно подготовленные кадры, кратко и ясно заключая: «Большие общественные задачи требуют соответствующих общественных вложений сил»¹⁰.

Лингвистический атлас Европы

В работу над «Лингвистическим атласом Европы» мы включились в 1974 г. Председателем Сербской национальной комиссии по подготовке ЛАЕ на данный момент является А. Лома, который на этом месте заменил П. Ивича. Ответы на отдельные вопросы были собраны из почти 50 стран Европы, точнее из 2 631 пункта — от Кипра и Мальты до Урала и Кавказа. На общей территории, которую покрывает ЛАЕ, существует шесть языковых семей, в рамках которых насчитывается целых 22 языковые группы, в которые входят 90 языков и диалектов. На основе собранных данных окончательно становится ясно, почему акцент в работе над ЛАЕ «ставится на связях, которые преодолевают границы языковых семей и чаще всего имеют большое культурно-историческое значение»¹¹.

Карты ЛАЕ обладают огромной ценностью — как благодаря сложности их создания, так и благодаря обширности сопроводительных, в основном этимологических, комментариев, которые нередко перерастают в самостоятельные исследования. Такой подход к материалу представляется очень правильным, поскольку речь идет о лексическом атласе (с обзором фонетических и морфологических деталей там, где это релевантно), он основан на объемном

¹⁰ Там же. С. 66.

¹¹ Там же. С. 60.

и разнородном материале из различных языковых семей, как и из отдельных изолированных языков¹².

Обработка национальных материалов, данных в раннее утвержденной транскрипции, подразумевает и наличие этимологических комментариев. В этом атласе находится 10 пунктов из Сербии и три из Черногории. Наши представители, академик Александр Лома и доктор Снежана Петрович не присутствовали на собраниях Организационного комитета ЛАЕ несколько последних лет по материальным причинам. Последняя карта П. Ивича для ЛАЕ была *paper* ('бумага'), но он не смог ее закончить.

Общеславянский лингвистический атлас

«Общеславянский лингвистический атлас» — крупнейший всеславянский проект, в котором каждый славянский язык, точнее народные говоры, образующие каждый отдельный славянский язык, представляется как часть единого большого целого — славянского языкового пространства. Работа над ОЛА была начата на основе решения уже упомянутого IV Международного съезда славистов 1958 г. Тогда при Международном комитете славистов была сформирована Комиссия для подготовки ОЛА, в которую вошли видные слависты из разных стран (Р.И. Аванесов, С.Б. Бернштейн, Б. Гавранек, В. Дорошевский, З. Штибер, С. Стойков и А. Белич). В Редакционной коллегии Вопросника ОЛА, в который входили 15 членов, выбранных в Польше в 1963 г., были П. Ивич и Б. Видоеский, которые активно участвовали и в работе над созданием выпуска «Общеславянский лингвистический атлас. Вступительный выпуск: Общие принципы. Справочные материалы».

Вопросник для ОЛА был создан в 1965 г. и содержал 3 454 вопроса¹³, а сеть пунктов охватывала 853 села. В его рамках существуют вопросы так называемых густых сеток и так называемых редких сеток, причем первых было без малого 3 000, в то время как вторых было всего несколько сотен. В работе над ОЛА сейчас

¹² Подробнее см. www.longv.ro/ALE.html.

¹³ Вопросник общеславянского лингвистического атласа. М.: Институт русского языка Академии наук СССР, 1965.

участвуют академии наук двенадцати славянских стран и тринадцатый участник — Сербский институт из Будишина (Бауцен) в Германии, таково же число национальных комиссий: Болгария, Белоруссия, Босния и Герцеговина, Македония, Польша, Россия, Словакия, Словения, Сербия, Украина, Хорватия, Чехия и Лужицкая Сербия. Командная, коллективная работа имеет определенные недостатки, несоответствия в интерпретации материала и недоразумения, замедляющие работу. Эти проблемы были, естественно, умножены вследствие распада трех объединенных государств — СССР, Чехословакии, СФРЮ, что принесло и большие финансовые трудности в реализацию и без того дорогого предприятия.

ОЛА в качестве предмета своего исследования имеет группу (семью) родственных языков, т. е. славянских языков в целом, а не какой-то отдельный язык. Национальные атласы исследуют диалектные различия в рамках одного языка, вследствие их национального значения, а в ОЛА картографируются различия в рамках целой славянской языковой семьи, так как они значимы на общеславянском уровне¹⁴. Атлас готовится в двух сериях: фонетико-грамматической (фонетика, морфология, синтаксис) и лексико-словообразовательной. На данный момент тома этих серий содержат фонетические и лексико-словообразовательные карты, а в будущем предполагается создание и морфологических, синтаксических и семантических карт. В соответствии с двумя сериями Атласа коллектив ОЛА работает в рамках двух комиссий — фонетико-грамматической и лексико-словообразовательной. Также в организационную структуру ОЛА входит и морфонологическая подкомиссия, которая занимается интерпретацией материала для лексических томов, где и возникла необходимость включения в работу наших этимологов; так к нашей национальной комиссии больше года назад присоединились академик А. Лома и доктор М. Бьелетич.

В сетке «Общеславянского лингвистического атласа» находится 21 пункт с территории Республики Сербия, а также два пункта с сербским населением на территории Румынии (Клокотич — до 2006 г. и Свиница) и один в Венгрии (Ловра), таким образом

¹⁴ Подробнее в <http://slavatlas.org>.

оказываются охваченными все сербские диалектные образования. Кроме того, поскольку Черногория пока еще не отправила своих представителей в Международную комиссию по подготовке ОЛА из архива комитета в сербскую комиссию направляются данные и для семи пунктов с территории Черногории.

Первый том фонетико-грамматической серии ОЛА «Рефлексы *ǰ» опубликован в Белграде в 1988 г. (гл. и отв. редакторы Б. Видоеский и П. Ивич), а в 2003 г. САНИ выступила как соиздатель Македонской академии наук и искусств при работе над томом 46 «Рефлексы *ъ, *ь. Вторичные гласные», который был опубликован в Скопье (гл. и отв. редакторы З. Тополинска, Д. Петрович). При распределении остальных томов лексико-словообразовательной серии по национальным комиссиям нам был отведен том «Пастушество и горное овцеводство» с учетом того факта, что несколько членов нашего коллектива (Д. Петрович, М. Пижурица, С. Реметич) приобрели богатый опыт в данной области при работе над «Общекарпатским диалектологическим атласом». На сегодняшний день опубликованы девять фонетических (в том числе два тома с обозначениями *a* и *b*) и восемь лексических томов ОЛА. Диалектологи из трех центров в Сербии (Белград, Нови-Сад и Ниш) являются в них авторами и соавторами около 90 карт (их примерно в два раза больше в фонетических томах). Некоторые из этих карт еще готовятся к публикации, так как подготовка требует значительных усилий и средств. Нужно подчеркнуть и тот факт, что П. Ивич участвовал в написании морфонологических транскрипций, в создании концепции некоторых томов при их окончательной редакции, а также подготовил несколько исключительно сложных, т. е. сводных карт.

В статье «“Общеславянский лингвистический атлас” и участие сербских диалектологов — энтузиазм, не меньший, чем знания»¹⁵ дан общий обзор пятидесятилетней работы сербских диалектологов над ОЛА. Чтобы дать представление об объеме работы, связанной с подготовкой материала, на основе которого создаются карты для ОЛА, приведу только один пример: наша трехчленная

¹⁵ Милорадовић С. «Општесловенски лингвистички атлас» и учешће српских дијалектолога — ентузијазам не мањи од знања // Јужнословенски филолог. Књ. LXIX. 2013. С. 367–390.

команда (Д. Петрович, С. Реметич и С. Милорадович) только в 2007 г. обработала более 4 500 диалектных форм исследуемых лексем: для болгарского лексического тома «Степени родства», для словацкого морфологического тома «Существительные» и для белорусского тома «Рефлексы *а». Работа Комитета и работа над ОЛА в течение 1990-х годов была значительно сокращена, а в некоторых сегментах и приостановлена из-за неблагоприятных обстоятельств — хронических материальных трудностей, многолетней политической и экономической изоляции, как и вследствие агрессии НАТО в 1999 г., но наши обязательства были выполнены, чтобы сохранить непрерывность нашего участия в этом проекте и чтобы материал из сербского диалектного корпуса не отсутствовал ни в одном томе Атласа.

Сербия четыре раза принимала ежегодные заседания Международной комиссии и Международной рабочей группы ОЛА — в 1989, 2003, 2016 и 2018 гг. В 1989 г. прошло заседание, на котором была организована презентация первых томов ОЛА. В 2003 г. в Аранджеловаце снова прошло заседание Международной комиссии, в которой принимали участие 30 человек из всех славянских стран и 10 отечественных диалектологов, также присутствовал представитель Республики Сербской. В 2016 г. на заседании присутствовали представители всех 13 национальных комиссий — 51 человек, что, разумеется, принесло неоценимую пользу в работе над Атласом. Нужно особенно указать, что к работе над Атласом практически все комиссии подключили большое количество молодых сотрудников, что дает основание быть уверенными в беспорности продолжения и завершения этого проекта. Из-за невозможности проведения заседания Международной комиссии ОЛА по финансовым причинам в Македонии в 2018 г. трехдневная работа Комиссии была организована сразу по завершении XVI Международного съезда славистов в Белграде (в августе 2018 г.), а в рамках съезда была осуществлена и презентация опубликованных томов ОЛА.

За последние 10 лет в славянском научном мире замечательными исследователями (в Варшаве, Москве и в Скопье) опубликовано несколько монографий, написанных на основе материала ОЛА. В наших лингвистических изданиях опубликован пионерский очерк Драго Чупича об ареалах лексемы *Pinus silvestris*

(L 381 *сосна*) в славянских языках¹⁶, где говорится о трех главных основах — *бор-*, *сосн-* и *хвој-*, который оставался, к сожалению, на долгие годы единственным, пока в 2007 г. не был опубликован анализ, основанный на материале фонетической карты **korljь* из атласа ОЛА¹⁷. И спустя 10 лет вышла еще одна работа, выполненная на материале ОЛА, — автор М. Бьелетич, которая провела этимологический анализ сербских прилагательных со значением ‘кудрявый’¹⁸.

Кажется важным в данном случае упомянуть и особый вклад П. Ивича, Д. Петровича и С. Реметича в создание важнейшей публикации — своеобразной «неожиданно полученной прибыли» в ходе работы сербских диалектологов над ОЛА — фундаментальной и в высшей степени полезной книги «Фонологические описания», опубликованной в 1981 г. в Сараеве, в которой, помимо прочего, представлено описание фонологии (инвентарь, дистрибуция и исторический экскурс) всех наших пунктов, входящих в сеть ОЛА¹⁹.

Общекарпатский диалектологический атлас

Всего через два года после включения в работу над «Лингвистическим атласом Европы», т. е. в 1976 г. наш малочисленный коллектив должен был принять обязательства по участию в еще одном международном проекте в области лингвогеографии. А именно наши диалектологи включились в работу над «Общекарпатским диалектологическим атласом», для которого должны были быть

¹⁶ *Ђунић Д.* Ареали лексеме *Pinus silvestris* у словенским језицима // Зборник Матице српске за филологију и лингвистику. Књ. XXXVI. 1994. С. 616–621.

¹⁷ *Милорадовић С.* Лексема **korljь* и континуанти групе **tort* на словенској језичкој територији // Јужнословенски филолог. Књ. LXIII. 2007. С. 83–96.

¹⁸ *Ђелетић М.* Придеви са значењем ‘коврцав’ у српском језику (на грађи за «Општесловенски лингвистички атлас») // Јужнословенски филолог. Књ. LXXII/3-4. 2016. С. 93–110.

¹⁹ *Fonološki opisi srpskohrvatskih-hrvatskosrpskih, slovenačkih i makedonskih govora obuhvaćenih Opšteslovenskim lingvističkim atlasom.* Akademija nauka i umjetnosti Bosne i Hercegovine, Posebna izdanja. Knj. LV. Odjeljenje društvenih nauka. Knj. 9. Sarajevo: ANUBiH, 1981.

собраны ответы на 785 вопросов «из области лексики, связанной с горами и горным хозяйством в странах, расположенных вдоль карпатской горной цепи» (Польша, Чехословакия, Венгрия, Украина, Молдавия, Югославия, Болгария; Румыния не входит в список по политическим причинам)²⁰. Из 210 предусмотренных пунктов в сетке ОКДА, 21 пункт находится на территории Югославии (за исключением Словении), и не только в северо-восточной Сербии, но и в части Динарского массива, потому что следовало осветить «древние связи между карпатской и балканской лексикой»²¹. Республика Сербия была представлена девятью пунктами (восемь сербских и один албанский).

Вопросник ОКДА состоит из 15 тематических блоков, между которыми самые объемные первый и двенадцатый — «Лексика народной жизни» и «Животноводство». Среди прочих тематических блоков — «Верования, обряды, обычаи», «Музыкальные инструменты», «Народная метеорология» и т. д. Многие тематические блоки имеют особое значение, если учесть, что этнографы давно обнаружили сходства в отдельных сегментах материальной и духовной культуры различных этносов в области Карпат и зоны, которая к ним примыкает. «Карпатское лексическое единство основано на том факте, что лексемы из определенных семантических полей заимствовались из одного языка в другой язык и были вторично адаптированы в соответствующих фонологических и морфологических системах»²². Выявление корпуса *карпатизмов* было основной целью создания Атласа, открывшего «широкие возможности для изучения языковой интерференции в карпатском лингвистическом ареале в целом»²³.

Поскольку в 2004 г. как совместное издание Сербской академии наук и искусств, Института сербского языка САНИ и фило-

²⁰ *Ивић П.* Рад на лингвистичкој географији у Југославији. С. 60.

²¹ Там же. С. 61.

²² Общекарпатский диалектологический атлас. Вступительный выпуск, Скопје: Международная редакционная коллегия ОКДА, Совет Академии наук и искусств СФРЮ, Македонская академия наук и искусств, 1987. С. 105.

²³ *Petrović D.* Srpskohrvatski jezik i Opštekarpatiski dijalektološki atlas // Zbornik Filozofickej fakulty Univerzity Komenského, Philologica, Ročník XXX. 1980. S. 69 [separat].

софского факультета в Нови-Саде опубликован последний, седьмой, том «Общекарпатского диалектологического атласа», практически завершена важнейшая фаза работы в этом международном научном проекте.

Сербский диалектологический атлас

Руководство Института сербохорватского языка вскоре после своего основания наряду с привлечением научных кадров преимущественно для работы над тезаурусом *Речник српскохрватског књижевног и народног језика САНУ* («Словарь сербохорватского литературного и народного языка САНИ») планировало и подготовку диалектологического атласа сербохорватского языка. Так, в плане работы на 1958 г. упомянуты диалектологические исследования и экспедиции. Однако, как уже было сказано, многочисленные и сложные обязательства в международных лингвогеографических проектах вытеснили работу над национальными атласами на второй план. И лишь после распада Югославии «сербская диалектология сербскохорватскую точку зрения заменила сербской», а наши исследователи «принялись за выполнение обязательств по изданию своего языкового национального атласа»²⁴. Работа над «Сербским диалектологическим атласом» разворачивается сегодня в рамках Диалектологического отдела Института сербского языка САНИ, а до 2020 г. она протекала в рамках проекта «Диалектологические исследования сербского языкового пространства» (руководитель проекта профессор доктор Слободан Реметич, академик академии наук Республики Сербской) в соответствии с заключенным в 2003 г. договором с Отделением языка и литературы САНИ. Так была возобновлена работа, которую еще А. Белич упоминал в ежегодном отчете Института, причем в 2004 г. в этом проекте были задействованы лишь два сотрудника Института (С. Реметич и С. Милорадович), позже появились и постоянные, и приглашенные сотрудники (диалектологи из всех университетских центров Сербии), а на данный момент вместе

²⁴ *Реметич С.* Шездесет година дијалектологије у Институту за српски језик // Шездесет година Института за српски језик САНУ. Зборник радова. Књ. I. Београд: Институт за српски језик САНУ, 2007. С. 191.

с руководителем Отдела С. Милорадович у нас есть 15 постоянно занятых сотрудников в центрах в Белграде, Нише и Нови-Саде. «Содержание проекта определил природный порядок вещей», так как он «всеобъемлющий и географически, и тематически: в него входит любое диалектное слово на территории от Северной Македонии и Враки вблизи Шкодера до Арада в Румынии и поселений к северу от Будапешта и от Западной Болгарии до Белой Краины в Словении и Пероя в Истрии»²⁵.

Вопросник «Сербохорватского диалектологического атласа», из которого отдельные подходящие вопросы заимствованы для составления карт «Сербского диалектологического атласа», включает 2 098 вопросов, распределенных по 14 тематическим блокам: «Человек и части тела», «Семья», «Одежда», «Дом и предметы быта», «Еда», «Земледелие», «Домашние животные», «Названия птиц и домашних животных», «Дикие животные», «Названия деревьев и фруктов», «Название овощей и цветов», «Названия народных промыслов», «Природа», «Общественная жизнь». Точнее, 1 649 вопросов относятся к приведенным блокам, а в «Приложении» затрагиваются проблемы ономастики и проблемы, связанные с отдельными частями речи. После распада объединенного государства и изменения объекта описания появилась проблема избытка вопросов для изготовления национального атласа, поскольку отдельные вопросы из Вопросника СХДА были связаны с отношениями внутри трех наречий (штокавского, чакавского и кайкавского), но не были значимыми для сербской диалектной ситуации, а с другой стороны, в вопроснике недоставало некоторых вопросов, релевантных для дифференциации в рамках сербского диалектного комплекса. Из Вопросника были взяты подходящие вопросы для первых четырех лексических томов, а для первого (или пробного) тома разработано 166 вопросов из пяти тематических блоков, причем лексемы-ответы принадлежат и различным семантическим группам, и различным частям речи.

Как основную причину «специфической сложности облика сербохорватских говоров» П. Ивич приводил значительные и частые миграционные перемещения на этой территории в период с XV по XIX в., «перетасованность» нашего населения, а также

²⁵ Там же.

зоны смешанных диалектных типов, появившихся в результате «скрещивания исконных говоров и говоров переселенцев или скрещивания говоров переселенцев из разных мест»²⁶. Материал для «Сербского диалектологического атласа» отражает результат двух типов массивных и практически непрерывных миграций — историко-политических и экономических, имевших место в сербском языковом пространстве. Сетка для национального диалектологического атласа, которая покрывает сербскую языковую территорию, т. е. все сербские диалектные образования, включает более 800 пунктов, а «сетка пунктов, в которых собирается материал для атласа, должна отображать картину диалектных характеристик как в крупных изоглоссах, так и в отдельных специфических случаях»²⁷. Первоначально предусмотренное число пунктов было увеличено более чем в два раза, а особенно «насыщена» сетка в Косове и Метохии, в отдельных краях Боснии и Герцеговины и в Хорватии — по данным переписи населения до исхода населения в течение 1990-х годов в связи с войной. Были выбраны пункты с сербским населением в Белой Краине в Словении, затем пункты рядом со Шкодером в Албании, также было добавлено несколько пунктов в Румынии и Македонии: «поначалу [...] в США были включены автохтонные сербские говоры в Дони-Полог, Скопска Црна Гора и в области Куманово в Республике Македония»²⁸.

В течение прошедших лет были проверены и дополнены материалы, ранее собранные в отдельных населенных пунктах, а дополнительные экспедиции затрагивали в большей мере говоры на территории двух бывших югославских республик — Боснии и Герцеговины и Хорватии, причем информанты с территорий, с которых были изгнаны сербы, были беженцами или переселенцами²⁹. На данный момент неблагоприятные политические

²⁶ *Ивић П.* Почетак организованог рада на лингвистичкој географији код нас. С. 106.

²⁷ *Павловић М.* Дијалектолошки атлас и проблематика српскохрватског језика. С. 175.

²⁸ *Станковић С.* Границе призренско-тимочких говора у власотиначком крају. Серија: Монографије Института за српски језик САНУ, 5. Београд: Институт за српски језик САНУ, 2008. С. 48.

²⁹ *Реметић С.* Српски језик у лингвистичким атласима. С. 119.

условия откладывают проведение экспедиций, прежде всего на территории Республики Хорватия. Также, как часто указывал руководитель проекта С. Реметич, не завершены работы в области утверждения границ трех важных черт в говорах Сербии, что замедляет всю работу в целом: 1) переогласовка старого количества гласного в качество; 2) так называемый копаоникский новый акут; 3) фонологическая индивидуальность древнего звука *ять*. И приведем здесь еще одну проблему, которую мы должны признать и решить, перед тем как перейти к стадии изготовления карт. Речь идет о разрешении сомнений относительно отдельных вопросов, которые сами по себе уже показывают, насколько необходима подготовка перед экспедицией (соответственно, требуется предварительное знакомство с «объектом» исследования): зависимость некоторых родственных названий от пола и исследователя, и информанта; исследуя семантику глагола *истеривати* надо учитывать, что в одних говорах *истерују се* ('выгоняют') и человека, и скот, а в других — *истерује се* человек, а *изгони се* скот и т. д. И в конце приведем один курьез — ответ на вопрос, как называется беременная женщина: на территории всех сербских диалектов отмечено целых 16 лексических образований, а только на косовско-ресавской территории, например, отмечаются следующие лексемы: *(с)трудна, крута, носећа, самдруга, тешка, друкиа, тегобна, кормата, трбата*.

Об авторских картах, не входящих в атласы

Тогда, когда все начиналось, да и много лет спустя, графический инструментарий лингвистических карт подразумевал только простой карандаш и военную чертежную линейку, по крайней мере, с тремя фигурами разной величины, что затем превратилось в нанесение точек в программе Corel Draw или Photoshop, а потом, в последние несколько лет, в усовершенствованные версии так называемого MAPola, компьютерной программы для создания лингвистических карт. Составление лингвистических карт подразумевает следующие стадии работы: сбор данных в разных местах по заранее составленному вопроснику с помощью использования единой фонетической транскрипции; профессиональное фиксиро-

вание собранного диалектного материала; составление индексов (с применением заранее утвержденной фонетической транскрипции); анализ зафиксированного материала по отношению к определенному вопросу; создание индексов (списков лексем); составление легенды (сублимированного и представленного с помощью известной графической логики материала); написания комментария к материалу на основе предварительно опубликованного анализа; компьютерное изготовление (черчение) карты. Также важно найти лучшие графические решения, чтобы с первого взгляда бросалась в глаза тема карты — *герой карты*, чтобы не «затуманивались» важные сведения. Научные лингвистические карты, практически всегда отражающие сразу несколько проблемных вопросов, и так называемые сводные карты изготавливаются в соавторстве (чаще всего у карты два, реже три автора).

Говоря о штокавской диалектной области, следует вспомнить несколько наиболее значительных карт П. Ивича, в работе над которыми он касался главных направлений развития консонантизма на нашей территории. Ивич подчеркивает, что только лингвистическая география может дать требуемый ответ на вопрос о возникновении «двух основных, полностью противоположных направлений развития штокавского консонантизма»³⁰.

Поговорим о некоторых картах из монографий, опубликованных в «Сербском диалектологическом сборнике»; но значительное число карт на данный момент присутствует и в других исследованиях, опубликованных в этом знаменитом диалектологическом издании, однако у нас нет возможности, пускай и выборочно, здесь их представить.

Если идти по хронологии, а также и по значимости решенных вопросов и количеству картографических данных, в первую очередь следует отметить исследование С. Реметића «О сохранившемся *яте* и икавизмах в говорах северо-западной Сербии»³¹, в котором картографически представлена территория неизменного

³⁰ *Ивић П.* Два главна правца развоја консонантизма у српскохрватском језику // Из историје српскохрватског језика. Изабрани огледи П. Ниш: Просвета, 1991. С. 90–91.

³¹ *Реметић С.* О незамењеном јату и икавизмима у говорима северозападне Србије // Српски дијалектолошки зборник. Књ. XXVII. 1981. С. 7–105.

ятя и таким образом внесены значительные поправки в карту диалектов Сербии. Затем, через несколько лет, тот же автор в важнейшей монографии о говорах центральной Шумадии³² приводит более 20 языковых карт, значимых для говоров исследуемой области (судьба древнего ударения, рефлекс *ятя* в основах отдельных частей речи, фонетические варианты некоторых существительных, распределение некоторых окончаний в парадигме имени, личные окончания презента и аориста у некоторых глагольных типов). Демонстрируя основные изоглоссы, которые пересекают эту область, автор утверждает разграничение шумадийско-воеводинского и смедеревско-вршацкого диалекта.

В течение 1990-х годов в двух выпусках «Сербского диалектологического сборника» было опубликовано полное описание банатского говора шумадийско-воеводинского диалекта, которое составил П. Ивич со своими коллегами Жарко Бошняковичем и Горданой Драгин³³. В первой книге можно обнаружить более 20 карт, которые затрагивают судьбу долготы заударного гласного (даются и сводные карты, которые демонстрируют сокращение долготы в отдельных позициях), рефлекс *ятя* в отдельных основах, судьбу некоторых консонантных групп и т. д., а во второй книге дано более 30 карт, связанных с различными морфологическими вопросами.

В «Сербский диалектологический сборник» за 2003 г. вошло монографическое описание Милеты Букумирича говора северной Метохии, которое содержит около 40 карт, представляющих различные фонетические и морфологические особенности, значимые для этой области, обращая наше внимание на уникальный характер этих данных, который они приобрели после переселения сербов³⁴.

³² *Реметић С.* Говори централне Шумадије // Српски дијалектолошки зборник. Књ. XXXI. 1985. С. 1–555.

³³ *Ивић П., Бошњаковић Ж., Драгин Г.* Банатски говори шумадијско-војвођанског дијалекта. Прва књига: Увод и фонетизам // Српски дијалектолошки зборник. Књ. XL. 1994. С. 1–419; *Ивић П., Бошњаковић Ж., Драгин Г.* Банатски говори шумадијско-војвођанског дијалекта. Друга књига: Морфологија, синтакса, закључци, текстови // Српски дијалектолошки зборник. Књ. XLIII. 1997. С. 1–585.

³⁴ *Букумирић М.* Говори северне Метохије // Српски дијалектолошки зборник. Књ. L. 2003. С. 1–356.

В начале 1990-х годов в лингвистическом центре Ниша была издана небольшая по объему, но важная публикация «Изогlossen юго-восточной Сербии» — собрание опубликованных в разных источниках карт, которое подготовил Неделько Богданович³⁵. Составитель, помимо прочего, обратил внимание на различие в подходах к представлению материала на картах и высказал очень важную мысль: «Помимо того что [карты] информируют, они в достаточной мере предостерегают о необходимости того, что обнаруженные изогlossen нужно продлить и уточнить».

В связи с другими научными публикациями необходимо сказать, что многие диалектологи обращались к картографическому методу в своих работах (даже в одном диалектном словаре), причем этот метод использовали практически все сотрудники проекта «Диалектологическое исследование сербской языковой территории». Подчеркнем и тот факт, что Ана Савич-Груич, наш сотрудник из центра в Нише, защитила в 2016 г. на филологическом факультете в Белграде (научный руководитель — доктор П. Радич) докторскую диссертацию под названием «Антропографическая лексика в говорах сврлижского края (лингвогеографический подход)», содержащую карты, представляющие именованья человека, имеющего специфические физические особенности. Таким образом, из-за временных ограничений, представлен селективный выбор из достаточно богатого материала — гораздо более богатого, чем мы ожидали при подготовке.

В связи со всеми упомянутыми картами сделаем несколько общих выводов.

1. На картах авторы представляют данные всех языковых уровней, таким образом, есть карты, затрагивающие проблемы ударения и количества гласных в безударной позиции, реализации отдельных фонем, именных окончаний множественного числа, падежной формы отдельных местоимений, членных морфем имен собственных, личных глагольных окончаний в презенсе/аористе/имперфекте, фонетического оформления отдельных неизменяемых слов и т. д. Словообразовательные и синтаксические карты, а также карты, на которых представлены отдельные языковые особенности, связанные с городской вариативностью, встречаются очень редко.

³⁵ *Богдановић Н.* Изоглосе југоисточне Србије. Ниш: Просвета, 1992.

2. Эти карты чаще всего изготавливаются точечным методом, хотя при подготовке малого числа карт использовалось шрафирование (различные виды и направления шрафирования); лишь в некоторых случаях использована возможность вписывания окончаний или лексической базы внутри компактно разграниченных ареалов, а комбинирование двух принципов (так называемого точечного и шрафирования) представляет собой исключение. Присутствует и разметка определенного ареала непрерывной или пунктирной, тонкой или жирной линией.

3. Когда идет речь о территориальном охвате, чаще всего представлены языковые данные в границах больших или меньших территориальных образований, т. е. отдельных говоров, принадлежащих различным сербским диалектным формациям.

4. Приложения с языковыми картами опубликованы в «Сербском диалектологическом сборнике», в серии «Монографии Института сербского языка САНИ», а также в рамках отдельных монографических изданий и статей, изданных в различных отечественных лингвистических журналах и сборниках. Подчеркнем, что важное место занимают карты, созданные в 1980-х годах и опубликованные в рамках монографических описаний терминологии материальной культуры сербского населения на территории Воеводины (подобные исследования были начаты в лингвистическом центре Нови-Сада).

5. Статьи и монографические исследования, в которых для представления экспедиционного материала используется и лингвогеографический метод, публикуются диалектологами из всех пяти государственных университетских центров в Сербии.

Итак, сегодня у нас уже есть отдельные результаты — лингвистические карты, опубликованные в рамках монографий и диалектологических статей, что свидетельствует о работе, которая, хотя и уступает по значимости крупным задачам в области лингвогеографии, но недвусмысленно подтверждает, что лингвогеографический подход к диалектологическому материалу в Сербии занимает значительное место. Этот подход важен не только для работы над лингвистическими атласами, но и как способ представления диалектных и этнодиалектных данных в научных трудах молодых исследователей.

О значении языковых данных на картах

Любой лингвистический атлас может дать относительно полный обзор инвентаря определенных проблем в области просодии, фонетики, морфологии, словообразования, лексики и синтаксиса. Между тем, создание языковых карт — только первый этап лингвогеографической работы, затем происходит проведение изоглосс, вычитка и интерпретация материала; там, где есть возможность, объединяется картографирование полученных данных с данными из диалектологических словарей и монографий. На языковых картах прежде всего бросаются в глаза изоглоссы, а изоглоссой обозначаются границы ареала, в котором существуют определенные языковые явления (в зависимости от типа выделенного языкового явления, т. е. от языкового уровня, которому оно принадлежит, можем выделить изотоны, изоморфы, изолексы и т. д.), причем, например, границы отдельных языковых особенностей на славянском юге «как правило не совпадают с границами между [...] языками»³⁶.

Так, картографические данные, как указывает М.А. Бородина, представляют только основу «для дальнейших лингвогеографических исследований, для наблюдения как отдельных, так и самых общих закономерностей языкового развития»³⁷, т. е. процесс картографирования не исчерпывает в целом содержание термина *лингвистическая география*.

Что же можно прочесть на языковых записях на картах? Ответ на поставленный вопрос свидетельствует о значении лингвогеографического материала, прежде всего, для исследований в различных языковых планах и в рамках различных лингвистических дисциплин, а затем и для исследований в других научных областях, в первую очередь гуманитарных. Итак, лингвистические карты прежде всего предлагают данные, значимые для исторической диалектологии, социальной диалектологии, для истории языка,

³⁶ *Ивић П.* Значај лингвистичке географије за упоредно и историјско проучавање јужнословенских језика и њихових односа према осталим словенским језицима С. 167.

³⁷ *Бородина М.А.* Лингвистическая география // Теоретические проблемы советского языкознания. М.: Наука, 1968. С. 106 (цитата приведена в переводе с сербского — *прим. пер.*).

этимологии, лексикографии и лексикологии, для исследования языковых контактов, компаративистики, для этнолингвистики и антропологической лингвистики и т. д. Правильное чтение данных, зафиксированных на лингвистических картах, может привести к новым точкам зрения или к дополнению, т. е. к реинтерпретации существующих данных в области культурной истории, демографии, антропогеографии, этнологии (терминологии материальной, духовной и социальной культуры), этномузыковедения.

Заключительные замечания

«Науке требуются три вида больших, исчерпывающих исследований: обширные монографии о грамматической системе говора какого-то населенного пункта или области; системные словари любого диалектного типа и диалектологические атласы, которые продемонстрируют, как варьируются языковые явления на данной территории [...] Причем третья задача, диалектологические атласы, должна увенчивать работу и давать ту необходимую географическую перспективу, в которой можно пронаблюдать исторические движения. Современная диалектология во всем мире не без причины рассматривает языковые атласы как свой центральный инструмент; они сегодня входят в сокровищницу фундаментальных достижений культуры цивилизованных народов»³⁸. Создание языковых атласов — результат редакционных решений бесчисленных профессиональных и технических вопросов, консультативного рассмотрения многих профессиональных проблем. Это прежде всего результат коллективного труда и в настоящем, и в прошлом.

Однако единство различий всегда подразумевает и проблемы различного рода. Так, вмешательство политики в лингвистику довело, помимо прочего, до того, что румынский материал оказался неопубликованным при создании «Общекарпатского диалектологического атласа», а Болгария из-за непризнания македонского языка отказалась от сотрудничества во всех трех упомянутых международных лингвогеографических проектах (но все-таки в интересах

³⁸ *Ивић П.* О језику некадашњем и садашњем. Београд: БИГЗ; Приштина: Јединство, 1990. С. 209–210.

научной отрасли вернулась в 2005 г. к работе над ОЛА). Очевиден ущерб, нанесенный этим международным научным проектам, а также и странам, которые отказались от работы в них. Когда речь заходит о появлении новых государств и провозглашении новых языков на территории бывшей Югославии, наиболее просто и кратко суть подхода в рамках лингвистической географии сформулирована следующим образом: картографируются диалектные, а не социолингвистические данные. Впрочем, нужно сказать, что были попытки изменить подход, но на сегодняшний день безуспешные, в большой мере благодаря мудрому руководству Т.И. Вендиной. Нельзя забывать, что здесь речь идет о многолетних международных научных проектах, результаты которых публикуются на протяжении долгого времени, так что целесообразно придерживаться заранее утвержденных принципов, которые базируются на основе этих работ и установлены крупными индоевропейцами и славистами.

В конце стоило бы сказать несколько слов о перспективах или возможных направлениях дальнейшей работы в плане лингвистической географии в Сербии. *Первое.* Существующие лингвистические атласы и лингвогеографический способ представления диалектного материала нужно связывать с исследованиями двух планов — балканистическим и этнолингвистическим (соответствующие модели уже существуют) (ср. Малый диалектологический атлас балканских языков. Лексическая программа. СПб.: Российская академия наук, Институт лингвистических исследований, 1997). *Второе.* Нужно поддерживать работу по созданию словообразовательных и синтаксических (экспериментальных) карт. Для первых может быть использован материал, который не может быть представлен на лексической карте (ср. сербские слова *потильак / затильак / тило*). Составление карт второго типа могло бы помочь в решении некоторых вопросов исторической диалектологии (например, развития средств для выражения посессивности в субстантивных конструкциях). *Третье.* Сербские диалектологи сегодня могут сказать, что исследовательские программы, аккредитованные за последние несколько лет в государственных университетах Сербии, обладают, по крайней мере, одним преимуществом по сравнению с прежними программами по лингвистике — тем фактом, что студенты магистерских и докторских программ во всех

пяти университетских центрах слушают курсы «Лингвистическая география»/«Ареальная лингвистика». Поэтому надеемся, что новые поколения сербистов и славистов будут больше использовать объемные и ценнейшие материалы, представленные на страницах лингвистических атласов, для написания авторских работ и монографических исследований. Таким образом в конце концов работа перейдет на новый, более высокий уровень обработки научной лингвистической карты, а именно — от *графической реализации* к *авторской интерпретации*.

Перевод В. Каприеловой

*It is published by the resolution of the Editorial and Publishing
Department of the Faculty of Philology of Lomonosov Moscow State University*

Reviewers:

G.P. Tyrtova – Candidate of Philology, Associate Professor
(Lomonosov Moscow State University);

G.P. Pilipenko – Candidate of Philology (Institute of Slavic Studies
of the Russian Academy of Sciences)

The publication is supported by
Foundation of the Holy Monastery of Hilandar

**Dominants of Serbian culture lectures on Serbian culture, history and
language** / Edited by E.I. Yakushkina. – Moscow : MAKS Press, 2023. –
320 p.

ISBN 978-5-317-07022-9

<https://doi.org/10.29003/m3464.978-5-317-07022-9>

The book includes lectures by Russian and Serbian authors given within the framework of the academic seminar «School of Serbian Studies» (2019–2021). The lectures consider the dominant features of Serbian culture: its essential features and ways of historical development. A large place in the book is devoted to the relationship between Serbia and Russia. The book is intended for philologists, historians, cultural researchers and for everyone interested in the Serbian language and culture.

Key words: Serbia, Serbian culture, Serbian language, Serbian history, Russian-Serbian relations.

Научное издание

ДОМИНАНТЫ СЕРБСКОЙ КУЛЬТУРЫ

лекции по сербской культуре, истории и языку

Под редакцией Е.И. Якушкиной

Издательство «МАКС Пресс»

Главный редактор: *Е.М. Бугачева*

Подписано в печать 18.07.2023 г.

Формат 60х90 1/16. Усл.печ.л. 20.

Тираж 500 (1–400) экз. Заказ 107.

Издательство ООО «МАКС Пресс»

Лицензия ИД N 00510 от 01.12.99 г.

119992, ГСП-2, Москва, Ленинские горы,

МГУ им. М.В. Ломоносова, 2-й учебный корпус, 527 к.

Тел. 8(495)939-3890/91. Тел./Факс 8(495)939-3891.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов в ООО «Фотоэксперт»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, д. 42,
корп. 5, эт. 1, пом. I, ком. 6.3-23Н